

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ

НА

1835 ГОДЪ.

ЧАСТЬ ОСЬМНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи предспавлены были въ Цензурный Коммшешъ
при экземпляра. С. Пешербургъ , 30 Марша 1835 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 28 и 29.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Апрѣля 6 дня 1835 года.

Жила я весело, щасливо ;
Теперь не то, — какое диво ?
Не все стоятъ одной судьбѣ !
У насъ вѣрна одна могила ;
А кто на свѣтѣ долго миль !
Какъ ты сего дня разлюбилъ ,
Такъ я бы завтра разлюбилъ ;
За что сердиться ?

Е. Баратынскій.

СЛОВЕСНОСТЬ. ЛЮБОВЬ И ГОРДОСТЬ. (Повѣсть).

Жизнь моя богата необыкновенными происшествіями. Осужденный, по рожденію моему, безъизвѣстности, я обязанъ моимъ возвышеніемъ злобному управству людей.

Я родился въ одной деревушкѣ близъ Монпельмара. Отецъ мой въ глубокой спаросности былъ споль бѣденъ, что былъ принужденъ сдѣлаться вепошникомъ. Это, по справедливости унизительное ремесло, долженствовало быть и моимъ удѣломъ. Въ началѣ, довольный моею судьбою, я работалъ вмѣстѣ съ опцомъ, но вскорѣ мнѣ захопѣлось распросранить кругъ моихъ дѣйствій. Я пустился въ путь и достигъ Монпельмара. Мнѣ пощасливилось свыше моихъ ожиданій, и это поощрило меня къ дальнѣйшимъ пред-

пріятіямъ. Я накопилъ небольшую сумму денегъ, часпъ изъ нихъ опдалъ опцу моему, оспальную оставилъ себѣ и опправился въ Ліонъ. Прибывъ въ эпопъ прекрасный городъ, я немедленно занялся своимъ дѣломъ, и вскорѣ сдѣлался извѣстенъ во всѣхъ улицахъ. Я былъ молодъ, хорошъ собою и дѣяпеленъ, а эти качества ручающія за щаспіе.

Въ одинъ вечеръ, когда я поздно возвращался домой, по еспъ въ мою коморку, находившуюся подъ крышей, былъ я оспановленъ чепырьмя хорошо одѣтыми молодыми людьми, возвращавшимися, по видимому, съ ночной пирушки. Это случилось въ опдаленной улицѣ, пои часпн Ліона, копорая называется Сен-Керъ. Одинъ изъ эспихъ господъ началъ подшучивать надъ ремесломъ моимъ; я пакже опвѣчалъ шупкою, вѣрояпно оспреумною, попому что они оспановились въ удивленіи и начали перешепываться между собою. Одинъ изъ нихъ сказалъ:

«Онъ-по намъ и надобенъ.» Я немного спру-силъ и уже придумывалъ средства какъ-бы искуснѣе улизнуть, какъ одинъ изъ молодыхъ людей ласково сказалъ мнѣ: «Послушай, дружокъ, ты я думаю не ужиналъ? И мы также; не хочешь ли покушать вмѣстѣ съ нами? Мы хотимъ составить свое щастіе. Но объ этомъ поговоримъ послѣ ужина; не бойся ничего, мы честные люди. Мы требуемъ отъ тебя только молчанія, и вѣрь, что съ тобою не случится ничего худаго.»

Меня повели чрезъ множество улицъ; мы пришли къ прекрасному дому и вступили въ пышно убранную комнату, въ которой шесть молодыхъ господъ ожидали насъ. Имъ сказали что я, и вскорѣ мы всѣ вмѣстѣ весело пировали за столомъ. Я счелъ нужнымъ поддержать о себѣ мнѣніе, попомъ даль полную свободу моему оспроумію, и вполне достигъ моей цѣли. Когда служители собрали со стола и удалились, то, доселѣ шумное общество, внезапно утихло. Одинъ изъ присутствовавшихъ, какъ казалось хозяинъ дома, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «мы всѣ десятеро гравёры. Прибыль, получаемая нами отъ работы, въ совокупности съ семейнымъ достояніемъ, дѣлаетъ насъ независимыми, а дарованія наши снискали намъ уваженіе. Не взирая на сіе, любовь и гордость составили заговоръ, чтобъ разрушить наше благополучіе. Въ улицъ св. Доминика живетъ купецъ, торгующій карпинами; у него есть дочь, первая красавица въ Лионѣ. Она обладаетъ всеми обворожающими качествами; но за то исполнена адской гордости. Будучи предметомъ всеобщаго удивленія, она думаетъ, что только одни принцы могутъ искать руки ея! Отецъ ея большой знапокъ въ художественномъ отношеніи, но и только. Онъ, своею до обожанія доходящею любовію, чтеніемъ романовъ, нарядами и безпрестанно возкуряемымъ ей фимиамомъ лестни, превратилъ щеславіе дочери своей въ нестерпимую надменность. Но къ чему распространяться? Я прямо расскажу тебѣ, что случилось со мною. Находясь въ сношеніяхъ съ опцомъ этой дѣвочки, я имѣлъ случай познакомиться съ нею. Она иногда дѣлала мнѣ честь позволять сопровождать её въ собра-

нія и на гулянья. Это вскружило мнѣ голову, я возмечталъ, что любимъ ею, попому что она оказывала мнѣ предпочтеніе. Я объяснился съ опцомъ, и онъ обѣщалъ мнѣ поговорить за меня; мое состояніе и семейныя связи давали мнѣ право надѣяться, что предложеніе мое будетъ благосклонно принято молодою особою. Каково же было мое удивленіе, когда она въ присутствіи моемъ и отца своего сказала: «Не уже ли вы думаете, что такая дѣвушка, какъ я, согласится выйти за мужъ за гравёра?» Съ этой минуты я пересталъ любить её. Мнѣніе замѣнило во мнѣ всѣ другія чувства. Товарищи мои, изъ злобы, возбужденной нанесенною всѣмъ намъ обидою и изъ дружбы ко мнѣ, соединились со мною, чтобъ составить планъ для ея наказанія. Мы положили не допустить её до чести быть замужемъ за гравёромъ. Ты, любезный мой, имѣешь пріятную наружность и довольно ума, чтобъ привести въ исполненіе намѣренія наши. Хочешь ли помочь намъ. Мы дадимъ тебѣ всѣ нужныя къ тому средства. Ты будешь имѣть прелестную жену, а когда ея гордость и щеславіе смягчатся наказаніемъ, то вѣроятно жену добрую.»—Хорошо, отвѣчалъ я; я постигаю роль, которую долженъ разыграть. Смѣло беру её на себя; надѣюсь, что вы не будете разскаиваться въ вашемъ выборѣ.—На слѣдующій же день занялись они моимъ преобразованиемъ, и съ помощію портныхъ, парикмахеровъ и проч. былъ я великолѣпно одѣтъ. Я началъ брать уроки въ пріемахъ большого свѣта, въ чтеніи, письмѣ, рисованіи и музыкѣ. Я провелъ при мѣсяца въ этихъ упражненіяхъ. Любовь къ наукамъ сдѣлалась господствующею во мнѣ страстію; одаренный огромною памятью, я изумлялъ моихъ друзей-гравёровъ моими успѣхами.

Настало время привести въ исполненіе планъ нашъ. Я оставилъ мои книги и переехалъ въ великолѣпную квартиру первого въ городѣ пракира. Бѣдный вешошникъ исчезъ и вмѣсто его явился богатый помѣщикъ маркизь *Гуперу*; подъ этимъ именемъ явился я къ торговцу карпинами, выдавая себя за любителя, желающаго купить для сколько карпинъ, для котораго цѣна ничего

не значить. Я удачно подражалъ моимъ наставникамъ, и умѣлъ, какъ говорится, пустить пыль въ глаза. Но надлежало не только обольстить отца, но и обмануть дочь. Въ то время, какъ я придумывалъ лучшій къ сему средства, купецъ сказалъ мнѣ, что онъ ожидаетъ изъ Рима коллекцію опличныхъ картинъ и просилъ меня посѣтить его на слѣдующій день. Я явился, но вмѣсто купца нашелъ несравненную красавицу, къ которой стремились всѣ мои желанія.

Съ эпохой минувшей лишь одна мысль занимала меня, наполняла душу, приковывало воображеніе. Я позабылъ мои обязанности, позабылъ самага себя, свѣтъ, словомъ все, чтобъ только восхищаться одною ею. Прелестная, обворожительная *Аврора* замѣтила, что я попался въ сѣти. Съ новымъ рвеніемъ предался я наукамъ, въ надеждѣ содѣлаться ея достойнымъ.

Каждое утро придумывалъ я новый предлогъ для посѣщенія купца, и каждый день ходилъ какой нибудь предметъ для разговора съ нею; это были праздничные дни любви.

Иногда приносилъ я ей приготовленную друзьями моими пѣсенку или мадригалъ, честь сочиненія которыхъ присвоивалась мнѣ. Часто, при чтеніи сихъ стиховъ, глаза ея блистали слезами радости.

Такимъ образомъ прошло шесть мѣсяцовъ. Друзья мои жаждали мщенія, но поступали осторожно, опасаясь послѣдствіемъ разрушить свои замыслы. Каждый вечеръ, возвращаясь домой отъ *Авроры*, долженъ я былъ давать имъ подробный отчетъ въ моихъ поступкахъ, и они были довольны. Однажды я получаю отъ отца ея приглашеніе присутствовать на загородномъ праздникѣ, который онъ намѣревался дать въ честь мою. Я соглашаюсь, и щеславная красавица принимаетъ меня самымъ любезнымъ образомъ. Рѣшась воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, едва оспался я съ нею наединѣ, какъ упавъ къ ногамъ ея, предлагаю ей мою руку и сердце; она соглашается, и выкапавшаяся слеза, которую она спаряется скрыть, говоритъ мнѣ, что не одна гордость

руководствуетъ ею. Я вижу, что любимъ взаимно.

Увѣряясь въ благорасположеніи дочери, мнѣ оставалось ввести въ заблужденіе отца, опосредственно моихъ обстоятельствомъ. Сдѣлавъ это было не прудно, пѣлъ болѣе, что онъ былъ человекъ не слишкомъ проницательный и гонимый вѣришь всему, что ни слышалъ. Я увѣрилъ его, что отецъ мой живетъ въ отдаленной части Дофини, и что преклонность лѣтъ препятствуетъ ему присутствовать на моей свадьбѣ. Положась на ожидаемое мною приданое, я предоставилъ все благосклонности будущаго моего тещи, и заботился только о томъ, чтобъ дѣло приведено было къ концу безъ дальнихъ промедленій. Свадьба должна была совершиться чрезъ пять дней, и я самъ взялся написать условія брачнаго договора.

Возвратясь въ жилище друзей моихъ, не безъ смущенія извѣстилъ я ихъ о приближеніи развязки нашей интриги. Я все рассказалъ въ подробности, и искусство мое было осыпано похвалами. Желаніе опустить гордой красавицѣ спановилось въ нихъ сильнѣе и настойчивѣе. Въ избыткѣ радости рѣшились они послать ей, отъ моего имени, пышный свадебный подарокъ: часы, браслеты и другія подобныя драгоценныя вещицы.

Къ концу недѣли былъ составленъ свадебный договоръ. Я подписалъ его моимъ настоящимъ именемъ; предосторожность, имѣвшая важныя для меня послѣдствія. Совершенный мною обманъ терзалъ мою совесть; но въ кругу моихъ пріятелей, ихъ шутки, ихъ наставленія, ихъ дружеское ко мнѣ расположеніе, все это невольно заставляло меня забыть мою безразсудность, препятствовало размыслить хорошенько о настоящей и будущей судьбѣ моей. За то, едва оставался я одинъ съ самимъ собою, то всѣ умствованія, всѣ доводы ихъ, исчезали предъ страшными картинами, представлявшимися моему воображенію.

Тысячу разъ рѣшался я упасть къ ногамъ *Авроры*, открыть ей все, и просить прощенья.

нiя; но обязательство мое къ моимъ прiятелямъ, любовь къ *Аврорѣ* и самое чувство собственнаго достоинства удерживали меня отъ эпаго униженiя; къ тому же и надежда рисовала мнѣ иногда будущность не столь мрачными красками.

Наконецъ наступилъ день, въ который долженъ былъ заключенъ быть брачный союзъ; роковое *да* было произнесено *Авророй*, и путь только почувствовалъ я всю гнусность принятой мною роли. Я цѣпчелъ отъ ужаса, и едва понималъ, что со мною происходило; попоки слезъ облегчили наконецъ спѣшенную грудь мою. Окружавшiе приняли то за знакъ избытка душевныхъ ощущенiй. Сама *Аврора* не обманывалась въ чувствахъ моихъ, осыпая меня нѣжнѣйшими ласками. Въ награду за искусство, съ которымъ выполнилъ я замыслы моихъ прiятелей, дозволено мнѣ было оставить еѣ еще въ продолженiи цѣлаго мѣсяца въ заблужденiи. Упоенный любовью, я не помышлялъ о скоромъ, ужасномъ окончанiи эпой драмы. По нѣкоторомъ совѣщанiи, непримиримыми врагами моей новобрачной рѣшено было, что я отправлюсь съ нею въ деревню, гдѣ жилъ отецъ мой, и тамъ открою ей истину. Говоря ей объ эпой повѣздкѣ, и помышляя о томъ, что еѣ ожидаетъ не пышный замокъ богатаго маркиза, но убогая хижина вепошника, я не въ силахъ былъ удержаться отъ тяжкаго вздоха, который однако-же ничего не открылъ легковѣрной *Аврорѣ*. Воображенiе еѣ занималось мыслию о блестящемъ экипажѣ, богатой прислугѣ, пышной ливрѣ, великолѣпномъ жилищѣ, и другихъ принадлежностяхъ роскошной жизни, еѣ ожидавшей; все эпо такъ льстило ея тщеславию, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ извинялось ея молодостию и образомъ воспитанiя. Приготовленiя къ отъѣзду приводили еѣ въ восторгъ, а меня повергали въ отчаянiе. Напрасно умолялъ я жестокихъ преслѣдователей *Авроры* о пощадѣ; они напомнили мнѣ о моемъ обязательствѣ, и я долженъ былъ умолкнуть.

Молодой человекъ, отвергнутый *Авророй*, взялся быть нашимъ кучеромъ; и дѣйствитель-

тельно, перемѣна костюма и старый парикъ до того измѣнили лицо его, что его никакъ нельзя было узнать. Двое изъ его прiятелей приняли на себя роль фореипоровъ; прое другихъ, одѣтые лакеями, вскочили на запятки; остальные четверо, удерживаемые своими обязанностями въ Лионѣ, утѣшались обѣщанiями своихъ поварищей разсказать имъ въ подробности всѣ обстоятельство путешествiя.

Спутники мои едва удерживались отъ громкаго смѣха, когда жена моя повелительнымъ тономъ давала имъ какiя нибудь приказанiя или разговаривала со мною о моемъ Дофинейскомъ замкѣ, объ обильности моихъ владѣнiй, о моихъ рыбныхъ ловляхъ, о моемъ паркѣ и, въ особенннсти, о моихъ рудокопняхъ, которые, по ея мнѣнiю, были конечно не хуже Перуанскихъ. Въ такихъ разговорахъ прибыли мы въ Монпельмаръ; проѣхавъ эпопъ городъ, карета наша направилась къ одной недалекой лежащей деревенькѣ.

Дорога была испорчена и мы медленно двигались. Наконецъ возникъ нашъ, хорошо знавшiй принятую на себя роль, остановился у дверей одной бѣдной хижины. Дряхлый спарикъ, покрытый рубищемъ, вышелъ къ намъ на встрѣчу: эпо былъ отецъ мой! Я приблизился къ нему,—но, какъ описать зрѣлище, которое здѣсь представилось! Я былъ въ ужаснѣйшемъ отчаянiи. Переодѣтые прiятели мои вывели *Аврору* подъ руки изъ кареты и посадили еѣ на случившуюся путь изломанную пѣлегу. Раздался тихiй хохотъ, и ложный возникъ, сбросивъ съ себя парикъ и подошедъ къ *Аврорѣ*, сказалъ ей насмѣшливымъ тономъ. «Вы не рождены, сударыня, быть женою гравера; какой союзъ конечно бы васъ унижилъ; но вы сдѣлали выборъ, достойный вашего состоянiя и воспитанiя: вы супруга вепошника; вотъ жилище ваше, вотъ свѣкоръ вашъ!» Я хотѣлъ говорить, но они вскочили въ карету и поскакали съ громкимъ смѣхомъ.

Кто изобразилъ мое положенiе? Какъ передать то ужасное мученiе, которымъ перзалась душа моя? Я зналъ, что развязка будетъ горестна, но не предполагалъ еѣ

себѣ споль жестокою, споль внезапною. Мспительные друзья мои увезли, къ довершенію злополучія, всѣ мои вещи!

Бѣдная *Аврора*, будучи не въ силахъ слышапъ язвительныя насмѣшки своего преслѣдователя, лишилась чувствъ, прежде, чѣмъ онъ кончилъ рѣчь. Я поспѣшилъ къ ней на помощь, но въ припадкѣ ужаса и опчаянія; забылся до того, что съ радостію начиналъ думать, что не увижу её болѣе въ живыхъ. Продолжительность ея обморока заставила меня спрашивать, чпобъ преступное мое желаніе не исполнилось. Наконецъ она пришла въ себя; взоръ ея встрѣтился съ моимъ взоромъ: «Извергъ!» вскричала она, и снова погрузилась въ безчувствіе. Я воспользовался пѣтмъ, чпобъ вынести её изъ толпы, сбѣжавшейся смотрѣть происходящее. То были болѣею частію дряхлыя, увѣчныя, опвратительныя старухи, окружавшія её какъ толпа злыхъ вѣдьмъ. Одна добрая сосѣдка поспала пукъ соломы и покрыла её старымъ одѣяломъ опца моего; я положилъ на это бѣдное ложе мою *Аврору*, и поддерживая её въ своихъ объятіяхъ, прижимая къ груди, сколь возможно спарался её утѣшить. Но брошенный на меця ею взоръ пронзилъ мое сердце. Она просила меня удалиться, и опложивъ до другаго дня повѣспованіе гнуснаго заговора, жертвою котораго она себя видѣла. Я предоспавилъ её попеченіямъ племянницы деревенскаго священника, охотно согласившейся ей прислуживать.

Какъ ужасна была ночь, проведенная мною послѣ этаго злополучнаго дня! Промѣняя жизнь, исполненную радостей и наслажденій, на бѣдную хижину, было уже само по себѣ очень жестоко; но при всемъ помъ бѣдность еще меня не ужасала; одинъ я бы могъ перенести её; но вовлечъ вмѣстѣ съ собою въ нищету, покрытъ стыдомъ и поношеніемъ женщину, цвѣтущую всѣми прелестями красоты и молодости, бывшую украшеніемъ и божествомъ блестящаго круга; любить её и быть предметомъ ея ненависти и презрѣнія; пламенно желать изгладить протупокъ свой и не имѣть никакихъ средствъ къ тому—о! это было выше силъ человѣческихъ!

Дождь лилъ въ продолженіи всей ночи, и дороги до того испорчились, что всякое сообщеніе между деревнею нашею и Монпельмаромъ на нѣсколько дней было прервано. Это лишило меня возможности послать въ городъ за вещами, недоспапокъ въ которыхъ дѣлалъ положеніе наше еще запруднительнѣйшимъ. Рано поупру освѣдомился я о здоровьѣ жены моей; мнѣ опвѣчали, что я могу видѣть её. Съ претепомъ вошелъ я въ ея комнату; упалъ къ ногамъ ея и орощалъ руку ея слезами. Молча глядѣла она на меня нѣсколько времени, наконецъ сказала голосомъ непреклонной гордости:

«Если благородное чувство одушевляетъ меня, и если ты не хочешь усугубить мое нещастіе, то забудь права пвой въ опношеніи ко мнѣ. Здѣшній священникъ предлагаетъ мнѣ у себя убѣжище. Я съ благодарностію принимаю эту услугу. Ты можешь у него видѣться со мною, чпобъ совѣтоваться о средствахъ, которыя должно будете предпринять для поправленія нашего бѣдственнаго состоянія.»

Кто искренно любитъ, потъ легко доврѣяетъ любимому предмету. Одно привѣпливое слово, и всѣ его перзанія исчезаютъ! Не смотря на гордое презрѣніе, выражаемое *Авророю*, я полагался на доброту ея сердца, не помышляя о томъ, какъ еспественно было съ ея спороны питать пропивъ меня гнѣвъ и ненависть. И такъ, надежда быть прощеннымъ ею, меня не покидала, и я мечпалъ уже о блаженствѣ, которое любовь могла еще для меня устроить. Такъ провелъ я нѣсколько дней, какъ внезапный случай разрушилъ всѣ мечпы мои.

Чрезъ недѣлю послѣ нашего прибытія въ деревню, въ одно утро былъ я разбуженъ опцомъ моимъ, который подалъ мнѣ два письма. Одно было отъ Лионскихъ моихъ пріятелей. Они изьявляли, одобрили мое поведеніе, и предлагали мнѣ всевозможное вспомошествованіе, удостовѣрля, что и претѣя часпъ суммы, назначенной для удовольстворенія ихъ местп, не была мною испрачена. Платье и всѣ вещи мои были также при семъ случаѣ возвращены.

Извѣстіе это было такъ ободрительно, что всѣ бѣдствія мои, казалось мнѣ, кончились. Я распечаталъ другое письмо. Оно было отъ *Авроры*. Она писала мнѣ, что принявъ рѣшеніе удалиться въ монастырь, оставила свое убѣжище, и что прежде, чѣмъ получу я это письмо, будетъ она за Лиономъ. Выраженія письма ясно обнаруживали еѣ негодованіе: она давала въ немъ чувствоваться, что будетъ претоваться мщенія предъ лицомъ закона, за нанесенное ей мною и общниками моими оскорбленіе.

Обуреваемый противными чувствованіями, по рѣшался я противупоставить ея гнѣву правдѣ, которыя, какъ мужъ ея, имѣлъ я надъ нею; по отвергалъ это намѣреніе, какъ мысль жестокою и несправедливую въ отношеніи той, которую любилъ такъ горячо, и такъ сильно оскорбилъ. Наконецъ рѣшился я оставить мѣста, исполненные столь горькихъ для меня воспоминаній. Тщетно спрашивалъ я о женѣ моей священника и его племянницу; не смотря на то, что эти люди, какъ я въ послѣдствіи узналъ, были главными виновниками ея поспулка, они не хотѣли сказать мнѣ, гдѣ она находилась, и увѣряли, что совершенно ничего о томъ не знаютъ. Прибывъ въ Лионъ, отправился я къ друзьямъ моимъ гравѣрамъ и просилъ у нихъ совѣта въ томъ, на что я долженъ былъ рѣшиться. Мнѣніемъ ихъ было, чтобъ я оставался въ спокойствіи до тѣхъ поръ, пока тяжба, объявленная мнѣ и имъ женою моею, не сдѣлается предметомъ городскихъ полковъ. Я послѣдовалъ этому совѣту, и тотчасъ же началъ помышлять о томъ, какъ бы поправилъ свое состояніе, щипая по лучшимъ средствамъ къ опыканію поперяной *Авроры*.

Между тѣмъ жена моя, изъ глубины монастырскаго своего заключенія, воздвигла на меня сильное гоненіе, пребуя вмѣстѣ съ тѣмъ къ судилищу и моимъ сообщникамъ. Она непременно настаивала, чтобъ бракъ нашъ былъ уничтоженъ. Игуменя монастыря, въ которомъ она находилась, женщина весьма уважаемая въ городѣ, употребила все свое вліяніе къ доспуженію этой цѣли,

Отецъ *Авроры* имѣлъ также много друзей и защитниковъ, и партія ихъ была весьма сильна и опасна. Стыдъ и наказаніе угрожали всѣмъ намъ; но я долженъ былъ выдержать сильнѣйшій ударъ. Сдѣлано было всенародное объявленіе о задержаніи меня; но такъ какъ никто не зналъ меня, то я щасливо ускользнулъ отъ всѣхъ поисковъ. Наконецъ назначенъ былъ день, въ который жалоба жены моей должна была быть выслушана публично.

Украшенная всеми прелестями красоты и неприхворной стыдливости, вступила *Аврора* въ судейскую залу. Никогда можетъ быть не наполнялась она столь многочисленными слушателями. Адвокатъ, защищавшій сторону *Авроры*, говорилъ съ такимъ краснорѣчіемъ, что ни одинъ почти присутствующій не могъ удержаться отъ слѣзъ. Судьи, увлеченные всеобщимъ чувствомъ, готовы уже были произнести приговоръ свой.

Гравѣръ, получившій отказъ отъ жены моей, полагая, что никто не будетъ говорить въ мою пользу, просилъ дозволенія сказать за меня нѣсколько словъ. Ему было дозволено, единственно изъ приличія, чтобъ не сказали, что я осужденъ безъ выслушанія моихъ оправданій.

Въ краткихъ словахъ изобразилъ онъ все дѣло, не скрылъ ни одного обстоятельство и осыпалъ похвалами образъ моихъ мыслей и чувствованій. Потомъ онъ остановился, и послѣ минутнаго молчанія, обратясь къ *Аврорѣ*, твердымъ голосомъ сказалъ ей: «вамъ не угодно, сударыня, быть женою вепошника; это совершенно въ вашей волѣ; но ребенокъ вашъ долженъ же имѣть его отцомъ своимъ; или хопите вы, уничтоженіемъ вашего брака, подвергнутъ его стыду незаконнаго рожденія?»—Нѣтъ, нѣтъ!—вскричала она голосомъ отчаянія, заливаясь слезами. Нѣтъ, нѣтъ! повторили тысяча голосовъ въ собраніи.

Это выраженіе материнской нѣжности рѣшило тяжбу. Судьи объявили бракъ нашъ законнымъ, по тому уваженію, что договоръ

подписанъ былъ моимъ дѣйствительнымъ именемъ. Къ тому же они не находили неравенства состояній нашихъ доспапочною причиною къ распорженію брака. При всемъ томъ они присовокупили, что жена моя въ правѣ избрать гдѣ хочетъ мѣсто жительства, и удостоверили еѣ въ томъ, что она будетъ совершенно ограждена отъ всякаго дальнѣйшаго оскорбленія со стороны своихъ гонимелей.

Въ продолженіе всего публичнаго производства эпой тяжбы находился я въ судейской залѣ; но кто бы могъ догадаться, что подъ щегольской одеждою свѣтскаго чело-вѣка скрывается убогій вепошникъ? Вскорѣ попомъ въ городъ спали ходилъ самые на-смѣшливые толки о моей женильбѣ. Я смѣялся вмѣстѣ съ другими; но замѣчалъ, что даже тѣ, которые подшучивали на щепъ жены моей, главную вину складывали на меня. Это обстоительство, равно какъ и совѣты друзей моихъ, убѣдили меня отпра-вить Ліонъ. Я отправился въ Парижъ, и тамъ, незнаемый ни кѣмъ, при помощи капи-тала во сто тысячъ франковъ и кредита друзей моихъ, въ непродолжительномъ вре-мени сдѣлался зажиточнымъ негоціанпомъ. Щастіе мнѣ необыкновенно благопріятство-вало. Вскорѣ, случайно удалось мнѣ оказать одному Ліонскому банкиру значительную услугу; онъ убѣдительноше просилъ меня посѣпить его. Я охотно на то согласился, горя желаніемъ подышать тѣмъ воздухомъ, гдѣ жила *Аврора*. И такъ въ блестящемъ экипажѣ, съ прислугою въ модной ливрѣ, отправился я въ Ліонъ. На этотъ разъ путь не было обмана.

Спаринные пріятели мои едва узнавали меня; трудно ли же было укрыться отъ взоровъ людей, менѣ знакомыхъ. Не подавая ни малѣйшаго подозрѣнія, началъ я распра-шивать о процессѣ, за пятъ лѣтъ предъ тѣмъ возбуждавшемъ такое участіе въ го-родѣ. Я узналъ, что отецъ *Авроры* уже умеръ, и что она, по причинѣ худыхъ де-нежныхъ обстоительствъ, находилась въ большой зависимости отъ игуменьи мона-стыря, въ которомъ живетъ; что воспипа-

ніе сына, о которомъ прилагаетъ она все-возможныя попеченія, привлекающъ ей все-общее уваженіе, и наконецъ, что вепошникъ, бывший супругъ ея, вовсе не появляется и по видимому забылъ еѣ.

Легко представить можно, что я слушалъ эти извѣстія не безъ внутренняго волненія. Въ продолженіи пылительнаго моего отсу-пствія всѣ спаранія мои были устремлены только къ тому, чтобъ устроить щастіе *Авроры*. Теперь слыша о ней и о сынѣ моемъ, котораго еще никогда не прижималъ къ гру-ди своей — желаніе это сдѣлалось непреодо-лимо. Я рѣшился съ ними увидѣться.

Будучи увѣренъ въ благородствѣ чувствъ знакомаго мнѣ банкира, я рѣшился ему вѣ-рится и откровенно рассказалъ ему всю исторію моей женильбы. Пришедъ въ себя отъ удивленія, произведеннаго въ немъ мо-ими словами, онъ сказалъ мнѣ, что будучи коропко знакомъ съ игуменьею извѣстнаго монастыря, онъ можетъ доставить мнѣ свиданіе съ *Авророю*, и употребить всевоз-можное спараніе къ примиренію насъ между собою.

Мы вмѣстѣ отправились въ монастырь. Прибывъ туда, спутникъ мой сказалъ свое имя; я назвалъ себя богатымъ купцомъ изъ Парижа. Насъ впустили, и какое зрѣлище представилось моимъ взорамъ! *Аврора*, сама обворожительная *Аврора*, во всемъ блескѣ красоты сидѣла подлѣ почтенной игуменьи, держа на колѣняхъ спящаго, прелестнаго какъ Амура, мальчика. Увидя меня, какое-то безпокойство обнаружилось на лицѣ ея; ка-залось, что видъ мой пробудилъ въ ней не-пріятныя воспоминанія; но могла ли она предполагать, чтобъ Парижскій купецъ, во-шедшій вмѣстѣ съ челоувкомъ, ей коропко знакомымъ, былъ прежній мужъ ея? Послѣ первыхъ привѣтствій начался общій разго-воръ, и вскорѣ спавшій малюпка отъ про-исшедшаго шума пробудился; но вмѣсто того, чтобъ припши въ испугъ отъ присут-ствія незнакомаго ему челоувка, онъ смо-трѣлъ на меня съ улыбкою; по временамъ поглядывалъ и на мать, и какъ будто раз-мышлялъ: кого долженъ онъ предпочесть.

Увлекаемый сильным душевным движением, я схватываю въ свои объятія ребенка и падаю предъ *Авророю* на колѣни: «*Аврора!*» восклицаю я видя себя: «твой сынъ умоляетъ тебя о прощеніи отца его!» При этихъ словахъ *Аврора* почти лишается чувствъ; но добрая игуменья усpreмляется къ ней на помощь. Пришедъ въ себя, *Аврора* съ участіемъ смотритъ то на меня, то на сына; хочетъ говорить, но попки слезъ прерываютъ рѣчь ея. Ребенокъ, видя слезы матери, начинаетъ самъ неупѣшно плакать. «*Аврора*, другъ мой, ты должна простить мнѣ!» говорю я. — «Сынъ твой говоритъ за тебя;»— отвѣчаетъ она, падая на грудь мою: «и я все забываю!» ...

Молча смотря мы нѣсколько минутъ другъ на друга. «Дѣти мои,» сказала наконецъ игуменья: «вы хорошо поступили. Чувства ваши,» продолжала она, обращаясь ко мнѣ: «споруко мнѣ, что вы насъ теперь не обманываете. Бѣдствія, преперившья *Авророю*,» присоединила она: «заставили ея забыть прежнюю гордость. И такъ, да будетъ наспоющій союзъ вашъ щасливѣе перваго! Богъ да благословитъ васъ!»

Упѣшительныя слова эти успокоили взволнованныя наши чувства. Не желая ничего скрывать отъ *Авроры*, я рѣшился откровенно рассказать ей всю исторію моей жизни. Раскаяніе мое заставило ея простить вину мою. Съ равнодушіемъ услышала она о приобрѣтенномъ мною богатствѣ, но глубоко пронута была, когда я сказалъ ей, что долги отца ея уплачены моими друзьями-гравѣрами, и что ими же перекуплены пѣ изъ проданныхъ съ аукціона вещей ея, которыя по какимъ либо особеннымъ отношеніямъ были для неѣ дороже прочихъ. Обстоятельство сіе сдѣлалось самому мнѣ извѣстно не прежде пріѣзда моего въ Лионь.

По случаю впоричнаго соединенія нашего, другъ нашъ, Парижскій банкиръ, далъ намъ великолѣпный праздникъ. Случилось такъ, что недалеко отъ его Парижскаго жилища, въ прелестномъ мѣстоположеніи, продавался домъ. Узнавъ о томъ, жена моя пожелала имѣть его, и черезъ 24 часа купчая крѣпость была уже въ рукахъ ея. Вскорѣ мы

всѣ студа оправились. Великолѣпіе новаго нашего жилища не прельщало жену мою. Нещастія научили ея быть равнодушною къ этимъ предметамъ, и я наслаждался блаженствомъ быть любимымъ существомъ, вполне достойнымъ взаимной моей привязанности.

Такъ пропекло нѣсколько лѣтъ ничѣмъ не смущаемаго щастія. Въ одно утро вошла ко мнѣ *Аврора* съ лицомъ, сілющимъ радостію, и привѣтливо сказала: «Ты конечно не откажешься, другъ мой, отъ приглашенія жены твоей. Я хочу дать тебѣ маленькій праздникъ; дозвожь, чтобы я сама пригласила къ нему гостей.»

Само собою разумѣется, что я согласился. Наступилъ день праздника, и *Аврора*, одѣтая съ особеннымъ вкусомъ и щаніемъ, сама всѣмъ распорядилась. Въ часъ обѣда взяла она меня за руку и ввела въ столовую, рукою самихъ Грацій украшенную. Какъ изобразить мое удивленіе, когда вошедъ въ неѣ, вдругъ увидѣлъ я себя въ объятіяхъ друзей моихъ гравѣровъ, виновниковъ прежняго моего бѣдствія и наспоющаго блаженства! Давъ нѣкоторое время взаимному изліанію нашей дружбы и радости, *Аврора* подошла къ висѣвшимъ на стѣнѣ, задернутымъ занавѣсомъ двумъ рамамъ, и откинувъ ея, открыла намъ двѣ картины: одна изъ нихъ изображала происшествіе въ деревнѣ предъ хижиною отца моего; подъ нею находилась подпись: «*Любовь, побѣжденная гордостью.*» Другая представляла примиреніе мое съ *Авророю* въ монастырѣ. Внизу ея были начертаны слова: «*Гордость, побѣжденная любовью.*»

Здѣсь я заключаю мое повѣствованіе, прибавивъ, что теперь, когда пишу эти строки, я уже щасливый отецъ чепырехъ милыхъ дѣтей. Прежній неумолимый мститель *Авроры* сдѣлался другомъ нашего дома. Онъ женатъ и имѣетъ прелестную дочь. Блаженство наше будетъ совершенно, если и это любезное дитя будетъ нашею дочерью; и есть надежда, что старшій сынъ мой исполнитъ это желаніе.

Съ Нѣмецъ. В. М.

РАЗСКАЗЫ О МЕРТВЕЦАХЪ.

Лѣто 1832 года провелъ я на водахъ въ одномъ изъ южныхъ государствъ Европы, вмѣстѣ съ одною довольно пожилую дамою, долго жившею въ большомъ свѣтѣ въ царствованіе *Наполеона*, и слѣдовательно сохранившую много любопытныхъ воспоминаній. Маркиза *В.* (такъ называлась эпа дама) имѣла даръ рассказывать съ такимъ искусствомъ и непринужденностью, что пѣ, съ которыми она постоянно видалась, пользовались всѣми средствами, чтобы заставить еѣ подѣлиться съ ними своими занимательными свѣдѣніями. Запасъ ихъ былъ неисчислимымъ, и маркиза не заставляла долго просить себя. Въ одинъ вечеръ, десять или двѣнадцать изъ посѣпителей водъ, въ томъ числѣ и я, собрались подъ развѣсиснымъ каштановымъ деревомъ, росшимъ на дворѣ жилища маркизы. Послѣ знойнаго дня, воздухъ, хотя и освѣжаемый немного горнымъ вѣтромъ, былъ однако-же тяжель и душень. Бываютъ дни и минуны, въ которые грустишь и задумываешься, самъ не зная отъ чего, и эпо случается не только съ лицами, но иногда съ цѣлыми собраніями. Разговоръ переходитъ съ предмета на предметъ и безпрестанно прерывается. Эпо самое замѣнилъ я и въ томъ вечеръ. Намъ оставалось одно только средство, и мы прибѣгли къ маркизѣ *В.* — «Охотно готова служить вамъ,» отвѣчала она съ всегдашнею своею любезностію: «но прежде, нежели начну говорить, я должна предупредить васъ, что уже нѣсколько минулъ я напрасно спараюсь вспомнить какой нибудь анекдотъ, который бы могъ васъ развеселить; память опказываетъ на эпомъ разъ служилъ мнѣ, и я не могу рассказать вамъ ничего, кромѣ одной очень печальной, очень мрачной, и къ несчастію, очень справедливой исторіи. Эпо васъ пугаетъ? не правда ли?» — Лучше бояться, нежели скучать. Мы спали просить маркизу рассказать намъ эпу щастливую исторію, какъ бы она ни была ужасна, и приготовились ко всѣмъ возможнымъ спрахамъ, къ которымъ особенно располагали насъ опдаленный крикъ филиновъ, шумъ липсневъ надъ нашими головами,

темнопа, которая насъ окружала, и сверхъ всего эпого, па наклонность къ грусти и задумчивости, о которой я упомянулъ въ началѣ. Мы недолго ждали; маркиза *В.* рассказала намъ, нѣсколько пронупымъ голосомъ, слѣдующее происшествіе, которое я постараюсь передать со всею вѣрностію, какую только позволю мнѣ соблюсти моя память. Предоставляю говорить самой маркизѣ.

«Мнѣ случилось однажды прожить нѣсколько мѣсяцовъ въ Парижѣ, въ одномъ изъ пѣхъ заведеній для больныхъ (*maisons de santé*), въ которыхъ въ то время многія лица, принадлежавшія къ высшему кругу общества, проводили цѣлое лѣто, одни изъ предосторожности, другія для удовольствія, потому что тамъ можно было пользоваться всѣми пріятностями жизни, и потому что заведенія эпи служатъ прекраснымъ убѣжищемъ, особенно для пѣхъ, которые встрѣчаютъ тамъ знакомыхъ и друзей. Эпа послѣдняя причина побудила и меня опправиться въ одно изъ подобныхъ заведеній, въ которомъ жили тогда многія изъ моихъ пріятельницъ, и между прочимъ одна, едва начинавшая оправляться послѣ жестокой болѣзни. Мы проводили дни очень пріятно, дѣлая или принимая посѣщенія, а вечеромъ, пансіонерки заведенія, знакомыя между собою, составляли пріятельскій кругъ, и время летѣло непримѣпно. Такимъ образомъ, проживъ въ эпомъ заведеніи два, при мѣсяца, всякій оставлялъ его, пользуясь совершеннымъ здоровьемъ, которое снова приходило въ распройство отъ баловъ и веселостей слѣдующей зимы. Но отъ эпаго есть свое лекарство, и многія дамы, которыхъ я въ то время знала, охотно имъ пользовались.

Между пѣмъ мы не такъ мало дорожили и Парижскими удовольствіями, чтобы ничто не могло насъ вызвать изъ нашего пріюта. Напримѣръ, мы постоянно разъ въ недѣлю ѣздили въ театръ, куда приглашали съ собою обыкновенно одного изъ нашихъ знакомыхъ, такъ же какъ и мы жившаго въ томъ заведеніи вмѣстѣ съ своею женою, которая не могла еще выѣзжать по болѣзни.

Не скажу вамъ наспоющаго имени нашего кавалера въ эпихъ еженедѣльныхъ поѣздкахъ, и вы скоро узнаете тому причину. Однако же, какъ онъ не могъ быть вовсе безъ имени, то мы назовемъ его *Дервилемъ*. Онъ былъ лѣтъ тридцати или тридцати двухъ, очень милъ въ обращеніи, услужливъ какъ нельзя болѣе, веселъ и осперъ, не показывая, что онъ самъ это чувствуешь, а въ эпомъ-то и заключаеся лучшее средство извинить свое остроуміе въ глазахъ другихъ людей. Мы всѣ его очень любили, и опъ того ѣхали смотрѣть *Тамбу* или М^{ле} *Марсъ* бывало для насъ двойнымъ удовольствіемъ, когда и онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ нами. Но въ одинъ вечеръ вся веселость нашего спутника исчезла и мѣсто ея заняла какая-то задумчивость, надъ которою мы много шутили; наконецъ, однако-же, намъ какъ будто удалось развеселить его, такъ что прощаясь съ нимъ, мы были увѣрены, что грусть его не имѣла никакой существенной причины, и что мы превозжились по пустому.

Къ несчастію открылось, что мы ошибались. На слѣдующее утро, часовъ около девяти, я вышла изъ своей комнаты и ни съ кѣмъ еще не видавшись въ домѣ, отправилась въ садъ. День былъ прекрасный, воздухъ чистый и свѣжій; я шла впередъ, вдыхая запахъ цвѣтовъ, который навѣвало мнѣ въ промъ, какъ вдругъ увидѣла въ двухъ шагахъ опъ себя куски человеческого тѣла, прилипшіе на листьяхъ одного дерева, что-то похожіе на мозгъ, и клочекъ волосъ... Въ то же время за мною бѣжалъ слуга.—«Сударыня, сударыня!» кричалъ онъ мнѣ еще издали.

— Что это такое?—спросила я, указывая на эти куски и на волосы. Но онъ замчался и спарался увести меня.—Спанешь ли ты отвѣчать мнѣ?—сказала я неперпѣливо.

«Г. *Дервилъ*...»

— Ну!—

«На эпомъ самомъ мѣстѣ онъ застрѣлся.»

Не спану описывать вамъ моего обморока, нашей горести и изумленія, и опчаянія жены *Дервилля*, которая едва не умерла при эпомъ извѣстіи. Все это очень понятно. Я

должна вамъ сказать однако-же, что плачевная смерть бѣднаго *Дервилля*, которой мы не смѣли тогда изыскивать причины, сдѣлала на насъ такое сильное впечатлѣніе, что почему бы то ни было, но безъ всякаго предварительнаго уговора, мы спали избѣгая малѣйшаго вида къ разговору о покойномъ другѣ нашемъ. Это было какъ бы безмолвнымъ условіемъ между всѣми жителями заведенія, его знавшими. Вамъ извѣстно, впрочемъ, что когда мы лишаемся человека, который былъ намъ дорогъ, то ничто не можетъ доставить большаго удовольствія въ эпой поперѣ, какъ часто говоримъ о помѣ, кого мы лишились и вспоминать его малѣйшія качества, привычки и склонности. Но въ эпомъ случаѣ, молчаніе, которое мы сохраняли, по нѣкоторымъ особеннымъ обстоятельствамъ вмѣнялось намъ въ двойную обязанность.

Черезъ нѣсколько дней послѣ эпаго несчастнаго происшествія, я спустила бывшую при мнѣ горничную. Та, которая заняла ея мѣсто, вовсе не знала о томъ, что случилось въ домѣ прежде ея пріѣзда, и не слыхала даже имени *Дервилля*. Въ одинъ вечеръ, когда не прошло еще недѣли съ тѣхъ поръ, какъ она спала служить мнѣ, я возвратилась въ свои комнаты позднѣе обыкновеннаго и велѣла ей припворить въ одной изъ нихъ окно, выходящее въ садъ. Она подошла къ нему, машинально смотривъ въ садъ... вскрикиваетъ спрашнымъ голосомъ, и въ то же время, со спухомъ захлопнувъ окно, бросается въ противоположный уголъ комнаты, и полумертвая падаетъ у ногъ моихъ. Я сама, не зная причины, испугалась не менѣе ея, но имѣла еще бодрость броситься къ звонку и попросить его изосѣхъ силъ. На зовъ мой потчасъ явилось нѣсколько слугъ и докторъ, который послѣдшилъ оказать моей бѣдной горничной нужную помощь. Намъ стоило большаго труда привести ея въ чувство. Однако-же, мало по малу, она пришла въ себя, и черезъ часъ не чувствовала уже никакихъ послѣдствій своего обморока. Тогда всѣ удалились, и мы остались съ нею наединѣ.

Мнѣ очень помнится, что я какъ будто предчувствовала, что она спанетъ опѣвчась мнѣ; съ такою неохотою рѣшилась я спросить её. Но я преодолѣла боязнь свою, которая казалась мнѣ смѣшнѣе, что окна и двери были заперты на замокъ, и спросила, что было причиною ея обморока. Повѣрите ли? Она опѣвчала мнѣ, что взглянувъ нечаянно въ садъ, она увидѣла какого-то господина, такъ-то одѣпаго, у котораго лицо было все въ крови, а черепъ сорванъ долой, и котораго психа подходилъ къ ней въ то время, какъ она вскрикнула и упала безъ чувствъ у ногъ моихъ. Словомъ, она изобразила мнѣ какъ нельзя почтѣе того *Дервилл*, котораго сама никогда не видала; описала мнѣ ростъ его, часть его наружности, и даже его платье. По ея разсказамъ, оно было то самое, въ которомъ онъ ѣздилъ съ нами въ театръ, наканунѣ своей смерти. Можете представить, какой ужасъ почувствовала я съ тѣхъ поръ къ роковому дому, въ которомъ все это случилось. Всѣ старанія мои преодолѣть его были напрасны, такъ что черезъ день послѣ этого происшествія я принуждена была выѣхать изъ Парижа и успокоилась не прежде, какъ переселившись за двѣсти миль отсюда, къ своему семейству, съ которымъ и провела остатокъ дѣла.

Теперь мнѣ оспается сказать вамъ, что какъ я узнала въ послѣдствіи и узнала самымъ вѣрнымъ образомъ, самоубійство нашего друга произошло не отъ чего иного, какъ отъ неудачи въ любви, и любви самой несчастной. Женившись не задолго предъ тѣмъ на одной молодой и очень хорошенькой дѣвушкѣ, онъ до безумія влюбился въ ея сестру. Наканунѣ своей смерти онъ узналъ, что чрезъ нѣсколько дней она отправляется въ Левантъ вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, котораго, если не ошибаюсь, назначили туда консуломъ. *Дервилл* не могъ перенести мысли объ этой разлукѣ, и заспѣшилъ. Да проспитъ ему Богъ шу горестъ, въ которую онъ повергъ этимъ семейство и друзей своихъ.

Вотъ вамъ исторія, и прибавлю, справедливая исторія о мертвецѣ, которую вы же-

дали слышать. Въ эпоху разъ, какъ я сказала вамъ, привидѣніе являлось не мнѣ; но не такъ было въ другомъ случаѣ, когда я видѣла призракъ сама, видѣла, какъ говорится, собственными своими глазами. Не пугайтесь однако-жъ, эта новая исторія будетъ не такъ длинна. Впрочемъ, ужъ если вы позволили мнѣ начать, по волею или неволею, а должны выслушать меня до конца. Это послужитъ вамъ урокомъ впередъ.

Я была въ разлукѣ съ моимъ семействомъ, когда имѣла несчастіе лишиться отца, и эта потеря, впрочемъ весьма естественная, потому что отецъ мой былъ уже очень старъ, огорчила меня гораздо болѣе, какъ если бы я присутствовала при послѣднемъ его издыханіи. Мнѣ все казалось, что печенія его любимой дочери продолжали бы на нѣсколько дней его существованіе; иногда мнѣ представлялось, что передъ смертію, онъ вѣрно имѣлъ сказать мнѣ что нибудь такое, чего не вѣряютъ ни бумага, ни самому искреннему другу; наконецъ, я упрекала себя еще въ томъ, что не сохранила объ немъ вѣрнаго воспоминанія. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ казалось, что я не помню ни его добраго, почтеннаго лица, ни его голоса, который бывалъ такъ нѣженъ, когда онъ говорилъ со мною; по этому я сильно желала еще разъ, хотя во снѣ, увидѣть моего отца, и хотя на одно мгновеніе услышать его голосъ. Первая половина моего желанія скоро исполнилась, какъ вы сами увидите.

Я возвратилась въ домъ родительскій спустя около года послѣ смерти моего отца. На другой день по пріѣздѣ мнѣ совершенно нечаянно случилось проходить мимо той комнаты, въ которой бапюшка скончался. Дверь въ неё была полуотворена. Я съ прелепомъ полкнула её, она отворилась и я увидѣла отца моего, спящимъ передо мною въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ былъ въ минушу послѣдняго нашего прощанія. Та же физиогномія, та же грустное выраженіе лица, та же печаль о разлукѣ со мною. Какъ и тогда, онъ простиралъ ко мнѣ объятія. Какъ бы ослѣпленная такимъ необычно-

веннымъ сходствомъ, и забывъ, что мертвые не встають изъ могилъ, я съ жаромъ кинулась въ эпи объятія, которыя, казалось, готовы были принять меня. Но при моемъ приближеніи тѣнь исчезла, и вмѣсто того, чтобы объять предметъ моей нѣжнѣйшей привязанности, я грянулась на полъ. Черезъ полчаса, мапушка и сеспры, которыя вездѣ меня искали, вздумали войти въ пчу комнату, и нашли меня распроспертою на полу, неподвижною и охолодѣвшею. Но я была довольна; лучшее мое желаніе исполнилось: я еще разъ увидѣла моего опца.»

Едва маркиза кончила, какъ часный блескъ молніи и крупныя капли дождя, зашумѣвшія въ листьяхъ дерева, подъ которыми мы сидѣли, напугали ея слушателей и принудили ихъ разойтись, не передавъ другъ другу впечатлѣнія, произведеннаго разговоромъ объ эписхъ двухъ видѣнійхъ. Всѣ мы возвратились домой съ мыслями, невольнo занятыми споль спраннымъ дѣйствіемъ воображенія. Но какъ описать наше изумленіе, когда на слѣдующее утро мы узнали, что молодая и прелестная Англичанка, пріѣхавшая на воды изъ Монпелье, и которую наканунѣ вечеромъ мы оставили здоровѣе, нежели была по пріѣздѣ, ночью умерла скоропоспѣжно.

Но это послужитъ намъ когда нибудь предметомъ другаго разказа.

Г А Л Л Е Е В А К О М Е Т А .

Г. Литтровъ, Вѣнскій астрономъ, издалъ недавно небольшое сочиненіе о Галлеевой кометѣ. Извѣстно, что комета сія, которая возвращается послѣ каждыя 75 или 76-ти лѣтъ, и которая должна появиться въ нынѣшнемъ году, служила предметомъ особенныхъ изслѣдованій для астрономовъ, начерпавшихъ ежедневное печеніе сего свѣтила во все продолженіе времени, въ которое оно будетъ для насъ видимо. По исчисленіямъ Вѣнскаго астронома, комета, въ ближайшемъ ея разстояніи отъ солнца, 7-го Ноября 1835 будетъ отстоять отъ него на 12,069,000 Нѣмецкихъ миль. 6-го Октябрия нынѣшняго же года, комета пройдетъ въ ближайшемъ

разстояніи отъ земли; тогда мы будемъ отдалены отъ неѣ только на 3,719,000 миль, но еспъ въ пять или шесть разъ менѣе, чѣмъ отъ солнца. Около половины Августа, упроемъ, комета начнетъ быть видима въ созвѣздіи Тельца. Свѣтъ ея будетъ еще однако-же довольно слабъ, хотя разстояніе ея отъ земли будетъ простираеться до 40 милліоновъ миль. Такъ какъ движеніе ея должно совершаться въ одномъ же направленіи съ землею, то оно будетъ незамѣтно. Попомъ комета пройдетъ черезъ созвѣздіе Блинецовъ, и восходъ ея станеть ранѣе и ранѣе предшествовать разсвѣту. Въ Октябрѣ она будетъ видима наилучшимъ образомъ; если устройство ея не измѣнилось со времени послѣдняго ея появленія, то она будетъ сопровождаема обширнымъ хвостомъ. Пройдя черезъ перигелій, комета снова приблизится къ землѣ въ началѣ 1836 года. Въ Мартѣ она будетъ отстоять отъ неѣ на 25 милліоновъ миль, и появится снова въ созвѣздіяхъ Ворона и Чаша; попомъ опять скроется у насъ изъ вида и возвратится не прежде Февраля 1912 года.

МЫСЛИ, ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ РАЗНЫХЪ АВТОРОВЪ.

— Что такое добродѣтель? — Пожертвованіе эгоизмомъ для блага человечества. Глупый и слабый человекъ не можетъ быть добродѣтеленъ. Въ добродѣтели, какъ въ искусствѣ, надобно имѣть геній. Дѣла добродѣтельныя, какъ и творенія искусства, не всякому понятны.

— Нѣтъ ужаснѣе мученія, какъ приближаясь уже къ концу жизни, не знать еще пупи добродѣтели.

— Кто хочетъ узнать добрыхъ людей, замѣчай, къ кому несчастный имѣеть довѣріе.

— Прямой пупъ — крапчайшій. Старинная Испанская пословица говоритъ: испина, какъ масло, всегда всплываетъ наверхъ.

— Друзья-льстецы подобны сладкому вину, которое недолго сохраняется. — Выборъ общества въ большомъ свѣтѣ — азартная игра.

— Кто желаетъ быть щасливимъ, погнѣ
употребляй надежду, какъ подозрную пружину:
на щаснїе смотри въ увеличивающее, а
на нещаснїе въ уменьшающее стекло.

— Улыбка добродѣтели прогашельнѣе,
чѣмъ лобызанїя щаснїя.

— О щаснїи можно сказать: обходишь съ
нимъ какъ съ прїятелемъ, котораго спра-
шишься имѣть своимъ врагомъ.

— Ищи щаснїе въ собственномъ сердцѣ
пвоемъ; если его тамъ нѣтъ, то нигдѣ не
найдешь.

— Кто питаеетъ желанїя, погнѣ щаснїемъ
еще не совсемъ оставленъ; попому что без-
покойство, такимъ человѣкомъ ощущаемое,
есть уже нѣкоторое наслажденїе.

— Благоразуменъ и щасливъ погнѣ, кто
въ каждомъ человѣкѣ умѣетъ найтти прїяте-
люю для себя сторону.

— Море есть изображенїе великой души:
сколь ни велико кажется ея волненїе, но въ
глубинѣ царствуетъ спокойствїе.

— Вѣроятно деньги содержатъ въ себѣ
много воздуха, попому что онѣ такъ силь-
но надуваютъ глушцовъ.

— Хотите ли навѣрное увеличить дохо-
ды?—Уменьшите расходы.

— Дѣлательность есть здоровье души.

— Тунеядцы жалуется на кратковремен-
ность годовъ и на продолжительность ча-
совъ.

— Крѣпкій, высокій дубъ въ печенїе спо-
лнѣтїи прошивится бурямъ; наконецъ съки-
ра его рубитъ; изъ него дѣлаютъ мачту
на корабль, и онъ снова сражается съ бур-
ными вѣтрами. Вотъ картина пвердаго ха-
рактера!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Э Л Е Г І Я.

Сошелъ съдой туманъ на сонныя долины;
Земля одѣлась ночью пеленой;
Лишь легкій вѣтерокъ, качая дровъ вершины,
Да эхо чужкое—бесѣдуютъ со мной!

Смотрю-ль въ безбрежную даль, пространство из-
мѣряя,

На воды-ль мрачныя простру усталый взоръ:
Вездѣ спокойствїе!... Лишь я одинъ, спрадая,
Брожу, задумчивый...одинъ, съ давнишнихъ поръ!

Какою красотою надѣлена природа,
И какъ окрестъ меня предельны всѣ мѣста!
Сквозь сумракъ, въ шпшинь, отъ голубаго свода
Паль лунный лучъ на мѣдъ церковнаго креста...

И крестъ, залогъ любви, спраданїи и спасенья,
Смиреньемъ на главѣ церковной водруженъ,
Сїяетъ въ высотѣ обшпомъ примиренья
Межъ небомъ и землей—смотри на небосклонъ;

Пустынный Божїи храмъ, оградой обнесенной,
Еще безмолвствуетъ до упренной зари;
Сонъ за оградой; лишь по правѣ,—смоченной
Росою вечера—скользятъ непопыри!

На право, дикїи лѣсъ, вравнѣ съ крестомъ цер-
ковнымъ
Просперъ верхи дровъ и землю въ мракъ одѣлъ;
Налѣво, въ пемну даль расплалсь скапомъ ровнымъ
Долины песпрыя; а тамъ—земли предѣлъ—

На рубежѣ земли, за каменной стѣною,
Раскинулась рѣка прозрачной полосой,
Да дремлетъ боръ сырой надъ сонною волною,
Да сонною волной кропится боръ сырой!...

Подальше, за рѣкой, является селенье,
Уступами сходя съ гористыхъ береговъ;
Еще подальше—опальное спроенье —
Обишель иноковъ, для мїра мерпцевовъ:

Имъ отчужденїе отъ шумныхъ наслажденїи
Заранѣ дало спокойствїе въ удѣлѣ;
О! щасливъ, щасливъ погнѣ, кто въ мракъ за-
блужденїи,
За мїръ болѣзненный, въ мїръ будущїи прозрѣлъ;

Сложилъ съ себя суетъ пжалелыя оковы
И мїра предельямъ безъ злобы измѣнилъ;
Кто, вешхїи къ дїямъ земли, и къ вѣчноспїгошовїи,
Въ одеждѣ пльнїи къ непльнью воспарилъ!

А я... Но вошь заря воспокъ озолошила;
Румяный свѣтъ ея расплался по полямъ;
Ужь ночи пишину забота дня смѣнила;
Проснулся шемный лѣсъ; порхая по вѣшвамъ,

Запѣли соловьи, пробуждены зарею;
Проснулись цвѣшпы, измятые росой;
Проснулся боръ сырой надъ бдящею волною,
И бдящею волной кропишся боръ сырой!

Проснулся Божій храмъ, молишвой оглашенный;
Къ молишвѣ созванный, проснулся монастырь;
Запѣлъ въ селѣ пѣшухъ, будильникъ неизмѣнный,
И скрылся подъ шравой госпѣ ночи, непопырь;

Завылъ пасушій рогъ, сзывая къ водопою
И къ яспивамъ полевымъ дремавшя спада;
Да полетѣ селянинъ надъ пучною грядою,
Гдѣ зелень выслала ша пучная гряда. —

И ночь шуманная, и ясный день, веселой,
И утро свѣшное, и вечеръ полевой,
Прекрасны... но, увы! въ моей поскѣ тяжелой,
Такъ мрачны для меня, какъ пологъ гробовой!..

Весь мѣръ покоишся, какъ лягушъ ночи пѣни:
Мнѣ нѣшъ спокойствія—скипаюсь средь долинь!
Весь мѣръ въ заботахъ дня, какъ день раскинешъ сѣни:
Мнѣ нѣшъ заботъ другихъ — одна, какъ самъ
однѣ... .

Одна... скорѣе въ гробъ, на вѣчное мученье,
Бышь можешъ злѣйшее... но, вѣдомое-ль намъ?
А жизнь, казенная печашью опверженья!...
А жизнь... что можешъ бышь ужаснѣй?...
Небесагъ,

Безбрежно голубымъ, лучами дня злапимымъ,
Мы шлемъ еще мечпу о лучшемъ бышя;
Земль, самимъ гробамъ, для насъ необходимымъ,
Даемъ надежду мы: во гробъ шдѣнъ—не я;

А здѣсь, въ семъ мѣръ зла, межъ небомъ и землею,
Гдѣ, бѣднѣй, заживо къ надеждамъ погребенъ—
Куда, къ кому съ моей прибѣгну я мольбою?...
Все небо и земля!... Мнѣ душно!... я смѣшенъ!...

И что-жь?... Въ толпѣ людей искапъ ли развле-
ченья?
Но нѣшъ ужъ въ ихъ толпѣ шого, кого любилъ!...

Могилы?... холодны: не жди опкликновенья:
Опкликнешся ли пошъ, кпо все проговорилъ?..

Забуду-ль милую, бывъ развлеченъ друзьями?
Иль кинусь въ бурный свѣшъ, для наслажденья
жизнь?

Или разсѣю скорбь тяжелыми шудами?
Или съ молишвою вѣкъ Богу посвяшишь?...

Но для друзей пныхъ во мнѣ нѣшъ сердца боль!
Для наслажденья нѣшъ чувсшва: спишъ оно!
Разсѣяшъ скорбь шудомъ, увы! не въ нашей волѣ!
А право иноковъ лишь полько пѣмъ дано,

Кпо не былъ опчужденъ опъ мѣра злымъ обшпомъ;
Кпо образа любви на сердцѣ не носилъ;
Въ связяхъ со свѣшпомъ симъ невиненъ передъ свѣ-
шпомъ,

И жизни и земли проклиштемъ не шягчилъ;

Кпо, безъ причинъ пныхъ, съ одною вѣрой къ Богу,
Безъ обаянѣя почашихъ грудь спрасшей,
Спокойно креспъ неся въ далекую дорогу,
Жизнь Богу опдаешъ за брапѣй—за людей,

Безъ ненависти къ нимъ и безъ презрѣнья къ мѣру!...
Такъ мнѣ ли жребѣй сей назначенъ былъ судьбой?

И я-ль приедино мою молишву къ клиру,
Внимаемому шамъ, надзвѣзднымъ Судѣей?...

О, нѣшъ! спокойсшвѣ не суждено мнѣ было,
Ни въ небѣ, ни въ землѣ, ни на землѣ, ни гдѣ!...

О, сердце бѣдное! люби-жь, что ты любило!...
Люби и мучься ввѣкъ, гдѣ-бъ ни было... вездѣ!...

Спокоенъ мѣръ земной въ шуманномъ лонѣ ночи;
Забошлявъ, радоспенъ подъ свѣшлой ризой дня;

А я... увы! опъ слезъ мои померкли очи!...
Все мирно, весело... и все не для меня!...

Н. Ставеловъ.

ENIGME.

Sous combien de métamorphoses
J'ai coutume de me montrer !
Je suis un tel nombre de choses,
Qu'on ne saurait les démontrer ;
En dérouler la kyrielle,
Non, jamais je ne le pourrai.

Je vais me nommer tel et telle ;
 Le reste je l'ajournerai.
 Par exemple, je suis carrosse,
 Cheval de selle, fruits et bonbons,
 Polichinelle avec sa bosse,
 Almanachs de toutes façons.
 Je suis dentelle, mousseline,
 Massepain, biscuit, liqueur fine;
 Sucre, chocolat de santé,
 Café moka, pastilles, thé,
 Bourse, flacon, gants et mitaines
 Vases de fleurs en porcelaines,
 Candélabres, glace, miroir,
 Étui, ciseaux, joli bougeoir;
 Tabac du Brésil, tabatière,
 Montre, breloque, bonbonnière,
 Tableaux, bijoux, flambeaux dorés,
 Portraits richement encadrés,
 Gravures et lithographie;
 Cols, pélerine en lingerie;
 Bagues, cachemire, éventail,
 Aigrettes, manteau, palatine,
 Perles, diamans, cornaline.
 Mais je finis tout ce détail
 De tant de choses composées
 Des plus contradictoires idées,
 Qui dans leur bizarre union,
 Composent mon aimable nom.

Ш А Р А Д А.

Когда подвигнушы мгновеннымъ соспраданьемъ,
 Пропяните вы руку съ подааньемъ,
 Обыкновенно мой пвердите *первый* слогъ,
 Который иногда бываешъ и предлогъ.
Вторая часть моя—равнина,
 Необходимая въ бышу поселанина:
 Онъ часто съешъ хлѣбъ на ней,
 Иль заспавляетъ жашъ жену и дочерей.
 На ней же *цѣлое* не разъ шоржешповало,
 А иногда себя безславьемъ покрывало.
Последнее мое, друзья,
 Повѣрите мнѣ: ни вы, ни я.
 А *цѣлое* мое—надмѣнный сынъ Форшуну,
 Который рѣдкими паланшами блиспалъ,

Но ихъ во зло употреблялъ.
 Лыспенцы-испорчки и раболѣпы спруны
 Поспавили его съ великими въ ряду,
 Хотя великъ онъ былъ вселенной ко вреду.
 Онъ попиралъ людей, законы,
 Снималъ и раздавалъ короны,
 И поднебесная была ему пѣсна!
 Но чашу бѣдспвія и онъ испилъ до дна,
 И горспъ чужой земли *могучаго* сокрыла,
 И не оплакана ни кѣмъ его могила.

Въ № 27-мъ, помѣщенная шарада значить: *Колпачъ*.

M O D E S.

Une femme très élégante avait une robe de velours vert émeraude; devant, partaient du bas deux rangs montans en tablier de nœuds de ruban de satin vert et de bouquets de marabouts blancs; des manches courtes en blonde avec des *surmanches* de velours vert ornées d'un bouquet de marabouts. La coiffure élevée derrière, bandeaux devant; dans les cheveux des marabouts, sur le front une magnifique plaque en émeraudes et diamans; une plaque pareille en haut du corsage drapé. Pour ceinture, une torsade d'or avec deux gros glands pareils. Le corsage était à pointe, sans garniture de blonde. Cette femme était d'une blancheur éblouissante. Le velours vert, appliqué sur les épaules nues, en faisait encore ressortir toute la beauté.—Une robe de crêpe blanc à grand ourlet; du bas de la jupe à droite, jusqu'à la ceinture à gauche, huit *choux* en ruban de satin couleur de rose, découpés; *chou* pareil à la place du bouquet au côté gauche, sur les manches courtes, au bas de la taille derrière rattachant la ceinture; cheveux noirs, tressés sur les côtés sans retomber, et allant rejoindre une large tresse, tournée derrière la tête et entre-mêlée de rubans de taffetas noir, dont les bouts tombaient sur la poitrine. — Robe de gaze et satin blanc, à larges raies, drapé autour de la poitrine et des épaules; large plaque de pierreries au milieu de la poitrine ornée de sept poires de perles; ceinture de pierreries; manches en tulle de blonde longues, très bouffantes, pincées du coude au poignet par des agraffes de pierres fines; torsade autour de la robe, d'étoffe semblable, élevée de six pouces du côté droit, et un peu moins du côté gauche, par deux agraffes de pierreries; souliers blancs, à bouffettes blanches; dans le milieu des bouffettes, pierres fines. Les cheveux blonds, relevés à la chinoise, deux crochets sur les tempes; tresses

derrière la tête, soutenant une couronne *de comtesse*, de cinq pouces de circonférence; les perles de la couronne étaient fines; le reste de la couronne en pierres de toutes couleurs. C'est une dame polonaise qui portait ce costume, enrichi, comme vous voyez, *de sa grandeur passée*.

La comtesse *de B**** a donné un bal d'enfans travestis; c'est une jolie chose et qui repose l'imagination, que cette joie naïve et pure de l'enfance, que nulle passion haineuse, nulle jalousie n'accompagne; chacun, là, s'amuse pour son compte; et si quelque nuage vient un instant altérer la sérénité de ces traits si frais et si calmes, c'est la pensée de la leçon du lendemain. Ces petits danseurs avaient pris des déguisemens de pierrots, arlequins, marquis, espagnols, etc. *Les jeunes personnes*, en Alsaciennes, Suisses, bergères, paysannes polonaises. On remarquait surtout le *petit Henri de V.*, ravissant enfant de trois ans, blond et rose comme l'amour, qui était vêtu en jeune personne qui fait son entrée dans le monde, robe de tulle et couronne de roses blanches.

Adieu, Milady, ne m'en veuillez pas d'avoir pris la place de votre chère sœur, et croyez-moi votre bien affectionnée, *Cecile de Nelgis*.

Pl. No 11. Habit à boutons d'or.—Pantalon de ca-simir.—Gilet de satin broché.—Pardessus à brande bourgs et doublé de velours.

М О Д Ы.

Весьма щеголевато одѣтая дама была въ бархатномъ платьѣ изумрудно зелѣнаго цвѣта; спереди, начиная снизу, передникомъ, банты изъ зелѣныхъ апласныхъ лентъ и букеты изъ бѣлыхъ марабу; короткіе блондовые рукава съ *надрукавниками* (*surmanches*) изъ зелѣнаго бархата съ букетомъ марабу. Прическа сзади высокая, спереди гладкіе волосы; въ прическѣ марабу, на лбу, великолѣпная бляха изъ изумрудовъ съ бриліантшами, такая же бляха въ верху драпированнаго ли-фа. Въмѣсто пояса, золотая шорсада, съ паками же большими желудями. Лицъ съ мыскомъ безъ блондовой оборки. Эта дама была чрезвычайно бѣла. Зелѣный бархатъ на открытыхъ плечахъ, еще болѣе выказывалъ всю ихъ красоту.—Бѣлое креповое платье съ широкимъ рубцомъ; опъ низу юбки съ правой стороны, до пояса съ лѣвой стороны, восемь репейковъ изъ розовыхъ разръзанныхъ лентъ; такіе же репейки, вмѣсто буке-

та, на лѣвой сторонѣ, на корошкихъ рукавахъ, сзади, внизу палии, схватывая поясъ; волосы черные, заплетены въ косы и не спущены, а соединяются сзади съ широкою косою, обернутою кругомъ головы, съ черными гроденаплевными лентами, концы которыхъ упали на грудь.—Газовое платье съ широкими бѣлыми апласными по-лосами, драпированное на груди и плечахъ; большая бляха изъ каменьевъ въ среднѣ груди, украшенная семью грушками изъ бусъ; поясъ изъ каменьевъ; длинныя рукава изъ блондоваго тюля, весьма пышныя, схваченныя опъ локтя до кисти застѣжками изъ драгоценныхъ каменьевъ; вокругъ платья шорсада, изъ такой же матеріи какъ платье, приподнятая съ праваго боку на шесть дюймовъ, а съ лѣваго пониже, двумя застѣжками изъ каменьевъ; башмаки бѣлые съ бучочками, въ среднѣ которыхъ драгоценныя каменья. Волосы бѣлокурые, приподняты по Кипайски; на вискахъ крючки; коса сзади головы, поддерживающая гра-скую корону, пяти дюймовъ въ поперечникъ; жемчугъ въ коронѣ былъ настоящій, а все прочее составлено было изъ разноцвѣсныхъ каменьевъ. Въ этомъ нарядѣ была Полька, блиставшая, какъ въ видѣше, своимъ прошедшимъ величіемъ.

Графиня *de B.*... давала дѣтской маскерадъ. Эта простосердечная, чистая дѣтская радость, безъ всякой ненавистной спраспи и зависти, успокоиваетъ воображеніе; пустьъ всякой забавляется собственно для себя; и если какое обла-ко замишишь мгновению ясность этихъ живыхъ и спокойныхъ лицъ, то это развѣ мысль о завпреш-немъ урокъ. Эти маленькіе панцоры были пере-ряжены въ пиерро, арлекинами, маркизами, Ис-панцами и проч.—дѣвочки Альзасками, Швей-царками, паспушками, Польскими крестьянками. Особенно замѣтили маленькаго Генриха *de V.*... прелестнаго прехъ-лѣтняго ребенка, бѣлокураго; съ розовыми щеками, какъ Амуръ, онъ былъ одѣтъ молодою дѣвицею, входящею въ свѣтъ. Тюлевое платье и вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ.

Прощайте, милосивая государыня, не досадуйте на меня, что я замѣнила вашу сестру, и ципайте меня испинно вамъ преданною.—Цецилія *de Nelgis*.

Карп. No 11. Фракъ съ золочеными пуговицами.—Казимировыя панталоны.—Жилетъ изъ апласа бро-ше.—Пардѣсю съ бранденбургами и подбитое бар-хатомъ.

№ 11^а Мужск. Угруд. Коф. Р. 16.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 30.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Апрѣля 13 дня, 1855 года.

Въ столицу съѣхались портретны мастера.
Петръ плохъ, но съ деньгами; соперникъ Рафаэлю —
Иванъ, но безъ гроша. Опъ упря до ушра,
То женщинъ, то мущинъ малюеть кисть Петра;
Иванъ едва ли кисть и разъ возьметъ въ недѣлю.
За что-жъ имъ опъ судьбы неравень пакъ дѣдѣжъ?
Портретъ Петра былъ льшивъ, портретъ Ивана — схожъ.

Кн. Вяземскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЗА ЧТО ПРОКЛЯЛЪ МЕНЯ ДѢДУШКА.

(Изъ моего дневника.)

У меня былъ дѣдушка *Борисъ Матвѣевичъ*;
у моего дѣдушки были красныя сафьянныя
кресла, въ семидесятихъ только годахъ во-
шедшія въ употребленіе и названныя *Воль-*
терскими.

Дѣдушка мой часто прихварывалъ и, по
вечерамъ, придвинувъ свои кресла къ мраморному камину, положивъ длинныя, косплявья ноги свои одна на другую, любилъ рассказывать мнѣ про свои походы и свои походы.

Чѣмъ дѣдушка мой спановился спарше:
тѣмъ рассказы его выпягивались (т. е. дѣлались похожими на крипическія спашья барона *Брамбеуса*, въ коихъ онъ часто, забывая о разбираемой имъ книгѣ, повѣстствуетъ о своихъ путешествіяхъ, о своей учености,

о томъ, что мастеръ говоритъ на семидесяти семи языкахъ) и разнообразились, по той причинѣ, что спаричокъ смѣшивалъ въ своей головѣ тѣ приключенія, о копорыхъ онъ чипалъ, и тѣ, о копорыхъ слыхалъ, съ тѣми, копорыя съ нимъ дѣйствительно случилися. Онъ до того подъ конецъ своей жизни забывался, что рассказывалъ мнѣ, какъ возлюбленная его *Клеопатра* умерла опъ укушенія асида.

Зимой я съ пвердоспью духа выдерживалъ его быди и небылицы, потому что дѣдушка лакомилъ меня домашнимъ вареньемъ, мочеными яблоками и коврижками, копорыя привозили ему изъ его Вяземской деревни. Кроме заѣдокъ, много помогали мнѣ госпи, ежедневно съѣзжавшіеся попипъ-поѣспъ и въ карпочки поиграпъ къ богатому дѣду моему. Тупъ познакомился я съ *Ольшкою Шадринскою*, премиленькою крошечкою.

Но льпомъ, когда въ дѣдушкиномъ Поддѣвиченскомъ саду распѣвали шюльпаны, рас-

пускались нарцисы; когда берега пруда, уставленные стапуями и обстриженными липами, зеленѣли изумруднымъ дёрномъ; когда всѣ Московскіе бояре разъѣзжались по деревнямъ, а я оставался, какъ будто прикованный къ дѣдушкинымъ кресламъ, слушаю его рассказы, сто разъ уже мною слышанные, признаюсь, положеніе мое спановилось для меня несноснымъ. Особенно скучно бывало мнѣ по воскресеньямъ, когда я видѣлъ разодѣшья по праздничному толпы, весело разгуливающія по аллеямъ, когда на дворѣ ровесники мои играли въ бабки, а на лугу за орашереями дѣвицы заводили хороводы и горѣлки.

Однажды я сдѣлалъ пригорюнившись у полуоткрытаго окна, а дѣдушка разспанавливалъ нарванные для него цвѣты въ фарфоровыя вазы, крошечка-*Ольга* пробѣжала мимо нашихъ хоромъ съ подругами и, кивнувъ курчавою своею головкою, сказала мнѣ: бѣднякъ, ты всё сидишь въ заперши?

Юношеская гордость моя пробудилась, ноздри мои раздулись отъ досады. Слова эпои рѣзвой дѣвчонки просверлили мое сердце, шѣмъ глубже, что наканунѣ я ощупалъ у себя на верхней губѣ пушокъ, который принялъ за усы.—«Хочу воли!» подумалъ я самъ про себя, и чуть было не гаркнулъ эпоаго во всю молодецкую мочь, но побоялся дѣдушкиной плѣтки. «Хочу воли!» мысленно повторилъ я: «и сегодня же пойду играть въ хороводы, чего бы по ни стоило!»—Въ это время толпа дѣвицъ пробѣжала назадъ: моя плушочка остановилась и закричала мнѣ: приходи сегодня на лугъ!—«Буду!» опивчалъ я ей пвердымъ голосомъ: «буду, чпобъ доказать тебѣ, что я не на привязи!»

Я подсѣлъ къ дѣдушкѣ, который пристально вперилъ въ меня свои чѣрные, пасквозь проникающіе мою душу, очи. Тупѣ-то я вымѣрлялъ всю трудность исполнить мое предпріятіе. Оставить старичка одного и подумать нельзя было. Кому же бы онъ спалъ рассказывать свои исторіи: вить не самому же себѣ? Онъ неминуемо замѣнилъ бы мой побѣгъ—и на другой день его плѣтка похлестала бы мнѣ плеча, не уважалъ гренадерскихъ усовъ моихъ.

Къ щастію, пришелъ съ Поварской мой двоюродный брапецъ *Дмитрій Евграфовичъ*. Я опвелъ его въ сторону и началъ упрашивать оспасться, вмѣсто меня, слушаю дѣдушкины повѣсти; до которыхъ онъ былъ спираспный охотникъ. Чпобъ больше его задобришь, я подарилъ ему взводъ жеспяныхъ солдатъ съ офицеромъ, знаменщикомъ и барабанщикомъ. Брапецъ согласился.—«Вопъ, чпо надо сдѣлать», училъ я его: «у дѣдушки не зажигаюпъ льпомъ свѣчь и зеленѣныя шторы его вѣчно опущены. Въ условленный часъ ты войдешь на цыпочкахъ—и сядешь на мое мѣсто, почпи позади *Вольтерскихъ* кресель. Тебѣ нечего опасаться: дѣдушка говоритъ, а не разговариваетъ, и ни о чемъ не распрашиваетъ. Ты знай только подливай ему въ кружку брусничную воду.»—Уладивъ все, по пословицѣ: *проказитъ бѣсъ на свою голову*, я пригладилъ буйную голову частымъ гребешкомъ, надѣлъ новый серпучокъ, схватилъ модную шляпу, грѣшневикомъ сдѣланную—и пуспился во весь галопъ на лугъ. Мой двоюродный брапецъ сѣлъ на мое мѣсто—а дѣдушка началъ спучать язычкомъ.

Но видно было пакъ угодно Небесамъ! Запоротившись, я забылъ предувѣдомить брапца, чпо во время дѣдушкинаго повѣспованія, надобно было изрѣдка покашливать, чпобъ дѣдушка чуялъ мое присутствіе и—это было для него еще важнѣе!—чпобъ чувспвовалъ, что я не сплю, не дремлю, а внимательно его слушаю! Увы! Сатана за все беретъся, да и Сатанѣ не все удается!

Дѣдушка, не слыша моего гмъ! гмъ! удивился: «*Алѣша!*» кликнулъ онъ меня: «я давно замѣнилъ въ тебѣ охоту дремать. Экой соня! Поди сюда, подай уши; я тебя научу почпению къ старости!»—Услыша, что дѣдушка добирается до его ушей, брапецъ мой позабылъ нашъ уговоръ, бросился какъ угорѣлый вонъ изъ комнапы, задѣлъ ногой за сполнкъ съ графиномъ и стаканами и уронилъ его: хрусталь запрыгалъ, зазвенѣлъ—и разбился въ дребезги.

На другой день, поуспру, дѣдушка, не догадавшійся о подмѣнѣ внука его *Алѣши* внач-

комъ *Митею*, весь разгромъ вчерашній приписалъ мнѣ, и поржеспвенно проклялъ меня.

Черезъ нѣсколько дней я успѣлъ умило-спивить дѣдушку, онъ снялъ съ меня проклятіе — и благословилъ образомъ свяаго *Димитрія*, Росповскаго чудотворца.

А. Кораблинскій.

1835,

Марта 19-е.

С. Петербургъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

БАЙКАЛЬ.

(Изъ письма къ *А. Е. Грену.*)

Иркутскъ, 31-го Января 1835.

Байкаль обыкновенно покрывается льдомъ въ началѣ Декабря мѣсяца, въ половинѣ онаго переходящъ пѣшеходы, а въ концѣ начинаютъ ѣздить въ повозкахъ. Ледъ на немъ промерзаетъ отъ 4 до 6 четвертей аршина; но не смотря на сію толщину льда, бывающъ на немъ такія прещины, которыя нерѣдко причиняютъ опасность проѣзжающимъ, и часно упоаютъ въ нихъ лошади. Окрестные жители продолжаютъ ѣздить по льду Байкала до 20-го Апрѣля, а смѣлчачки пускаются и въ началѣ Мая; ибо въ первыхъ числахъ сего мѣсяца, и не далѣе уже 9-го числа, ледъ обыкновенно расходится. Покрытіе Байкала льдомъ случается иногда и около половины Января, а самый обыкновенный срокъ оному Сибирскіе жители полагаютъ 6-го Января. Посему и суда Байкала, называемыя *дощениками*, перебѣгаютъ черезъ него на парусахъ, смотря по погодѣ, иногда позже 10-го числа, а болѣе всего на 6-е Декабря. Впрочемъ замѣчено, что и въ Январѣ 1806 и 1819 годахъ двѣ небольшія лодки переплыли съ той стороны Байкала на здѣшнюю, не встрѣшивъ ни льдинъ, ниже другой какой опасности; чему способствовала бывшая тогда во всю осень теплая погода съ легкими, по большой часпи полуденными, вѣтрами. Вообще Байкаль покрывается льдомъ въ пихую холодную погоду ра-

нѣе обыкновеннаго и весьма гладко, какъ зеркало; напрошивъ въ вѣтреную погоду позже, а припомъ мѣстами негладко и неровно.

Байкаль въ прежнія времена слылъ озеромъ, а нынѣ называется моремъ; а почему, неизвѣстно. Можетъ быть потому, что онъ весьма обширенъ, неизмѣримой глубины и принимаетъ въ себя множеспво большихъ рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ, вмѣсто которыхъ выпекаетъ изъ него за 59 верспъ отъ здѣшняго города одна только рѣка *Ангара*. Можетъ быть также и потому, что въ немъ водится водоземное открышаго океана, по здѣшнему названію *нерпа*, иначе *тюлень* и *ворва*; а сверхъ того ловятся осетры разной величины. Вода въ Байкаль чиста, какъ хрусталь, такъ что на пять сажень отъ берега и болѣе можно видѣть дно; она холодна подобно ключевой, и вкусомъ едва ли другая какая можетъ съ нею сравниться.

Съ осени, когда наступаютъ морозы, поднимаются въ самую пихую погоду густыя туманы, кои расплываясь по берегу Байкала, потемняютъ солнце, и видны даже отсюда, хотя самый Байкаль закрытъ отъ насъ множеспвомъ горъ и дремучихъ лѣсовъ. Туманы сіи продолжаются до той поры, пока онъ не покроется льдомъ. Во время бурныхъ и холодныхъ осеннихъ вѣтровъ, отъ чрезвычайнаго волненія Байкала, дѣлаются на той споронѣ передъ утесами каменныхъ горъ лдяные сполпы, по здѣшнему называемые *Сокулями*; близъ береговъ также наосятся большія громады льду, о кои нерѣдко разбиваются заспигнушыя суда. Вешній ледъ изъ Байкала, при полуденныхъ вѣтрахъ, проходитъ иногда въ рѣку *Ангару*, и несется мимо нашего города въ такомъ множеспвѣ, какъ бы во время закрытія рѣкъ; но при сѣверныхъ вѣтрахъ онъ не выносятся въ рѣку, а исчезаетъ въ самомъ Байкалѣ. Во время замерзанія онаго промышленники, кои въ Септябрь мѣсяцѣ каждаго года уходятъ за Байкаль для промысла соболей, показываютъ удивительную смѣлосп. Когда примѣяютъ они, что надобно всему пространству Байкала покрыться льдомъ, и нѣтъ уже болѣе тумановъ; то, не смотря на

понюхавъ льда, пускаются по немъ пѣше, подвязывая къ подошвамъ подковы, называемыя *базлуками*, чѣмъ ноги не скользили, и такимъ образомъ переходятъ черезъ все море. Нѣкоторые однако-жъ бывають и жерпвою сей смѣлости. Въ 1809 году, когда также Байкаль покрылся льдомъ, двое промышленниковъ придумали особый способъ, чѣмъ безопаснѣе перейти по льду на здѣшнюю сторону. Они, при легкомъ полуденномъ вѣтрѣ, спали на обыкновенныя лыжи, поставя передъ себя щипы изъ войлоковъ, и взявъ посохи съ желѣзными копыцами для направленія дороги, пустились по гладкому льду на 40 верстѣхъ разстоянія, и совершили путь весьма скоро и удачно. При томъ сказывали они, что во время ихъ бѣгу на лыжахъ, ледъ подъ ними во многихъ мѣстахъ прещалъ и гнулся, такъ что никакъ не могъ бы поднять пѣшаго человека. Сей примѣръ взявъ видю съ собою, когда на Байкаль, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, бывали промыслы *нерпалы*, копорые зимою, вышедъ изъ воды прещищами льда, лежали на немъ. Въ сіе время промышленники подбѣгали къ нимъ на небольшихъ санкахъ подъ парусомъ, и спрѣллы въ нихъ изъ ружей.

*** *Житель Сибири.*

НЕЩАСТНЫЙ ПОЕДИНОКЪ.

Берёзовъ, Курскій помѣщикъ, давалъ у себя въ деревнѣ обѣдъ, балъ и ужинъ. Кто не видѣлъ деревенскаго бала? Это балъ сполчный, только въ уменьшенномъ видѣ и на изнанку.—Здѣсь главные роли играютъ: губернапоръ, прокуроръ, предсѣдатели, совѣшники, секретари, предводители, судьи, и прочая, и прочая.—На эпихъ балахъ увидише вы также нѣсколько армейскихъ офицеровъ, пригоженькихъ барышень, и множество кумушекъ-сплетницъ и пепушекъ-свахъ. Такіе балы никогда не обходятся безъ сыпнаго ужина и безъ картъ.

Помѣщикъ, дававшій балъ, былъ вдовъ, имѣлъ одну только дочь, любилъ повеселиться и попиеть въ мѣру. За обѣдомъ всѣ были

веселы и довольны: хозяинъ съ радушіемъ подчивалъ гостей, спроилъ куры дородной баронессѣ, подливалъ мадерцы красноносому секретарю и подкладывалъ кушанья жирному совѣшнику Гражданской Палаты; старый помѣщикъ рассказывалъ молодому францу объ урожаѣ, между тѣмъ, какъ сей послѣдній любезничалъ съ сосѣдкою; офицеры подсыли къ дамамъ; а спарушки соспавили опдѣльный консилиумъ.

Ливинцовъ, молодой офицеръ, опличался опъ всѣхъ пріятною наружностію и ловкимъ обращеніемъ; но на лицѣ его видны были слѣды печали: онъ тосковалъ о братѣ, умершемъ во Франціи.

Послѣ обѣда, домашній оркестръ заигралъ вальсъ; рѣзвыя и легкія пары быспро понеслись, кружась и перегоня одна другую. Кто-то изъ гостей неоспорожно задѣлъ даму *Ливинцова* и не извинился.

«Вы слишкомъ невѣжливы!» закричалъ ему *Ливинцовъ*.

— А вы дерзки! — отвѣчалъ поппъ.

«Вы толкнули мою даму и не извинились.»

— А вы назвали меня невѣждою. —

«Если вы имѣете хопя малѣйшее понятіе о чести,» сказала *Ливинцова*: «по завпра въ 7 часовъ упра приходите съ секундантомъ къ Чѣрному пригорку.»

— Буду, только чуръ спрѣляться на смерть. —

Хозяинъ спарался помирить поссорившихся, но напрасно. — *Ливинцовъ*, не дождавшись окончанія бала, уѣхалъ домой; во всю ночь не смыкалъ онъ глазъ, ужасные призраки представлялись его разспроенному воображенію, темное предчувствіе превожило его и чей-то голосъ шепталъ ему: ты не должешъ спрѣляться съ эпимъ человекомъ.

Разсвѣло, лучъ солнца пробился сквозъ занавѣсъ окна и освѣтилъ комнату *Ливинцова*; призраки и предчувствія сего послѣдняго разсѣлились вмѣстѣ съ мракомъ. Опъ наскоро одѣлся, взялъ съ собою секунданпа, пару писмолеповъ и пошелъ въ назначенное мѣсто. Пропивникъ его былъ уже памъ.

Секунданты опмѣряли распояніе; соперники спали на показанныя мѣста и, по условленному знаку, разомъ спустили курки. — *Ливинцовъ* оспался невредимъ, проотивникъ его упалъ обагранный кровію, которая спремшельно вырывалась изъ раны. «Онъ умираетъ!» вскричалъ секундантъ.

Ливинцовъ не могъ болѣе сносить эту сцену; мысль, я убійца, мелькнула въ головѣ его: онъ опрометью бросился бѣжать домой.

Томная луна тихо плыла по небосклону, равно освѣщая богатныя хоромы и скромную хижину; пупъ вельможи, везомага спашными конями въ великолѣпной каретѣ, и дорогу бѣдняка, ѣдущаго въ тѣлегъ на клячѣ; равно играла на золотомъ куполѣ церкви и на маленькомъ крестѣ смиреннаго монастыря, построенаго на оплогой горкѣ и опражавшаго образъ свой въ свѣплыхъ водахъ озера, широко расплавшагося по зелѣной долинѣ. Купы дубовъ, посаженныхъ прудолубивыми монахами, распроспраняли пріятную тѣнь вокругъ монастыря; на кладбищѣ, заросшемъ мхомъ и правою, шамъ и сямъ виднѣлись каменные плиты и деревянные креспы; церковь составляла опдѣльное зданіе. Небольшая лампада едва освѣщала тѣмный коридоръ, по бокамъ котораго находилось нѣсколько дверей, ведущихъ въ убогія кельи. Въ одной изъ нихъ, молодой монахъ, изнуренный душевными спраданіями, приносилъ Богу свою вечернюю молитву: его колѣна были преклонены, руки воздѣпы къ небу, слезы спруились по блѣднымъ щекамъ. Кто сей юный спрадалецъ? Это *Ливинцовъ*, попъ самый офицеръ, который имѣлъ дуэль; въ семь пшхомъ пріюпъ, доступномъ самому величайшему злодѣю, оплакивалъ онъ свое необдуманное преступленіе.

Небольшой спукъ у двери прервалъ молитву монаха. «Отвори, благочестивый опшельникъ!» послышался чей-то голосъ.

«Кто, и зачѣмъ пришелъ ко мнѣ такъ поздно?» сказалъ монахъ, опворяя дверь.

— Баринъ мой послалъ меня; онъ умираетъ и хочентъ исповѣдаться, — опвѣчалъ прішедшій.

Инокъ не медлил; черезъ пять минутъ онъ былъ уже за святыми воропами, вмѣспѣ съ своимъ проводникомъ.

Въ комнатѣ, слабо освѣщенной мерцаніемъ догорающей свѣчи, лежалъ больной. — При входѣ инока, онъ приподнялся, и опять упалъ на подушки.

Монахъ, увидѣвъ больнаго, осполбенѣлъ: онъ узналъ въ немъ того самаго, кого почипалъ убипымъ, того самаго, съ кѣмъ имѣлъ поединокъ. По выходѣ постороннихъ, началась исповѣдь:

— Тяжки грѣхи мои, — сказалъ больной: никогда я не спарался укрощать спраспей своихъ, самая болѣзнь мол еспь слѣдствие необдуманной горячности, заспавившей меня пріипать вызовъ на поединокъ, въ которомъ ппжело я былъ раненъ; чувспвую близкій конецъ, а потому прошу меня выслушать:

— Въ молодости своей надѣлалъ я много проказъ; правительспво преслѣдовало меня и я убѣжалъ за границу; проживъ года при въ Парижѣ, я захопѣлъ на родину; болсъ показаться подъ своимъ именемъ, я пріѣхалъ сюда подъ чужимъ. Чпобъ еще скрыть свое пребываніе, я подкупилъ пѣсколькихъ молодцовъ, которые мигомъ распроспранили ложные слухи о моей смерти. — Больной продолжалъ еще говорить; но монахъ болѣе не слушалъ; онъ успремилъ неподвижный взоръ на больнаго и, казалось, чпо-то припоминалъ; наконецъ произнесъ умоляющимъ голосомъ: «наспоящее имя пвое? ради самаго Бога, настоящее имя?»

Больной дико посмопрълъ на монаха, однако пихимъ, но вняпнымъ голосомъ произнесъ: *Павель Ливинцовъ*. —

«Брапъ!» вскричалъ опшельникъ: «такъ, это ты, я тебя узналъ!» — И онъ бросилсл къ больному; но въ эту самую минупу больной испустилъ послѣдній вздохъ, и въ объптыхъ благочестиваго инока оспался одинъ безчувспвенный спрупъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

В И С Т Ъ.

Кто карпы вывезъ къ намъ изъ за морей?
 Кто виспомъ заразилъ спрану мою родную?
 Кто приковалъ къ сполу зелѣному людей?
 Кто къ злымъ спрасплямъ еще имъ придалъ спраспь
 смѣшную,

Чтобъ разноцвѣтные держа въ рукахъ листки,
Крестами козыряшь, выпалзывать *геральди*,
 Крышь *пик* черныя прекрасными *бубнами*,
 Марашъ сукно, спиращъ мелки,

И въ жалкомъ шоржеспвѣ игрецкаго искусства,
 Въ шопъ крапкѣй вѣкъ, какой назначилъ смерш-
 нымъ Богъ,

Испраша жизнь безъ жизни чувства,
 Ипогомъ робершовъ сводишь ея ипогъ?

Ужель за шѣмъ въ спранѣ полу-Нѣмецкой,
 И я въ шопъ городъ, прежде Шведской,
 Съ гонцемъ распрепаннымъ скакалъ?

Вопъ мостъ, пригорокъ, домъ... верпятся, балъ!
 Въ шолпѣ ищущу еѣ... вопъ мимо... вопъ
 въ гостинной:

Ужъ шрое ждущъ, ужъ сполъ зелѣный шущъ,
 Подъ раззолоченной картинной,
 А на картинѣ: *страшный судъ*...

N. N.

Нарва.
 1852.

С Н А Р А Д Е.

Personne encore n'a vu mon premier raboteux;
 On tourne quelquefois mon second avec grâce;
 Mon tout, oeuvre sublime, est l'ouvrage des dieux,
 Et ce tout fut toujours renfermé dans l'espace.

Въ NNо 28 и 29-мъ, помѣщенныя, загадка значиль: *Les-Étrennes*, шарада: *На-поле-онъ*.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Новый журналъ: Московскій Наблюдатель.

Едва ли о *Библиотека для чтенія*, при ея рожденіи, было такъ много говорено въ Пе-

тербургѣ, какъ о *Московскомъ Наблюдателѣ*, котораго первая книжка вышла въ Москвѣ 1-го Марта, а сюда въ Петербургъ прѣехала не ранѣе 22-го! Но она вознаградила своихъ читателей за это жданье книжкою прелестною, изящною во всѣхъ отношеніяхъ, и ежели всѣ слѣдующія будутъ таковы: то мы общаемъ этому журналу блистательный успѣхъ. Обозримъ прежде всего наружность: она прекрасна и благородна; обертка палевая, на манеръ *Revue des Paris*, печать чѣрная и прѣятная для чтенія, бумага веленевая, достойная прикосновенія самыхъ нѣжныхъ ручекъ; издатели же люди съ сосполиемъ вещественнымъ и невещественнымъ, не нуждающіеся ни въ чьей помощи, предпріявшіе это дѣло не изъ видовъ корысплюбія, но изъ желанія пользы нашей бѣдной липературѣ, которую они понимаютъ не какъ средство къ добыванію денегъ, не какъ ремесло, не какъ гадное искусство, заспаляющее хохотать публику за чашкою кофе, за пубкою Вапшафа: нѣтъ, они иначе понимаютъ липературу, иначе понимаютъ слово, этогъ великій даръ Неба. Въ *Библиотека для чтенія* уже давно проскакивали пропавъ него неблагопріятныя намѣки и преждевременныя выходки. Главное участіе въ изданіи принимаютъ: Гг. *Шевыревъ*, *Погодинъ*, *Мельгуновъ*, *Баратынскій*, *Языковъ*, *Павловъ*, князь *Одоевскій*, *Хомяковъ*, *Кирпѣвскій* и *Гоголь-Яновскій*. Вопъ спашь 1-й книжки: *Словесность и торговля* (С. П. *Шевырева*); *Послѣдній поэтъ* (спих. Е. А. *Баратынскаго*); *Производительность и живиль силы* (В. П. *Андросова*); *Элегія* (А. С. *Хомякова*); *Петербургскія письма* (*Безгласнаго*); *Иванъ Лапотникъ* (сказ. казака *Луганскаго*); *Метта* (спих. *Хомякова*); *Очеркъ Русской Исторіи* (М. П. *Погодина*); *Придетъ весна* (спихопв. Н. Т. *Тепловой*). Въ отдѣленіи крипики весьма дѣльный приступъ къ разбору драмы: Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій; Три повѣсти *Павлова* и Послѣдній день Помпеи *Бульвера*. Попомъ оригинальная и прелюбопытная спашь: *Музыкальная лѣтопись* (Н. А. *Мельгунова*), и переводныя: *Парижская выставка*; *Англійскій Парламентъ*; *Журнальныя отмытки* и *Моды*. Замѣшпъ должно, что двѣ картинки модъ

очень плохи. Къ эпохъ книжкѣ приложены попы: *Венеціанская нога*, романсъ, слова слѣнца-*Козлова*, музыка М. И. *Глинки*, споль извѣснаго своимъ блистательнымъ талантомъ. Сверхъ сего, при описаніи Парижской мануфактурной выставки находятся искусно сдѣланные рисунки мебели и разнаго рода вещей, украшавшихъ оную. Спальи вообще всѣ хороши, но намъ въ особенноти понравилась, по своей истинѣ, первая спалья г. *Шевырева*: *Словеснотъ и Торговля*. Онъ дѣлаепъ между прочимъ вопросъ: Что пакое эта *Библіотека для чтенія*, издаваемая г. *Смирдинымъ* и преисполненная спашей и духа Гг. *Брамбеуса* и какоготи *В. В. В.*?— «*Библіотека для чтенія* еспъ просто пукъ ассигнацій, превращенный въ спальи, чрезвычайно разнообразныя, прекрасныя, но болѣе плохія, рѣдко занимательныя и часто скучныя.» Какъ вѣрно!.. Далѣе: «Не на Парнасѣ сидятъ наши Музы, не среди ихъ, не въ небесахъ обитаепъ наша словеснотъ. Я предспавляю еѣ себѣ владѣтельницаю Ломбарда: здѣсь, на пресполь изъ ассигнацій, возсѣдаепъ она, со щѣтами въ рукѣ. Въ огромныхъ залахъ ея черпотовъ великое множество просипелей, съ исписанными шепрадами въ рукахъ; билеты равно принимаются отъ извѣсныхъ и неизвѣсныхъ; она всѣхъ сравняла по уровню печатнаго листа, за исключеніемъ немногихъ прежнихъ капиталсповъ; но между этими просипелями нѣтъ уже ни одного героя, который осмѣлился бы, какъ прежде, поднять голову надъ всѣми и объявить монополию на повѣспъ, на романъ, на поэму. Но кто невидимый герой всего этого міра?— Кто успроилъ эпопъ Ломбардъ нашей словесноти и взялъ ея производителей подъ свою опеку? Кто движепъ всю эпою машиною нашей липературы?—Книгопродавецъ (*)! Съ нимъ подру-

жилась наша словеснотъ, ему продала себя за деньги и поклялась въ вѣчной вѣрности.» Множество, множество испины во всей спальѣ, которую отъ души совѣспуемъ прочестъ чипапелямъ хорошаго, которые конечно подпишутся на журналъ эпопъ.— Изъ спихотвореній—то, которое принадлежипъ г-жѣ *Тепловой*, опличаепся особенною прелестію, особенною граціею. *Производительность и живыя силы*, соч. г. *Андросова*, еспъ весьма важна и полипико-экономическая спалья; *Петербургскія письма* можно прочестъ съ удовольспвіемъ; *Описание Московскихъ баловъ* интересно и свѣжо. Однимъ словомъ, ежели всѣ нумера будутъ равнаго достоинства съ первымъ, то липература наша поднимепъ чело изъ подъ этого пука ассигнацій и сбросипъ съ благородныхъ своихъ раменъ мѣшокъ съ мѣдными деньгами, певольно гнепущій еѣ къ землѣ.

Иванъ Правиль.

M O D E S.

Il me semble qu'il y a bien longs-temps que je ne vous ai écrit, ma chère sœur, car *Cécile* et *Edward* ont pris ma place pour deux courriers; aussi aujourd'hui ai-je fort mal reçu M. de *Nelgis*, qui prétendait vous écrire pour vous faire sa cour. Me voilà donc, moi, bonne *Nancy*, vous disant que je vous aime, et vous assurant que mon cœur n'est pour rien dans toutes les petites coquetteries que vous me rapprochez.

Hélas! nos plaisirs tirent à leur fin; les bals finissent de bonne heure; les maris et les mères crient dès minuit; enfin, c'est un travail que de retenir ses invités, non pas les jeunes, qui voudraient au contraire profiter des derniers amusemens de la saison; mais les grands parens. . . . Ah! les grands parens sont une terrible chose!

On nous annonce beaucoup de concerts pour la fin du carême; mon avis, à moi, c'est que, généralement, les concerts sont ennuyeux, à moins d'avoir des premiers talens; et pour arriver jusqu'à eux, il faut entendre tant de médiocrités, que c'est décourageant.

немъ одно дурно и вредно: приспращная крипика. Но эпо не вина почпеннѣйшаго г. *Смирдина*.— В.

(*) Но книгопродавецъ не безграмотный, книгопродавецъ, оказавшій безчисленныя, важныя услуги Отечеству, издаевелъ сочиненій *Державина*, *Карамзина*, *Крылова*, *Жуковского*, *Пушкина*, *Львова* и продающій ихъ за самую умѣренную цѣну. Журналъ *Библіотека для чтенія* весьма занимателенъ, полезенъ, пріятенъ. Въ

Vous allez avoir, à Londres, une de nos plus charmantes cantatrices de cet hiver, Mme *Degli-Antoni*; si elle vous fait autant de plaisir qu'elle en a fait à Paris, elle vous en fera beaucoup.

Nous avons eu hier une petite soirée d'intimité chez *Cécile*; vous ne connaissez pas, chère sœur, le charme d'une soirée française de coin du feu, composée de gens ayant tous de l'esprit, de la gaieté, du bon ton et de la bienveillance; nous n'étions que quatre femmes; le reste des hommes, tous habitués de la maison; en tout vingt personnes. On a fait de la musique, puis on a causé, mais de ces bonnes causeries si joyeuses, si amicales, et qui sont prescrites en Angleterre, par l'étiquette de rigueur. Pour cette soirée, *Cécile* avait une robe de pou de soie bleu ciel, avec un joli fichu à la paysanne, en mousseline de l'Inde, brodé au pluméti et garni de Valenciennes; les manches de la robe étaient longues, fort larges et pincées intérieurement par quatre petits glands bleus posés à des distances égales; au bas des manches, deux revers pareils au fichu; un tablier de moire blanche, brodé en soie plate bleue. Sur la tête, un petit bonnet dont le fond était en dentelle d'Angleterre; des deux côtés, sur les joues, deux tresses de ruban bleu; et, entre ces tresses, sur le front, une bande de dentelle faisant bandeau. Ces bonnets ne viennent que de paraître. J'avais une redingote de mousseline des Indes, doublée de taffetas couleur de rose fort pâle, garnie entièrement de ruches de tulle anglais; une longue ceinture couleur de rose tombante devant; un ruban pareil autour du cou, dont les bouts venaient se perdre dans la ceinture; mes cheveux nattés fort bas et tombans en boucles sur les côtés.

М О Д Ы.

Какъ давно уже я къ тебѣ не писала, любезная сестра; это ошь того, что двѣ почты опяли у меня *Цецилия* и *Эдуардъ*; за то я встрѣтила весьма худо г-на *de Nelgis*, хотѣвшаго къ тебѣ писать, *pour vous faire sa cour*. Вотъ я сама, добрая моя *Нанси*, говорю, что люблю тебя, и увѣряю тебя, что сердце мое ни мало не участвуетъ въ маленькихъ кокетствахъ, которыми ты меня укоряешь.

Увы! удовольствія наши приближаются къ концу; балы оканчиваются рано; мужа и мащери

кричатъ съ полуночи; наконецъ большаго пруда споннѣ, чтобъ удержатъ приглашенныхъ, но молодыхъ, которыя напротивъ желали бы воспользоваться послѣдними увеселеніями эшаго времени года.

Къ концу поста общають намъ много концертовъ; по моему мнѣнію, вообще концерты скучны, за исключеніемъ, когда участвуютъ въ нихъ первые паланны; но чтобъ дожидаться ихъ, надо слышать сполько посредственныхъ музыкантовъ, что это несочно. У васъ будетъ въ Лондонѣ одна изъ прелестнѣйшихъ пѣвицъ нынѣшней зимы, г-жа *Degli-Antoni*. Если она доставитъ вамъ сполько же удовольствія, какъ въ Парижѣ, то вы будете довольны.

У *Цецилии* вчера былъ вечеръ для коропкихъ. Ты не знаешь, любезная сестра, прелести Французскаго вечера *du coin du feu*, сопавленнаго изъ людей умныхъ, веселыхъ, хорошаго шона и снисходительныхъ; женщинъ насъ было сполько чепыре; оспальные мужчины, домашніе люди, всего двадцать человекъ. Сперва занялись музыкою, потомъ разговорами, но эшими приятными, веселыми, дружескими разговорами, предписанными въ Англии эпикетомъ необходимости. На эпомъ вечерѣ на *Цецилии* было платье изъ голубаго *pou de soie*, съ красивою косыночкою à la *paysanne*, изъ Индѣйской кисеи, вышивной гладью и обшпной кружевами; рукава у платья были длинныя, чрезвычайно широкіе и схваченные изнутри чепырьми небольшими голубыми желудями; внизу рукавовъ такіе же опворосы, какъ косынка; бѣлый обьяринный передникъ, вышивной несученымъ голубымъ шелкомъ. На головѣ маленькой чепчикъ, кройка сдѣлана была изъ Англійскихъ кружевовъ; съ обѣихъ споронъ по щекамъ косы изъ голубыхъ лентъ; а между косами, по лбу, кружевная полоска сопавляла повязку. Эпи чепчики сполько что показались. На мнѣ былъ рединготъ изъ Индѣйской кисеи, на шапѣ блѣдно-розоваго цвѣта; онь весь обшптъ былъ рюшемъ изъ шюля; длинный розовый поясъ висѣлъ спереди, шакая же лента около шеи, концы ея исчезали подъ поясомъ; коса заплетена была весьма, онь неѣ по бокамъ висѣли локоны.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 31.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АПРѢЛЯ 17 ДНЯ 1835 ГОДА.

Какъ въ голову придетъ, чтобъ полъ прекрасный шотъ,
Взоръ коего одинъ безцѣнная естъ милосць,
Похожъ былъ на извѣстный плодъ,
У коего внутри одна лишь шолько гнилосць,
Хотя прекрасенъ онъ на взглядъ?
Возможно-ль, чтобъ въ глазахъ былъ рай, а въ сердцѣ адъ?
Неужто барыня обманывать насъ спанушь?

П. Сумароковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

РАЗБИТАЯ КРУЖКА.

Повѣсть.

Глава I-я.

Марьета.

Напуль—маленькой городокъ на берегахъ Канскаго залива, копорый знаютъ въ цѣломъ Провансѣ. Онъ покоился подъ сѣнію гуспыхъ померанцовыхъ рошъ;—тамъ находятся, какъ сказываютъ, самыя лучшія вины, самыя благовонныя розы и самыя пригожія дѣвушки. Я не видалъ Напуля, но охотно вѣрю всѣмъ рассказамъ. Жаль только, что онъ такъ малъ и что не можетъ производить еще болѣе винъ, розъ и дѣвушекъ.

Видно *Марьета* была чудо красоты между Напульскими красавицами, попому что хроника сохранила еѣ имя, и въ самомъ дѣдѣ хроника имѣла причины говорить о ней, попому что *Марьета*, воспитанная въ Авино-

нѣ, уже съ первыхъ дней своего пріѣзда вскружила головы всѣмъ Напульцамъ. Мать ея *Манонъ*, можетъ быть, сдѣлала бы лучше, оставшись въ Авинонѣ; но она получила въ Напуль наслѣдство—небольшое имѣніе съ нѣсколькими виноградниками и хорошенькій домикъ, поспроенный у подошвы скалы, между масличными деревьями и Африканскими акаціями. Она была бѣдная вдова, и если-бъ сдѣлалась вдругъ владѣтельница всего Прованса, то кажется, не щипала бы себя богатѣе и щасливѣе.

Но для жителей Напуля это было нещастіе. Они не читали *Гомера* и не вѣдали, что одна красавица взволновала нѣкогда цѣлую Грецію и Азію.

Глава II-я.

Нещастіе.

Не прошло еще и двухъ недѣль, какъ *Марьета* поселилась въ хорошенькомъ домикѣ между масличными деревьями и акаціями,

а уже всѣ молодые люди Напуля знали, что во всей провинціи нѣтъ такой красавицы, какъ въ этомъ домикѣ.

Случалось ли ей проходить чрезъ Напуль въ корошенькомъ плащѣ съ блѣдно-зелеными каймами, въ маленькой сѣрой шляпкѣ, украшенной оранжевымъ цвѣткомъ, — всѣ двери и окошки отворялись. «Здравствуй, *Марьета*,» говорилъ одинъ. — А, вотъ и *Марьета*, — кричалъ другой, — и *Марьета* всѣмъ кланялась съ одинакою улыбкой. Входила ли *Марьета* въ церковь, всѣ молодые мужчины поворачивались и ихъ пальцы мѣшались между зѣрнами чепокъ, что вѣроивно производило большой соблазнъ, особливо между богомольными женщинами.

Богомольнѣ всѣхъ навѣрно были тогда Напульскія дѣвушки, потому что онѣ болѣе всѣхъ соблазнялись. Правда, что съ прїѣзда *Марьеты*, уже много жениховъ разошлось съ своими невѣснями, много любовниковъ поссорилось съ своими любезными; это производило вездѣ споры и упреки, слезы и ссоры. Уже не говорили больше о свадьбахъ, а только о размовкахъ. Знаки вѣрности — кольца и ленты, возвращались къ своимъ прежнимъ владѣтелямъ; родители, вмѣшиваясь въ ссоры дѣтей, переносили несогласія изъ дому въ домъ, — жалобы сдѣлались всеобщими.

«*Марьета* всему причиной,» — твердили дѣвушки, — мапушки съ ними соглашались, а молодчики, не зная чѣмъ оправдаться, складывали всю вину опять на *Марьету*, копоралъ въ своей простотѣ и невинности ничего не подозрѣвала, и по прежнему, оспавалась со всѣми одинакова. Опъ того никто не могъ, увидѣвъ ее, не полюбить, и въ одинъ годъ она успѣла привлечь къ себѣ сердца всѣхъ; а сама и не думала, чтообъ еѣ такъ любили; точно также она не подозрѣвала, чтобы кто нибудь могъ еѣ ненавидѣть. Скоро вшлись охотники загладишь обиду, нанесенную *Марьетѣ*, и состраданіе нечувствительное переходило въ нѣжноту. Вездѣ принимали еѣ съ большей и большей дружбой, и безъ неѣ не обходился ни одинъ праздникъ, ни одно гулянье.

Глава III-я

Коленъ.

Но не всѣ люди одарены нѣжнымъ сожалѣніемъ. Молодой *Коленъ*, богатѣйшій изъ жителей Напуля, *Коленъ*, копорый бы не могъ въ одинъ день пробѣжать всѣхъ своихъ виноградниковъ и масличныхъ садовъ, своихъ лимонныхъ и померанцовыхъ рощъ, былъ примѣръ такого жестокосердія. Что доказываетъ злость его характера, это то, что проживъ до 27 лѣтъ, онъ ни разу не спрашивалъ себя: къ чему пригодна дѣвушка?

Правда, многіе, особливо молодые женщины, щипали *Колена* за лучшаго жениха во всемъ Напуль. Его спань, его простое, непринужденное обращеніе, его глаза, особливо его улыбка, имѣли щастіе нравиться эпимъ людямъ; но никогда не должно вѣрять рѣшеніямъ подобныхъ судей. Весь Напуль помирился съ невинной *Марьетой*; одинъ только *Коленъ* не оказывалъ сожалѣнія блѣдной дѣвушкѣ. Когда разговоръ касался *Марьеты*, *Коленъ* молчалъ; когда случалось ему встрѣтитъ еѣ на улицѣ, онъ по краснѣлъ, по блѣднѣлъ съ досады, и кидалъ на неѣ самыя ужасныя взгляды, когда она уходила.

Когда вечеромъ молодежь собиралась на берегу моря у развалинъ спараго замка веселиться на зеленой муравѣ играми, плясками и Прованскими пѣснями, и *Коленъ* приходилъ туда; но лишь только появлялась *Марьета*, онъ переспавалъ пѣть и смѣяться. Всѣ дѣвушки съ удовольствіемъ смотрѣли на *Колена*; и со всѣми онъ былъ равно любезенъ, для одной только *Марьеты* у него не было привѣтливый.

Мщеніе прїятно; но дочь спарушки *Мачонъ* не знала эпаго удовольствія: она могла бы отвѣчать гордому *Колену* своимъ презрѣніемъ; а пущь, напрошивъ, когда онъ дѣлался печаленъ, улыбка исчезала съ успѣ *Марьеты*; когда онъ уходилъ съ гулянья, она памъ не долго оспавалась, и возвратившись домой, плакала горько.

Глава IV - я.

Кружка.

Напульскій священникъ назывался отецъ *Иеронимъ*; онъ былъ семидесятилѣтній старецъ, со всѣми добродѣтелями святаго и съ однимъ только недоспадкою: что онъ былъ глухъ. За то онъ проповѣдывалъ такъ, что и самыя закостѣлыя уши могли его слушать, и всѣ слушали его съ удовольствіемъ; проповѣди его были всегда на одинъ изъ эпихъ пексповъ: «*Дѣти! любите другъ друга,*» или— «*Судьбы Провисла неисповѣдимы.*»—Въ эпихъ двухъ свяшыхъ правилахъ заключалось довольно вѣры, любви и надежды, чтобъ составили щастіе. И въ самомъ дѣлѣ, молодые люди любили другъ друга и съ удовольствіемъ ждали исполненія Судебъ Всевышняго. Одинъ только *Коленъ* не обращалъ вниманія на проповѣди отца *Иеронима*; его спокойный видъ скрывалъ злыя помыслы.

Жители Напуля каждагодно ѣздящъ на ярмарку въ Вансъ. Тамъ можно весело пожить и на вырученныя деньги накупить множествъ всякихъ поваровъ. *Марьета* и мать ея *Манонъ* пріѣхали на ярмарку, *Коленъ* также. Онъ накупилъ тысячу бездѣлушекъ для своихъ знакомыхъ, и ничего для *Марьеты*. А между тѣмъ молча ходилъ за ней, ни на шагъ не отставая. Вѣроятно, у него были злыя намѣренія.

Спарушка *Манонъ* остановилась передъ одной лавкой: «посмотри, *Марьета!*!» сказала она: «вопъ прелестная кружка, и королевѣ лучше эпой ненадо. Какая позолота! какіе красивые цвѣты!»

Марьета посмотрѣла на эту чудесную вещь, создала всѣхъ своихъ подругъ подивиться прелестной кружкѣ, и скоро около эпой лавки собрался весь Напуль. Спарушка спросила о цѣнѣ.—Сто ливровъ, послѣдняя цѣна;—отвѣчалъ купецъ.—Всѣ молчали и мало по малу разошлись.

Когда всѣ Напульскіе жители отошли отъ лавки, *Коленъ* подошелъ къ купцу, отдалъ ему сто ливровъ; велѣлъ поспорожнѣе завернуть кружку и унесъ еѣ съ собой. Никто не подозрѣвалъ его коварныхъ замысловъ.

Подходя къ Напулю, онъ встрѣпилъ стараго *Жака*, слугу судьи. *Жакъ* былъ добрый малый, но глупъ до крайности.

«*Жакъ*, я тебѣ дамъ на водку;» сказала *Коленъ*: «опнеси эпопъ ящикъ въ домъ госпожи *Манонъ*. Ты скажешь, что получилъ его отъ незнакомца, и больше ни слова, или я съ побой раздѣлаюсь.»

Жакъ обѣщалъ эпо сдѣлать, и съ ящикомъ въ рукахъ пошелъ къ маленькому домику, между масличными деревьями и Африканскими акаціями.

Глава V - я.

Судья.

Подходя къ домику, *Жакъ* встрѣпилъ своего господина, судью *Гомартена*, который спросилъ его:

«*Жакъ!* что ты несешь?»—Ящикъ къ госпожѣ *Манонъ*; но мнѣ запрещено сказывать отъ кого онъ.—

«Почему-жь эпо такъ?»

—Потому что мнѣ придется раздѣлываться съ господиномъ *Коленомъ*.—

«Ты хорошо дѣлаешь, что мнѣ не сказываешь. Но ужъ поздно. Дай мнѣ эпопъ ящикъ; я самъ иду къ госпожѣ *Манонъ* и отдамъ ей, не сказывая, что его прислалъ *Коленъ*. Эпо сократитъ тебѣ дорогу, а мнѣ также будетъ выгодно.»

Жакъ отдалъ ящикъ своему господину, которому привыкъ повиноваться безусловно. Судья повернулъ съ дороги и съ любопытствомъ осматривалъ ящичекъ. На крышкѣ было написано: «любезной *Марьетѣ*.» *Гомартенъ* догадался, что эпо была новая хитрость *Колена* противъ *Марьеты*; онъ открылъ ящикъ и съ удивленіемъ увидѣлъ прелестную кружку, копорю любовался въ Вансъ. Онъ подумалъ, что *Коленъ* хочетъ эпою кружкою сдѣлать какое нибудь неудовольствіе *Марьетѣ*, и, какъ опытный и прямодушный судья, рѣшился, чтобъ избавить дѣвушку отъ всякаго безпокойства, сдѣлать ей эпопъ подарокъ отъ своего имени. Припомъ онъ любилъ *Марьету* и желалъ бы за-

спавишь её слѣдовашь съ нимъ правилу опца *Геронима*: *Дѣти, любите другъ друга.* — Правда, *Гомартенъ* былъ дѣтя уже 50-ти лѣтъ, и по этому *Марьета* не думала, что-бы увѣщаніе священника относилось къ нему. Но госпожа *Манонъ* знала, что судья богашъ, что его уважаешъ весь *Напуль*, и такъ, когда онъ заговорилъ о свапѣбѣ *Марьетъ*, волей и неволей, она должна была его выслушашъ.—И кружка не принесла ей удовольствія; получивъ её, она вышла изъ комнаты, чтобъ поплакашь наединѣ.

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ.*)

РАЗСКАЗЪ УЛАНСКАГО ОФИЦЕРА.

Съ ребяческихъ лѣтъ я былъ друженъ съ артиллерійскимъ поручикомъ *Волинскимъ*; биваки и походы утвердили еще болѣе нашу сердечную связь.

Ночью, передъ штурмомъ *Браилова*, я навспилъ моего товарища, и разговоры и вино полились рѣкою.

Рота, въ которой служилъ *Волинъ*, занимала оконечность нашего лѣваго фланга, откуда въ грозной пишинѣ пянулись бапарей длиною цѣпью, которой каждое звено готовило назавтре разрушеніе и смерть многимъ, спокойно отдыхавшимъ погда за спѣнами.

Какъ много высокой поэзіи и священнаго ужаса въ военномъ спанѣ передъ штурмомъ или генеральнымъ сраженіемъ! Для чего *Гюго* и *Дюма* не берутъ изъ него сюжетовъ для драмъ и надрывающъ воображеніе надъ частною жизнію, сплавливая все безнравственное, страшное, чудовищное, бывалое и невозможное. Не ужели громъ нѣсколькихъ сотъ орудій, уничтоженіе въ продолженіи одного дня цѣлыхъ народонаселеній, превращеніе нѣсколькихъ тысячъ щасливыхъ женщинъ и дѣпей въ неупышныхъ, бездомныхъ сиротъ, уничтоженныя надежды и чесполобіе молодости, спраданія раненыхъ и геройскіе подвиги уцѣлѣвшихъ, разсвѣченныя высокимъ драматическимъ палантомъ, менѣ бы подѣйствовали на зрителей, нежели скверныя,

безнравственныя приключенія какой нибудь графини.

Ужь ежели дѣло пошло на ужасы, такъ пусть выведутъ на сцену человѣческую бойницу, со всѣми ея послѣдствіями.

Волинъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи, какъ влюбленный передъ свиданіемъ съ любимою женщиною, какъ женихъ передъ угадаете сами. Безпечная веселость, безусловная храбрость и теплое вѣрованіе въ Промыслъ—были оплячипельными чертами его характера, съ помощію коихъ онъ радостно прожилъ двадцать три года, не сдѣлавшись ни эгоистомъ, ни мизантропомъ. Онъ имѣлъ пламенные чувства, прекрасное образованіе и душу чистую, какъ алмазь, высокую, какъ поэзія.

Съ каждымъ глоткомъ вина рѣчь спановилась довѣрчивѣе; по возвращались мы къ нашему дѣлспиву, по увлекался я краснорѣчивымъ разговоромъ *Волина*, когда онъ говорилъ мнѣ о любви своей. Языкъ его былъ полонъ пламенной спраспи. О, какъ весело слышашъ любовный разговоръ передъ битвою! Тогда говоривъ сердце, а не ращеты презрительнаго инпереса. Тогда два высокіе предмета возникающъ въ душѣ: любовь и вѣчность.

Имя *Софіи* безпрестанно скользило между словами разскащика. Она была для него единственная въ мірѣ дѣвушка, со всѣми достоинствами, со всѣми добродѣтелями, со всѣми палантами; она была для него всё: жизнь, блаженство! Онъ любилъ, какъ любить въ первый разъ юноша, и посвящалъ ей всякую минупу прекраснаго своего сущесствованія. Онъ почипалъ её какимъ-то высшимъ, эфирнымъ сущесствомъ, своимъ ангеломъ-хранителемъ; онъ могъ только любить её и молиться объ ея щаспін. Кто же епа нищина?

Софія, Херсонская дѣвушка, съ которой познакомила его судьба на послѣднихъ квартирахъ, за нѣсколько мѣсяцовъ до опкрытія компаніи.

Бѣдный *Волинъ*! онъ былъ влюбленъ!

Я зналъ *Софію* только по рассказамъ *Волина* и основалъ мое участіе къ ней болѣе на образованномъ его вкусѣ, нежели на поэтическомъ изображеніи ея портрета. Не зналъ ея, я не былъ ей чужой. Въ рассказахъ о щастливой взаимности, *Волинъ* увлекался малѣйшими подробностями: это самый занимательный рассказъ для влюбленнаго. Очарованный воспоминаніемъ прошедшаго, *Волинъ* отстегнулъ двѣ пуговицы сюртука и, съ самодовольнымъ видомъ, подалъ мнѣ медальонъ, пребуя моего мнѣнія.

Портретъ былъ такъ очарователенъ, что мнѣ хотѣлось поцѣловать его. . . . «А обручальное кольцо?»

—Имъ подарить меня кампанія,—отвѣчалъ влюбленный—или. . .—

Родители *Софіи* были люди прошедшаго столѣтія, въ которыхъ отсвѣчивались всѣ недостатки ихъ вѣка. Они сохранили любовь къ стариннымъ обычаямъ, къ вязанымъ колпакамъ и къ успарьлому предразсудку, что будущій ихъ зять долженъ быть непременно человекъ съ сосполніемъ, въ нѣкоторомъ чинѣ, въ крестахъ, не очень старъ, но еще болѣе не слишкомъ молодъ, здоровъ, если можно, хорошъ собою, хотя красота, по ихъ понятію, заключалась въ большомъ ростѣ, аломъ румянцѣ во всю щѣку, большихъ черныхъ глазахъ и въ дородствѣ; словомъ, въ одномъ изъ пѣхъ красавцовъ, копорого портретъ вы встрѣтите на вывѣскѣ всякой цирюльни. Они перебирали жениховъ съ пѣми же прѣбываніями, какъ спадо барановъ, отбирая осенью годныхъ на племя.

Волинъ успѣлъ переменить ихъ образъ мыслей и увѣрилъ, что сосполнство зависитъ не отъ лѣтъ, а отъ характера человека. Въ короткое время онъ вложилъ въ нихъ привязанность къ себѣ и уваженіе, и когда вѣспъ о кампаніи достигла стариковъ, они проводили его какъ роднаго и обѣщали руку *Софіи*, съ однимъ впрочемъ условіемъ, если онъ возвратится къ нимъ шпабъ-офицеромъ. *Волинъ* съ восхищеніемъ принялъ ихъ желаніе и, слѣдуя врожденной склонности, напращивался на всякую опа-

сность. Онъ заслужилъ уже два креста и названіе храбраго. О, какъ упѣшительно искалъ награды въ то время, когда онъ служилъ средспвомъ къ достиженію руки обожаемой!

Волинъ съ неперпѣніемъ ожидалъ разсвѣта. Еще одна спупенъ—новый крестъ засяетъ на груди его.

На другой день вечеромъ я хоронилъ *Волина*. Ядро пронзило богатырскую его грудь—и прекрасное сосуществованіе юноши, со всѣми обольстительными надеждами, въ одну минупу сокрылось подъ зыбучимъ пескомъ воспока.

Когда я бросилъ на могилу послѣднюю горсть земли, то невольно сдѣлалъ упрекъ жестокосердымъ родителямъ. Для чего ихъ не было тогда со мною? Я показалъ бы имъ оледенѣлый прупъ *Волина* и спросилъ: эпаго ли вы хотѣли?

Я отъ души скорбѣлъ о моей поперѣ. Я роппалъ на несправедливость судьбы, для чего жребій смерти палъ на моего поварища, обойдя многихъ, копорые не имѣли ни одного изъ его достоинствъ, копорые не имѣли ни цѣли, ни надобности въ жизни. Случалось ли вамъ споятъ надъ гробомъ добраго, образованнаго юноши, унесшаго съ собою единственныя надежды родителей, дружбу товарищей и щастіе влюбленной дѣвушки, упопрѣбившаго десяць лѣтъ на свое образованіе, получившаго отъ природы щастливую наружность, цвѣтущее здоровье, имѣвшаго право на всѣ удовольствія общества; юноши, копорый въ свое время оцашпилвилъ бы одну изъ женщинъ, былъ бы полезнымъ гражданиномъ, примѣрнымъ опцомъ и супругомъ? Эпа горестная сцена не вызываетъ ли изъ души живѣйшаго соспранданія!

Я познакомился съ *Софією* и вполнѣ оправдалъ выборъ *Волина*. Она была въ самомъ восхищительномъ цвѣтѣ жизни. Я нашель ея прекраснѣе и образованнѣе всѣхъ дѣвушекъ, копорыми заключалось наше общество.

Въ первый разъ я встрѣтилъ её на балѣ. Высокій, стройный росль, прекрасное лицо, изысканный нарядъ и необыкновенная ловкость въ танцахъ—дѣлали её царицею праздника. *Софія* была скучна и разсѣнна. Я познакомился въ ея домѣ; она была разговорчивѣе и милѣе въ домашнемъ кругу.

Я никогда не говорилъ ей о *Волинѣ*, зная, что воспоминаніе ничего не принесетъ ей, кромѣ неуспѣшной горести. Я щадилъ ея нѣжную душу и не смѣлъ напомнить ей о невозвратной потерѣ.

Черезъ два мѣсяца я познакомился съ нею короче. *Софія* сдѣлалась веселѣе и занимательнѣе. Она казалась мнѣ по чувствительною и доброю, по своенравною и капризною, по несчастною, по избалованною, по молчаливою и скучною, по рѣзвою и болтливою, и все это пакъ шло къ ней, пакъ было очаровательно въ *Софію*. Я искалъ случая видѣться съ нею. Я находилъ въ ней особенную прелесть и занимательность... *Софія* слушала меня съ удовольствіемъ...

Я влюбился въ *Софію*—она была пакъ очаровательна! Пышная грудь, алыя уста, голубые глаза, нѣжные взгляды—развили во мнѣ идею о женитьбѣ. *Софію* минуло двадцать два года; и родители ея сдѣлались менѣе взыскательными къ женихамъ. Дѣвушка опѣчала любви моей.

Я приготовился къ объясненію съ матерью *Софію*, которая, по какому-то обратному правилу, имѣла въ домашнихъ дѣлахъ перевѣсъ надъ мужемъ. Нѣсколько пріѣзжихъ дамъ помѣшали мнѣ исполнить мое намѣреніе. *Софія* должна была заняться гостями. Я вышелъ въ садъ, обремененный ожиданіемъ и надеждою. Я шаялъ, я сгаралъ, я мучился, я блаженствовалъ...

Я вошелъ въ Кипайскую бесѣдку, гдѣ сидѣла *Софія* съ двумя пріятельницами. Онѣ разговаривали о какомъ-то балѣ, данномъ за три года назадъ помѣщикомъ *М.*—Не бывши свидѣтелемъ бала, я не принималъ участія въ ихъ разговорѣ. Я сѣлъ у окна. Передо мною лежалъ пышный сорванный пюльпанъ;

это напомнило мнѣ *Волина*, и грустные мысли понеслись на воспокъ къ зыбучей могилѣ.

Совѣсть начала упрекать меня, что я опнимаю у него единственное его сокровище, его *Софію*, которую можетъ быть онъ съ неперыніемъ ожидаетъ въ вѣчности. Любовь и разсужденія меня успокоили. *Софія* не могла жить одна до вѣчнаго соединенія; родители ея были стары и дряхлы; она нуждалась въ подпорѣ. Кто же могъ быть ей лучшимъ пупеводителемъ, какъ не я, другъ *Волина*? Я поклялся его пѣни посвящать себя ея щастію и сохранить въ ней любовь къ нему часными воспоминаніями.

«А помните ли помѣ конпродансъ, когда ловкій *С.* распянулся передъ нами. Ха! ха! ха! Вы были мое vis-à-vis и панцовали его кажеться съ *Волиными*?»—сказала *Софію* одна изъ подругъ ея, сдѣлавъ особенное удареніе на послѣднее слово, которое дѣвушка обыкновенно упопреляютъ, когда хопятъ показати, что пайна имъ извѣстна.

Мнѣ хотѣлось опрѣзать языкъ несносной болпунѣ. Я былъ увѣренъ, что напомианіе о другѣ убьетъ покрайней мѣрѣ на нѣсколько дней веселость *Софію*. Я успремилъ на неё все вниманіе и приготовился къ самой чувствительной сценѣ.

Бѣдный *Волинъ*! О, какъ больно огорчило меня пвое легкомысліе! Какъ озлобленъ былъ я противъ женщинъ! *Софія* не обнаружила ни слезы, ни глубокаго вздоха. Лицо ея выражало не горестъ, а самодовольную улыбку, съ которою слушаешь кокетка разсказъ о своихъ поклонникахъ, восхищающихъ ея самолюбіе, а не сердце. Эта холодная улыбка за двѣ пысячи верстъ вѣрно попрысала пвою могилу, усопшій поварищъ! Не ужели пвоя прекрасная жизнь, пвои возвышенныя чувства, пвоя облагороженная, безконечная любовь—не заслуживали вздоха той, изъ любви къ которой пы жертвовалъ жизнію и погибъ на разсвѣтѣ дней!...

Горечь разлилась по всему существу моему; любовь опорвалась отъ сердца вмѣстѣ съ улыбкою *Софію*; я подошелъ и сказалъ ей тихо: «ничтожная дѣвчонка! пы не достой-

на ни одной мысли, ни одного взгляда мушцины!» — и бросивъ на неё презрительный взглядъ, вышелъ изъ бесѣдки.

Говорящъ, что *Софія* выходитъ за мужъ за какого-то помѣщика.

В. Владиславлевъ.

ЩАСТЛИВАЯ НАХОДКА.

За девять лѣтъ передъ симъ принесли къ одному купцу, торгующему въ Римѣ карпинами, десять расписанныхъ красками ставней. Онъ купилъ ихъ за бездѣлицу и, разсмотрѣвъ приспальнѣ свою покушку, увидѣлъ, что онъ приобрѣлъ десять превосходныхъ сельскихъ видовъ, написанныхъ кистью знаменитаго *Клодъ-Лоррена*, и представляющихъ сцены изъ *Тассова* Освобожденнаго Иерусалима.

Нынѣ выгравированы сіи превосходныя карпины однимъ опитѣнно-искуснымъ художникомъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГИМНЪ СВЯТОЙ ВѢРѢ.

Свѣспилникъ испины во мракъ заблужденья,
Начало дѣлъ благихъ, источникъ силъ, чудесь,
Вождь въ мудрости святой, щитъ правды спасенья,
О Вѣра! крошкая посланница Небесъ!

Веди меня твоей спасительной спезію!
Я игомъ ушомленъ суесть и злыхъ страстей;
Пришлецъ блуждающій—невѣрною спокою
Я измѣряю путь юдольной жизни сей.

Всѣ мракъ вокругъ меня; — мой умъ, сомнѣнья
полный,
Безсилно борется съ prosperтой вскодушьюмой;
Покоя нѣтъ—кругомъ ревутъ грозящи волны,
И неизбежна смерть лепашетъ надъ главою.

Кто озаритъ мой умъ, разсѣетъ мракъ сомнѣній?
Кто въ душу скорбную опрадный свѣтъ про-
льѣетъ?

Кто проведѣтъ меня средь золь и искушеній
И на одрѣ моемъ надежды лучъ зажжетъ?

О Вѣра! предъ побой колѣна преклоняю!
Возвысь мой слабый духъ! мнѣ сердце услади!
Мой разумъ суешный подъ власть свою плѣняя,
Спокойствіе во мнѣ до гроба утверди!

Ты жизнь и свѣтъ души; ты слава челоуѣка!
Онъ—прахъ земли—великъ, могучъ побой;
Какъ матеръ чадъ своихъ, ты опъ начала вѣка
Хранишь его подъ снѣію свяшой.

Тобой высокое позналъ онъ назначенье;
Тобой узрѣлъ ищещу надеждъ земныхъ;
Ты озарила міръ спасительнымъ ученьемъ;
Земля исполнена великихъ дѣлъ пвопхъ.

Ты древле въ Праощахъ божественно сіяла
Величїемъ чудесь и славою побѣдъ;
Имъ шайны царствїя небеснаго ввѣрляла, —
Непоспнжимаго священнѣйшїй завѣтъ.

Всесильная! Тебѣ послушенъ чинъ Природы:
Хлѣбъ алчущимъ дождишь изъ облаковъ;
Низводишь огонь съ небесъ и раздѣляешь воды
И рушишь древнїя пвердыни городовъ.

Небесной силою невиднмо хранимы,
Твои сыны безпрепетно идушь
Во огонь, подъ мечъ, душой непобѣдимы,
И пѣснь хвалебную Всемошному поюшь.

Пусть тѣмный міра духъ кругомъ вздымаетъ брани;
Пусть золь губительныхъ гроза гремитъ
И землю попрасѣтъ до оснований:
Твой праведникъ неколебимъ стоимъ.

Всевышнею десницей укрѣпленный,
Онъ не спрашився зла: его блюдетъ самъ Богъ.
Падѣтъ во прахъ кичливый и надменный,
И сломился жеспоковїйныхъ рогъ:

Но вѣрой движимый, пребудетъ живъ во вѣки;
Онъ выше сей земли; онъ—гражданинъ небесъ.
Смирншесь гордые, слѣпые челоуѣки
Предъ вѣрою свяшой, предъ Богомъ силъ, чудесь!

Примите испины небесной наставленья,
 Напечатлѣйте ихъ въ глубже на сердцахъ:
 «Когда въ васъ вѣры нѣтъ, то нѣтъ вамъ и спасенья;
 «Вся ваша слава—дымъ; всѣ блага ваши—прахъ!»

В. Тихонравовъ.

О М О Н И М Ъ.

Приморскій городъ я Тавриды и торговый,
 И Греческій, не новыи.
 Тавраами дано
 Другое имя мнѣ; оно
 Обидно было мнѣ и дико.
 Екатериною великой
 Мнѣ прежде возвращено.
 Я имя женское; въ календарь поройся,
 И вѣрно ужъ найдѣшь, о помѣ не безпокойся.

Въ No 30-мъ, помѣщенная шарада значить: *Uni-vers.*

М О Д Е С.

On voit beaucoup de robes de velours à la promenade. Une jolie toilette est: une robe de velours noir, grande pélerine pareille, garnie de blonde, un chapeau de satin couleur de rose, ornement de velours noir et grand demi-voile de blonde noire, — une redingote de *reps gris perle*, polonaise pareille, garnie de cygne, chapeau de satin blanc avec trois plumes blanches, j'ai remarqué une très jolie femme ainsi vêtue dans une calèche fort élégante. Une fort jolie mode pour le spectacle, est le *chapeau catalan*. Ils sont fort petit et ne peuvent nuire en rien pour la vue, aux hommes placés dans le fond des loges. Ils sont ordinairement en velours, cependant on en voit quelques-uns en satin, ils ont la forme ronde et relevée d'un côté avec une plume, de l'autre côté se place une fleur, ces chapeaux se mettent très en arrière. Les rubans sont plus en vogue que jamais surtout ceux à la *juive*, on les fait en gaze fort claire, ce qui est bien plus avantageux à la figure que le mâт des étoffes

épaisses, les blancs sont sans contredit les plus distingués. — Dans les coiffures en cheveux, on voit beaucoup de tresses pour le derrière de la tête, et devant seulement deux grosses boucles faisant tire-bouchons le long des joues.

Je n'ai pas besoin de vous dire qu'une femme sans éventail est *déshabillée* aussi en voit-on plus que de bouquets.

Adieu, chère sœur, je suis heureuse de vous avoir écrit, car il n'est pas de plaisir qui vaille une sincère affection. — *Sarah.*

М О Д Ы.

На прогулкахъ видно много бархату. Красивый нарядъ состоить: изъ чернаго бархатнаго плащя, съ большою пелеринкою, обшпкою блондой; розовой апласной шляпки, съ черною бархатною опдѣлкою и большимъ чернымъ блондовымъ полувуалемъ,—репсовой рединготъ пепельнаго цвѣта, polonaise такая же, обшпиа лебязьимъ пухомъ бѣлая апласная шляпка съ према бѣлыми перьями. Я замѣтила въ этомъ нарядѣ весьма хорошенккую женщину въ щеголеватой коляскѣ. Для спектакля весьма красивая мода: Капаланскія шляпы. Онѣ очень малы и не мѣшаютъ видѣть мущинамъ, сидящимъ сзади въ ложахъ. Онѣ обыкновенно бывають бархатныя, однако же видны нѣкоторыя изъ апласа; онѣ круглыя, приподняты съ одной стороны перомъ, съ другой стороны пришилиень цвѣтокъ; шляпки сии надѣваюшся весьма назадъ. Ленпы въ употребленіи большѣ, нежели когда нибудь, особливо à la *juive*; онѣ дѣлаюшся изъ весьма прозрачнаго газа; это несравненно идетъ лучше къ лицу, нежели маповый видъ плотныхъ матерій; бѣлыя разумѣшся лучше всѣхъ. — Причесокъ видно много съ косами сзади головы, а спереди только двѣ толстыя букли, соспавляющія локоны вдоль щекъ.

Не нужно сказывать себѣ, что женщина безъ опахала *не одѣта*, и попому опахаль видно болѣе, нежели букетовъ,

Прощай, любезная сестра, я щасплива, что къ себѣ писала, потому что нѣтъ удовольствія, которое бы могло сравниться съ испинною приязанностью. — *Sara.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 32.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ моды, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, АПРѢЛЯ 20 ДНЯ 1835 ГОДА.

Взгляни, средь радостныхъ полей,
Фиалка голубая
Цвѣтешь, манишь красой своей,
Сребромъ росы сверкая.
Такъ въ темноглубыхъ очахъ
Красавицы-дѣвицы
Слеза сверкаетъ и бѣжитъ
На длинныя рѣсницы.

Ознобишкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ. РАЗБИТАЯ КРУЖКА.

(Окончаніе).

Глава VI-я.

Цвѣты.

Кружка надѣлала много зла и безпокойства *Марьетъ*. Цѣлыя двѣ недѣли во всемъ Напулѣ только и было разговоровъ, что о кружкѣ; всѣ говорили, что это подарокъ судьи и что уже все готово къ свадьбѣ. Но когда *Марьета* торжественно объявила своимъ подругамъ, что она скорѣй упоишся, нежели выдесть за мужъ за судью: тогда много нащлось охотницъ посмѣяться надъ сватовствомъ спараго жениха. — Вопль первое ея горе.

Старушка *Манонъ* посылала всякой день *Марьету* съ кружкою къ ручью за свѣжею водою и новыми цвѣтами. Она думала, что

этимъ приучить *Марьету* и къ подарку жениха и къ самому жениху; но *Марьета* продолжала ненавидѣть и того и другую; прогулка къ ручью была ей ужаснымъ наказаніемъ.—Второе горе.

Приходя упрямъ къ ручью, она всегда находила на скалѣ букетъ самыхъ лучшихъ цвѣтовъ, съ надписью: Любезной *Марьетъ*.— Эти цвѣты и эта записочка, безъ сомнѣнія, были отъ *Голартена*. Цвѣты она брала, потому что они были лучше полевыхъ, но записку съ досадою рвала на тысячу клочковъ.—Третье горе.

Наконецъ разговаривая съ судьей, она узнала, что не онъ приносилъ цвѣты. Кто-жь бы это? *Марьета* была не пакъ, какъ всѣ молодыя дѣвушки, ужасно любопытна. Догадки ея падали поочередно на всѣхъ молодыхъ людей Напуля, однако-же не находилось виноватаго. Напрасно подсматривала она ночью, напрасно вставала ранѣе прежняго; цвѣты и записка всегда уже были на

своемъ мѣстѣ. Такая скрыпность подспрекнула бы и самую нелюбопытную дѣвушку; а для *Марьеты* это было мученіе.—Четвертое горе.

Глава VII-я.

Злой.

Въ Воскресенье отецъ *Иеронимъ* говорилъ проповѣдь на шекспь: *Судьбы Промысла не исповѣдали. Марьета*, выходя изъ церкви, подумала: Судьбы Промысла, можетъ быть, откроятъ мнѣ тайну.

Эта мысль занимала её всю ночь; она не могла заснуть ни на одну минуточку, и встала рано, такъ рано, что солнце только показалось надъ волнами и начало золотить оспрова св. *Маргариты*, которые были видны изъ ея окошка. Она одѣлась и пошла купаться въ прозрачныхъ водахъ ручья. Дорога къ пошанному мѣсту ручья, гдѣ она хотѣла купаться, пролегла чрезъ скалы и рощи; но *Марьета* не пошла далеко; она замѣтила, что вдали, подъ тѣнію дерева, лежалъ какой-то молодой человекъ, подлѣ него были прелестныя цвѣты и записочка, точно такая, какъ та, съ которою обыкновенно находила она свои упрепніе цвѣты.

Дрожая, она остановилась, и хотѣла воропшиться домой, но не успѣла сдѣлать двухъ шаговъ, какъ любопытство заставило её подойти къ спящему; издали она его не узнала, а ей такъ хотѣлось открыть эту тайну. Тихо подошла она къ дереву и изъ за листьевъ увидѣла, кого вы думаете?..... *Колена!*

Онъ-то надѣлалъ ей столько горя, онъ-то такъ долго мучилъ ея любопытство. Онъ ненавидѣлъ *Марьету*, всегда избѣгалъ ея встрѣчи и никогда не говорилъ съ нею, никогда не звалъ её на танцы, а она такъ мило танцевала.—Месль пробудилась въ сердцѣ *Марьеты*; она взяла букетъ, разорвала его, и съ презрѣніемъ разбросала цвѣты около спящаго *Колена*; только записочку она оставила у себя, спрятавъ её поспышно у своего сердца. Послѣ этого она хотѣла удалиться, но подумавъ, что еще мало опимчена, взяла ленту съ своей соломенной шляп-

ки, и оспорожно привязала ея крѣпко руку спящаго къ дереву. Потомъ какъ спрѣла побѣжала домой, къ своей матери, которая заждалась её.

Глава VIII-я.

Лента.

Что-жь сдѣлать на другой день *Коленъ*? Желая оспыдить предъ всѣми бѣдную *Марьету*, онъ навязалъ ея ленту на свою шляпу и ходилъ въ ней по всему Напулю. Скажите же, какъ онъ золъ!—Рѣшился на такой поступокъ, зная, что одна только *Марьета* не знаетъ, что ея лента извѣстна всему Напулю. Всѣ говорили: вотъ подарокъ *Марьеты*; дѣвушки съ злобой приговаривали: каковъ негодяй! молодые люди съ улыбкой повтोरjali: молодець.

«Что вы дѣлаете, мапушка,» вскричалъ судья *Гомартенъ*, входя къ спарушкѣ *Манонъ*? «Какъ вы позволяете, чтобы дочь ваша дѣлала подарки *Колену*?—Нѣтъ, пора и за сватьбу приняться. Если я обвиняюсь, такъ ужъ навѣрное это прекратится.»

— Да, ваша правда;— отвѣчала госпожа *Манонъ*: если это такъ, то пора вѣнчаться. Когда сватьбу сыграемъ: такъ и дѣло кончено.—

«Но, мапушка, дочь ваша не соглашается.»

— Все таки приготовляйте пирь.—

«Да она на меня и смотрѣть не хочетъ; только что меня гдѣ замѣпятъ, потчасъ и убѣжитъ.»

— Все таки, говорю вамъ, приготовляйте пирь, господинъ судья!—

«Но если она не хочетъ....»

— Не безпокойтесь. Сей часъ же поидемъ къ опцу *Иерониму*, и заставимъ его завпра же сговорить васъ; я мать *Марьеты*, а вы судья, первое лицо въ пѣломъ Напулѣ; какъ же насъ не послушаться? Потомъ примемся и за сватьбу. Если *Марьета* скажетъ, что она не согласна быть вашею женою, и по не бѣда: паспортъ глухъ и не разслушаетъ. Только молчите; надо, чтобы все это сдѣлалось въ тайнѣ.—

Въ это время невинная *Марьета* была спокойна, и не думала ни о злоспѣ *Колена*, который выславилъ её на насмѣшку всему Напулю, ни о предложеніи судьи, ни о намѣреніяхъ своей маперы.

Глава IX-я.

Разбитая кружка.

На другой день рано упромъ *Марьета* пошла къ источнику съ кружкой. Цвѣтны еще не были приготовлены, солнце едва выходило изъ волнъ моря.

Она услышала чьи-то шаги. Это былъ *Колень* съ букетомъ въ рукахъ. *Марьета* вспыхнула. *Колень* проговорилъ сквозь зубы: здравствуй, *Марьета*.

«Зачѣмъ ты носишь при всѣхъ мою ленту, *Колень?*» сказала *Марьета*, поспавъ кружку на камень: «я тебѣ не дарила её!»

— Ты мнѣ не подарила её, любезная *Марьета?*—спросилъ онъ, поблѣднѣвъ съ досады.

Она постыдилась солгать, попушила глаза, и чрезъ мишуру сказала: «Да, я тебѣ подарила её, но не для того, чтобы ты носилъ. Опдай мнѣ её.»

Колень медленно опвязалъ её; досада его была такъ велика, что онъ заплакалъ.

— Любезная *Марьета*, опдай мнѣ свою ленту!—сказалъ онъ тихо.

«Нѣтъ!» отвѣчала она.

Гнѣвъ *Колена* превратился въ опчаяніе. Онъ поднялъ глаза къ небу, посмотрѣлъ на *Марьету*, потомъ обвязавъ цвѣтны лентою: возмите все, вскричалъ онъ, и такъ злобно кинулъ букетъ въ кружку, что она упала съ камня и разбилась въ дребезги. Онъ убѣжалъ.

Г-жа *Манонъ* все видѣла и слышала изъ своего окошка, и хопѣла уже бѣжать къ нимъ; но лишь только увидѣла свою любимую кружку въ дребезги разбитую, вдругъ сдѣлалась нѣма и неподвижна. «Онъ мнѣ заплашилъ за неё своими деньгами;» вскричала она наконецъ внѣ себя отъ досады. «Я пойду жаловаться къ судѣ!» и взявъ *Марьету*, она послѣшно побѣжала съ нею къ *Гомартену*.

Глава X-я.

Приговоръ.

Держа одной рукою обломки кружки, а другою *Марьету*, госпожа *Манонъ* явилась къ судѣ и, со всею запальчивостію, объяснила ему свою просьбу; между тѣмъ *Марьета* горько рыдала.

При видѣ разбитой кружки и своей невѣстны въ слезахъ, судья предался справедливому гнѣву пропивъ *Колена*. Онъ послалъ за нимъ полицейскаго.

Колень явился весьма печальный.—Госпожа *Манонъ* снова стала излагать свою жалобу со всѣмъ краснорѣчіемъ въ присутствіи судьи, полицейскаго и писаря. *Колень* ничего не слышалъ; онъ подошелъ къ *Марьетѣ* и сказалъ ей на ухо: «Проси меня, *Марьета*: я разбилъ у тебя только кружку, а ты разбила мое сердце.»

— Что значить это шептанье?—сказалъ судья. — Вы слышали обвиненіе, защищайтесь. —

«Я разбилъ кружку ненарочно;» отвѣчалъ *Колень*.

— Да, это правда, — примолвила *Марьета*: не *Колень* виновать, а я, потому что я его обидѣла. —

«Вопъ еще,» вскричала госпожа *Манонъ*, дочь моя за него заспуается! Онъ разбилъ кружку, господинъ судья, онъ долженъ и заплашиться за неё.»

— *Колень*, — сказалъ судья, вы не опровергаете обвиненія, и такъ должны заплашиться приспа ливровъ. Этой суммы спойтъ кружка и . . . —

«Нѣтъ;» отвѣчалъ *Колень*: «она не спойтъ никакихъ денегъ; я купилъ её въ Вансѣ для *Марьеты* и заплашилъ только сто ливровъ.»

— Вы её купили, вы!—вскричалъ взбѣшенный судья . . . однако-жь оспановился, боясь проболтаться.

«Да, я купилъ эту кружку на ярмаркѣ;» громко подтвердилъ *Колень*, выведенный изъ перпѣнія несправедливостію судьи: «и послалъ её къ *Марьетѣ* съ вашимъ слугою. *Жакъ* здѣсь, онъ это засвидѣтельствуетъ. Признай-

ся, *Жакъ*, не я ли далъ тебѣ ящичекъ опнеспи къ госпожѣ *Манонъ*?»

Судья всячески спарался заставить *Жака* замолчать, но глупый слуга не понималъ его и съ обыкновенною своею простополою отвѣчалъ: Какъ, неужели вы не помните, господинъ судья, что вы взяли у меня ящичекъ и хопѣли его сами опнести къ госпожѣ *Манонъ*: ящичекъ и теперь еще валяется между вашими бумагами. —

Судь кончился. Судья приказалъ *Колену* выпити; присутствующіе посмотрѣли другъ на друга, а госпожа *Манонъ*, покачивая головою, проговаривала: «кто же заплапитъ мнѣ за мою кружку?»

Глава XI-я.

Судьбы Промысла.

Коленъ уѣхалъ въ понедѣльникъ же день въ Грассъ за обласнымъ судьей. Госпожа *Манонъ* пошла къ опцу *Иерониму*. Возвращившись, она послала *Марьету* къ священнику, подѣ предложомъ, что онъ хочеть съ нею поговорить о важномъ дѣлѣ. *Марьета* повиновалась.

Дорогою она встрѣпилась съ *Коленомъ*, который только что возвратился. Онъ скромно поздоровался съ нею и спросилъ её: куда она идетъ?—Къ священнику, отвѣчала она.—«И мнѣ поже надо къ нему итти,» примолвилъ онъ: «опнеспи десятидневный деньг.»—Они пошли вмѣстѣ; *Коленъ* молча взялъ ея руку; они дрожали, какъ будто сдѣлали какое преступленіе.

«Прощаешь ли ты меня, *Марьета*,» сказалъ *Коленъ*: «въ помѣ, что я тебѣ сдѣлалъ? Зачѣмъ ты со мной поспунаешь такъ жестоко?»

—Будь покоенъ, *Коленъ*, — отвѣчала она: я опдамъ тебѣ свою ленгу. Випъ я знала, что ты мнѣ подарилъ кружку. —

«Можешь ли ты въ эпомъ сомнѣваться? Я охотно опдамъ тебѣ все, что имѣю.»

Она не отвѣчала. Вмѣстѣ вошли они въ домъ священника, и ждали нѣсколько минуць. *Коленъ* воспользовался удивленіемъ и съ жаромъ поцѣловалъ руку *Марьеты*, и въ шу-жъ

минушу вдругъ явился предъ ними почтенный опецъ *Иеронимъ*; они смѣшались опъ пакой нечаянности. Опецъ *Иеронимъ* подошелъ къ нимъ. «*Дѣти, любите другъ друга!*» сказалъ онъ, и проговорилъ имъ прогашельную рѣчь на эпотъ текспъ: спарикъ былъ глухъ и не разслушалъ имени жениха, опъ не думалъ, что это *Коленъ*.

Марьета плакала.—Да, вскричала она, я люблю его, а онъ меня за то ненавидитъ. —

«Мнѣ тебя ненавиждеть, *Марьета!* Одну тебя люблю я съ тѣхъ поръ, какъ ты въ Напуль; весь городъ это знаетъ.»

Священникъ не далъ имъ времени объясниться болѣе и, соединивъ ихъ руки, повторилъ: *Дѣти, дѣти, любите другъ друга!*

Марьета бросилась въ объятія *Колена*, который осыпалъ её поцѣлуями. Они забыли и священника и весь свѣтъ, и, сами не зная того, вдругъ очутились предъ алтаремъ съ опцемъ *Иеронимомъ*.

«*Марьета!*» говорилъ *Коленъ* вздыхал.

— *Коленъ!*— говорила *Марьета*.

Въ церкви было много народу. Каково же было удивленіе моельщиковъ, когда они увидѣли себя на сватбѣ *Колена* съ *Марьетою*.

Многіе изъ нихъ, не дождавшись конца, убѣжали изъ церкви въ Напуль, чтобы разгласить памъ это происшествіе.

Опецъ *Иеронимъ* восхищался; никогда еще не случалось ему благословлять такую щасливую чету.

Глава XII-я.

Конецъ этого примлгательнаго происшествія.

Госпожа *Манонъ* прибѣжала въ церковь запыхавшись. Она ждала будущаго зипя, но онъ не приходилъ; при послѣднемъ звукѣ колокола, перпѣніе ея лопнуло, она побѣжала къ господину *Гомартену*; но его уже не было. Ей сказали, что Грасскій судья пріѣзжалъ съ нѣсколькими солдапами, и захватилъ всѣ бумаги *Гомартена*, увезъ его подѣ спражею.

— Это опять *Коленомъ* шпукъ, — подумала она, и побѣжала въ церковь, чтобы извинить-

ся предъ опцомъ *Иеронимомъ*. Добрый спарець въспрѣпилъ её съ улыбкою, и съ гордо-спію представилъ ей новобрачныхъ.

Госпожа *Манонъ* онѣмъла отъ удивленія. Но *Коленъ* началъ съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ говорить ей о своей любви, о коварствѣ судьи, и умолялъ спарушку благословить ихъ: ибо они уже были обвѣнчаны.

Отець *Иеронимъ*, ничего не слыша, съ благоговѣніемъ поднималъ руки къ небу и провозглашалъ: «*Судьбы Божіи неисповѣдимы!*» *Коленъ* и *Марьета* обнимали спарушку. Не зная какъ отъ нихъ отвязаться, она согласилась наконецъ благословить ихъ.

— Неужели я въ самомъ дѣлѣ швоя жена, *Коленъ*? — спросила *Марьета*.

Вмѣсто отвѣта, *Коленъ* привелъ её въ свой домъ. Весь Напуль пировалъ на ихъ свадьбѣ, и обломки кружки хранились какъ святыня въ семействѣ *Колена*.

(Изъ *Циоке*.)

ЧЕТЫРЕ ГЕНРИХА.

Въ исторіи въспрѣчаются спранныя сближенія. Есть происшествія, въ которыхъ замѣтно такое разительное сходство, что невольно видимъ въ нихъ какъ-бы неоправданный жребій нѣкоторыхъ царственныхъ фамилій. Одно изъ любопытнѣйшихъ явленій въ этомъ родѣ составляетъ, безспорно, подобіе обстоятельствъ, сопровождавшихъ вступленіе на Французскій престолъ каждой линіи изъ королевскаго дома *Капетовъ*. Послѣдовательное царствование прехъ братьевъ во Франціи всегда предшествовало прекращенію владычествующей линіи. *Филиппъ Прекрасный*, умирая, оставилъ себѣ чепырехъ сыновей: прое изъ нихъ, *Лудовикъ X*, *Филиппъ V* и *Карль IV Красивый*, занимающъ престолъ одинъ послѣ другаго. Домъ *Капетовъ* прекращается и мѣсто его занимаетъ домъ *Валуа*. Совершивъ свой періодъ царствованія, сей послѣдній лишается скиптра при обстоятельствахъ; совершенно подобныхъ тѣмъ, какими ознаменовано пресѣченіе *Капетинской* линіи. *Генрихъ II*

оставляетъ чепырехъ преемниковъ, изъ которыхъ также прое спановялся королями Франціи: это были *Францискъ II*, *Карль IX* и *Генрихъ III*; тогда прекращается домъ *Валуа* и начинается линія *Бурбоновъ*.

Вотъ другое замѣчательное событіе: преданіе о немъ сохранилось въ одномъ изъ многочисленныхъ произведеній шестнадцатаго столѣтія, проникнутыхъ грубымъ суеврїемъ. Мы заимствуемъ слѣдующій рассказъ изъ книги, напечатанной въ Гагѣ, подъ заглавіемъ: *Перствъ Божій*. Значительно сокративъ его, мы спарались однако же удержать его сущность, и сблизивъ развязку этого происшества съ его началомъ, намѣрены были тѣмъ разительнѣе представить его необычайность.

Однажды, въ бурный осенній вечеръ, бѣдная спарушка, жившая въ полуразвалившейся хижинѣ въ Сень-Жерменскомъ лѣсу, и копорую весь околдокъ почивалъ колдуньей, услышала спукъ у дверей своей избушки. Она отворила ихъ, и въ хижину вошелъ высокій, спашный незнакомецъ, проя прїюпа отъ непогоды. При свѣтѣ дымящейся лампы, спарушка увидѣла, что это былъ юноша благороднаго происхожденія: наружность свидѣтельствовала о молодости лѣтъ, одежда показывала званіе. Старая владѣтельница хижины развела огонь и предложила незнакомцу ужинъ. Алчность и неразборчивость составляютъ обыкновенныя свойства двадцатилѣтнихъ желудковъ, также какъ и двадцатилѣтнихъ сердець. Молодой человекъ охотно принялъ предложеніе хозяйки, пона подала ему кусокъ сыра и ломоть чернаго хлѣба, ибо въ этомъ заключался весь запасъ ея.

— У меня ничего больше нѣтъ, — сказала она незнакомцу: вотъ все, что мнѣ оставлено для угощенія проезжающихъ, за уплатою подушной и десятинной подати, налоговъ на вино и на соль, не говоря уже о томъ, что крестьяне нашего околдока называютъ меня колдуньей, чтобы смѣлѣе красть у меня послѣдній хлѣбъ, который я собираю съ своего маленькаго клочка земли.

«Клянусь честью,» возразилъ незнакомецъ: «если бы когда нибудь я сдѣлался Француз-

скимъ королемъ, по первымъ моимъ дѣломъ было бы уменьшитъ налоги и заняться просвѣщеніемъ народа!»

— Дай Богъ, чпобы это могло сбыться, — опвѣчала спаруха.

Тутъ незнакомецъ подошелъ къ сполу и хопѣлъ уже приняться за ужинъ, какъ опять кто-то постучался у дверей. Спарушка отворила, и другой незнакомецъ, насквозь промокшій опъ дожда, вошелъ въ хижину, прося приюпа. Случилось, чпо и это былъ также молодой человекъ благороднаго званія.

— Это ты, *Генрихъ*? — спросилъ одинъ.

«Да, *Генрихъ*,» опвѣчала другой.

Обоихъ звали *Генрихами*. Спарушка узнала изъ разговора ихъ, чпо они принадлежали къ большому обществу охотниковъ, между которыми былъ самъ король *Карлъ IX*, и которыхъ буря разсыла въ разныя спорны.

«Спаруха,» сказалъ вошедшій послѣ: «нѣтъ ли чего другаго намъ на ужинъ?»

— Ничего нѣтъ, — опвѣчала она.

«Ну, такъ мы подѣлимся пѣмъ, чпо есть.»

Первый *Генрихъ* поморщился, но при видѣ смѣлой и мужественной осанки впораго *Генриха*, печально произнесъ:

— Да, подѣлимся. —

Въ этихъ словахъ паилась мысль, копорой онъ не осмѣлился высказать и копорую можно было выразить слѣдующимъ образомъ: подѣлимся, пока онъ не захватилъ всего.

Они сѣли за споль, и одинъ собирался уже разрѣзать хлѣбъ своимъ кинжаломъ, какъ въ третій разъ постучались у дверей хижины. Случай былъ довольно странннй: вновь вошедшій также былъ благороднаго званія, также молодъ и также назывался *Генрихомъ*. Спаруха съ изумленіемъ посмопрѣла на нихъ. Первый хопѣлъ спрятать сыръ и хлѣбъ, но второй положилъ ихъ на споль, а подлѣ свою шпагу; третій *Генрихъ* улыбнулся.

«Такъ вы не хопите раздѣлить со мной своего ужина?» сказалъ онъ: «я гоповъ и пождать; я еще не голоденъ.»

— Ужинъ, — сказалъ первый *Генрихъ*: «принадлежитъ по праву тому, кто первый за него принялся. —

«Ужинъ,» сказалъ второй: «принадлежитъ тому, кто лучше умѣетъ оборонить его.»

Третій *Генрихъ* покраснѣлъ съ досады и гордо сказалъ:

— Моженъ быть онъ составляетъ собственность того, кто лучше умѣетъ завладѣть имъ. —

Едва онъ сказалъ это, какъ первый *Генрихъ* выхватилъ кинжалъ, а двое другихъ свои шпаги. Они уже гоповились начать бой, какъ у дверей постучались въ четвертый разъ, и въ хижину вошелъ четвертый юноша и четвертый *Генрихъ*. Увидѣвъ обнаженные мечи, онъ выхватилъ свой и принялъ защиту слабой спорны. Спаруха спряталась, дрожа отъ страха, и противники сразились. Въ ожесточеніи они опрокидывали и разрушали все, чпо служило преградой мечамъ ихъ. Къ довершенію смятенія, они уронили лампаду и она погасла. Въ темнотѣ спукъ ихъ оружія еще продолжался нѣсколько времени, но мало по малу спалъ упихать и наконецъ прекратился. Тогда спаруха осмѣлилась выпппи изъ засады, зажгла лампаду и увидѣла молодыхъ людей окровавленными и безъ движенія распросертыми на полу. Раны ихъ были однако же не опасны, и они лишились чувствъ не сполько отъ боли, сколько отъ усталости. Мало по малу они пришли въ себя и спыдясь своей запальчивости, со смѣхомъ сказали другъ другу:

«Забудемъ нашу ссору и раздѣлимъ ужинъ по братски.»

Но когда они хопѣли за него приняться, то нашли его запоппаннымъ въ пыли и обогренимымъ кровію. Какъ ни скуденъ былъ эпопъ ужинъ, а они пожалѣли о немъ. Между пѣмъ спаруха, сидя въ углу своей разоренной хижины, приспала въперила въ чепырежъ юношей свои мупные взоры.

«Что ты такъ дико на насъ смотришь?» спросилъ первый *Генрихъ*, котораго эпопѣй зорь приводилъ въ смущеніе.

— Чипаю судьбу вашу, написанную на челѣ у каждаго изъ васъ, — отвѣчала старуха.

Второй *Генрихъ* грубо потребовалъ, что бы она открыла имъ будущую ихъ участь; двое послѣдніе со смѣхомъ спали о помъ просипъ еѣ.

Старуха отвѣчала:

— Также, какъ соединились вы всѣ четверо въ этой хижинѣ, соединипъ васъ всѣхъ одинакій жребій; также, какъ попрали вы ногами и обагрили кровью хлѣбъ, предложенный вамъ гостепріимствомъ, попрете вы и оросите кровью власть, которую могли бы раздѣлптъ; также, какъ разорили и опустошили вы эту хижину, разорите и опустошите вы Францію; также, какъ всѣ вы ранены во мракѣ, всѣ вы погибнете предательствомъ и насильственнымъ смертію. —

Четверо юношей не могли удержаться отъ смѣха при такомъ предсказаніи.

Эти четверо юношей были четверо героевъ Французской лиги: двое, какъ ея предводители, а двое, какъ проповидники.

Это были:

Генрихъ-Конде, оправленный въ Сень-Жанъ д'Анжели своею женою.

Генрихъ-Гизъ, убитый въ Блуа партіею *les quarante cinq*.

Генрихъ-Валуа (*Генрихъ III*), убитый въ Сень-Клу *Яковомъ-Клементомъ*.

Генрихъ-Бурбонъ (*Генрихъ IV*), погибшій въ Парижѣ отъ руки *Равальака*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧЕРНЫЯ И ГОЛУБЫЯ ОЧИ.

(Посвящается С. С. С—ой.)

Les yeux noirs brillants d'étincelles,
Les yeux bleus tendres et doux,
Dans leurs disputes éternelles
Prétendaient seuls régner sur nous....

I.

Разъ очи черныя вспушили
Съ очами голубыми въ споръ,

Что больше ихъ сердце плѣнчили
И что губительный ихъ зорь.

Имѣть хотѣли предпочтеніе
Они у жипелей земли,

И наконецъ на разсмотрѣнне
Сей споръ Амуру поднесли.

II.

Судья забопился не мало,
За тѣмъ, что прежде никогда
На разсмотрѣннѣ у суда
Подобной пѣжбы не бывало.

Въ сей пѣжбѣ спранный, въковой,
Свидѣтели—сердце спраданья,
А доказательства—желанья
И поцѣлуй въ часъ ночной.

III.

Амуръ по зрѣломъ разсужденнѣ
Такъ прекратилъ сей важный споръ
И произнесъ свой приговоръ,
Основанный на общемъ мнѣннѣ:

Равно прекрасной можно бытъ,
И съ черными, и съ голубыми,
Но кто прекрасный между ними,
Такъ это трудно разрѣшптъ.

IV.

Но очи черныя, живыя—
Символь непоспоянства, лжи,
Тогда какъ очи голубыя—
Порука свѣтлыя души;

Они невинность выражаютъ
И весь восторгъ любви прямой.

Умомъ насъ черныя плѣняютъ,
А голубыя—добропой.

V.

Признаваться должно, безприспраспно
Амуръ рѣшилъ сей важный споръ:
Равно плѣнительно и спраспно
Дѣвъ свѣтлоокыхъ блещетъ зорь;

Но если-бъ, вновь воспламененный,
Споръ эпопѣ до меня дошелъ,

То, признаюся опкровенно,
Я-бъ голубыя предпочелъ!...

Ө. Менцовъ.

Генварь 1835.

LOGOGRIPHE.

J'aime peu le repos, je suis plein de courage,
 Le nocher me redoute à l'égal du naufrage ;
 Je renferme, lecteur, dans mon corps démembré,
 Un des quatre élémens; un titre révééré ;
 De l'aigle audacieux, la retraite paisible;
 Pour les hôtes des bois, un instrument terrible;
 Un péché capital; une note; une fleur;
 Une conjonction; un métal corrupteur.
 Enfin ce qu'un acteur, dont le jeu nous attire,
 Provoque avec succès, dans son comique empire.

Въ № 31-мъ, помѣщенный омонимъ значить: *Теодосіа*.

MODES.

Quel temps avez-vous à Londres, ma chère sœur? Ici le printemps avance à pas de géant; déjà les arbres fruitiers se couvrent de fleurs; les maronniers des Tuileries montrent leurs pointes verdâtres; les oiseaux chantent; enfin on pourrait dire que l'air se parfume d'une nouvelle vie. Aussi les promenades se remplissent-elles de jolies promeneuses qui, craignant encore un reste de *froidure*, s'enveloppent d'élégantes douillettes, se cachent la moitié de la figure de leur boa, et n'ont point encore abandonné les manchons. Une toilette fort élégante pour sortir est une robe en *printanière de soie*, couleur blanche et bois ou autre; un chapeau vert en gros de Naples, garni, autour de la passe, d'une petite guirlande de voilettes; un joli col de mousseline brodée au plumetis, dessin turque, garni d'une valenciennaise et un *châle perse*. — Une douillette de satin couleur bois clair; un chapeau gris orné de rubans, couleur de rose. Trois femmes, de tournures et de figures très distinguées, ont été fort remarquées ces jours passés aux Tuileries. Elles avaient des robes de *pou de soie* grenat, et pardessus; des collets de velours noir tombant jusqu'aux genoux et garnis d'une haute blonde noire. Des chapeaux de crêpe blanc, avec trois plumes blanches. Les femmes devraient adopter cette mode de demi-manteaux, avec lesquels on pourrait sortir le matin sans être habillé, car nous savons toutes combien il est gênant d'être lacée dès le matin. Il suffirait qu'à Long-Champ trois ou quatre

femmes les plus élégantes de Paris parussent avec le *demi-manteau*, pour que cela fût une *mode revivante*.

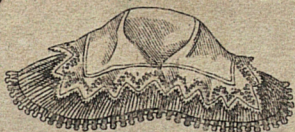
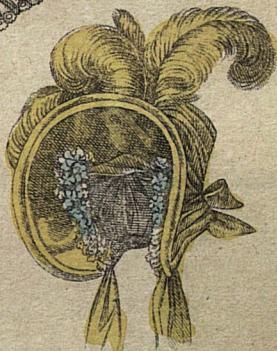
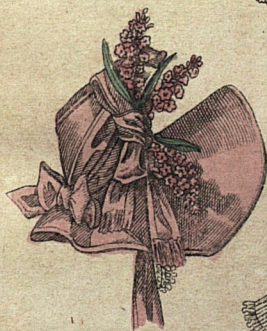
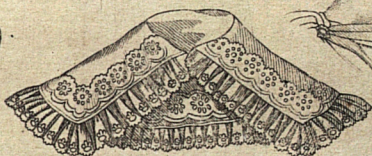
Pl. No 12. 1) Turban à la juive en mousseline et chefs d'or. — 2) Turban en tulle et satin brodé. — 3) Chapeau de gros de naples à rubans éfilés. — 4) Chapeau de satin bordé de ruban. — 5) Bonnets. — 6) Cols.

МОДЫ.

Какова погода у васъ въ Лондонѣ, любезная сестра? Здѣсь весна приближается исполинскими шагами; плодовые деревья покрываются уже цвѣтами; каштановыя деревья въ Тюльерійскомъ саду выказываютъ свои зеленыя верхушки; птицы поютъ; наконецъ можно сказать, что воздухъ напитывается новою жизнію. Потому прогулки наполнены пригожими женщинами, которыя, боясь нѣкоторыхъ остатковъ холода, завертываются въ щеголеватые дульеты, закрываютъ половину лица хвостами, и не оставляютъ еще мушъ. Весьма красивый нарядъ для выезда состоить въ платьѣ изъ *printanière de soie*, бѣлаго цвѣта, деревяннаго или инаго; зеленой гроденаплевой шляпки, обложенной вокругъ поля узенькою гирляндой изъ фиалокъ; красиваго кисейнаго воротника, вышитаго гладью, Турецкимъ узоромъ, обширнаго кружевомъ и Персидской шали. — Апласный дульетъ свѣтло-деревяннаго цвѣта; сѣрая шляпка, опдѣланная розовыми лентами. Три дамы отличнаго лица и осанки замѣчены были на дняхъ въ Тюльери. На нихъ были платья изъ *pou de soie* гранатоваго цвѣта, а сверху черныя бархатныя воротники, длиною до колѣнъ и обшитыя широкою черною блондою; бѣлыя креповыя шляпки съ премея бѣлыми перьями. Дамы должны бы были ввести въ употребленіе эти полу-плащи, въ которыхъ можно бы выѣзжать упромъ, не бывъ одѣтою; мы все знаемъ, какъ неловко быть въ шнуровкѣ съ утра. Довольно бы было, чтобы въ Лонгъ-Шанъ, три или четыре дамы изъ первыхъ Парижскихъ щеголихъ, показали въ полу-плащахъ, и это сдѣлалось бы прелестною модою.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

Карп. No 12. 1) Турбанъ à la juive кисейный съ золотомъ. — 2) Турбанъ плюшевый съ вышитымъ апласомъ. — 3) Гродѣ-наплевая шляпа съ лентами. — 4) Апласная шляпа, обшитая лентами. — 5) Чепцы. — 6) Беретки.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 33.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 карпунковъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АПРѢЛЯ 24 ДНЯ 1855 ГОДА.

Мнѣ завѣщаль отецъ:

Вопервыхъ угождашь всѣмъ людемъ безъ изьянъ,
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугъ его, который чистишь плащя,
Швейцару, дворнику, для избѣжанья зла,
Собакъ дворника, чтобъ ласкова была.

Грибоедовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ. ПРЕДОПРЕДѢЛЕНІЕ.

Sic fata volunt.

I.

Деревня Пригорское лежитъ на большой Петербургской дорогѣ, и кпо проезжалъ еѣ, всегда съ удовольствіемъ смотрѣлъ на прекрасный Англійскій садъ, обведенный со спорны дороги густою пополевою алеєю. Не одинъ успалый путешественникъ хотѣлъ бы насладиться прохладою въ тѣни деревъ его и уииться благоуханіемъ цвѣповъ, ласкающихъ издали его обоняніе (многіе предпочитають запахъ Веспфальскаго окорока: *de gustibus non est disputandum*, говоритъ Латинская пословица); не одинъ хотѣлъ бы отдохнувъ въ прекрасной бесѣдкѣ, построеной въ концѣ алеи; не одинъ... но какъ мнѣ знать желанія всѣхъ проезжающихъ и проходящихъ? — Чпо касается до меня, я... я хотѣлъ бы всегда жить и умереть въ томъ саду.

Ноябрская ночь давно уже спустилась на землю, и круглая луна, осыпанная брилліанповыми звѣздами, висѣла на самой вышинѣ лазуреваго свода.

Но зачѣмъ садъ Пригорскаго освѣщенъ пыслыю огней, переплетающихъ листья деревъ его? — Откуда несусся звуки музыки и глухойговоръ, подобный шуму волнъ морскихъ? — Сегодня день рожденія дочери помѣщика и богатый *Дулскій* празднуешь эпотъ день со всѣмъ великолѣпіемъ и блескомъ, достойными его имени. Охотники до панцовъ, хорошаго спола и винъ, съ неперѣнїемъ ожидали эпога дня; наконецъ, вождедѣнный, онъ наспалъ — и полпы любителей изящнаго съѣхались со всѣхъ споронъ въ Пригорское.

Кпо не удивлялся генію и познаніямъ почпеннаго *Герасиля Даниловича*, съ точностію математика, съ искусствомъ химика, съ душой поэта, съ взыскательностію упонченнѣйшаго гаспронома, приготолившаго въ потъ день пашпеты — *ne plus ultra* повареннаго искусства!...

Но чья пѣнь мелькнула въ дверяхъ бесѣдки?—Кто это, среди шумныхъ восклицаній веселости, ищетъ единенія?— Не ужели кваканье въ рѣкѣ лягушекъ предпочитаетъ онъ волшебнымъ звукамъ Французской кадрили?— Опъ чего не носится онъ въ неперпѣливомъ вихрѣ вальса, обхвативъ рукою воздушный спанъ красавицы, копорой глаза блестятъ ярче и свѣплѣ луны и звѣздъ?— Зачѣмъ онъ смотритъ на эту луну съ пакою задумчивостью, съ такимъ упоеніемъ?— Чего онъ ищетъ въ ней?...

— Это долженъ быть или влюбленный, или сумасшедшій.—

Вы не ошиблись — одно спойтъ другаго. Но между пѣмъ раздался звонъ почтового колокольчика, и нашъ мечпатель, не зная самъ почему и для чего, поспѣшилъ къ садовой стѣнѣ и, опершись о дерево, ждалъ приближенія ѣдущаго экипажа; наконецъ перекладная повозка поровнялась съ нимъ...

«*Ниловъ!*» закричалъ онъ.

— Спой! — закричалъ сидѣвшій въ повозкѣ офицеръ, ударивъ кулакомъ въ шею ямщика.

«Да за что же изволише бить, ваше благородіе!» сказала поплъ.

— Ничего, лишній гривенникъ на водку.—

Ниловъ выскочилъ изъ повозки съ крикомъ: «*Глинскій!*!» — и оба сжали въ объятіяхъ другъ друга, съ такимъ воспоргомъ, что, смотря со стороны, можно бы счестъ ихъ злѣйшими врагами, копорые хопятъ умереть на мѣстѣ.

— Да пусти же, ты меня задушишь, — сказалъ наконецъ *Ниловъ*, — умѣрь свой воспоргъ и скажи мнѣ, какъ ты здѣсь очутился? —

«Нашъ корпусъ перемѣнилъ кварширы. — Но куда ты ѣдешь, милый другъ?»

— Въ отпускъ домой.—

«Въ такомъ случаѣ ты не откажешь провесид со мною дня два. Мой взводъ спойптъ въ десяти верстахъ отсюда и, ежели хочешь, поѣдемъ сей часъ ко мнѣ.»

— Изволь. —

Глинскій оставилъ своего друга и, черезъ нѣсколько минутъ переложивъ его чемоданъ въ свой открытый армейскій экипажъ, понесся съ нимъ въ деревню, гдѣ былъ расположенъ его взводъ.— Не буду описывать подробно ихъ разговоръ, мелочныхъ вопросовъ и отвѣповъ, копорые дѣлали они одинъ другому: кто послѣ долгой разлуки нежданно встрѣпился съ другомъ, поплъ знаетъ это на опытъ. Скажу только, что *Ниловъ* и *Глинскій* были друзьями съ дѣтства и служили прежде въ одномъ полку; поплъ послѣдній былъ переведенъ въ гусары и два года они не видѣли другъ друга. Послушаемъ самаго *Глинскаго*.

«Какъ я сказалъ уже, нашъ корпусъ перемѣнилъ кварширы; я объ этомъ писалъ тебѣ, но вѣроятно ты не получилъ письма моего. Однажды, походомъ, оспановились мы на денькѣ въ окрестностяхъ городка***. Скоро мы узнали, что на другой день, въ Воскресенье, будетъ въ*** собраніе, или какъ здѣсь называютъ, клубъ. Не желая упустишь случая повеселиться и блеснуть, нѣсколько нашихъ офицеровъ, въ томъ числѣ и я, оправились въ городъ—и вечеромъ явились въ залу собранія. Танцы давно уже начались.— Но угадай, другъ мой! кого увидѣлъ я тамъ?... *Аделаиду!*... Она была во всемъ блескѣ красоты своей. Ты знаешь, что ея кокетство было причиною нашего разрыва, и поплъ я былъ въ весьма запруднипельномъ положеніи на щепъ моего съ нею обращенія.

«Но—вы, кажется, не узнаете меня, Мг. *Глинскій!* — сказала она, подошедши ко мнѣ. Повторяю, она была очаровательна въ этоплъ вечеръ. Я простилъ ей ея кокетство, простилъ и оскорбленіе моего самолюбія, и вышелъ изъ собранія почти влюбленнымъ. Какъ жаль, что эта женщина не имѣетъ пѣхъ высокихъ чувствъ, копорыя могли бы сдѣлать человека щаспливымъ! — Въ воспоминаніе еѣ, я назвалъ ея именемъ мою любимую верховую лошадь. Наконецъ мы пришли сюда, и опять *Аделаида!* — Недалеко отсюда есть деревня, оставшаяся ей послѣ мужа.

Её ждунъ сюда на зиму.—Я скоро познакомился съ домою помѣщика *Дулскаго*, у котораго шеперь балъ, и удивился самъ себѣ—какъ я могъ любить *Аделаиду*! — Какая разница съ прелестною *Лиліей*! — Какая душа блеспишь въ ея взорахъ! Какія чувства наполняютъ ея душу!»

—Да, знаю впередъ все, что ты будешь говорить о ней, пылкое сердце! Рассказывай короче—любимъ ли ты?—

«Не знаю, другъ мой!»

—Зачѣмъ ты былъ въ саду?—

«Ты знаешь, я не люблю панцовъ. Въ душевной, чопорной залѣ мнѣ тѣсно;—я не могу равнодушно смотрѣть на эпи прыгающія марьонетки, на эпи жеманство, на эпи изученное кокетство; слушаешь пошлые, прищорные комплименты и проч.»

—Надѣешься ли ты; по крайней мѣрѣ, быть любимымъ?—

«Меня принимаютъ, кажется, лучше другихъ; *Лилія* любитъ меня слушаешь и говоришь со мною, любитъ мою мечтательность, находишь поэзію въ моихъ разговорахъ,—но далѣе ничего не знаю.»

—Поздравляю, эпи хорошіе признаки. Увѣдомь же меня о пвоей свашьбѣ—я непременно приѣду.—

Проживъ два дни у своего друга, *Нилова* уѣхалъ.

II.

—Конечно поручикъ *Глинскій* пишеть пракпашъ о скукѣ?—сказалъ, входя въ комнату, одинъ изъ его сослуживцовъ.—Здорово брашь!—Скука имѣеть свою хорошую сторону: она естъ источникъ самопознанія для пого, кѣно хочеть, опть нечего дѣлать, обратишь глаза на самаго себя.—

«Какъ вижу, ты защитникъ скуки,—предоставляю тебѣ писать о ней пракпашъ про, а я, пакъ и быть, напишу contra.»

—А что, въ самомъ дѣлѣ?—Да пожалуй и напечапаемъ; вѣдь мало ли у насъ печатающъ глупостей?—Печатаются же романы *А. А. Орлова*; пусть себѣ журналы пѣшались и надъ нашими философическими изысканіями; намъ какое дѣло!—не мы первые, не мы и послѣдніе.—

«Да! знаешь ли новостъ?—Молодая, прелестная вдова, *Аделаида Александровна Тилмановская*, пакъ очаровавшая шебя въ *** собраніи, уже съ недѣлю, какъ приѣхала сюда.»

—Тѣмъ хуже для неѣ.—

«Опъ чего же хуже?»

—Здѣсь ей будетъ скучно.—

«Но ты съ какимъ равнодушіемъ принялъ эпи извѣстіе, какъ будто для шебя все равно.»

—Ты не ошибся.—

«Позволь мнѣ не повѣришь. Развѣ я не былъ свидѣтелемъ, съ какимъ удовольствіемъ ты цѣлый вечеръ занимался только одною ею? Да и можно ли не любить такую прелестную женщину?»

—Весьма можно, и доказательство этому ты видишь на мнѣ... Но я замѣчаю, что ты весьма къ ней неравнодушенъ, оставляю тебѣ пальму побѣды.—

Аделаида Тилмановская, вдова, украшенная всѣми прелестями молодости, съ хорошимъ воспитаніемъ, съ блестящимъ свѣтскимъ образованіемъ, всегда умѣла обратишь на себя глаза поклонниковъ красопы и никогда не имѣла недоспапка въ обожателяхъ; но изъ толпы ихъ она опличала *Глинскаго*. Его прищорная наружность, пылкій умъ, рѣзкія сужденія наблюдательнаго крищика и самая его мечтательность ей очень нравились. Одинъ недоспапокъ находила она въ немъ: онъ не панцовалъ и не любилъ разсѣянной жизни—и эпи было причиною часпыхъ между ними споровъ.

Глинскій, пламенный юноша, искавшій дружбы и любви, нашеть *Нилова* и *Аделаиду*. Пер-

вый не обмануль его ожиданій и надеждъ. Ихъ души понимали себя взаимно; но *Ниловъ* былъ спарше своего друга — онъ, съ холоднымъ благоразуміемъ и опытнымъ эгоизмомъ, пріобрѣтенными въ пляжкой и прудной наукѣ жизни, смотрѣлъ на свѣтъ и ничего не требовалъ отъ него, за по и самъ ни чѣмъ не жертвовалъ.

Часто обуздывалъ онъ пылкость юноши и не оправдывалъ любви его къ *Аделаидѣ*. Онъ видѣлъ, что это не та, которая могла бы сдѣлать щасливымъ его друга, представляя еѣ съ самой прозаической стороны, спарался открывать ея слабости, въ которыхъ она не имѣла недостатка, — но все было тщетно, пока наконецъ сама судьба не поспѣшила ему на помощь. Въ полкъ, въ которомъ служили оба друга, былъ въ то время переведенъ изъ гвардіи ротмистромъ *Фонъ-Голцъ*, высокій, рыжій Курляндецъ. Скупость въ домашней жизни, или какъ говорили его пріятели, похвальная ращепливость, низость чувствъ, и угодливость спаршимъ — были отличительными чертами его характера. — И такового челоуѣка *Аделаида* предпочла *Глинскому*! — Что можетъ быть ужаснѣе разочарованія обманурыхъ чувствъ? . . . Оно коснулось души юноши, и холодъ его проникъ все существо, всѣ изгибы его сердца, — но онъ преодолѣлъ себя, далъ словъ забыть кокетку — и до сихъ поръ былъ ему вѣренъ.

Но, какъ благословлялъ онъ судьбу, увидѣвъ *Лилію*! Съ какимъ воспоргомъ умѣлъ онъ оцѣнить ея прекрасныя качества! — Съ какимъ очарованіемъ всматривался въ ея прекрасныя помные глаза, голубые какъ небо, въ которыхъ свѣпилось ему блаженство, и упивался чрезмѣрною роскошью ихъ нѣги; съ какимъ препенаніемъ и смущеніемъ неперпѣливаго щаспья вдыхалъ въ себя мелодическіе звуки ея голоса, какъ бы желалъ навсегда заключить ихъ въ груди своей и опасаясь, чтооь они не улетѣли и не уничтожились въ воздухѣ; съ какою мечпательностью слѣдилъ всѣ ея движенія, очаровательную, прелестную пожку! — Но она, чистая, невинная, чужда была волненія спраспей и не понимала ихъ порывовъ, по-

прясавшихъ все существо *Глинскаго*. Она любила слушать его рассказы, его мечты; ей нравился его поэпическій взглядъ на жизнь, его чувства, неохлажденные еще пляжкимъ опытомъ, и разнообразный умъ, образованный въ кругу хорошаго общепва.

Такъ пропекали дни, мѣсяцы. Съ безпечною радостью дѣспства, *Глинскій* увлекался болѣе и болѣе въ пылъ любви своей, которою онъ дорожилъ, какъ величайшимъ даромъ судьбы. Онъ создалъ себя какой-то особенный мѣръ — и душа его плавала въ этомъ мѣрѣ, какъ въ океанѣ безбрежномъ, поглотившемъ въ своихъ волнахъ всю существопность нашего бѣднаго, обнаженного мѣра.

Но скоро эта существопность, въ видѣ грознаго призрака, начала представляться его воображенію. Согласится ли богатый *Дулскій* отдать дочь свою за бѣднаго армейскаго поручика? — Правда, спарикъ принимаетъ его хорошо, уважаетъ его познаніа, его высокія чувства и благородный характеръ, — но онъ гордъ. . . А *Лилія*? . . . дѣспствительно ли она любитъ его? — Хопа онъ видѣлъ ея къ себѣ расположеніе, но хопа болѣе увѣренности, — хопа зналъ положипельно, какъ онъ любимъ? . . .

Эта увѣренность не была для него пріятна, — *Лилія* отдавала должную справедливость его достоинствамъ, имѣла въ нему, можетъ быть, расположеніе дружбы, но сердце ея было спокойно, и когда *Глинскій* началъ ей открывать мало по малу свои намѣренія, обращеніе ея съ нимъ сдѣалось гораздо холоднѣе и оспорожнѣе. Она поздно увидѣла послѣдствія ихъ сближенія, такъ обманушаго *Глинскаго*, и жалѣла, что увлекшись удовольспвіемъ короткаго съ нимъ знакомства, можетъ быть, когда нибудь подала ему несправедливую надежду.

Глинскій въ другой разъ обманулся въ любви своей; но прежде онъ былъ игрушкою опытной кокетки, а теперь жертвою пылкости сердца. Мрачная груспъ, ужасная тоска, подавили его гнемомъ своей спажести; унылая задумчивость смѣшила врожден-

ную веселость его характера; онъ искалъ уединенія, удалялся общесства своихъ товарищей, которые наконецъ, видя его спрранное расположеніе и называя чудакомъ и сумасшедшимъ, совершенно его оставили.

III.

Письма Глинкаго къ Нилову.

Ah! qu'un-cœur est à plaindre,
De s'être à son amour long tems accoutumé,
Quand il faut n'aimer plus ce qu'on a tant aimé.

1.

Пожалѣй обо мнѣ, другъ мой! всѣ мои мечты, всѣ надежды на щастіе разсѣялись; грустная существенность, опнявъ у души всѣ прелестныя цвѣты фантазіи, одѣла её своимъ мерзвѣющимъ саваномъ. Для меня нѣтъ радостей въ жизни.—Какъ грустно лишиться того, что сердце щитало своимъ!—Судьба обманула меня,—весь міръ меня обманываетъ!—И та, которую щиталъ образцомъ совершенства всѣхъ добродѣтелей, соединеніемъ всего изящнаго... она—обыкновенная женщина,.... кокепка... Она играетъ чувствами, радуется, съ холоднымъ ращетомъ, своимъ побѣдамъ и не умѣетъ оцѣнить эпои всеильной любви, эпого огня небесъ, согрѣвающего природу... Зачѣмъ она всегда слушала меня съ такимъ предупредительнымъ вниманіемъ, оправдывала мои мечты;—зачѣмъ подавала надежду?... Зачѣмъ она смотрѣла на меня съ такимъ выразительнымъ участіемъ; зачѣмъ въ ея взорахъ горѣлъ такой пламень, пожирающій еще и теперь всю мою внушенность!... Кокепство!—

Нѣтъ, душа ангельская! прости моему отчаянію. Низкое притворство не можетъ паяться въ пвоей груди; пвои мысли чисты, какъ голубое небо, незакрытое облаками, невинны, какъ ты сама. Судьба, жестокая судьба не назначила мнѣ наслаждаться прекраснымъ—оно не для меня.

Другъ! извини разспройство моихъ мыслей—я самъ незнаю что пишу, что дѣлаю. Ужасная увѣренность, что я не любимъ, ли-

шила меня всѣхъ способностей, всѣхъ силъ душевныхъ: я живу только физически. И эпо-ли жизнь?.. Она мнѣ сдѣлалась несносна, ... она мнѣ надоѣла... Но не хочу самоубійствомъ прекратить её... И себя нѣтъ со мною! Какъ мнѣ нужны теперь утѣшенія дружбы и религіи!—Онъ однѣ въ соспоянніи поддерживають упадающій духъ.

Я не могу преодолѣть себя; не могу безъ содроганія вообразить себя, что другой будетъ владѣть ею; другой будетъ пить сладостную оправу ея пощѣлу; другой... Эпа мысль убиваетъ меня... О! скройтесь ужасные призраки неизбѣжнаго будущаго, или уничтожьте меня скорѣе!...

2.

Спусти мѣсяць.

Я все еще не могу припши въ себя: незнаю, живу-ли я въ существенности, или, очарованный волшебствомъ, сплю продолжительнымъ, непробуднымъ сномъ?... Мнѣ помнится, что-то ужасное,.... мнѣ кто-то сказалъ: «чувствами нельзя располагать—онѣ не зависятъ опъ насъ.»—Предъ глазами моими безпреспанно носится какой-то плѣнительный призракъ; но лишь только я хочу къ нему приблизиться, онъ исчезаетъ, и въ воздухъ оспаюются эпои ужасныя слова: я ихъ вижу, но непонимаю ихъ значенія.

Зачѣмъ онѣ безпреспанно передо мною, эпои слова?... кто ихъ сказалъ мнѣ?... и когда?... Чей эпои призракъ?... Такъ,—припоминаю: эпо она, эпо *Лилия!*... Она меня любила когда-то; она мнѣ сказала... нѣтъ! она не любила меня никогда, она мнѣ ничего не говорила: эпо былъ другой сонъ, но сонъ плѣнительный... О! зачѣмъ не продолжился онъ до предѣловъ сна вѣчнаго!... Зачѣмъ я самъ разрушилъ эпо прекрасное очарованіе!... Зачѣмъ эпо поэзію любви я хощѣлъ попушить въ прозѣ обязанности супружества?... Проза?... а пощѣлуй, эпо шестое чувство, эпо упоеніе блаженства, въ которомъ сливаются души,—не есть-ли самая высокая поэзія?...

Великій поэтъ нашего времени, *Годманъ*, сказалъ: «ничто на землѣ не можетъ такъ

«возвысить человека въ его сокровеннѣйшей мысли, какъ любовь. Ея вліяніе, неограниченное и таинственное, освѣщаетъ наше сердце и наполняетъ его вдругъ щасіемъ и изумленіемъ.» Такъ! она наполнила мое сердце, — но не щасіемъ. Она наполнила его образомъ эпои чистѣйшей красоты, залепѣвшей ошибкою на нашу бѣдную землю; наполнила его волненіемъ спраши, мучительнымъ чувствомъ желанія неудовлетворимаго, грустною увѣренностію безвзаимности и щепнымъ стремленіемъ въ идеальную безконечность.

О! тяжело любить безъ взаимности!... Для чего-же мнѣ не суждено наслаждаться эпою прекрасною существенностію, созданною въ обольстительныхъ мечтахъ фантазіи?... Я ли не умѣю любить?—Я ли не умѣю оцѣнить ея возвышенныхъ добродѣтелей, ея неземныхъ чувствъ?—Я ли не умѣю оцѣнить блаженства быть любимымъ ею?... Будетъ-ли тотъ, кого она полюбитъ, такъ любить её, какъ я?...

Боже, пусть будетъ она щаслива!—

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

МОИ КОММЕРАЖИ,

о соч. Н. Гоголя: Миргородъ, повѣсти, служащія продолженіемъ Вегеровъ на хуторъ близъ Диканьки.

Пѣвецъ любви, пѣвецъ Боговъ—
Скажи мнѣ—что такое слава!

Пушкинъ.

Я замѣнилъ, что у насъ можно раздѣлить чипателей на два класса. Одни чипаютъ книгу для—сюжета, ищутъ въ книгѣ только одного—сюжета, не хопя, и не будучи въ состояніи оцѣнить отдѣльныхъ — сценъ, карпинъ, разговоровъ, мыслей и чувствованій. Другіе не заботятся о—сюжетѣ, а равно внимательны къ каждому отдѣльному періоду книги. 1-е чипаютъ книги—сказочно, классически; 2-е романтически, обширно, глубоко, воспорженно. — Для образованнаго

чипателя нашего времени пріятнѣе видѣть свою книгу въ рукахъ чипателя—2-го класса.—Для чипателя 1-го класса, я увѣренъ, сложный, нагроможденный романъ *Дюкре-Дюлинелля* покажется превосходнѣе романа—*Купера, Вальтеръ-Скотта, Цшоке*. — Есть однако-жь еще у насъ чипатели, которые съ пойд же почки смопрягъ на книги, какъ 1-й классъ чипателей!...

Къ чему для автора съ паланпомъ ломать голову надъ *сюжетомъ*, натягивать его до вычурности, до запутанности, придавать ему производящую смѣхъ — назидательность. Моментъ, часъ, годъ — ежели угодно, изъ жизни человека, находящагося въ бореніи съ ближнимъ и съ природою... вопъ вамъ и сюжетъ. Сила въ томъ, чпобъ эпоитъ моментъ, часъ, годъ — описываемый вами, былъ—живъ, переносилъ къ себѣ чипателя, не мисифировалъ чипателя. Всякій моментъ жизни человека — назидателенъ, моментъ—представленный въ полномъ свѣтѣ.

Люди очень часто ошибаются въ почкѣ зрѣнія. Вы имъ выставите картину прогательнаго сюжета; она ихъ насмѣшитъ, вмѣсто того чпобъ распрогать. Показывая бѣлый цвѣтъ нѣкоторымъ людямъ, не худо сказать: «Гг! эпо бѣлый цвѣтъ!»... Въ эпоитъ случаѣ очень полезны, очень къ мѣсту эпизодическія мысли и чувствованія автора, опъ своего лица, въ повѣсти или романѣ.

Съ этими тезисами чипалъ я: *Миргородъ*, соч. Н. Гоголя.

Я люблю чипать хорошіе романы и повѣсти. Чипая ихъ, проводишь время не одинъ, а съ дѣйствующими лицами романа или повѣсти. И въ добавокъ, эпо сообщество не связываетъ васъ, какъ связываетъ дѣйствительное сообщество людей.

Въ повѣстяхъ Н. Гоголя сюжетъ проситъ, занимателенъ, величественъ, какъ природа, разсмаприваемая не очами слѣпца; выполненъ сюжетъ — увлекательно. Съ радостію скажемъ, что авторъ *Миргорода* уже оспавляетъ свою прежнюю напыщенность: *простота*,

ессть одна изъ прехъ Грацій—изящнаго!.. Теперь, каждое слово Н. *Гоголя* ессть необходимая часть цѣлаго, ни одно слово не уронено на въперъ... такъ и надобно писать!..

Въ повѣспяхъ Н. *Гоголя* много аналогіи съ повѣспями *Цюке*. Онъ срываетъ шу же улыбку у чипапеля, что и *Цюке*. Лица его повѣспей—яркіе, добрые оригиналы, съ которыми побыть очень занимательно, очень весело. Характеръ эпихъ оригиналовъ прекрасно выдержанъ авпоромъ; припомнимъ: Миргородскаго городничаго, у котораго *плохалъ пльота* и проч.—Многія повѣспи Н. *Гоголя* вполне принадлежатъ къ разряду — *фамилльныхъ повѣспей*.

Правися мнѣ въ повѣспяхъ Н. *Гоголя* опущеніе—*свѣтскости*; онъ въ этомъ случаѣ диаметрально противоположенъ *Брамбеусу*. Разумѣется, ежели модиспка возьметъ чипать—Русскую книгу, то она возьметъ книгу—*Брамбеуса* (классъ чипапелей, не льспный для авпора!). *Брамбеусъ* въ своихъ повѣспяхъ напянутъ какъ свѣпскій щеголь, и, какъ свѣпскій щеголь, хочетъ только смѣшитъ красавиць. Эпоунижаетъ липературу! Авпоръ долженъ возвышатъ до себя чипапеля, а не унижатся до него. И неужели цѣль авпора—только *смѣшитъ*, смѣшитъ въ пѣсномъ смыслѣ слова?—Въ повѣспяхъ Н. *Гоголя* видно, что авпоръ не думалъ ни о чипапеляхъ, ни о модномъ свѣпѣ; онъ видѣлъ только предметъ—описываемый, и весь исчезалъ въ предметъ.

Въ числѣ повѣспей *Миргорода* особенно достойна вниманія: Тарасъ Бульба, въ которой яркими чертами изображенъ характеръ Запорожцевъ въ XVI столѣтіи. Чипая эпоу повѣспь, перелепаетъ въ XVI столѣтіе, въ Запорожскую сѣчь.—Наспало то время, когда люди уже не такъ спроги къ недоспаккамъ ближняго, не предають—анаеетъ эпи недоспакки, а сожальють о нихъ. Характеръ Запорожцевъ, эпихъ воиновъ, обвинчавшихся не съ *чернобровою*, а—съ саблей острою, не смотря на цинизмъ его, не смотря на его звѣрство, дикость—имѣлъ много великаго, папріархальнаго.—Жизнь

Запорожца въ нѣкоторыхъ минушы дѣбомъ вздымаепъ волость, въ нѣкоторыхъ-жъ минушы—прогаепъ сладоспно сердце, извлекаепъ слезу умиленія. — Повѣспь: Тарасъ Бульба, такъ жива, что кажется слышишь, чипая еѣ—бряцанье сабли, видишь подергиваніе усовъ. Много поэіи въ положеніи общесства людей буйныхъ, разгульныхъ, энпузіасповъ—между пѣмъ робко повинующихся одному челоѣку—Апаману! Но каковъ же долженъ бытъ эпопъ Апаманъ! *Карлъ Мооръ! Ермакъ!*!

Наши Волжскіе разбойники прекрасно выведены на сцену въ драмѣ *Дуумужница*, соч. князя *Шаховскаго*; желаетельно, чпобъ они нашли такоаго *повѣспователя*, какъ Н. *Гоголь*.

Въ заключеніе, какъ Русскій, какъ любящій Малороссію,—подаю руку авпору. Я знаю его, хопя онъ меня не знаетъ. Увѣренъ, что онъ, какъ авпоръ *Миргорода*, позволитъ мнѣ съ чувспвомъ пожапъ ему руку.

А. в. м. л.

Дерптъ.

МЫСЛИ, ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ РАЗНЫХЪ АВТОРОВЪ.

—Въ рѣшипельную минушу робкая оспорожностъ никуда не годисся. Опважноспь доспавляетъ часто побѣду. Многіе опъ нерѣшипельности, опъ медленности упранили свое щаспіе.—Когда же долженъ челоѣкъ дѣйсспивовать *необыкновенно*, какъ не въ *необыкновенныхъ* случаяхъ?

—Геній ессть совершенсство ума; великій характеръ—совершенсство воли; совершенсство челоѣка заключается въ соединеніи генія съ великимъ характеромъ.

—Сердце можно назватъ всегдашнимъ суфлеромъ ума; мы часто думаемъ, что говоримъ умъ, между пѣмъ, какъ шайкомъ сердце ему подсказываетъ.

—Нѣкоторые люди только въ нещаспіи обнаруживаютъ свой дарованія; они подобны кремнямъ, которые даютъ искру только тогда, когда ихъ сильно ударяють спалью.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Въ послѣдній разъ я говорила
Вчера съ моимъ дружкой;
Моя родная запретила
И думать мнѣ объ немъ.

*

Другой женихъ съдой, богатой,
Моей руки просилъ,
И такъ мою родную златомъ
Ни вѣсть обворожилъ!

*

Я шарика невѣспой спала;
Нещастной жребій мой!
Не въ златѣ щастье—я слыхала
Въ любви только одной.

Сухановъ.

Вятское.

Ш А Р А Д А.

Слогъ *первый* въ азбукѣ найдѣше;
Второй рѣка: еѣ вы иначе зовѣте,
Но увѣрю васъ, что такъ еѣ зовѣтъ
Историкъ древній Геродотъ.

Слогъ *третій* говорю, коль я согласенъ съ вами;
А *цѣлое* шеперь у васъ передъ глазами.

Въ No 32-мъ, помѣщенный логогрифъ значить: *Corsaire*
air, Roi, aire, cor, ire, ré, rose, car, or и rive.

М О Д Е С.

On porte beaucoup, le matin, de ces peignoirs en flanelle, dont je vous parlai lors de mon arrivée ici; seulement on les fait ordinairement ouverts devant, afin de laisser voir la jupe de dessous, qui devient un véritable objet de luxe par la beauté des broderies et des dentelles dont on les orne. Alors le peignoir se double entièrement en soie: les blancs, en bleu, lilas, mauve; ceux de couleur foncée, en rose, cerise, jonquille. On fait aussi de ces peignoirs en thibet et mérinos. Quand le peignoir est à revers, le fichu se boutonne avec trois petits boutons en or. C'est ordinairement une cordelière qui serre ces peignoirs à la taille, car ils sont souvent sans coulisses.

Il y a encore eu un beau bal la semaine dernière au Cercle du quai des Augustins. On avait fait de grands frais de décorations et de rafraîchissement, et l'orchestre, conduit par *Tolbecque*, était excellent. Quant aux toilettes, elles étaient celles de tout l'hiver. Voilà la semaine des émotions pour les habitués du bal de l'Opéra. . . . Les lots vont se tirer. . . . mais, hélas! c'est le cas de dire: *Beaucoup d'appelés et peu d'élus*. Quand vous recevrez cette lettre, chère sœur, je saurai le sort que le destin m'a désigné sur quatorze lots et vingt-deux mille billets. Vous conviendrez qu'il faudrait avoir un rare bonheur. . . . Je compte plutôt sur celui de vous revoir et d'être aimée de vous. — *Sarah*.

М О Д Ы.

Для упря въ большомъ употребленіи эти флаanelевые пенуары, о которыхъ я тебѣ говорила сначала моего приѣзда сюда; только ихъ дѣлаютъ обыкновенно открытые спереди, чтобъ видна была нижняя юбка, дѣлающаяся настоящимъ предметомъ роскоши по красотѣ вышиваній и кружевовъ, которыми ихъ отдѣлываютъ. Въ такомъ случаѣ пенуаръ подкладывается весь шапкою бѣлою, голубою, лиловою, цвѣта *mauve*; помемнѣ же цвѣтомъ, розовою, алою, жонкилевою. Дѣлаютъ также пенуары изъ шибета и мериносо. Когда пенуаръ съ отворотами, то шемизетка застегивается прѣмя золотыми пуговицами. Пенуары эти прихвываются около палин шнуркомъ, потому что они часто бываютъ безъ вздержки.

На этой недѣль былъ еще балъ *au cercle du quai des Augustins*. Сдѣланы были большія издержки для отдѣлки и рафаишсментс, и оркестръ, управляемый Толбекомъ, былъ превосходенъ. Что же касается до нарядовъ, то они были тѣ же, что и зимою. Вотъ недѣля сильныхъ ощущеній для всегдашнихъ поѣшпителей маскерадовъ. . . . Будущъ выниматься вынгрыши. . . . но, увы! вотъ кспати сказать: *много званихъ, но мало избранихъ*. Когда ты получишь это письмо, любезная сестра, мнѣ извѣстна уже будетъ участь, назначенная мнѣ судьбою изъ четырнадцати вынгрышей въ двадцати двухъ тысячахъ билетовъ. Согласись, что надо имѣть рѣдкое щастіе. . . Я болѣе полагаюсь на то, чтобъ увидѣшь тебѣ и бышь любимой побою.— *Sara*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 34.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, АПРѢЛЯ 27 дня 1855 года.

Какъ грустно мнѣ швое явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
Въ моей душѣ, въ моей крови!

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ. ПРЕДОПРЕДѢЛЕНІЕ.

(Продолженіе).

Письмо 3.

Спусти два мѣсяца.

Я, кажешься, говорилъ тебѣ, что подлѣ
деревни, гдѣ расположенъ мой взводъ, естъ
деревня *Аделаиды*, доспавшаяся ей послѣ му-
жа. Мнѣ часто хвалили прекрасное ея мѣ-
стоположеніе и особенно березовую рощу
при въѣздѣ.

Однажды, желая нѣсколько развлечь поску
свою, я вышелъ прогуляться. Солнце склоня-
лось къ западу. Долго бродилъ я, самъ не
зная гдѣ. Упоительный запахъ полевыхъ
цвѣтковь, сладострастно препенущій свѣтъ
серебряной луны, отдаленные звуки перели-
вовъ щастливаго соловья, нѣга природы, —
все это наполняло грудь мою какими-то сла-
достно-грустными мечпаніями. Слеза навер-
нулась на глазахъ моихъ. Да, другъ мой! я не
спыжусь признаться тебѣ въ это. Я за-
плакалъ.

Лилія! ты не поняла моей души, моихъ
воспорговъ! ты не поняла всѣхъ жертвъ,
какія готовъ я былъ принести любви моей!..
Вся эта поэзія, кипящая въ груди моей, всѣ
порывы, всѣ испуленіе моихъ воспорговъ,
весь огонь Прометей, пылающій въ душѣ мой-
ей священнымъ пламенемъ, — все это было
для тебя; все это для тебя звучало огло-
сками неземнаго величія, безсмертныхъ спре-
мленій!.. И ты не умѣла оцѣнить всецѣльной
любви моей, ты отказалась отъ моего ща-
стія—кто знаетъ?... можетъ быть и отъ
своего?...

Да!... этошь пламень пожираетъ мою ду-
шу!... Пусть-же жжетъ ея огнемъ неугасае-
мымъ,—скоро. Жетъ быть, превратитъ
ея въ прахъ. Жетъ скорѣе, жетъ лучше.—
Что соединяетъ меня съ жизнію? — Меня
не привязываютъ къ ней никакія отношенія.
Я одинъ въ цѣломъ мірѣ: послѣднее звѣно
этой великой цѣпи разорвано....

—Боже мой! *Николай Петровичъ!* —

Эти слова, этошь голосъ, поразили меня,
какъ ударъ грома.... *Аделаида* сидѣла на дер-

новой скамейкѣ въ роцѣ,—я споялъ передъ нею; споялъ, какъ преспуникъ предъ судіей своимъ.

Лунные лучи падали на ея лицо и кольца черныхъ локоновъ опшѣняли его округлости и еще болѣе опсвѣчивали его бѣлизну и нѣжность. Какая-то помноспь выражалась въ ея взорахъ.

«Извините, *Аделаида Александровна!* я самъ не знаю, какъ зашелъ сюда,» едва могъ я выговорить.»

— Давно не имѣла я удовольствія васъ видѣть; вы не хотѣли посѣтить вашу сосѣдку,— и такъ, я судьбѣ обязана эпою вспрѣчею.—

Какъ мнѣ была несносна эпоа вспрѣча!.. Но дѣлать было нечего,— я съѣлъ подлѣ *Аделаиды*.

Съ какимъ-то участіемъ, испиннымъ, выражающимъ неподдѣльное чувство, она спрашивала меня о моемъ здоровьѣ, о моихъ занятіяхъ, о моихъ обстоятельствѣхъ.

— Напрасно,— сказала она: ведете вы такую скучную, уединенную жизнь. Васъ нигдѣ не видать. Вамъ нужно развлеченіе — поסקа васъ убьетъ... Не скрывайтесь—я знаю, вы любите—и любите несчастливо... Но умѣйте владѣть собою; вамъ много предстоитъ впереди. Не смѣйтесь надъ совѣтами молодой, неопытной женщины,—они происходятъ отъ испиннаго желанія вамъ щастія.—

Другъ мой! я готовъ былъ броситься передъ нею на колѣни, я готовъ былъ расцѣловать ея ноги,—такъ прямо въ душу понеслись эпои звуки.

Не знаю, долго-ли я сидѣлъ въ роцѣ съ *Аделаидой*, но когда она сказала: «уже поздно!» я вздрогнулъ.

— Теперь было бы не прилично,— продолжала она: пригласить васъ къ себѣ, но я надеюсь, вы не откажете завтра опобѣдать со мною. Прощайте!—

И она исчезла. Плащъ ея мелькало между бѣлыхъ березъ. Она показалась мнѣ волшебницею эпои очарованной роци... Не скоро я могъ приплыти въ себя.

На другой день я былъ у неё... Какъ она перемѣнилась!... кровавый румянецъ смѣнила какая-то пихая бѣдность, только поненькія жылки голубѣютъ подъ нѣжно-полированной кожей; дерзкій пламень большихъ черныхъ глазъ ея подернуть какою-то прищипною пускелостию и, вмѣсто насмѣшливой улыбки на коралловыхъ губахъ ея, кажется, покоипся ангель задумчивости.— Но я смпрѣлъ на всѣ эпои прелести равнодушно; я удивлялся ей, какъ прекрасному произведенію природы или искусства, но сердце было спокойно... Спокойно?... Его раздирали адскими когтями фуріи, какъ-бы хотѣли вырвать изъ него самую середину—сердце сердца. И между эпоихъ страшныхъ чудовищъ видѣлся образъ *Лилии*.

Послѣ обѣда мы пошли въ садъ. Замѣтно было, что *Аделаида* хотѣла сказать что-то, но не рѣшалась; наконецъ...

— *Николай Петрович!*— сказала она: когда-то мы были знакомы довольно коропко, и хотя вы оспались мною недовольны, но эпоа коропкость даетъ мнѣ право говорить съ вами и теперь опкровенно.— Примите же мою исповѣдь.

— Когда-то вы любили меня, и я—зачѣмъ тапиться?—предпочитала васъ другимъ молодымъ людямъ... Явился *Гольцъ*... Онъ началъ искать во мнѣ. Вы показывали какую-то смѣшную ревность,—скажите—не должна ли всякая порядочная женщина оскорбиться ею?... Я показывала, особенно передъ вами, расположеніе къ *Гольцу*. Здѣсь было кокетство, я въ эпомъ сознаюсь; но неужели вы такъ мало въ себѣ увѣрены, и такъ мало цѣните меня, чтобы думать, что я могла любить *Гольца*?... Вы обманулись наружностями. Я поздно увидѣла мою ошибку и пожалѣла въ то время, что могла оспавить въ васъ несправедливое о себѣ мнѣніе, которое другъ вашъ *Ниловъ* спарался еще болѣе укоренить въ васъ... Я не знаю, за что эпоитъ человекъ не любить меня. Правда, моя разсѣянная жизнь давала ему поводъ къ неприщипнымъ на мой щѣтъ заключеніямъ,—но согласитесь, что въ моихъ лѣпахъ, оспавшихся свободною, можно сказать, послѣ тяж-

каго рабства, позволительно искашь удовольствій свѣта. — Въ 16 лѣтъ меня опдали замужъ за человека, котораго я едва знала и котораго не могла любить. Къ разнымъ недоспапкамъ онъ присоединялъ еще ужасную ревность. И такая жизнь продолжалась пять лѣтъ. — Наконецъ я узнала свѣтъ такъ, какъ онъ есть — блескъ его обманчивъ: онъ упомилъ меня, не наполнивъ сердца, которое пребуетъ покоя.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я живу здѣсь, я гораздо щасливѣе; одно только пнягопило меня: ваше предубѣжденіе, тѣмъ болѣе, что живя въ споль близкомъ распояніи, вы ни разу не поспили меня. Наконецъ сама судьба свела насъ — и я, пользуясь случаемъ, рѣшилась оправдать себѣ въ вашемъ мнѣніи и предложить вамъ мою дружбу — согласны ли вы?... —

Я поцѣловаль ея руку.

«Но что скажете свѣтъ?»

— Какое мнѣ дѣло до свѣта! Лишь бы я не поперяла уваженія въ глазахъ вашихъ. Но не пребуйте опъ меня ничего, кромѣ дружбы. —

О! какъ я обязанъ ей, этой дружбѣ!... Признаюсь, тебѣ, *Ниловъ*, дружба мужчины не можетъ равняться съ дружбой женщины. Участіе прекраснаго существа какъ-то упищаетъ бурю въ душѣ моей и ея упѣшенія дѣйствуютъ сильнѣе, нежели бы подѣйствовали твои. — Съ какимъ сострадательнымъ участіемъ она спарается разсѣять мою грусть, предупреждаетъ всѣ мои желанія и знаетъ, что я не могу любить её.

Я теперь довольно спокоенъ; не думай однакожь, чтобы образъ *Лили* изгладился изъ моего сердца; — нѣтъ! оно оставилъ его только съ послѣднимъ моимъ вздохомъ; — имя ея напечатлѣно въ немъ буквами, распаленными въ огнѣ адскомъ — эпопъ огонь жжётъ меня.

4.

Спустя полтора мѣсяца.

Свѣтъ твой я получилъ не вовремя — уже поздно. — Другъ мой! я женапъ. Ты скажешь,

что ты ъждалъ эпаго; но не обвиняй ни въ чемъ *Аделаиду*. Несчастіе я бытъ не могу, но ея щаспьемъ буду щаспливъ. Такъ, другъ мой! она меня любитъ любитъ такъ, какъ я люблю *Лилию*. Я могъ замѣпить ея ко мнѣ чувства — это было не то простое, холодное расположеніе, родившееся опъ нечего дѣлать, уничтожаемое иногда эгоизмомъ, — нѣтъ! это было влеченіе души, подавляемое какою-то безнадежностью, увѣренностью безвзаимности, безошчепное, прошивувольное. Какъ ни спаралась она пайтъ свои чувства, но я угадалъ ихъ.... О! я знаю, каково любить безвзаимно....

Аделаида молода, прекрасна собою, умна, добра, исполнена какого-то романизма, котораго мы съ побой и не подозрѣвали въ ней, любитъ меня.... Къ тому же, она имѣетъ весьма хорошее соспоаніе, а жизнь армейскаго офицера, соединенная съ невыгодами недоспапковъ, давно мнѣ надоѣла.

Однажды сидѣли мы на извѣспной дерновой скамейкѣ въ роцѣ; вечеръ былъ пакой же, какъ и въ первую вспрѣчу мою съ *Аделаидою*.

Нѣсколько времени мы молчали.

— Вы чѣмъ-то заняты, *Николай Петровичъ*, — сказала она попомъ: могу ли я узнать вашу пайну? —

«Вы угадали — я занятъ. То, что я скажу вамъ, можетъ бытъ, покажется спраннымъ, — но дѣлать нечего. Не припишите только эпаго моей безхарактерности или въпренности...»

«Я рѣшился просить руки вашей... Неужели все на свѣтъ, и даже вы, будете неумолимо ко мнѣ, какъ судьба?...»

Какъ описать тебѣ ея изумленіе?... —

— Признаюсь вамъ, предложеніе ваше чрезвычайно меня удивляетъ. Я не знаю даже, что вамъ опвѣчать на него. —

Послѣ нѣкотораго молчанія, она продолжала:

— Я знаю, вы любите, или, по крайней мѣрѣ, весьма недавно еще любили другую. Неужели такъ скоро могли вы забыть предметъ пламеннѣйшихъ порывовъ своей

спраси?... Ежели вы забыли уже *Лилию*, то, я думаю, и меня поспигнесть такая же участь. Ежели вы еще любите её, то что будетъ со мною въ такомъ случаѣ?... Будетъ ли въ вашемъ сердцѣ мѣсто для меня?

—Нѣтъ! оставьте эту мысль, — совѣтую вамъ, какъ другъ.—

«*Аделаида!* я не ожидалъ такой жестоко-сти!... Съ вами я забылъ всё неприязнѣе моего прошедшаго, всё мои горести, всё нещастія. Мнѣ казалось, я имѣлъ въ васъ истиннаго друга, съ копорымъ никогда не хотѣлъ бы разстаться,... я вѣрилъ вашему ко мнѣ расположенію... Да! мнѣ казалось... что вы меня любите.»

—Правда, — отвѣчала она съ замѣшательствомъ: я васъ люблю, но я хотѣла скрыть любовь эту не только отъ васъ, но даже отъ самой себя,—не знаю, что мнѣ измѣнилось... Но дѣлать нечего. Повторяю, я васъ люблю.—Но подумайте, будете ли вы щасливы со мною и буду ли я щаслива съ вами?—Повѣрьте себя хорошенько прежде, нежели приступите къ споль важному въ жизни челоуѣка предпріятію.—

«Признаюсь вамъ, я не могу уже любить съ такою пылкостью сердца, какъ въ первый разъ; — впрочемъ любовь моя гораздо разсудительнѣе. Моею привязанностью и уваженіемъ постараюсь сдѣлать васъ щасливою, сколько могу. Я думаю уже обо всемъ, и въ будущемъ одно только спрашивъ меня: разлука съ вами.»

—Дайте мнѣ два дня сроку, дайте мнѣ подумать на свободѣ. Въ эти два дня не приходите ко мнѣ,—на претій вы узнаете мой отвѣтъ... Прощайте!... Извините меня,—вы видите, въ какомъ я волненіи,—я ничего не могу сказать теперь. —

Два смертельныхъ дня провелъ я въ нестерпимо-мучительномъ ожиданіи претіяго;—насталъ эпошъ желанный претій день. Я проснулся рано и пошъ же часъ хотѣлъ лечь къ *Аделаидѣ*; хотѣлъ—и что-то меня удерживало, какъ будто я не смѣлъ. Наконецъ я рѣшился написать ей письмо.

«*Аделаида!* сжалъсь надо мною! сжалъсь надо моими мученіями! Вы знаете всю мою жизнь,—вспомните, сколько нещастій я перенесъ. Помните, какъ гнала меня судьба, какъ на всякомъ шагу я поражаемъ былъ ея ударами, ударами тяжкими, всегда оставлявшими кровавые слѣды въ душѣ моей. Ежели и былъ я иногда ласкаемъ радостями, то какъ онѣ были скоропреходящи! И всегда я плашилъ за нихъ горькими спраданіями. Вы знаете, какое сердце бьется въ моей груди—и оно бьется только для любви и дружбы. Вы поняли всё его движеніе,—вы утѣшали его ласковымъ словомъ и безмолвнымъ взглядомъ участія;—эпошъ взглядъ былъ ему понятенъ. Не часто случалось встрѣчаться мнѣ истинное расположеніе отъ людей, — я не привыкъ къ нему; но за то, какъ я умью дорожить имъ, приобрьши его!... Не опвергайте же моего сердца — примите его. Не будьте участницею въ заговорѣ природы и судьбы противъ его щастія — скажите скорѣе, чего мнѣ ждатель?»

Она отвѣчала однимъ словомъ: пріѣзжайте. —

О! я вѣрилъ предчувствію моего благополучія—мнѣ такъ нужно было вѣрить ему.

Когда я вошелъ къ ней, она сидѣла облокотившись рукою на споль.

—Другъ мой! я швол!— сказала она, бросившись ко мнѣ.

Не могу выразить всѣхъ восторговъ: вообрази и пойми все эпо самъ, ежели съумѣешь.

Мы обвѣчались.

Двѣ недѣли уже, какъ я щасливъ:... Да! я слишкомъ щасливъ—я боюсь моего щастія: мнѣ кажется, оно не можетъ продолжаться долго. Теперь едва нѣсколько прихожу въ себя отъ его чрезмѣрности. Но больше я щасливъ щасьемъ *Аделаиды*.—Какъ она любитъ меня!... Я желалъ бы, чтобы ны видѣлъ её въ домашней жизни;—ручаюсь, что ты полюбилъ бы её. Это не лая въпреная кокетка, не та безнравственная, прозаическая жен-

щина, какъ ты называлъ её, которую, два года назадъ тому, мы видѣли въ Н.—Нѣтъ! это примѣрная супруга, дышущая одною любовію и вполне понимающая обязанности своего сословія.

Аделаида хочеть, чтобы я вышелъ въ опшавку.—На зиму мы ѣдимъ въ Москву, куда и давно уже собирался.

Какъ я люблю Москву! гдѣ столько Русскаго, столько роднаго, драгоценнаго сердцу истиннаго Россіянина!—Гдѣ, какъ въ Москвѣ, столько памятниковъ древности, возбуждающихъ священнѣйшій жаръ ея любви къ отечеству?... Гдѣ найдешь ты столько предметовъ, свидѣтельствующихъ о славѣ эпохи великаго, дивнаго народа?... Спарецъ Кремль говоритъ душѣ Русской о Русской свободѣ. Тамъ наши Цари, тамъ наши Святыя!

Исторія Феникса не есть басня, но прекрасная аллегорія: сколько разъ угнетенная Москва сама слагала себѣ костерь свободы и, возражаясь изъ пепла своего, юная, величественная, непобѣдимая, цѣломудренная дѣва, изумляла всѣхъ опчаяніемъ обширной своей воли, безграничностью своего самопожертвованія. И костерь этотъ сожигалъ враговъ ея—онъ дѣлался ихъ кладбищемъ.

Да! Москва истинно Русскій городъ. Какая разница съ Петербургомъ!—Кажется, я гдѣ-то читалъ, и повторю здѣсь сравненіе. Москва есть милая, умная, добрая, гостепріимная старушка, которой и самыя предразсудки я согласенъ уважать; а Петербургъ—молодая дѣва, сіяющая заимствованнымъ блескомъ.

Прощай, другъ мой! Позавидуй мнѣ.—Не доспаетъ только тебя; но ежели дружба шлоя ко мнѣ не охладѣла, я надѣюсь, что ты не откажешь пріѣхать къ намъ на нѣсколько времени;—объ этомъ просить и моя *Аделаида*.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

ЧЕСТОЛЮБІЕ — СЛАВОЛЮБІЕ.

Честолюбіе стремится къ власти, къ почестямъ, которыя оказываются высокому сану. Славолубіе ищетъ всеобщаго удивленія. Честолюбивый человекъ хочеть быть всемогущимъ; славолубивый—предметомъ величайшаго удивленія; *Кесарь* былъ и то и другое. Честолюбіе можетъ быть спрасію посредственныхъ людей, а славолубіе есть достояніе великихъ душъ.

Въ литературѣ, какъ въ военномъ ремеслѣ, бывають схватки, перестрѣлки и сраженія. Постоянныя арміи супъ—библіотеки; лучіе опрды—журналы; пѣхота и кавалерія—проза и стихи; судьи и палачи—критики и рецензенты; спрѣлки и пушкари—эпиграммы и драматикки; арсеналы и гошпитали—типографіи и собранія древностей; пушечные и ружейные выспрѣлы—оды и шарады; маркипанскіе балаганы и полковые барабанщики—залы для чтенія и поэты на каждый случай; одного только недоспаетъ: нѣтъ пенсіоновъ, инвалиднаго содержанія и инвалидныхъ домовъ. Не худо-бы всей читающей публикѣ составить капиталъ для содержанія опслужившихъ полководцевъ, пожертвовавшихъ своими лучшими годами жизни и своими силами на службу человечества и науки.

О ЧИСЛѢ ОГНЕСТРѢЛЬНАГО ОРУЖІЯ, СДѢЛАННАГО СО ВРЕМЕНИ ИЗОБРѢТЕНІЯ ПОРОХА.

Со времени изобрѣтенія пороха до 1835 года испрачено въ Европѣ 832 милліона центнеровъ мѣди, желѣза, чугуна и олова на лишбѣ морширь и пушекъ, на дѣланіе пшполетовъ и ружей.

Опшито разнаго калибра морширь, единороговъ и пушекъ. . . 1,382,053.
Срабопано ружей. 31,640,496.

Сабель, палашей и шпагъ. . . . 7,000,239.

Примѣчаніе Издателя. За вѣрность этого щѣпа мы не ручаемся.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЛѢНЬ.

П ѣ в е ц њ.

Пора рѣшимъ бы наконецъ
Вопросъ: кто истинный щасливецъ?
Вы скажете: богачъ! мудрецъ!
А я пакъ думаю—лѣнivecъ.

Х о р њ.

Восхвалимъ сладостную лѣнь!
Преданье древнее вѣщаетъ,
Что щасье въ снѣ насъ посѣщаетъ:
Такъ будемъ спать и ночь и день.

П ѣ в е ц њ.

Щасливымъ сладокъ тихій сонъ;
Нещаснымъ—сонъ естъ бѣдъ забвенье;
Не даромъ утверждалъ *Платонъ*,
Что щастіе естъ сновидѣнье.

Х о р њ.

Восхвалимъ сладостную лѣнь!
Преданье древнее вѣщаетъ,
Что щасье въ снѣ насъ посѣщаетъ:
Такъ будемъ спать и ночь и день.

П ѣ в е ц њ.

О вы, что въ слѣпотѣ очей,
Найти хотите щастье въ златѣ!
Фортуна женщина—вѣрный
Еѣ въ поспелѣ ждашь, въ халатѣ.

Х о р њ.

Восхвалимъ сладостную лѣнь!
Преданье древнее вѣщаетъ,
Что щасье въ снѣ насъ посѣщаетъ:
Такъ будемъ спать и ночь и день.

П ѣ в е ц њ.

По мнѣ хоть всё здѣсь спань вверхъ дномъ:
Равно мнѣ—холодно, или паешъ;
Я если и сержусь на громъ,
То лишь за то, что спань мѣшаетъ.

Х о р њ.

Восхвалимъ сладостную лѣнь!
Преданье древнее вѣщаетъ,
Что щасье въ снѣ насъ посѣщаетъ:
Такъ будемъ спать и ночь и день.

П ѣ в е ц њ.

Минскъ, я слышу, грѣшныхъ всехъ
Ссылаешъ въ шаршаръ на мученья;
Но я лишь сплю, а сонъ не грѣхъ:
Такъ мнѣ-ль бояшься осужденья?

Х о р њ.

Восхвалимъ сладостную лѣнь!
Преданье древнее вѣщаетъ,
Что щасье въ снѣ насъ посѣщаетъ:
Такъ будемъ спать и ночь и день.

П ѣ в е ц њ.

Труды въ удѣлъ dospались намъ,
Покой пришелъ на долю рая;
Да что и дѣлашь намъ богамъ?
И я живу, имъ подражая.

Х о р њ.

Восхвалимъ сладостную лѣнь!
Преданье древнее вѣщаетъ,
Что щасье въ снѣ насъ посѣщаетъ:
Такъ будемъ спать и ночь и день.

П ѣ в е ц њ.

Полезный же, лѣнivecъ, васъ
Конечно никого нѣтъ въ мѣрѣ;
Я это докажашъ сей часъ
Могу, какъ дважды два—четыре.

Х о р њ.

Восхвалимъ сладостную лѣнь!
Преданье древнее вѣщаетъ,
Что щасье въ снѣ насъ посѣщаетъ:
Такъ будемъ спать и ночь и день.

П ъ в е ц ъ .

Я шѣмъ начну

(Кончишь сочинитель подвнися).

Михайло Стуридинъ.

С. П. бургѣ. 1820.

E N I G M E.

Sans cesse quelque lien m'attache,
Heureux qui peut bien me plaser!

A moins que l'on ne m'en arrache,
Je meurs où l'on m'a sù fixer.

Si je paraís, c'est une fête,
Je plais, on me trouve charmant,
Et je fais plus d'une conquête
Quand j'exprime le sentiment.

Il me faut toujours de la grâce,
Du naturel, de la fraîcheur;
De l'art aisément je me passe,
L'art n'est jamais qu'un corrupteur.

Un amant n'a pas mon audace,
J'approche plus que lui du cœur;
Qui pourrait occuper ma place,
Serait au comble du bonheur.

Въ No 33-мъ, помѣщенная шарада значить: *Ша-ра-да.*

НОВАЯ КНИГА.

Исторія музыки, переводъ съ Французскаго. С. Петербургъ, — въ Типографіи Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1833 года.

Прочитавъ недавно эпу книгу, мы невольно удивлялись, чпо, со времени выхода ея въ свѣтъ, ни одинъ изъ нашихъ журналовъ (*)

(*) Въ NNo 64, 65 и 66-мъ Сѣв. Пчелы съ похвалою и общоюпелньо упомянуто о вышедшей за два года передъ симъ книгѣ о государственномъ кредитѣ; книгѣ важнаго содержанія и съ большимъ умомъ написанной. До сихъ же поръ, и о семъ прекрасномъ явленіи въ на-

не оцѣнилъ её по достоинству. Искренняя признательность къ Сочинительницѣ и къ Переводчицѣ на Россійскій языкъ, и желаніе познакомить публику съ *Исторією музыки* — побуждаютъ насъ сказать объ этой книгѣ нѣсколько словъ.

Кто не знаетъ, по крайней мѣрѣ кто не слыхалъ, чпо еспь люди, копорые не будучи глухими, — по спранному ли разспройспву нервнаго организма, или по какимъ-нибудь психологическимъ причинамъ, чужды очаровательнаго впечатлѣнія музыки? Для нихъ не существуетъ потребности сочувствовать гармоніи; внимаютъ ли они ей или нѣтъ, для нихъ все равно; они равнодушны и къ родной мелодіи пѣсни опечесвенной, и къ возвышеннымъ опзывамъ гармоніи, выражающимъ черты общаго бытія челоувческаго; свирѣль пастуха и смычокъ *Паганини* — равно ихъ не прогаютъ; изумительные своимъ музыкальнымъ палантомъ малюпки *Эггорни* кажутся имъ ни болѣе, ни менѣе какъ учёными канарейками, а кривлянье какого-нибудь балаганнаго забавника производить въ нихъ добродушное восхищеніе, разверзаетъ уста къ многоглаголанію, и испоргаетъ похвальное слово! Но такихъ чудныхъ исключеній изъ общаго правила челоувческаго, представляющихъ какъ бы игру природы, весьма немного; слѣдовательно, принявъ обязанность высказать здѣсь наше мнѣніе о сей полезной книгѣ, мы не можемъ имѣть въ виду людей съ разспроенными первами, или же испорченными вкусомъ, — но обращаемся къ тѣмъ, въ понятіи копорыхъ музыка не еспь собраніе звуковъ безъ выраженія: но языкъ природы, хопя символическій и таинственныи: но понятный душѣ челоувческой, всегда для неѣ прогапельный.

Чтобы показать могущество вліанія музыки на людей, и опредѣлить мѣру потреб-

шей литературы, помнится, ни въ одномъ Русскомъ журналѣ не было порядочно и подробно объявлено. Мудрено-ли же послѣ сего прейти молчаніемъ переводъ такой книги, какъ *Исторія музыки*? Благодаримъ за ихъ труды Григорія Ильича *Шостока*, а еще болѣе Ивана Дмитриевича *Соколова*. — В.

носпи души ихъ къ проявленію себя въ символахъ, ею доставляемыхъ,—нужно ли говорить, что со временъ доисторическихъ по настоящій день и часть не было поколѣнія, не было народа, который бы не начиналъ бытія своего при звукахъ музыки, и не услаждалъ его эпими очаровательными звуками въ продолженіе своего существованія? Радость и скорбь, молитва и война, спокойствіе и трудъ,—всегда и вездѣ сопровождаемы были музыкою. Ни могущество Царя, ни благочестіе священника, ни суровость воина, ни труды земледѣльца и пасыря, ни торжество побѣдителя, ни рабство угнетеннаго,—ничто и никогда не дѣлало людей чуждыми,—непроизвольнымъ: но прилпнымъ; таинственнымъ: но удовлетворительнымъ для души впечатлѣніямъ гармоніи. Какъ особый символическій глаголь человечества, во все времена она составляла необходимый признакъ бытія его, и дополняла его дѣятельность, высказывая таинственно тѣ невыразимыя ощущенія души, которые когда-либо помнили и волновали её стремленіемъ къ изліянію. Запечатлѣнная рѣзкими чертами народности въ отношеніи къ каждому поколѣнію, музыка содержитъ вмѣстѣ и такіе символы, которые хотя и дѣлаютъ её доступною сочувствію и понятію всего человечества: но никогда не могутъ её профанировать. Это свойство, соединяющее въ музыкѣ таинственность съ общепонятіемъ и возможностью выраженія понятій, невыразимыхъ на языкѣ человеческомъ, дѣлаетъ её столько же благородною, сколько и необходимою для человечества.

Смотря на музыку съ этой точки зрѣнія, нельзя не согласиться, что исторія ея полезна и любопытна, какъ исторія особенной отрасли бытія человеческого.

Изъ представляемой книги, не смотря на краткость изложенія, читатели увидятъ въ какомъ состояніи находилась музыка во вре-

мена глубокой древности, какое имѣла значеніе, и какими средствами была проявляема и совершенствовалась. Со временъ *Амфиотіона* и *Орфея* до *Обера* и *Доницетти*, все великіе музыканты, содѣйствовавшіе развитію музыки и совершенствованію способовъ къ ея выраженію, здѣсь не только поименованы, но и представлены дѣятелями. Различіе музыки древней и новѣйшей; духовной и военной, театральнoй и комнатной, инструментальной и вокальной, со всеми ихъ въ разныя времена видоизмѣненіями у разныхъ народовъ, определено ясно и основательно. Воззрѣнія сочинительницы на различныя эпохи и преобразованія въ музыкѣ, вообще кажутся намъ вѣрными; а сужденія, основанныя на глубокомъ изученіи музыки, убѣдительными тѣмъ болѣе, что сопровождаемы множествомъ ученыхъ ссылокъ, они свидѣтельствуютъ о многостороннемъ ея вѣдѣніи, сосредоточенномъ въ этой небольшой, но весьма многообъемлющей книгѣ. Содержаніе ея, не смотря на множество техническихъ тонкостей, расположено безъ всякаго насилія систематическаго, но опредѣльными практическими,—вообще ясно и удобопонятно. Языкъ перевода чистъ и правиленъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже силенъ и красивъ. Словомъ: для занимающихся музыкою эта книга есть подарокъ, который сообщитъ имъ,—если не возможность углубиться во все ея таинства: по крайней мѣрѣ средства имѣть о ней достаточныя свѣдѣнія, говорить и судить основательно; а потому, желая этой полезной и поучительной книгѣ всевозможнаго распространенія, мы бы порадовались, если бы Гг. учителя музыки, принявъ её въ руководство, не ограничивали своего преподаванія одними сухими и скучными указаніями на мертвые знаки и линіи: но сообщали бы ученикамъ и ученицамъ своимъ какъ исторію, такъ и нѣкоторыя высшія понятія объ этомъ искусствѣ, въ сказанной книгѣ содержащіяся.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 35.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 карпинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Мая 1 дня 1835 года.

Одинъ поршней съ женою жилъ такъ дружно,
Что ихъ всѣ спавили согласія въ примѣръ.
И подлинно, любовь была ихъ выше мѣръ:
Поршней нашъ не шивалъ ни рукавиць, ни шапокъ,
Чтобы на башмаки женѣ, или на подкапокъ
Не выгадалъ украсъъ:
Толико-то сильна была его къ ней спрость!

П. Сумароковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ГОРЧИЦА ПОСЛѢ УЖИНА.

(Сцена изъ общественной жизни.)

Не знаю какъ вы, а я очень люблю смо-
прѣшь на похороны: это мнѣ наводитъ такъ
много мыслей, это въ себѣ имѣетъ такъ
много философіи. Люблю остановиться на
улицѣ и глядѣть на эту процессію, люблю
угадывать кого хоронятъ, и родственники
ли наследники, или родственники, полные
чувствъ, провожаютъ останки человека, шу-
да, куда всѣ мы переселимся. На дняхъ я ви-
дѣлъ похороны богачья, великолѣпныя, по-
хороны въ одной изъ малолюдныхъ улицъ
нашей Падъмиры, и выѣзжали они изъ небо-
гатаго дома, изъ флигелька, выстроенаго
на заднемъ дворѣ, въ смежности съ сараями
и конюшнею хозяина дома. Двѣнадцать фа-
кельниковъ, дроги съ балдахномъ въ шесть
лошадей, голубой бархатный гробъ, горѣв-
шій въ серебрѣ, дакеи въ праурныхъ лив-

реяхъ съ лентами по цвѣту герба, огром-
ный повозъ карепъ. За гробомъ шелъ рыдая
спарець и юноша; они держали плапки у
глазъ и безпрестанно падали на гробъ, ко-
порый покрывали поцѣлуями самыми нѣж-
ными, самыми жаркими; видно было, что не
комедію они играли, а что, напропивъ того,
они чувствовали глубоко поперю — одинъ
жены; другой матери. По-одалъ около нихъ
шелъ пожилой мужчина, великолѣпный бобро-
вый воротникъ котораго свидѣльствовалъ,
что онъ не бѣденъ, въ чемъ еще болѣе мож-
но было удостовѣриться, когда онъ сѣлъ въ
роскошную *Тохиловскую* карепу, запряжен-
ную чепвернею спаннхъ коней. На пово-
ротѣхъ улицы бапаліонъ пѣхоты заставилъ
шесть пріоспановиться, пока дефилировалъ;
бапаліонный адъютантъ, давъ шпоры куцо-
му коню, подскочилъ къ карепѣ богача и
учтиво говорилъ, часто поднося руку къ ки-
веру: разговоръ ихъ былъ по Французски:
«Чьи это похороны, ваше превосходитель-
ство?» спросилъ на томъ же діалектѣ под-

поручикъ, глядя лошадь по крупной шеѣ.—Одной моею бѣдной родственницею,—опѣвчаль бобровый воротникъ громко по Русски: копорая лѣтъ двадцать тому назадъ, вышла за мужъ за эпаго челоуѣка, копорый пакъ много плачетъ; онъ былъ тогда бѣдный чиновникъ, чудака, всегда игравшій роль чеспнаго, попавшійся опъ эпаго. подъ судъ, впадшій въ нищепу.... Родственница моя за была свое происхождение, нанесла паяно нашей фамилии эпимъ бракомъ; мы однако забыли всю эпу неприяность, и вопъ въ доказательство эпаго я дѣлаю эпакія великолѣпныя похороны, гмъ!—Адьюпантъ привѣпливо раскланялся и ускакалъ; баталіонъ прошелъ; похоронный родственникъ высунулся изъ окна и показалъ всѣмъ свою важную фигуру, по видимому для того, чтобы до ушей его долетѣли слова: «Что за примѣрный челоуѣкъ!—Какъ же богато и почетно хоронить еѣ бѣдную, дай Богъ ему много лѣтъ здравствовать!»—Такъ полковали при или чепыре салонницы около карепы его превосходительства, копорый вдругъ посыпалъ дождь мелкаго серебра, приговаривая: «Молишесь за усопшую!»—Будемъ молиться за васъ, ваше *приосаждительство*,—пищали спарухи, подбирая монеты. Я слѣдовалъ за погребеніемъ машинально, и признаюсь, не зналъ, что думать объ эпомъ господинѣ въ *Лохимовской* карепѣ: онъ мнѣ не нравился. Поровнявшись съ какоюто москотильною лавкою, вижу спарика-лавочника, копорый, осѣняясь крестнымъ знаменіемъ, говоритъ: «то-то была добрая барыня, дай Богъ ей царствие небесное!»—Я вступаю съ нимъ въ разговоръ и узнаю, что покойница во всю свою жизнь испытывала всевозможныя лишенія и вмѣстѣ съ чеспнымъ мужемъ перпѣла бѣдность и преслѣдованія богатыхъ родственниковъ. Во время послѣдней болѣзни бѣдное семейство прибѣгло съ просьбою къ этому богачу, копорый далъ двадцати пятаи рублевою бумажку на лекарства и на доктора; но когда онъ узналъ, что она умерла, приставилъ къ усопшей своихъ людей, одѣлъ еѣ въ апласъ, не доставивъ во всю ея жизнь возможности носить ей инаго плащя, кромѣ камлоповаго, и

повезъ шестѣркой пу, копорая не могла ѣздить и въ одиночку. Спарикъ кончилъ свой рассказъ справедливымъ замѣчаніемъ: «спщеславный челоуѣкъ тогда только оказываепъ помощь, когда могутъ другіе громко провозгласить его щедрость: опвращительный крикъ эпихъ салонницъ, находящій опголосокъ въ черни, ему милѣе моленій душевныхъ бѣднаго семейства въ удаленномъ жилищѣ его.» Грустный, я пришелъ домой; мнѣ было грустно во весь день, конченный шумно въ одномъ обществѣ, гдѣ я встрѣпилъ богача, копорого великодушіе громко хвалили въ госпиной. Слова спараго лавочника еще звучали въ ушахъ моихъ.

Петербургскій житель.

П Р О З В И Щ А.

Прежде людей прозывали по ихъ виду, по ихъ помѣспьямъ, по ихъ свойспвамъ. Съ нѣкопорого времени вижу въ свѣстѣ совсѣмъ проотивное, какъ будто бы люди приняли за правило проотиворѣчить своимъ фамиліямъ; на примѣръ: Часто того, кого называютъ *Огневилъ*, не имѣепъ огня и на очагѣ.

Г. *Честновъ* ловипъ обыграпъ навѣрное.

Г. *Гробовъ* необыкновенно живъ.

Смиранный засѣдатель *Тигровъ* допустилъ задорнаго драгунскаго поручика *Яненкова* дернуть себя за носъ при выходѣ изъ театра.

Коллежскій ассесоръ *Легконоговъ* едва передвигаетъ ноги опъ подагры.

Дочь капитана *Веселкова* всегда сидипъ повѣся носъ.

Жена коллежскаго секретаря *Здравомыслова* признана всѣми сосѣдами сумасшедшею. Ни одна горничная не уживалась у неѣ болѣе мѣсяца, ни одна кухарка не опошла опъ неѣ безъ побой.

Маіоръ *Гранитный* мягокъ, какъ воскъ. Жена водипъ его за носъ, пріятели заво-

дьяпъ въ карточную игру, родные переводяпъ деньги изъ его кармана въ свой.

Дѣвица *Лужина* высохла, какъ спичка.

Совѣпница *Болтушкина* молчалива, какъ рыба въ морѣ.

Г. *Бздоковъ* вѣчно ходитъ пѣшкомъ.

На что же даватъ прозвища, копорыя могупъ ввести въ обманъ?

А. Б—овъ.

КАКЪ УЗНАТЬ ЛЮДЕЙ?

Они дерзки изъ лукавства, учпивы отъ скуки, любезны изъ равнодушія, услужливы изъ себялюбія, благородны изъ корысплюбія. Каждый имѣетъ свое любимое словцо; одинъ всегда говоритъ: «позвольте сказать;» другой «опккровенно сказать;» претій «безъ самолюбія сказать;» четвертый «наконецъ;» пятый «во всѣхъ отношеніяхъ;» шестой («корооче сказать.»—Первый всегда дерзокъ, второй прусливъ, претій щеславенъ, четвертый никогда не кончитъ своего разсказа, пятый весьма поверхностенъ въ своемъ разговорѣ, шестой скучный болтунъ. Любимое словцо каждаго человѣка служитъ покрываломъ извѣспнаго ему недоспатка своего.

СОРТИРОВКА ЖЕНЩИНЪ.

Кокетка никогда не перестанетъ желать нравиться, и всегда будетъ думать, что она прелестна. Ей кажется, что время дѣлаетъ только другихъ женщинъ старыми и безобразными, а не замѣчаетъ, что и на ея лицѣ начерпаны годы. Украшавшіе ея молодость уборы обезображиваютъ еѣ и выказываютъ недоспатки старости. Любезничанье и жеманство неразлучны съ нею даже во время болѣзни и печали: она умираетъ, украшенная нарядами и лентами.

Прихопи женщинъ — близкіе сосѣди ихъ красоты; они, такъ сказать, пропивудія красоты, и, кажется, для того существуютъ, чтобы красота менѣ вредила муш-

намъ, копорыя безъ эпаго пособія погибли бы отъ неѣ.

Слабая женщина естъ па, копорую можно упрекнуть ошибкою, копорая сама себя пѣтъ упрекаетъ; у неѣ сердце не слушаетъ разсудка; она хочетъ исправиться, но никогда не исправляется, или очень поздно. *Непостоянная женщина*—болѣе не любитъ; *легкомысленная*—любитъ уже другаго; *вѣтреная*—не умѣетъ любить; *равнодушная*—не любитъ ничего.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРЕДОПРЕДѢЛЕНІЕ.

(*Окончаніе*).

IV.

Нѣсколько человекъ офицеровъ собрались на квартирѣ у *Нилова*. Армейское угощеніе—прубка табаку, вечеромъ спаканъ хорошаго чаю, а ежели естъ деньги или кредитъ у купцовъ, то обыкновенно въ такомъ случаѣ для желающихъ спавится и бутылка рому.

Распорядившись, *Нилонъ* извинился передъ поварицами и вышелъ на нѣсколько минутъ къ полковнику, ибо, занимая должность полковаго адъютанта, не всегда могъ располагать, какъ хотѣлъ, своимъ временемъ.

«Что такъ задумался, *Конгезаровъ*?— Ужъ не влюбленъ-ли?»

— Влюбленъ-по влюбленъ, эпо я знаю;— вѣдь у него, какъ и у меня, сердце—заѣздная корчма. Да только въ кого?— Скажи-ка и намъ пвой секретъ.—

«Все сказалъ бы, друзья мои,» опвѣчалъ *Конгезаровъ*: «да, признаюсь, и самъ не знаю.»

— А, припворлешься!— Такъ я скажу за тебя.—

«Говори пожалуй.»

— Не будешь сердиться?—

«Нѣтъ, не буду.»

— Въ Анну Петровну *Солнцову*.—

«А, bravo! Это дѣлаетъ честь пвоему вкусу. Славная дѣвка! Чпо за плечи, чпо за паля, чпо за ножка!—Прелесть!—О! сколько онѣ общають удовольствій щасливому обладателю!...»

— Богатъ же ты сравненіями.—

«А, въ самомъ дѣлѣ, *Конгезаровъ* не можетъ не быть влюбленъ; да и зачѣмъ перяпъ напрасно время?— Чпо касается до меня, я въ семь лѣтъ опъ роду была уже влюбленъ... Съ какимъ бывало неперпнїемъ ожидаю прїѣзда *Мары Ивановны!*... Одно имя ея могло изъ меня все сдѣлать.—А какъ бывало возьмешь меня на руки, да поцѣлуешь—такъ чпо пвоя малина!»

— О женщины!— Чпо онѣ дѣлають съ нашимъ брапомъ!... Мнѣ кажется, нѣтъ вещи, на которую я не рѣшился бы, для хорошенькой женщины... разумѣется.—

«Да! душа мущины сосредоточена въ пѣлѣ женщины.»

— *Конгезаровъ!* да полно думаешь!— Скажи-ка намъ, да не запирайся—любилъ-ли тебя *Анета?* —

«А почему я знаю! — Она мнѣ ничего не говорила.»

— Чудакъ! да кпо-же говоришь объ этомъ? Но ты самъ могъ замѣнить чпонибудь. —

«Сколько я замѣнилъ, кажется любить.»

— Такъ зачѣмъ же и оспановка? — по рукамъ да и въ церковь. —

«Оно такъ, да не хочется женишься, — надоѣстъ еще быть женапымъ.»

— Такъ для чего же ты и влюбленъ?—

«А вопъ такъ, опъ нечего дѣлать,.... ччтобъ не такъ было скучно,... впрочемъ и безъ сватьбы время проволочимъ.»

— Вопъ чудакъ! А меня такъ забираешь смертная охота женишься, да не на комъ.—

«Какъ не на комъ? — А *Надежда Веневская* чѣмъ не невѣста? шестьдесятъ душъ хорошо устроенаго имѣнія, серебряный сервизъ, лондо.»

— Нѣтъ, братъ, спасибо! Не хочешь-ли самъ попробовать щастья. Въдѣ ей-по близко тридцати. —

«Тѣмъ лучше — опытная дѣвушка. Будетъ славная хозяйка. Ручаюсь тебѣ, чпо она умѣетъ оплично солипъ огурцы, мариновать вишни, до которыхъ ты такой охотникъ,.... а блины!... Помнишь прошедшую масленицу?»

— Чпо у тебя за дивныя сравненія?—

«Дѣло не о сравненіяхъ, а о невѣспахъ для *Канина*. Ну, а *Вѣра Семипольская?*»

— Фи, какал проза!— Все читаетъ романы *Лафонтена*, да поѣтъ подъ гитару: «сударилъ часть, мѣдъ зазвучала.» — Упѣшила она меня одинъ разъ. Кпо-то ей сказалъ, чпо я иногда пишу,— вопъ и приспала она ко мнѣ, какъ банный листъ: «вы занимаешься литерапурою?»— Да,— опвѣчалъ я.—

«Ха, ха, ха!»

— Ха, ха, ха!—

«Проза!— Да гдѣ же тебѣ набрать поэзіи?... Вопъ *Федя Болтушкинъ* безъ памяти влюбленъ въ неѣ.»

— Кспапи! Гдѣ-то нашъ *Федя?* Давно я не видалъ его.— Ну! ужъ признаюсь, не знаю, говоришь ли онъ когда нибудь правду! —

«Говоришь, — по полько съ просопья.»

— Какъ снѣгъ на голову! Вопъ и онъ. Здорово, братъ! Гдѣ ты пропадалъ? — Чпо съ побой случилось въ это время?— Вѣрно куча анекдотовъ?... —

«Да, вчера случилось со мной преспранное произшествіе.»

— Слушайте, слушайте! —

«Я былъ у *Семипольскихъ* и возвращался уже, какъ бы сказать, довольно поздно; ночи теперь темныя, ничего не видалъ, только снѣгъ бѣлѣлся. Вопъ, какъ бы сказать, подѣзжаю я къ лѣску. Вдругъ, чпо то, ей Богу не знаю, споптъ преспранное: собака не собака, корабль не корабль, пушка не пушка, а, какъ бы сказать, ччто-то похожее на мерпвеца, въ бѣломъ саваѣ, который разспавилъ руки и держилъ въ одной свою голову, а голова плачетъ, какъ бы сказать, какъ маленькой ребенокъ. Вы знаете, чпо я всегда ѣзжу съ заряженными писполемами.»

— Да врешь, у тебя писполепы безъ замковъ. —

— Не перебивай же. Ну, продолжай. —

«Вопъ, какъ бы сказаць, я взялъ писполепы въ руки, слъзъ съ саней и, не пруся, подошелъ къ нему. Чпо-жъ бы вы думали вышло? Дерево, какъ-бы сказаць, осыпанное инеемъ, а въпви мнѣ показались руками. Смѣлся-жъ я, смѣлся самъ надъ собой!...»

— Ну, а кто же плакалъ? —

«Ежъ сидѣлъ на деревѣ.»

— Ну братъ, *Федоръ Дмитриевичъ!* какъ тебѣ не стыдно лгашъ пакъ безбожно! —

«Это почно правда.»

— Да откуда-жъ ты взялъ ежа зимою, копорый еще и плачешъ, какъ дыня? —

«Нѣтъ, виновашъ, не ежъ, а, какъ бы сказаць, сова.»

Въ эту мипупу вошелъ *Ниловъ*.

— Извините, друзья мои, что я пакъ замѣшался. Сего дня именины нашего любезнаго *Глинскаго*, — вы всѣ его знаете и любите пакъ же, какъ и я. Выпьемъ за его здоровье по спакану Шампанскаго. —

Предложеніе принято; пробка ударила въ пополокъ, и шипучая влага наполнила прежде спаканы, попомъ желудка веселаго общества, а наконецъ и головы нѣкопорыхъ поклонниковъ *Вакха*.

— Да! сказалъ *Ниловъ*, — я и забылъ: вопъ вамъ сегодняшнія газеты; я и самъ ихъ еще не чипалъ. —

«Давай, давай!»

— Дайте мнѣ листокъ *Съверной Пчелы*. —

Пробѣжавъ нѣсколько спрокъ, онъ съ досадой бросилъ его на столъ.

— Кажется, я скоро совершенно откажусь опъ газетъ. — То и дѣло, что *Донъ Мигюель*, да герцогиня *Беррійская!*... Надошли они мнѣ! — О *Донъ Мигюель* лѣтъ десять назадъ чипалъ я въ Московскихъ вѣдомостяхъ, копорыхъ отецъ мой выписывалъ опъ печего дѣлапъ. —

«Помилуй, братецъ! неужели тебя не занимаешъ современная исторія? —

«Очень мнѣ импересно знать, что герцогиня больна, а *Д. Мигюель* разбилъ *Д. Педра*, или самъ разбитъ! — Вѣдь я съ ними незнакомъ! — А когда случай приведетъ познакомиться, по они сами въ коропкихъ словахъ расскажутъ мнѣ свои исторіи. — Для чего же мнѣ запруднять себя чтениемъ эпихъ газетныхъ здоровъ? — Опъ чего не напечапаютъ о нашемъ пріятелѣ *Челбулт*, копорый сполько лѣтъ со славою подвизался на поприщѣ *Марса*... Дайте мнѣ лучше *Инвалидъ*, — шамъ, можетъ быть, найду кого нибудь знакомаго.»

— А, что это пакое? — «Исключается изъ «списковъ, убитый въ сраженіи пропивъ *Горщевъ*, *** *Драгунскаго полка маіоръ Глинскій*.»

— Не родственникъ ли это нашего *Николы*? —

«Какъ,» вскричалъ *Ниловъ*: «*Глинскій*?... Ну, друзья мои! Мы собрались пипъ за здорье, — выпьемъ же за упокой души: это нашъ добрый пріятель.»

— Да кто занесъ его въ полкъ? — Вѣдь онъ хорошо женился, вышелъ въ опспавку и жилъ въ *Москвѣ*, — чего недоспавало ему? —

«Много.... Я вамъ расскажу его исторію.»

«Вы знаете бывшую *Тимановскую*; знаете, что въ эпой женщины нѣтъ ни души, ни сердца, ни благородныхъ чувствъ. Я никогда не оправдывалъ привязанности къ ней *Глинскаго*; я успѣлъ было опвлечь его опъ эпой женщины, — но сама судьба влекла его къ гибели. *Тимановская* хопѣла непремѣнно имѣть мужа, для того только, чтобы свободнѣ показывался въ свѣтъ, ибо начинали носиться слухи, не совсѣмъ благопріятные, на щепъ ея поведенія и, судя по вѣрояпностямъ, справедливые; кромѣ того, она можетъ быть боялась еще чего нибудъ; но ей было все равно, кто бы ни былъ ея мужемъ. Долго всѣ ея спаранія не удавались, — наконецъ она успѣла обмануть пылкаго *Глинскаго*: она поняла его характеръ,

начала къ нему принаравливаясь—и сдѣлалась его женой.

«Можетъ быть она его нѣсколько и любила, но это не была та священная любовь, которая возвышаетъ человѣка, — это былъ скоропреходящій, мимолетный капризъ женщины.

«*Глинскіе* пріѣхали въ Москву,—и первый явился въ ихъ домъ *Гольцъ*. Можете вообразить себѣ, какъ пріятно было такое посѣщеніе для *Николая*. Онъ принялъ его довольно холодно; но, не смотря на это, *Гольцъ* продолжалъ къ нимъ ѣздить.

— *Аделаида!* сказалъ однажды *Глинскій*: ты знаешь мои давнія отношенія съ *Гольцемъ*; знаешь, что я не люблю этого человѣка — и принимаешь его, какъ кажется, съ удовольствіемъ.

— Браво, *Николай Петровичъ!* вы начинаете быть ревнивымъ! Я очень довольна: это доказываетъ, что вы еще любите меня.

— Я говорю это не изъ ревности, — это было бы слишкомъ глупо съ моей стороны, — такая мысль очень далека отъ меня, — но мнѣ непріятно принимать у себя человѣка, къ которому не лежитъ душа.

— Я не знаю, за что ты не любишь *Гольца*, — онъ человѣкъ очень порядочный, принявъ вездѣ, — зачѣмъ же намъ не принимать его?

— Положимъ, что это капризъ, — но неужели, другъ мой, ты не захочешь исполнить одного моего каприза, тогда, какъ я ни въ чемъ тебѣ не отказывалъ.

— Но, скажи мнѣ, какой имѣешь ты предлогъ отказать отъ дому *Гольцу*. Не смѣшно ли это будетъ? Подумай, что спануть говорить! Всѣ будутъ надъ нами смѣяться.... Къ тому же, признаюсь тебѣ, я нахожу удовольствіе въ обществѣ *Гольца*. —

«Дѣлать нечего—*Глинскій* пожалъ только плечами.

«*Аделаида* начала вести прежнюю разсѣянную жизнь. Хотя посѣщенія *Гольца* и сдѣлались довольно рѣже, но разные непріятные слухи, о которыхъ обыкновенно мужъ узнаетъ послѣдній, дошли и до *Глинскаго*; онъ не скрылъ ихъ отъ *Аделаиды*. Она оповѣстила ему однимъ смѣхомъ.

«Однажды, опягченный грустными мыслями и желая нѣсколько разсѣять поску свою, *Глинскій* безъ всякой цѣли вышелъ изъ дому. Долго бродя по городу, зашелъ онъ къ *Педоти*. Между молодыми людьми, тамъ собравшимися, не было ни одного знакомаго ему лица. Спросивъ чашку шоколаду, сѣлъ онъ уединенно въ углу, не обращая вниманія на разговоры. Вдругъ кто-то произнесъ его фамилію,—онъ началъ прислушиваться.

— Да! прелестная женщина! Можно поволочиться за нею съ удовольствіемъ, и пѣть болѣе, что время не будетъ потеряно безъ всякой пользы.

— Отъ чего нигдѣ не видишь ея мужа?

— Да, это странно. Сколько разъ начиналъ я говорить о немъ съ *Аделаидой*, она всегда съ неудовольствіемъ отвѣчала на мои вопросы.

— Долженъ быть какой нибудь медвѣдь.

— Какъ обыкновенно мужъ.

— Тѣмъ лучше для насъ: скорѣе можно успѣть.

— Однакожь до сихъ поръ никто еще не успѣлъ.

— Какъ никто, — а *Гольцъ*....

— Но, можетъ быть это одни пустые слухи?

— Совсѣмъ не пустые. Я давно уже подозрѣвалъ это, — и однажды рѣшился спросить самаго *Гольца*. Изъ его разсказовъ я замѣнилъ, что тупъ должна быть какая нибудь шпунка.... *Глинская* очень дружна съ *Шестовской*, и, какъ я узналъ разными продѣлками, тамъ она всегда назначаетъ свиданія *Гольцу*. Впрочемъ, это мнѣ сказано подъ секретомъ; но вы знаете, что я не могу молчать о подобныхъ вещахъ. —

«*Глинскому* нечего было слушать болѣе.... Хотя онъ и не совсѣмъ вѣрилъ разсказамъ молодаго болшуна, но рѣшился разузнать объ истинѣ его словъ, — и когда не оспавалось болѣе никакого сомнѣнія о поступкахъ *Аделаиды*, онъ опредѣлился въ *** полкъ, вырубилъ своей саблею маіорскій чинъ и палъ

преждевременно жертвою нещасной судьбы своей.»

— Sic fata volunt. Миръ праху твоему, добрый поварщикъ!—сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, выпивъ свой спаканъ.

II. Мартосъ.

Вознесенскъ.

СТОЛПЪ ВАВИЛОНСКІЙ.

Лордъ Байронъ :

Когда взаимная нѣжность, которую питають любовники, изглаживается въ ихъ душахъ, по смерти немного оспаешся опнимаешь у нихъ.

Саади, Персидскій поэтъ :

Я не роза, но жилъ вблизи ея.

Массильонъ :

Спарси, похвailable и внушаемая свѣтомъ, навлекають намъ его презрѣніе; добродѣтель, порицаемая и гонимая свѣтомъ, доставляетъ его уваженіе.

Г-жа Флледъ :

Будущность, будущность невѣрная и неопредѣленная, ты, которая никогда не приходишь пакъ, какъ мы того желаемъ или спрашимся, по крайней мѣрѣ не оставь меня безъ надежды!

Леонъ Гозланъ :

... Когда мнѣ ничего болѣе не оспаешся, я начинаю вѣровать, я молюсь и люблю, ибо, чтобы любить, надобно имѣть душу, глубоко проникнуваю вѣрою.

Г-жа Сталь :

Въ сердцѣ женщины столько робости и вмѣстѣ пылкости чувствованій, что самое незначительное обстоятельство можетъ остановить или увлечь ея.

Амалія Монферра :

О донъ Кихотъ! сколько слезъ должны пролить о тебѣ нынѣшнія женщины! Какой мужчина умѣетъ въ наше время любить, не опасаясь быть смѣшнымъ; а любовь сама составляетъ предметъ смѣшнаго.

Сенека :

Лжець—это бездушникъ, который боится людей и не спрашивается божества.

Г-жа Флледъ :

По какому роду самолюбія желаемъ мы для любимаго человека похвалъ и одобреній, которыхъ не ищемъ для себя?

Рейналь :

... Вообще, льта развивають эгоизмъ въ мужчинахъ и уменьшаютъ его въ женщинахъ...

Молодые люди обыкновенно бываютъ мѣтѣ заражены эгоизмомъ, нежели опцы ихъ; молодые дѣвушки—болѣе, нежели ихъ матери, съ немногими исключеніями. Короче, приближался къ спарси, мужчины спановляясь испорченнѣе, женщины добродѣтельнѣе.

... Пожилыя женщины обращаются къ набожности по нѣжности, спарики изъ страха.

Ж. Ж. Руссо :

Щастіе есть отсутствіе злополучія.

Шатобрианъ :

Чтобы загладили проступокъ въ глазахъ людей, попребны цѣлыя годы раскаянія: для Бога довольно одной слезы.

Лагаръ :

Способность позабывать есть одно изъ благъ, которыми природа надѣлила человека; иначе какъ могъ бы онъ выносить въ одно время и все свое прошедшее и все наступающее.

Индійское правило :

Младенецъ! родясь на свѣтъ, ты плачешь, а все улыбаешься вокругъ; поступаай пакъ, чтобы, разспаваясь съ жизнью, ты одинъ могъ улыбаешься, а всѣ другіе проливали слезы.

Викторъ Гюго :

Дружба:—это — союзъ брата и сестры, двѣ души, которые соприкасаются, не сливаясь; два пальца руки. Любовь:—это два существа, соединяющіяся въ одно.

Ренѣ Детурбе :

По легкомыслию, свойственному влюбленному, она хотѣла забыть его, но прежде, чѣмъ оставитъ его навсегда, взглянуть на него еще разъ... Бѣдная дуручка!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Я разучился уповать,
 На вѣки съ радостью просидился,
 Я перестала давно желать,
 Съ бѣдой и съ горемъ породилась,
 И свыкся съ лютою поскою,
 Какъ шрүү съ могилою сырой,
 Какъ узникъ съ пѣсною шюрьюмой.
 Я загубилъ воспоминанья,
 И въ чахлоу полѣ быціа
 Остался жерпвою спраданья,
 Спокоенъ я, доволенъ я...
 Но иногда я вдругъ скупаю,
 Хочу чего-то и боюсь,
 Чего-то грустно ожидаю,
 Чему-то въ шайнѣ веселюсь...

М. Демидовъ.

Ш А Р А Д А.

Начало вы мое ищише въ хлѣбѣ,
 И въ небѣ,
 И въ азбукѣ, когда охоша ешь.
Концеъ ешь городъ; онъ рѣки названье,
 Все—рыба, водъ огромное созданье.
 Еѣ съ бопвиньєю опимѣнно вкусно ѣшь.

III.

Въ No 34-мъ, помѣщенная загадка значить: *Bouquet.*

М О D E S.

Je vous ai parlé des mariages français dans une de mes dernières lettres, ma chère sœur, je viens d'assister à une belle nocę; la mariée avait quinze ans, une jolie figure, et, ce qui rendait la chose plus intéressante, deux cent mille écus de dot, aussi y avait-il grand luxe et grand fracas. Nous avions été voir la corbeille la veille au soir, le marié avait été fort généreux, et la petite personne répétait à chaque nouvel objet: *il doit être bien aimable* (elle l'avait vu trois fois).

Cinq châles de cachemire; un blanc, long, à fond uni et hautes palmes, un rouge et un bleu pareils; un noir carré à grandes rosaces au milieu, belle bordure tout autour; le cinquième, jaune, à palmes partout, également carré, mais les palmes si rapprochées que l'on en voyait à peine le fond. Une robe de blonde blanche et le voile pareil. Une robe de blonde noire avec un dessous de satin couleur de rose. Deux écharpes de blonde blanche et noire. Une magnifique parure de diamans, le collier, les boucles d'oreilles, une aigrette, les bracelets, une sévigné à laquelle était attachée l'agrafe. Une pareille parure en camées antiques montés avec un art merveilleux. Voilà les principaux objets de cette corbeille.

Pl. 13. Chapeau en velours orné de perles.—Robe de velours épinglé à manches de tulle.—Volant de blonde.—Satin de cachemire.

М О Д Ы.

Въ одномъ изъ послѣднихъ моихъ писемъ я говорила тебѣ о Французскихъ свашбахъ, любезная сестра; я была на прекрасной свашбѣ; не вѣста была пятнадцати лѣтъ, не дурна собою, и двѣсти тысячъ *écus* приданого—дѣлала эпу вещь еще занимательнѣе, и потому была великая роскошь и много шуму. Мы ѣздили смонрѣть корзинку наканунѣ вечеромъ; женихъ былъ очень щедръ, и *маленькая особа* повшорляла при всякомъ новомъ предметѣ: *онъ долженъ быть очень любезенъ* (она видѣла его три раза). Пяшь Турецкихъ шалей; одна бѣлая, длинная, средина гладкая, пальмы широкія, — красная и голубая шакія же; черная четвероугольная, съ большими кругами въ серединѣ, вокругъ красивая койма; лилая желтая, по всей пальмы, шакже четвероугольная, но пальмы шакъ часты, что едва видѣнъ былъ грунпъ. Бѣлое блондовое платье и вуаль шаккой же. Черное блондовое платье на розовомъ апласѣ. Два шарфа блондовые бѣлый и черный. Великолѣпный брилліаншовый приборъ, ожерелье, серьги, перо, браслеты, *seigné*, къ которой прикрѣплена была застѣжка. Такой же приборъ изъ аншиковъ, обдѣланныхъ съ чудеснымъ искусствомъ. Вотъ главные предметы эшаго приданого.

Карш. No 13. Бархатная шляпка, украшенная бусами.— Платье изъ неразрѣзнаго бархату съ шюлевыми рукавами.— Блондовая фалбара.— Кашиемировый апласъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 36.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Мая 4 дня 1835 года.

Недавно дѣва молодая,
Красою свѣжею блистая,
Вспушила въ вихорь городской,
Она еще не разсудила,
Не поняла души своей;
Но темною мечтою въ ней
Она уже проговорила.

Е. Баратынскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПАГИТА.

Былъ вечеръ, одинъ изъ прелестныхъ веченныхъ вечеровъ Испаніи, исполненныхъ нѣги и задумчивости. Одна молодая женщина съ примѣтнымъ усиліемъ подымалась по узенькой пропикѣ къ образу Мадоны: обломки скаль и песокъ, нанесенный съ горъ продолжительными дождями, замедляли ея прудный путь; но умишительная надежда быть скоро матерью, поддерживала ея послѣднія силы. Подойдя къ образу, она забыла все земное, чптобъ обратиться съ искренними молитвами къ Покровительницѣ слабыхъ матерей.

Она желала сына, и живая вѣра говорила ей, чпто ходатайство Той, которая любитъ награждать благочестивыхъ, исполнишь ея надежду. Она преклонила колѣна на томъ камнѣ, который столько разъ былъ свидѣтелемъ усердной молитвы пилигрима. Вдругъ

какой-то легкій шумъ заспавляетъ еѣ поднятъ глаза и, при свѣтѣ луны, не опуманенной ни однимъ облакомъ, она видить, чпто успа Пресвятой озарилась упѣшительною улыбкою. Проникнутая сладкимъ упованіемъ, она медленно вспала и съ упѣшеніемъ посмотрила еще разъ на Ту, которая пробудила въ ней споль усладительное чувство. Возвращался домой, она съ кропостию предалась ожидаемому щаспію, и въ самомъ дѣль, надежда не обманула еѣ: она родила сына, котораго назвала *Антоніо*. Черезъ нѣсколько лѣтъ образъ Богородицы былъ осѣненъ вѣтвями померанцоваго дерева, посаженнаго въ день рожденія ребенка.

Въ одно время съ *Антоніо* родилась *Пагита*. Дитя природы, она была споль же прелестна и прогашельна, какъ и сама природа — въ ней все дышало любовію. Еще въ дѣтствѣ они питали другъ къ другу нѣжную привязанность, которая скоро развилась въ самой роскошной любви.

Пагита знала все могущество пылкой страсти юноши, и, увлекаемая кроткою спыдливостію, приводила его къ Образу. Тамъ не успрашали её ни сладостныя кляпвы любви, ни прохладная тѣнь густаго лѣса, ни таинственный мракъ ночи, исполненный прелестей и роскоши. Покровительница ея здѣсь; Она никогда не покидаеть уповающихъ на Неё.

Въ именины *Антоніо* *Пагита* купила у пилигрима серебряное кольцо съ гроба мученика. Получая этопъ благочестивый залогъ любви и вѣрности, онъ похипилъ пламенный поцѣлуй. Невинная дѣвица вспыхнула и кинулась въ объятія матери. «*Антоніо!* будь моимъ сыномъ!» сказала мать, и черные глаза *Пагиты* блеснули восторгомъ.

День ихъ брака назначень: *Пагита* плепеть вѣнокъ изъ прелестнѣйшихъ цвѣтпвъ и подноситъ его Пресвятой Дѣвѣ; жерпва ея такъ же чиста, какъ и сердце. Съ умиленіемъ видипъ она тѣ мѣста, гдѣ останавливалась съ своимъ другомъ; по дерево, которое носитъ имя *Антоніо*. Пріятныя воспоминанія увеличиваютъ ея блаженство.

Но вдругъ изъ-за колеблющихся деревьевъ выходитъ сухощавая женщина, съ сверкающими взглядами, съ распущенными волосами. «Не пройдетъ и недѣли, и *Антоніо* уже не будетъ въ здѣшнихъ горахъ!» произнесъ ужасный голосъ. Злобный смѣхъ сопровождалъ это предвѣщаніе; при раза раздался онъ въ ухахъ дѣвушки. Все умолкло, но страшный голосъ звучалъ еще въ сердцахъ *Пагиты* и повпорялъ, что другъ ея уѣдетъ. Медленно она возвращалась; надежда её покинула; *Антоніо* уѣдетъ! Хипана пропророчествовала.

Черезъ нѣсколько дней распроспранилась молва о войнѣ; вездѣ говорили о непріятель. Сердце *Антоніо* забилось сильнѣе, въ немъ пробудилось чувство благородной ревности. *Пагита* огпдадала его намѣреніе и содрогнулась, какъ женщина; но она Испанка.—Крѣпко прижавъ его къ своему сердцу, она сказала: «ступай, но возвратись побѣдипелемъ, тогда я пвон навѣки.»

Молодой Испанецъ беретъ ружье и мечъ, одѣвается въ длинный сѣрый плащъ и прощается съ своею возлюбленною.

Пагита бѣжипъ съ быспропою серны, взбирается на самую высокую гору, смоприпъ опшуда на удаляющагося любовника, и манипъ его своимъ шарфомъ. Блеспящее оружіе опразило вдали лучи солнца: это ружье *Антоніо*. Скоро онъ исчезъ между множеспвомъ скалъ. *Пагита* ничего болѣе не видипъ; она оспалась одна среди горъ, сердце ея сжалось. Она посмопръла вокругъ себя и увидѣла померанцовое дерево. Вѣнокъ, копорымъ она украсила Мадону за нѣсколько дней до опъѣзда *Антоніо*, былъ еще свѣжъ. *Пагита* съ гореспію взяла его.—Увы! подумала она, онъ долговѣчнѣе моего щастія.—Въ разсѣяніи она начала рвать цвѣтпы, украшавшіе берега быспраго ручья, и кидала ихъ далеко отъ себя. Кипящая вода потока поглощала въ мушной пѣнѣ и яркіе цвѣтпы и ихъ благоуханіе.

Не есть ли потоки сей изображеніе тѣхъ буйныхъ спраспей, копорыя безжалостно разрушаютъ всѣ сладкія и блеспящія мечтпы сердца, еще юнаго жизнию!

Всякой день *Пагита* приходипъ на по мѣсто, съ копораго въ послѣдній разъ видѣла своего *Антоніо*. Съ умиленіемъ глядипъ она на дерево: оно одно занимаетъ её; нѣжная и суевѣрная, она думаетъ, что отъ его жизни зависипъ жизнь ея друга, и съ заботливостію поливаетъ его прохладной влагой. Мадона и услужливый источникъ беспреспанные свидѣтели ея уединенныхъ заботъ. Благоговѣніе и любовь раздѣляютъ сердце юной дѣвы.

Сѣрый плащъ часто представляется ей между скалами, въ ухахъ ея раздаются шаги пупника, копорый, примѣпя издали кровь своей мирной хипины, спѣшипъ объятъ преспаряющую мать и предметъ своей первой любви; она вздрагиваетъ..... но сердце её обмануло.—*Антоніо* не возвращается,—это всѣхъ беспокоиптъ. *Пагита* смоприпъ на померанцовое дерево: вѣтвы его также зелены; цвѣтпы все также прелестны; она

упѣшается и, смотря на дорогу, по копорой онъ удалялся, говоритъ: онъ возвратился. — Прошло много времени, нѣкоторые изъ поварищей *Антоніо* уже возвратились, но его не было съ ними. Дерево увядаетъ, листья его желтѣютъ, сохнутъ и падаютъ; надежда гаснетъ въ сердцѣ *Пагиты*. Тщепно сидитъ она оживить умирающее распеніе: шелестъ изсохшихъ листьевъ подъ ея ногами поражаетъ ея сердце, какъ мрачное предзнаменованіе.

Однажды вечеромъ она возвращалась медленными шагами, помимая жестокимъ уныніемъ. Палацій въперъ юга предвѣщалъ бурю; прелестные черные локоны развивались по лицу печальной красавицы. Вдругъ раздался ужасный смѣхъ, подобный тому, который предсказалъ ей отъѣздъ *Антоніо*; она оспановилась: «Онъ не возвратился!» прогремѣлъ опвращивельный голосъ; молнія блеснула и *Пагита* узнала Цыганку. Волнуемая ужасною мыслію, копорую боится проникнуть, она бѣжитъ къ матери *Антоніо*; видитъ серебряное кольцо и узнаетъ его. На споль лежатъ шарфъ и длинный сѣрый плащъ, копорого она такъ давно ожидала. Глухой спонъ вырывается изъ ея груди: «Онъ умеръ!...» И слезы матери подтверждаютъ эти слова. *Пагита* съ жаромъ цѣлуетъ кольцо и, накинувъ на себя шарфъ, который сама ткала, поспѣшно удаляется. Повсюду царствуетъ густой мракъ, прерываемый только мгновеннымъ блескомъ молніи; эхо горъ разноситъ далеко безпрестанные удары грома.

Воды съ шумомъ спремются съ горъ; пропинки, между коими журча пробѣгалъ *Арреро*, превратились въ глубокіе опасные рвы; въперъ, спѣсненный въ узкихъ ущельяхъ, съ свистомъ вырывается; градъ съ прескомъ разбѣгается по скаламъ; изрѣдка, среди сего ужаснаго боренія спихій, упѣшивельный звукъ колокола напоминаетъ заблуждшемуся спраннику, что недалеко отъ него обитаетъ Божія, убѣжище отъ бурь природы и сердца.

Пагита ничего не слышитъ, ничего не видитъ: любовь и опчаяніе влекутъ ея къ

Мадонѣ. Она бросается къ своему дереву, озаренному молніей. — О, мой *Антоніо*! вскрикиваетъ она, прижимая его къ своему сердцу. Эхо повторило эти послѣднія слова вѣры и любви; но *Пагита* его уже не слышала.

На другой день *Пагита* не возвращалась; её долго искали, наконецъ нашли у померанцоваго дерева бездушное тѣло нещасливой дѣвицы; въперъ развѣвалъ по ней листья обнаженнаго дерева.

Мадона и ручей еще существуютъ; но *Пагита*, *Антоніо* и померанцовое дерево исчезли. Могила юной дѣвы заросла дикими распеніями; крестъ, надъ ней воздвигнутый, покрытъ мхомъ и бури приклонили его къ землѣ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ МЕЧТѢ.

(Изъ *Ламартина*.)

Моя крылатая мечта!
Неси, носи меня шуда —
Въ топъ міръ божественный, чудесный,
Міръ недоступный, міръ небесный,
Гдѣ грустный, жаждущій поэтъ
Оспраду чистую найдетъ.
Гдѣ все цвѣтетъ, благоухаетъ,
Гдѣ жизнь ни въ чемъ не увядаетъ —
Все свѣтлой радостью горитъ,
Все Богомъ дышетъ, говоритъ! —

Ахъ! очаруй меня надеждой!...
Сними, сними съ меня одежду
Сей душевой, пасмурной земли —
Сей бездны, царства вѣчной мглы,
Ненасстья, бурь и непогоды! —
Дай подышать святой свободой,
На вѣждахъ слѣзы осушитъ,
Сей міръ печальный позабыть,
И выше, выше возлетая,
Полюбоваться небомъ рад!!

Ив. Голантъ.

L O G O G R I P H E.

L'Amour sait me chercher alors que j'ai mon cœur;
Je plains bien qui m'éprouve en m'attachant le cœur.

Въ № 35-мъ, помѣщенная шарада значить: *Бъ-луга*.

К Р И Т И К А (*).

На Записки о походахъ 1812 и 1813 годовъ, опъ Тарупинскаго до Кульмскаго боя, *вышедшій въ свѣтъ въ С. Петербургъ въ 1835 году.*

Незабвенная кампанія 1812 года составляетъ для Русскихъ военныхъ писателей предметъ, по истинѣ, неисчислимый, любопытный и занимательный: ибо, не смотря на множество Русскихъ и иностранныхъ сочиненій, мы до сего времени имѣемъ о ней весьма неполное и неясное понятіе. Причины тому слѣдующія: Французскіе писатели, въ отмщеніе за поражение свое, спарались записать истину и исказили еѣ всякою неправдою, даже клеветою. Русскіе, какъ побѣдители, удовольствовались однимъ результатомъ. Одни изъ нихъ представляли публикѣ описаніе походеній и приключеній своихъ, другіе, выписавъ изъ газетъ реляціи, на мѣспѣ сраженія составляемыя для того, чтобы обрадовать Государя и народъ православный побѣдою, безъ всякихъ припязаній на тактику и стратегію, безъ всякаго разбора ихъ напечатали.

Въ этихъ несвязныхъ, необработанныхъ сборникахъ нѣтъ ни выводовъ, ни послѣдствій, дѣйствія не объяснены причинами, и причины оплучены опъ дѣйствій. Къ сожалѣнію, никто изъ Русскихъ не обратилъ

(*) Послѣдній трудъ незабвеннаго В. Б. Броневскаго. Февраля 22-го я получилъ опъ него сію статью для напечатанія въ *Русскомъ Инвалидѣ*, или *Литературныхъ Прибавленіяхъ* къ оному, а 7 Апрѣля онъ кончилъ славную и многополезную жизнь свою.—*Воейковъ*.

должнаго вниманія на послѣдствія войны народной и религіозной; на причины того патристическаго порыва, того одушевленія, которыми, какъ извѣстно, мы исключительно обязаны успѣхами сего похода. Съ прискорбіемъ должно также признаться, что всѣ наши сочинители упустили изъ виду самое главное: герой сей трагедіи, первый двигатель, источникъ всѣхъ событий *Александръ I*—рѣдко у нихъ является на сценѣ.—

Одинъ *Бутурлинъ*, по справедливости, заслуживаетъ похвальное исключеніе. Онъ подарилъ Европу книгою, которая, бывъ составлена по вѣрнымъ документамъ обоихъ споронъ и освѣщена правилами стратегіи, навсегда останется весьма полезною и поучительною для занимающихся военною наукою. Къ сожалѣнію, онъ писалъ слишкомъ въ близкомъ времени къ самымъ событіямъ, и потому не могъ совершенно освободиться опъ частныхъ и общихъ пристрастій. Въ его исторіи нашествія Императора *Наполеона* на Россію, *Наполеонъ* поставленъ на первомъ планѣ, и превознесенъ даже за такіе подвиги, которые не стоили восторга. Напротивъ, дѣйствія князя *Смоленскаго* похвалилъ онъ съ мѣрностію, *охладилъ равнодушнымъ* разговоромъ, и самыми подробностями ослабилъ впечатлѣніе дивныхъ событий до такой степени, что побѣдитель является читателямъ спарцемъ болѣе робкимъ и нерѣшительнымъ, нежели искуснымъ и оспорожнымъ. А какъ къ тому полковникъ *Бутурлинъ* ограничилъ свое сочиненіе одними военными происшествіями: по взглядъ его, не обнимая всего цѣлага, подобно живописи безъ тѣней и перспектivy, представилъ картину войны съ одной только спороны, во многомъ неполною и не совѣмъ вѣрною. Французы, писавшіе послѣ *Бутурлина*, воспользовались нѣкоторыми ошибочными указаніями его; и *Inertie de Koutousof*, до пресыщенія ими повторенное, превратило эпосъ эпипетъ въ пословицу. Теперь какой-то неизвѣстный Русскій офицеръ, о которомъ можно только догадываться, что служилъ въ *Лейбъ-Егерскомъ* полку, вмѣсто того, чтобы объяснить Французамъ, что кажеп-

ся имъ въ текстѣ полковника *Бутурлина* пѣмнымъ; вмѣсто того, чтобъ съ умысломъ искаженное ими обличить или исправить, и опыскавъ наспоящую почку для возрѣнія на кампанію 1812 и 1813 годовъ: вздумалъ подражать сопропивникамъ нашимъ,— и чиспымъ Русскимъ словомъ написалъ книгу, копорую и наши и чужеземные *Бонапартисты* прочпуть съ удовольствіемъ, и похвалятъ её. Я обращаюсь къ чипапелямъ, не принадлежащимъ ни къ какой парпії.

Угодно ли вамъ, любезные чипапели, имѣть самое сбивчивое, или лучше не имѣть никакого понятія о кампаніи 1812 года? Угодно ли видѣть, какъ очевидецъ можетъ описать видѣнное имъ, такъ темно, какъ будто бы онъ ничего не видалъ? Хопите ли, напимѣрь, научитъся, какъ славные подвиги представлятъ плохими, дурно соображенными манѣврами; какъ быспрошу превращать въ медленность, а предприимчивость въ робость? Хопите ли знать, какъ на бумагѣ можно превзойти *Наполеона* въ смѣлости, и какъ можно безъ пособія тактики и стратегіи, сбипъ съ поля искуснаго князя *Смоленскаго*, не шпыками и пушками, а просто одними словесами? Все это вы можете найти въ Запискахъ о походахъ 1812 и 1813 годовъ, копорья, по испинѣ, супъ ни что иное, какъ безпорядочное собраніе выписокъ изъ Французскихъ книгъ, не сличенныхъ съ Русскими докуменпами. Такой приговоръ можетъ показаться авпору немного жѣспкимъ, но онъ опкровенно перешелъ на спорону Французскихъ писателей;—и мы будемъ защищать своихъ, добрую нашу спорону, правое наше дѣло, говоря прямо, громко и чиспосердечно, безъ колкостей и досады, но и безъ пресупной усупчивости и угожденій: ибо ошибки авпора, а паче его взглядъ, могутъ ввести въ заблужденіе легковѣрныхъ и пѣхъ не военныхъ чипапелей, копорые не имѣютъ времени сличить его разсказъ съ фактами, болѣе досповѣрными. И такъ присупимъ къ дѣлу и представимъ на судъ публики нѣсколько замѣчаній на сіи Записки, ограничивъ ихъ однимъ только походомъ 1812 года.

Спр. 9. «Князь *Кутузовъ*, вмѣсто того, чтобы обходить Москву кругомъ, долженъ былъ изъ Филей ипипи кратчайшею дорогою, прямо на спарую Калужскую дорогу къ Тарупину.»

Такое фланговое движеніе въ виду превосходной въ числѣ непріятельской арміи, пропивно правиламъ военной науки, пропивно опытности *Кутузова*, и такъ опасно, что наша армія на походѣ — съ фланга была бы неминуемо разбита. Фланговое движеніе чрезъ Подольскъ могло быть такъже опасно, если бы оно не произведено было подъ покровительствомъ безпорядка, коему голодные Французскіе солдаты предались попчасъ по вспупленіи въ Москву. Во время пожара и грабежа *Наполеонъ* былъ въ опчаяніи, солдаты его разбрелись, перепились и никого не слушались.

Спр. 10. «Намѣреніе *Наполеона*, обойдя наше лѣвое крыло, проипи въ Калугу,» — было мапематически невозможно; ибо Французской арміи предспояло перейти опъ Москвы искривленнымъ пупемъ къ Малому-Ярославцу около 140 верспъ, а Русской арміи изъ Тарупина къ тому же городу только 30 верспъ. Слѣдспвенно не дождь, а спрашная разница въ распояніяхъ была причиною замедленія непріятельской арміи.

Авпоръ, согласно съ *Шалибре* и другими Французскими писателями, спараясь доказать, что *Наполеонъ* едва не успѣлъ въ семъ своемъ намѣреніи, пупъ же самъ себя опровергаетъ. Онъ говоритъ, что: «*Сеславинъ* былъ въ Оминскомъ, *Дороховъ* у Боровска, *Дохтуровъ* у Ариспова;» слѣдспвенно, по прибыпціи авангарда Французской арміи къ Оминскому, п. е. 9-го Окпября, князь *Кутузовъ* уже зналъ о движеніи и намѣреніи своего соперника; а попому, имѣя при дня для перехода 30-пи верспъ, онъ не могъ быть предупреденъ имъ у Малаго-Ярославца, какъ только въ помъ случаѣ, когда бы самъ того пожелалъ. Россійскій полководецъ зналъ о выходѣ Французовъ изъ Москвы того же 7-го Окпября, а попому могъ предупредить *Наполеона* и подъ

Боровскимъ; но позиція у Малаго-Ярославца была для насъ выгоднѣе.

Спр. 15. Превосходные манёвры, совершенные княземъ *Кутузовымъ* въ окрестностяхъ Малаго-Ярославца, принудившіе *Наполеона* возвратиться на разоренную Смоленскую дорогу, не замѣчены авторомъ конечно потому, что опускание къ Гончарову показалось ему, какъ храброму офицеру, робкимъ. Авторъ, не опыткавъ сему опусканию иной причины, съ досады заимствуетъ её у *Шамбре* и *Воданкура* (а), и согласно съ ними утверждаетъ, будто армія наша выпустила къ Гончарову передъ разсвѣтомъ 13-го Октября; когда въ самомъ дѣлѣ движеніе сіе было произведено 14-го Октября, въ 5-ть часовъ по полуночи (См. у *Бут.* спр. 48. 7. 2). Всего удивительнѣе, что авторъ, не взглянувъ на карту, и не замѣшивъ на ней, гдѣ въ сіе время стоялъ нашъ авангардъ, говоритъ, будто это ложное движеніе открывало непріятелю ближайшую прямую дорогу изъ Малаго-Ярославца въ Мядынъ! Хорошъ былъ бы *Наполеонъ*, если бы онъ повелъ армію свою просѣлкою, имѣя въ тылу рѣчку Лужу, окруженную болошами. Далѣе, авторъ говоритъ, будто наши солдаты роптали, а генералы говорили: долго ли намъ рѣшироваться? Долго ли искасть выгодныхъ позицій? Ропотъ солдатъ дѣлаетъ имъ честь, слова генераловъ, еслибы они были сказаны, означали бы, что военачальники сіи не знакомы съ стратегіею; а какъ авторъ оправдываетъ ихъ мнѣніе: то ему не слѣдовало такъ опровержено признаваться въ незнаніи науки, необходимой для изслѣдованія большихъ манёвровъ.

Спр. 16—23. Принявъ опускъ къ Гончарову за ошибку, авторъ не могъ уже объявить себя, почему *Наполеонъ* бѣжалъ на Смоленскую дорогу, даже безъ боя; и дабы дать сему несчастному случаю благовидный предлогъ, нашъ авторъ, завязавъ глаза и подра-

жая Французскимъ писателямъ, нарушаетъ историческую вѣрность, и говоритъ о томъ, чего не было, быть не могло, или случилось, да въ другое время. Онъ утверждаетъ, будто бы «*Платовъ* напалъ на главную кварширу Французскаго Императора при Городнѣ 12-го Октября (б); что на другой день *Даву*, стоявшій въ Маломъ-Ярославцѣ, своими глазами (за 25 верстъ) усмотрѣлъ Россійскую армію въ позиціи при Гончаровой (в); а самъ авторъ, служившій въ гвардіи, подходя къ Мядыню, (слѣд. 17 Октября), услышалъ пушечные выстрѣлы, — и они были ничто иное какъ нападеніе *Платова* на Поляковъ, въ которомъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ генералъ *Тишкевичъ*.» Сей генералъ, какъ по справкѣ оказалось, разбитъ *Иловайскимъ* 13-го Октября, когда гвардія стояла подъ Малымъ-Ярославцомъ... О подобныхъ невѣрностяхъ, которыми *Записки* преисполнены, мы боясь наскучить читателя, упоминаемъ не спешимъ болѣе.

Однакоже замѣшимъ мимоходомъ, что весьма непріятно встрѣчатъ рѣзкія сужденія молодого офицера о дѣйствіяхъ генераловъ и самаго фельдмаршала, напримѣръ: «*Милорадовичъ*, вмѣсто того, чтобы идти по пятамъ непріятеля, потерялъ его изъ вида. *Кутузовъ* отдыхалъ въ Спись-Купль, и тогда, какъ необходима была дѣятельность, онъ дѣйствовалъ медленно и съ нерѣшимостію.» Потомъ говоря, что *Милорадовичъ* и князь *Кутузовъ* не спали, а предупредили непріятеля подъ Вязмою, не успѣвъ опыткавъ настоящей сему причины, снова упрекаетъ фельдмаршала въ лѣнності, осуждаетъ за то, что онъ берегъ людей (!); хвалитъ за то же обходное движеніе вокругъ Москвы, за которое осуждалъ его на спр. 5, и, наконецъ, соглашаясь, что Французы бѣжали спремглавъ, падая отъ усталости, еще разъ укоряетъ фельдмаршала въ

(а) *Воданкура*, какъ писателя недоброжелательнаго Россіи, всегда переполковывающаго въ худую сторону дѣйствія Русскихъ полководцевъ, не слѣдовало бы автору приводить въ свидѣтели: онъ джесвидѣтель. — *Восіковъ*.

(б) Этого наѣзда случился 13-го Октября на разсвѣтѣ.

(в) Весь день 13-го Октября Россійская армія стояла поперекъ дороги, въ распоряженіи пушечнаго выстрѣла позадѣ М. Ярославца.

недѣяпелъности. Такимъ образомъ, смотря на событія приспраспными глазами, авторъ не могъ распаться съ своимъ предубѣжденіемъ, и во всю кампанію не догадался спросить себя: кто же гналъ непріятельскую армію. Неужели она бѣжала добровольно? Неужели казаки и парпизаны гнали *Наполеона* самовольно, безъ позволенія фельдмаршала? Словомъ, *система медленія* до такой степени не понравилась автору, что читая его *Записки*, можно подумать, будто князь *Кутузовъ* во весь эпохъ походъ ничего не дѣлалъ, а если и дѣлалъ, то невольно, или невзначай!

Замѣчая въ сочиненіи недоспапки, состояще предпочпипельно въ невѣрномъ взглядѣ, мы признаемся, что въ семь отношеній нельзя рѣшпелъно осуждать автора *Записокъ*. Характеръ, духъ пакпикп *Кутузовской*, копорю онъ побѣдилъ съ равною ловкостію и *брадатаго* визиря и геніальнаго *Наполеона*, самую пропшвуположностію своею показывають, что нарисовать сходный портретъ *Кутузова* не такъ-то легко. Съ *Кутузовыми* мы еще незнакомы и, къ сожалѣнію, никому еще не пришло въ голову обработать сей предметъ какъ слѣдуетъ.

На стр. 38-й авторъ не понялъ, что онъ важное, смѣлое движеніе отъ Ельни къ Красному принудило *Наполеона* выбѣжать изъ Смоленска, а потому, на стр. 49 даже разсердился за то, «что лучшей нашъ военный испорикъ, называя князя *Кутузова Фабіель*, сравниваетъ его съ *Суворовыми*.» Въ эпохъ манѣврѣ князь *Кутузовъ* безъ сомнѣнія болѣе походилъ на *Суворова*, чѣмъ на *Фабіля*; въ немъ ничего не было медлптельнаго, а все дышало рѣшпелъностью. Разбитъ всѣ корпусы *Наполеоновы* съ фланга, порознь и по очереди, есть такой подвпгъ, котораго нѣтъ лучше во всей военной исторіи.

Стр. 36. Авторъ безъ разбора и повѣрки перевода изъ Французскихъ книгъ, утверждаетъ, будто генералъ *Сакенъ*, на отспупленія чрезъ Свислочь къ Бѣловѣжскому лѣсу, потерялъ почти весь свой обозъ, и *нѣсколько* пушекъ (см. *Шамбре* стр. 172. 72).

Нашему автору не угодно было замѣшпшь, что Французское *presque et quelques*, по своей неопредѣлптельности, значатъ просто нуль. Еслибъ авторъ прочелъ у *Бутурлина* какъ дѣло было, то онъ убѣдился бы, что *Сакенъ* не могъ потерять ни одного колеса, ни одной пушки. На стр. 42-й, по волю автора, «графъ *Ожаровскій* (3-го Ноября) разбитъ былъ на голову, цѣлый полкъ нашихъ егерей (19-й) испребленъ на мѣспъ, и сей опрядъ съ трудомъ опспушпль къ Палкину.» *Бутурлинъ* напропшвъ увѣряетъ, что *Ожаровскій* опспушпль съ попереку только 60 чел. убитыхъ и раненыхъ. На стр. 53 упоминается: въ одномъ изъ фургоновъ наши егери нашли жезлъ маршала *Даву*, *трофей нпгтожнпый* (см. у *Шамбре* стр. 211, *trophées honteux*), найденный между сапогами и плащемъ.» Больно глазамъ находпшь въ Русской книгѣ Французскіе воспоргп и восклицанія.

Стр. 73. Авторъ винпшь генерала *Эртеля*, что онъ не соединился съ арміею *Чигагова*, и умалчиваетъ о томъ, какимъ образомъ вся Французская армія очушплась между Двинскою и Дунайскою нашими арміями, что подвергало послѣднюю неминуемому пораженію; — и безъ дальнѣйшаго разбирательства, дѣлаетъ переправѣ чрезъ Березину (стр. 102) слѣдующій рѣшпелъный прпговоръ: *Всѣ единогласно обвиняють Чигагова*.

Авторъ Военныхъ *Записокъ* весьма неприлично поступаетъ, позволивъ себѣ безъ доказательствъ и вопреки свяпной исппнп обвиняпшь публично генерала. Если ему угодно своимъ прпговоромъ оправдать прощонародную расправу: то мы смѣемъ его увѣрпшь, что обвиненіе *Чигагова* несправедливо, неосновательно, и не могло бытъ единогласно. *Ронья*, многіе Французскіе писатели, одинъ Англичанинъ, *Бутурлинъ* и *Броневскій* (*), представили доказательствъ, служащія оправданіемъ дѣйсствій адмирала; — если они недоспапочно или не-

(*) Крпшпческое разомтрѣніе переправы чрезъ Березину, напечатанное въ Военномъ Журналѣ 1829 года. — В.

вѣрны: по автору надобно было опровергнуть ихъ, а не осуждать безусловно.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

М О Д Е С.

A onze heures du matin, *tous les gens de noce* se réunirent chez les parens de la jeune personne; beaucoup d'autres personnes, qui n'avaient été invitées que pour assister à la cérémonie nuptiale, se rendirent de chez eux à l'église. A midi, la mariée arrive dans le salon, belle et parée de sa robe de blonde; le voile était soutenu par une couronne de fleurs d'oranger. Le bouquet de côté pareil. Le marié en noir. La mère de la mariée en robe de gros de Naples gris pâle, garnie d'un haut volant pareil; un chapeau de satin blanc avec trois plumes blanches. Il régnait un certain air de désordre dans sa toilette, qui prouvait que la pauvre femme s'était fort peu occupée d'elle ce jour-là. J'avais une redingote de gros de Naples, couleur de rose, ouverte devant. Les deux montans du jupon garnis de riches rubans de satin couleur de la robe, une pélerine garnie de même. Ma jupe de dessous en organdi avec une haute broderie. Un chapeau de satin couleur de rose, orné de rubans de gaze pareils et de blonde. Cécile avait une robe de *puritaine façonnée bleu* sur bleu, un mantelet de blonde noire avec deux plumes bleues. Je n'ai pas besoin de vous dire que toutes les femmes, même la mariée, avaient des manches longues. On nous avait donné à toutes des bouquets blancs, un éventail et une douzaine de paires de gants blancs: c'est l'usage dans la haute et riche société de Paris. On monta en voiture, la mariée avec sa mère seules dans un coupé, le marié avec deux tantes et un vieux général qui lui servait de père; nous autres gens fort peu intéressans reprîmes nos voitures *respectives*, sans ordre ni étiquette. Après la cérémonie, la mariée monta dans la voiture de son mari avec sa mère et le général, et on revint à l'hôtel pour déjeuner. La mariée quitta ses beaux habits pour en revêtir de plus simples, une redingote en mousseline de l'Inde garnie en haute angleterre; elle conserva son voile. Après le déjeuner, qui fut splendide, on s'en fut chez soi se reposer des fatigues de la matinée et se préparer pour la soirée. Les plaisirs de cette soirée consistaient en un grand concert: c'est maintenant beaucoup plus à la mode dans la haute société

que les bals, qui ne se donnent que huit jours après le mariage.

М О Д Ы.

Въ одинадцать часовъ утра всѣ принадлежащія къ свадьбѣ собрались въ домъ невѣсты; много другихъ особъ, которыя приглашены были только присутствовать при вѣнчаніи, отправились прямо въ церковь. Въ полдень невѣста вошла въ залу, прекрасна, въ блондовомъ платьѣ; покрывало поддерживалось вѣнкомъ изъ померанцовыхъ цвѣтовъ. Букетъ съ боку такой же. Женихъ былъ въ черномъ. Мать невѣсты въ гроденаплевомъ платьѣ блѣдно-дикаго цвѣта, обшитомъ такою же широкою оборкою; шляпка бѣлая апласная, съ шреми бѣлыми перьями. Въ парадъ ея примѣненъ былъ нѣкошорый беспорядокъ, доказывавшій, что бѣдная женщина мало занялась собою въ этотъ день. На мнѣ былъ розовый гроденаплевый рединготъ, открытый спереди, полы юбки опдѣланы богатыми лентами подъ цвѣтъ платья, пелеринка опдѣлана также. Нижняя юбка изъ органди съ широкимъ шипьемъ. Розовая апласная шляпка, опдѣланная такими жѣ лентами и блондою. На *Цецилии* было платье изъ *puritaine façonnée* голубой по голубому, уборъ изъ черной блонды съ двумя голубыми перьями. Не нужно жебъ сказывать, что всѣ дамы, также какъ и невѣста, были въ длинныхъ рукавахъ. Намъ всѣмъ роздали бѣлые букеты, по опахалу и по дюжинѣ бѣлыхъ перчатокъ. Это обычай высокаго и богатаго общества въ Парижѣ. Сѣли въ кареты, невѣста съ матерью въ *coupé*, женихъ съ двумя шѣтками и генераломъ, который былъ у него опцемъ; мы прочіе, весьма незанимательные люди, разсѣлись по своимъ каретамъ, безъ всякаго эпикета и порядка. Послѣ церемоніи молодая съла въ карету своего мужа съ матерью и генераломъ, и возвратились домой къ завтраку. Молодая скинула свое нарядное платье и надѣла рединготъ изъ Индѣйской кисеи, обшитый широкими Англійскими кружевами; покрывало же осталось на ней. Послѣ завтрака всѣ разѣхались по домамъ для отдыха и приготовленія къ вечеру. Удовольствія вечера состояли въ большомъ концертѣ, что въ высококомъ обществѣ несравненно употребительнѣе баловъ, которыя даюся обыкновенно черезъ недѣлю послѣ свадьбы.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ШВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 37.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Мая 8 дня 1835 года.

Да, щастье, у кого есть эдакой сыночекъ;
Имѣешь, кажешься, въ пеплчикъ орденчикъ?

Грибодовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

МОДЫ И БАДЫ.

Балъ въ 1789-мъ году.

Я думаю, что историческое описаніе баловъ могло бы составить книгу довольно забавную для дамъ нашихъ, хотя, правду сказать, не всѣ балы забавны и если не только скучные, но даже и чрезвычайно печальные, какъ на примѣръ балъ, описанный *Вилторомъ Гюго*, на коемъ одна молодая и прелестная дѣвушка упала мертвая по окончаніи конпроданса. Это совсѣмъ не забавно и не весело. Но зачѣмъ выискивать такія происшествія, которыя раздираютъ душу? Что же касается до меня, то я намѣренъ поговорить сегодня о балахъ съ тѣми изъ прекрасныхъ читательницъ моихъ, которыя въ сію минуту сходятъ можетъ быть съ крыльца, увѣнчанныя розами, облеченныя въ эфирный флёръ или шуманную дымку, въ апласныхъ башмачкахъ, въ напипанныхъ ароматами перчаткахъ, и съ памяшными дощечками. Парижская дама, ѣдущая на балъ, задѣкается за поясъ *таблетки* или *перломутровыя дощечки*, на коихъ записывается ка-

рандашемъ для памяши число панцовъ, на которые она звана, и имена кавалеровъ своихъ; изъ перломутра, привѣшенныя на золотой цѣпи къ развѣвающемуся поясу. Она ѣдутъ на балъ, карета уже у подъѣзда, и я, боясь задержать ихъ ученымъ и подробнымъ изысканіемъ о началѣ и происхожденіи панцовъ вообще, упомяну только о тѣхъ, въ коихъ самъ я участвовалъ, и сіи споль еще свѣжія для меня воспоминанія моей молодости, конечно покажутся имъ повѣстію о временахъ давно-прошедшихъ.

Самый первый балъ, на который меня звали и который помню я пагъ живо, какъ будто бы танцевалъ на немъ вчера, былъ данъ въ городѣ N., по случаю возвращенія плуда изъ Парижа одной молодой, недавно вышедшей за мужъ дамы, появленіе коей произвело необычайный восторгъ во всемъ обществѣ. Всѣ наперерывъ перевозносили благородный видъ и ловкость маркизы С., хвалили прекрасное платье ея, именно то самое, въ которомъ она представлялась ко Двору, и сказывали другъ другу, что королева *Марія-Антуанета* поражена была ея красотою, и во весь погъ день ни о чемъ другомъ не говорила, какъ о маркизѣ С.

Желая угодить модницамъ нашимъ, я стараюсь какъ можно подробнѣе описать бальный нарядъ 1789 года, и онѣ для поверки могутъ сличить мое описаніе съ сохранившимися журнальными карпинками того времени. — И такъ, вотъ какъ была одѣта маркиза на балѣ, данномъ въ честь ея прелестей.

Нижнее бѣлое апласное платье, убранное по подолу двойнымъ рядомъ широкой фалбры изъ серебряной, зашпанной широкими полосами сѣтки. — Лицъ чрезвычайно длинный, кончавшійся мысомъ внизу шали, и такимъ же мысомъ на спицѣ; верхнее платье, оплично полное, съ открытыми полами спереди, большими складками по бокамъ, поддержанное на нихъ полу-фижбенами и красиво подобранное серебряными кистями. Воротъ платья, какъ и нынѣ, вырѣзанъ былъ очень низко, и спущенъ съ плечъ такъ неумѣренно, что мы и тогда желали угадать, какое средство нашли женщины удерживать одежду на спанѣ своемъ. Головной уборъ маркизы составляла модная тогдашняя прическа *à l'Anglaise ou à la Nina*, совсѣмъ не такая чопорная, какъ сбитые кверху волоса бабушекъ и матерей нашихъ; напротивъ того, букли, приподнятыя надъ лбомъ и небрежно упадавшія по обѣимъ сторонамъ лица, представляли пріятную разнообразность. Но, увы! проклятая пудра портила всё. — Къ несчастію же еще, надъ прическою возвышалось какое-то огромное зданіе изъ флѣру, съ такими же серебряными разводами, какъ на платьѣ, и надъ этимъ зданіемъ развѣвались длинныя спраусовыя перья! Бриллиантовый *Saint esprit* въ видѣ букетца, прищипленный къ ожерелью изъ дорогихъ камней, сіялъ на груди красавицы; тяжелыя подвѣски висѣли въ ушахъ ея; алмазные браслеты съ порпратами, осыпанными драгоценными камнями, надѣтые сверхъ перчатокъ, украшали ея руки, прикрытыя до локтя висящими манжетами изъ такой же серебряной сѣтки, какъ фалбара. Бѣлые апласные башмаки довершали великолѣпный нарядъ сей; она возвышалась на тонкихъ каблукахъ въ полтора вершка вышиною, — и на такихъ каблукахъ панцовали наши красавицы! —

Прочія дамы, находившіяся на семъ балѣ, имѣли платья одного покроя съ маркизинимъ, только не столько богатыя, какъ у неѣ. На многихъ были юбки изъ бѣлой шелковой матеріи, съ алымъ или свѣтло-голубыми лентами, или черныя бархатныя корсеты, на алой юбкѣ. Корсеты сіи, схваченные позади двумя коропенскими подочками, назывались Пьеро.

Мущины носили тогда Французскіе кафтаны; а такъ какъ это было зимою, то всѣ мы были въ бархатахъ и апласѣ. Мужъ маркизы, молодой, высокій и очень красивый мущина, былъ въ небесно-голубомъ кафтанѣ, вышитомъ мелкимъ жемчугомъ, съ пуговицами изъ камеевъ на древній манеръ, въ черномъ шелковомъ исподнемъ платьѣ, въ бѣлыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ бриллиантовыми пряжками. Надобно сказать, что въ наше время каждый могъ выбирать для одежды своей цвѣтъ, который лучше шель къ его лицу: бѣлокурые, напримѣръ, предпочитали зелѣный; черноволосые, пунцовый или малиновый, и сія свобода въ выборѣ цвѣтовъ, предсоставленная модою тогдашнимъ щеголямъ, придавала балу какую-то пестроту, какой-то видъ пестрой картинки, которую бы щетно смали вы искасть въ нынѣшнихъ собраніяхъ.

Зала, гдѣ панцовало всё это многолюдное общество, была выкрашена бѣлою краскою, съ позолоченными карнизамъ и арабескамъ; стѣны, покрытыя *Гобеленовыми* обоями, вѣланными въ золотыя рамы, представляли разныя пастушья и охотничья сцены; у оконъ висѣли красныя гардины, щеголевато-подобранныя золотыми шнурами и розетками. Сверхъ того, кромѣ хрустальной люстры съ большими подвѣсками, спояло у зеркаловъ по нѣскольку двойныхъ подвѣсчиковъ, а по угламъ возвышались огромныя пирамиды канделябровъ, съ безчисленнымъ множествомъ восковыхъ свѣчъ.

Въ часъ по полуночи былъ поданъ ужинъ; но за столъ сѣли только однѣ дамы, а мущины толпились за ихъ спульями, стараясь угадывать и предупреждать желанія каждой. Никто однакожъ не допрогивался до парелокъ, которыхъ снимали и подавали слуги въ

богатою ливрею. Послѣ дамскаго ужина накрыли столъ для насъ; но немногіе съѣли за него, да и то не надолго, боясь заспаившъ дожидаться дамъ, потому что на хорошо устроенномъ балѣ казалось тогда крайнею неучтивостію дамъ хопя на минушу замѣшпшъ дамамъ, что мушпны могли оспавпшъ ихъ для ужина.

Во время моей молодоспи самая упончен-ная учпивоспъ съ женщинами спарыми и молодыми, дурными и прекрасными, безъ разбора пребовалась опъ каждаго хорошо воспитаннаго кавалера и была общемо всѣмъ молодымъ людямъ. Не рѣдко, многіе изъ нихъ, прѣхавъ на балъ, просили хозяина или хозяйку дома показатъ имъ непанцующую даму, и щипали долгомъ попчасъ поднятъ её. За то, въ нашъ вѣкъ, невидно было на балахъ неподвижныхъ дамъ, осужденныхъ просиживатъ цѣлые длинные вечера у спѣнъ панцовальныхъ залъ и печально дрематъ, прислонясь къ спинкамъ поченыхъ спульевъ. Въ нашъ вѣкъ вниманіе къ женщинамъ было болѣе, нежели проспая, холодная вѣжливоспъ; оно могло назватъся служеніемъ и перешло къ намъ опъ дѣдовъ и опцовъ нашихъ, ревностныхъ исполнптелей всѣхъ должностей, имъ налагаемыхъ. Это называлось *прилпгпемъ*, свѣтскоспю; она-то, а не душистая пудра, навѣянная на волосы наши, разливала на все общество попъ тонкій ароматъ образованности и знанія свѣта, сквозь легкій дымъ коего столъ краспвы казалпсь бархатными наши одежды,—пакъ хорошо блеспѣли золоченые пополки и алмазные наши пуговицы!—

Балъ въ 1795-мъ году.

Балъ въ 1795 году данъ былъ въ большой залѣ, обпшой краснымъ сукномъ, съ Греческимъ узоромъ по каймѣ. На пополкѣ висѣла люспра спрой формы, а по угламъ нѣсколько лампъ, поддерживаемыхъ Каріапидами, разливали вокругъ тусклый и красноватый свѣтъ, едва достаточный для освѣщенія комнапы. Кресла, диваны, спулья казалпсь какими-то неловкими и печальными карикапурами древнихъ Греческихъ и Римскихъ мебели; вообще, всё это не въ попадъ передражпвало

классическій вкусъ древнихъ, было смѣшно и неумѣспно. Дамы, званья на балъ, явлплись всѣ съ бѣлокурными волосами; тогда была мода ходпть въ парикахъ по большой частп изъ свѣтлыхъ волосъ, напомаженныхъ масломъ *à l'antique*. Длинные, вьющпся змѣйками локоны ихъ разсыпались по щекамъ, сильно на-румяненнымъ; тогда въ большой модѣ была прическа *à la Titus*, изобрѣтенная, ужасно сказатъ къмъ..... *палагемъ*, который въ спрашные дни *Робертсперова* владычества, нашель, что длинные волосы женщинъ замедляли дѣспвіе кровавой сѣкпры. Съ тѣхъ поръ всѣ оспргпли себѣ волосы.

Въ числѣ баловъ того времени особенно оплпчались пакъ называвшпся *балы жертвъ*, на копхъ женщины панцовали въ красныхъ ожерельяхъ. Можете легко угадатъ, какое ужасное воспоминаніе пробуждали сіи ожерелья. Платья были Греческаго покроя,—красные, съ каймою, шпшою чѣрнымъ шелкомъ, или бѣлая съ пунцовымъ шппьемъ. Къ нимъ присоедпняли пояса, завязанные подъ самою грудью, и по большой частп изъ чѣрныхъ шерспяныхъ шнурковъ; чепвероугольные медальоны, и цвѣтные башмаки, шпшпые наподобіе копурновъ. Эта одежда, эти пояса, обувь, узоры—словомъ, все вмѣсптѣ, совершенно опредѣляетъ характеръ тогдашнихъ модъ, а съ нимъ и ту бѣдспвенную эпоху Французской исторіи, когда щастіе на землѣ было столъ же рѣдко, какъ и хороший вкусъ въ одеждѣ.

Мушпны одѣвались еще спраннѣе женщинъ; волосы ихъ, (мы говорпмъ о записныхъ франкахъ того времени), распрепанные и полунапудренные, висѣли наподобіе собачьихъ ушей, а заплепненные на вискахъ косы закпдывали ихъ нѣсколько назадъ, и соединяясь на запылкѣ, прятались въ небольшой кошелекъ, болпавшійся на чепвероугольномъ воропникѣ кафпана. Фраки были съ коропкими полами, чрезвычайно длиннымъ лифомъ и рѣдко насаженными пуговицами; плелены оплпчались, также какъ и фраки, прешпрокпми лацканами, распахнутыми съ обѣихъ споронъ. Широкіе галспухп закрывали всю нижнюю частъ лица и завязывались узломъ въ два длинные пуго-накрахма-

ленные конца, въ ушахъ носили круглыя серьги, а на рукахъ перстни, которые по необычайной величинѣ своей походили на щипцы, сдѣланные для пальцевъ. Цѣпи-сенпименты блестѣли крестообразно на груди; жилеты споль короткіе, что они едва доспавали по поясъ, спорили съ нижнимъ платьемъ, которое напропивъ много поднято было подъ самую грудь и завязывалось у колѣнъ шнурками, собранными на концахъ въ одну болтающуюся кисть; на ногахъ носили чулки бѣлые, полосатые и шипые Кипайскимъ узоромъ. Башмаки были остроко-нечные и носки такъ заострены, что могли бы проколоть ногу встрѣтившемуся чело-вѣку. Въспъ костюмъ, достойный извѣст-ныхъ щеголей и пепимешровъ, въ эпоху об-щаго поврежденія умовъ въ цѣлой Франціи!

Какого же веселья искали въ это время на балахъ? Оно не существовало нигдѣ, а мѣсто его замѣняло что-то похожее на сумасшествіе; какое-то страшное нравствен-ное опьянѣніе кружило головы, и въ эпоху дикой пестроты различныхъ мнѣній, посреди сей бѣснующейся толпы, нерѣдко случалось, что злобный припѣснитель танцовалъ въ одномъ кругу съ людьми, опъ него пострадавшими; не разъ случалось, что осл-ропѣвшая дочь подавала руку тому, кто недавно еще оклеветалъ мать ея предъ народнымъ собраніемъ.... Едва вышедъ изъ пемницъ, не вѣря еще свободѣ своей, всѣ находились тогда въ какомъ-то страшномъ чаду,—въ чаду, похожемъ на бѣшенство, и въ семь вихрь общаго изступленія каждый изъ насъ, забывъ прошедшее, съ жадностію искалъ сумазбродныхъ удовольствій. — Вы можете быть не повѣрите, если я скажу вамъ, что въ Парижѣ учредились тогда ре-дупты, т. е. танцевальныя собранія, въ ко-торыхъ не иначе можно было записываться, какъ представивъ ясныя и неоспоримыя до-казательства своихъ *нещастій*; исключитель-нымъ же правомъ сдѣлаться членами сего собранія пользовались тѣ семейства, изъ среды коихъ пало наиболѣе головъ подъ гильотиною въ революцію.—На сихъ-то кро-вавыхъ балахъ являлись женщины въ красныхъ ожерельяхъ.

При описаніи баловъ 1789 года я сказала, что надъ тогдашнимъ обществомъ леталъ благовонный ароматъ упонченнаго воспи-танія и придворной любезности. Что же скажемъ мы о обществѣ 1790 и 1795-го годовъ, споль близкихъ къ звѣрскимъ ужа-самъ революціи?—Надъ нимъ тяготѣлъ весь удушающій смрадъ разрушенія, кровожад-наго бѣшенства и алчной злобы.

ОНЪ ТАКЪ ДОБРЪ!

Я зналъ одну даму милую, прекрасную, остроумную и живую до того, что если бы въ наше время еще вѣрили переселенію душъ, то смотря на неѣ, всякій подумалъ бы, что душа ея обитала прежде въ пѣль мопыль-ка. Мужъ эпохы дамы былъ, напропивъ, ску-ченъ, угрюмъ, тяжель, какъ будто бы душа переселилась въ него изъ черепухи или рака.

— Какъ рѣшились вы выпити за этаго че-ловѣка?—спросили еѣ однажды.

«Вопросъ естественный, я это знаю;» былъ отвѣтъ ея. «Мужъ мой не любезенъ, но онъ такъ добръ! а доброта свойство, плѣняющее не такъ скоро, какъ красота или блестящій умъ, но за то привязывающее глубже и сильнѣе. Есть люди, которые не правятся сначала, но видя ихъ каждый день, наконецъ привыкаешь къ нимъ, начинаешь къ нимъ привязываться, любить ихъ: это опъ того, что доброта постепенно и надолго вкрады-вается къ намъ въ сердце. Послушайте, какъ я вышла за мужъ:

«Я была очень молода, когда онъ въ пер-вый разъ явился въ домъ моихъ родителей. Никто не замѣчалъ его на нашихъ вечерахъ и балахъ, а если копорой нибудь изъ моихъ пріятельницъ и случалось на него взглянуть, то для того только, чтобы посмѣяться надъ нимъ, потому что онъ былъ очень не-ловокъ и неповоротливъ. Я сама иногда смѣя-лась вмѣстѣ съ ними. Часпо меня удержива-ло однако же тихое предостереженіе моей матери. «Онъ такой добрый!» говорила она мнѣ. Припомъ я вспоминала, что на балахъ онъ всегда былъ гоповъ къ услугамъ хозяй-ки дома, когда нужно было танцовать съ дурными и пожилыми дѣвками; другія смѣя-

лись надъ эпимъ самоопроверженіемъ, но я его цѣнила и повторяла: «Онъ такой добрый!»

«Въ одно утро матушка призвала меня въ будуаръ свой и сказала мнѣ, что попѣ, которій послѣ спалъ моимъ мужемъ, хочетъ просить руки моей. Это меня не удивило: мы женщины угадываемъ, когда мущина о насъ думаетъ, хотя онъ и не открываетъ намъ этаго. Два различныя чувства спорили въ моемъ сердцѣ; когда я думала о тѣхъ скучныхъ минушахъ, которыя мнѣ случилось провести съ нимъ, о нѣкоторыхъ смѣшныхъ его поступкахъ, то гопова была сказать: нѣтъ, и краснѣла за него; но когда мнѣ приходили на мысль добрыя и благородныя его свойства, это меня прогало; я пугалась мысли огорчить его, и наконецъ отвѣчала: «Онъ такой добрый!»

«Такимъ образомъ онъ продолжалъ къ намъ ѣздить, и обхожденіе мое съ нимъ болѣе и болѣе ободряло его. Опъ этаго другіе искапели руки моей меня оставили; но я не жалѣла о нихъ. Я такъ часпо повторяла себѣ слова: *онъ такъ добръ!* что наконецъ мнѣ спало казаться, будто слова эти означаютъ: онъ такъ хорошъ! Нравственная красота осуществлялась въ моихъ глазахъ, я полюбила его и вышла за мужъ.

«Въ день нашей сватъбы, когда подъхавъ къ церкви, мы выходили изъ кареты, кто-то изъ толпы любопытныхъ замѣпилъ: какъ онъ дурень для такой хорошенькой жены!—«Онъ такъ добръ!» сказала я, прекрестившись.

«Съ тѣхъ поръ, если мнѣ не всегда было съ нимъ весело, по крайней мѣрѣ я никогда не почитала себя несчастливою. Когда мы глазъ на глазъ проводимъ длинныя, однообразныя вечера, и онъ искусно читаетъ мнѣ какую нибудь скучную книгу, я зѣваю украдкою, но говорю сама себѣ: «онъ такой добрый и такъ меня любилъ!»

«Онъ такой добрый!» говорю я опять, когда на балахъ, за фортепiano меня окружаетъ толпа льстецовъ. Мнѣ говорятъ, что замужство мое съ такимъ дурнымъ, смѣшнымъ и скучнымъ человѣкомъ непонятно, удивительно. На это я отвѣчаю: «Я люблю его, онъ такой добрый!»

Не правда ли, что въ эпохъ любви и привязанности красота къ добротѣ душевной, есть нѣчто прогальное? Дѣйствительно, нѣкоторыя женщины любятъ изъ снисходительности, изъ какого-то нѣжнаго состраданія. Щастливы онѣ, потому что склонность ихъ, основанная на добротѣ, не подверженной дѣйствию старости, продлился до послѣдней ихъ минушы. Такова любовь истинная и глубокая, любовь, исполненная благороднаго самоопроверженія. Не сомнѣвайтесь въ добротѣ и нѣжности той женщины, которая говоритъ о своемъ мужѣ: «Я люблю его, онъ такъ добръ!»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Р У Ч Е Й.

Что такъ, ручей, несешься гордо
И чоркаешь сребристой мордой
На всѣхъ, кто-бъ близъ тебя ни шелъ?
Давно-ль ты шумень спалъ и смѣлъ?

Давно-ль ты лѣшнею порою
И по въ кустахъ, гдѣ подъ горою
Чуть видѣнь былъ въ грязи своей?
Безмозглы куры безъ запы?

Тогда черезъ тебя шагали!
Твой ликъ ерошили и мяли!
Ты всё терпѣль—и всё молчалъ!
А въ зимни дни—что ты такое?

Что-то непрочно—льдяное!
Подпожка скользкая для всѣхъ!

Шупъ мерзлый зимнихъ лишь упѣхъ!

Что-жь ты, ручей, несешься гордо
И чоркаешь сребристой мордой
И надуваешься какъ мѣхъ?

Скажи! своей ли красотою
Живишь ты вокругъ себя цвѣты?
Своей ли щедрою рукою
Алмазы разсыпашъ ты?

Когда-бъ весной лучи огнисты
Не пережгли твоихъ оковъ
И съ горь не свѣчили снѣговъ,
Когда-бъ тѣ снѣги сребристы
Дождемъ какъ бисеромъ зланымъ

Не сыпались къ ногамъ твоимъ,
Гдѣ-бъ взять тебѣ свои наряды?
Гдѣ-бъ взять лучей, и въ зной отрады
И какъ бы ты сіятельнымъ быть могъ?

И въ каплѣ видѣнь Богъ!
Сказалъ ручей блестящій.
Когда-бъ природный ключъ кипящій
Не выбивался изъ земли,
Лучи-бъ къ нему дороги не нашли!
И снѣги не плашили-бъ дани!
Слова твои—непрочны шкани!
Опъ солнца глыба не свѣшла.
Нѣмая кукла не мила.
Не свѣшивъ баринъ беспаланый!
Къ чему твои упреки мнѣ?
За что ты сердиться напрасно?
Того не попомнишь, что ясно!
Спасибо радостной веснѣ,
Что солнце волны позлащаетъ,—
Что встрѣхъ ихъ въ жемчугъ превращаетъ,—
А шпщина ихъ льетъ спекломъ.

Кому всё кажется вверхъ дномъ,
Томъ въ жизни только что спрадаетъ!
Томъ рабъ порока своего;
Зависплавивъ томъ.—И больше ничего!

Ф. Львовъ.

О М О Н И М Ъ.

Часъ пѣсни я, изгибъ рѣки;
Имѣють насъ и ручейки;
У человека два косплявые бываемъ,
И ногу, идучи, стѣбашъ мы помогаемъ.

Въ No 36-мъ, помѣщенный логогрифъ значить: *Mistère, misère.*

К Р И Т И К А.

На Записки походовъ 1812 и 1813 годовъ.
(*Ossianic.*)

Дабы показать въ какомъ духѣ и съ какимъ приспращіемъ написаны *Записки походовъ 1812 и 1813 годовъ*, мы выпишемъ изъ нихъ нѣсколько спрокъ. «Прелестныя дѣвушки, въ бѣлыхъ плащяхъ, встрѣчали Рус-

скія войска съ лавровыми вѣнками; громкое ура и папріопическія пѣсни Германцевъ раздавались на улицахъ вмѣспѣ съ проклятіями *Наполеону*.» Авторъ, какъ бы раскаявшись въ произнесеніи эпои испины, продолжаетъ:

«Такъ въ первыя минушы радостнаго супоенія, народъ, упомянутый его владычеспвомъ, изъвлялъ свои чувспва. — Но почпилъ прахъ великаго человека, впораго *Цесаря*, котораго люди просвѣщенные не сазываютъ болѣе *Атиллою*. Томъ, кто въ «24 года, предвоидельствую республиканскими фалангами, губилъ, ничтожилъ Цесарскія арміи, кто возстановилъ опечеспво *Сципионавъ*, почпилъ прахъ *Виргилія*, сокрусилъ силы Мамелюковъ, прошелъ палаче спески Сиріи и Африки, смирилъ дикихъ *Бедуиновъ*, призвалъ ученыхъ въ пустыни *Мемейса*, основалъ инспипунтъ въ Каиръ, своскресилъ науки и художества въ землѣ *Птоломеявъ*, освободилъ опечеспво опъ пцсранской власпи кровожадныхъ дикпапосровъ, проложилъ пунъ чрезъ снѣжныя вершины Альповъ, начерпалъ мудрыя законы,— томъ не спанешъ въ испоріи на ряду съ «бичами народовъ.»

Если-бъ Французъ вздумалъ почпить прахъ своего милоспивца, которому лично или его мародерной системѣ обязанъ и знатностію и богатспвомъ: то читатель по крайней мѣрѣ зналъ бы причину такой пышной похвалы;— но Россіянинъ, пролившій кровь свою за независимость Германцевъ, дабы избѣгнуть пропивопрѣчія и уклониться опъ неприличія, не долженъ былъ возвышать доспоинспва своего *Цесаря* похвалою ложною, славить его подвигами небывалыми, или превеличенными. Ослѣпленный приспращіемъ, авторъ конечно не воображаетъ, что въ красивомъ и звучномъ его панигирикѣ нѣтъ и слова правды. Разочаруемъ его:

1-е. Двадцать чепыре года *Наполеонъ* губилъ, ничтожилъ Цесарскія арміи, не для блага Франціи или человекѣспва, а для личной своей славы; онъ обогатилъ служащихъ ему, но не забылъ и себя, и родныхъ своихъ. Онъ покровительствивовалъ пороку, и гласно упѣснялъ добродѣтель; защищалъ

революцію прошиву всякой законности; *губили народъ изъ единаго удовольствія дѣлать зло; вели вѣчную войну по холодному расчету эгоизма для уничтоженія образованныхъ аристократовъ; жаловалъ лакеевъ въ герцоги и, подъ предлогомъ защиты народныхъ правъ, обманывалъ народъ призракомъ свободы, возмущалъ, разорялъ и угнеталъ повсюду, гдѣ соблазнились его общаніями.*

2-е. Опечесство *Сципионовъ* не было возстановлено *Наполеономъ*, онъ только обещалъ сіе, и въ то самое время, какъ начинали ему въришь, онъ раздробилъ Испалію, и лучшую ея часть назвалъ Французскою провинціею.

3-е. Не понимаемъ, чѣмъ почилъ онъ прахъ *Виргилія*, неужели разореніемъ Вероны?

4-е. Основавъ инспиритизмъ въ Каирѣ (на бумагѣ), онъ не воскресилъ наукъ и художествъ въ землѣ *Птоломеевъ*; памъ и до сей поры одинъ *Мегметъ-Али* грамоту разумѣетъ. Тотъ, который въ Франціи уничтожилъ свободу книгопечатанія; пошъ, кто оставилъ ходъ просвѣщенія и ограничилъ воспитаніе юношества одними военными школами, доставлявшими ему *de la chair à canon*, не можетъ назваться покровителемъ наукъ. Онъ любилъ только пѣхъ учёныхъ, которые распространяли ложь ему полезную и хвалили его безусловно.

Въ нашъ вѣкъ, конечно *Наполеонъ* не могъ быть такимъ лютымъ, необразованнымъ варваромъ, какъ *Атилла*; но къ несчастію, оба имѣли одну цѣль: разорять, грабить и губить. Просвѣщеніе не смягчаетъ сердца; оно образуетъ только умъ и способности такъ, что добродѣтельный становится благимъ, а порочный съ дурными наклонностями дѣлается жестокимъ. Чернь, лакеи и адвокаты, которые думали управлять Франціею лучше короля и образованнаго дворянства, служатъ тому лучшимъ свидѣтельствомъ. Если разрыть архивъ тайной полиціи правленія *Наполеона* и присоединить къ главнымъ подлиписнымъ его злодѣаніямъ: то едва ли найдется человекъ, который бы рѣшился назвать его *добренькимъ* и достойнымъ того воспора, которымъ чествуетъ его неизвѣстный авторъ. Помомство лучше насъ разсудитъ: *Атилла* или *Наполеонъ* сдѣ-

лали больше зла міру. Мы знаемъ только, что Франція до сего времени не можетъ освободиться отъ революціи.... Дабы не быть присраспнымъ, сравнимъ *Наполеона* и *Атиллу* въ одномъ подвигѣ: *Атилла*, варваръ, идолопоклонникъ, уважилъ смиренную покорность Христіанскаго первосвященника—и не разорилъ Рима. *Наполеонъ* своими руками ограбилъ церковь Лорепской Божіей Матери и, не смотря на смиреніе,—вооруженною рукою, насильственно похитилъ Папу, и содержалъ его нѣсколько лѣтъ, какъ государственнаго преступника, въ нищетѣ и въ раздранной одеждѣ; назывался Христіаниномъ, онъ до того не уважилъ святыни религіи, что и въ Римско-Каполическихъ церквяхъ спавилъ своихъ лошадей.

Какъ жаль, что нашъ авторъ писалъ свои *Записки* на память и, не имѣя никакихъ матеріаловъ, составлялъ ихъ по рассказамъ людей достоверныхъ (стр. 33 въ примѣч.); но что онъ видѣлъ своими глазами, то изложено весьма удовлетворительно. Причины попері Люценскаго сраженія кажутся намъ лучшими всего того (*), что мы о немъ читали. Ходъ Бауценскаго и Кульмскаго боя написаны опчестисто, красиво и съ такою плотою, что пріятно и легко читается.

Слогъ автора показываетъ, что онъ принадлежитъ къ числу лучшихъ нашихъ писателей; за то какъ жаль, что взявшись писать военные записки, не изучилъ своего предмета погверже, даже не посовѣтовался съ людьми знающими. Мы не укоримъ его въ незнаніи стратегіи, впрочемъ необходимой для военнаго писателя; однако справедливимъ почитаемъ замѣтить, что незнаніе обыкновенныхъ перминовъ фортификаціи и употребленіе иностранныхъ: *маскировать*, *форсировать*, *дебушировать*, *эскалада*, *деласкировать*, давно оставленныхъ, неприятнымъ образомъ песпрятъ книгу, и уменьшаютъ довѣренность къ похвальному труду почтеннаго автора. Напримѣръ, кому не покажется страннымъ найпи въ военномъ сочиненіи слѣдующее:

(*) Неужели и записокъ А. И. Дамлевскаго? Несогласенъ! — *Войсковъ*.

Спр. 78-я. Замокъ, обнесенный каменною чепырехъ-угольною стѣною, съ дубовыми ворами, по прорѣзаніи въ немъ бойницъ, могъ быть обращенъ въ каннониры!!» Надобно бы сказаць въ *редутъ*; ибо каннониръ есть деревянное изъ палисадника укрѣпленіе, употребляемое во рвахъ, для доставленія онымъ обороны.

На спр. 91-й авторъ унодобляетъ Кульмскій бой Маренгской битвѣ. Сравнивая описаніе сихъ двухъ сраженій, мы не находимъ въ нихъ и малѣйшаго сходства ни въ тактическомъ, ни въ стратегическомъ отношеніяхъ; а послѣдствія были совершенно различны. Ни *Остерманъ*, ни *Вандамъ* не походили на *Меласа*; ни топъ, ни другой не спрусили и не подписали постыдной капитуляціи. Мы думаемъ, что *Лубенской* бой 7-го Августа гораздо болѣе походить на Кульмскую битву; ибо сравненіе сихъ сраженій мѣншую представляетъ разность. Въ Лубинскомъ, *Тугковъ* 3-й съ 3,500 человекъ имѣлъ честь, не сходя съ мѣста, въ продолженіе пяти часовъ удержатъ спремленіе 35 тысячъ Французовъ, подъ начальствомъ храбраго *Нея* и *Мюрата*.—Въ Кульмскомъ 4,000 человекъ гвардіи, вмѣстѣ съ лучшимъ армейскимъ корпусомъ принца *Евгенія Виртембергскаго* въ продолженіе двухъ сутокъ, отступая, боролись съ 30,000 и не позволили разбитъ, распроеить себя. По истинѣ, и топъ и другой бой одинаково славны, одинаково неимовѣрны.

В. Б—ій.

1835-го года,
Февраля 15-го дня.
С. П. бургъ.

М O D E S.

Le concert fut fort beau et la soirée fort ennuyeuse. La mariée avait une robe de satin blanc uni avec deux hauts volans de blonde; de distance en distance, au-dessus du premier volant, des nœuds de rubans de satin au milieu desquels était un gros diamant. Le cor-

sage de la robe drapé et garni de blonde, les manches à trois gros bouillons; entre chaque bouillon, un nœud avec un diamant. Sur la tête, les cheveux en bandeau, descendant fort bas sur les joues; deux branches de fleurs en diamans placées derrière les bandeaux. La coiffure élevée sur le haut de la tête, ornée d'une aigrette de diamans.

J'avais une robe de gaze façon *tricot de Berlin*, doublée de satin bleu; c'est très joli et très vapoureux; une couronne de marabouts bleus et feuilles d'or. Il y avait de fort belles toilettes, car on se pare beaucoup plus pour ces soirées assises que pour celles où l'on danse; on pense sans doute que n'ayant rien de mieux à faire qu'à se regarder, il faut se mettre le plus possible à l'abri des remarques malignes qu'entraîne avec elle l'oisiveté. A minuit, chacun s'en fut coucher, comme dans la complainte de *M. de Malborough*, dont le nom me rappelle ma vieille Angleterre et ma bonne sœur, que j'embrasse et que j'aime.—*Sarah*.

М O Д Ы.

Концертъ былъ прекрасный, а вечеръ весьма скучный. На молодой было гладкое белое апласное платье, съ двумя широкими блондовыми оборками; сверхъ второй оборки, въ некоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, апласные банты, съ большимъ бриліантомъ въ срединѣ. Лицъ драпированный опдланъ блондою, рукава пройными большими буфами, между каждой буфы большой бриліантъ. Волосы спереди гладкіе, спущены весьма низко на щеки; двѣ вѣшки бриліантовыхъ цвѣтвъ положены повыше переднихъ волосъ. Сзади прическа высокая, съ бриліанцовымъ перомъ.

На мнѣ было газовое платье въ родѣ Берлинскаго прико, на голубомъ апласѣ: это весьма красиво и легко; вѣнокъ изъ голубыхъ марабу съ золотыми листьями. Много было весьма красивыхъ нарядовъ, потому что на *sидліе вечера* наряжаются больше, нежели на танцевальныя; разумеется, когда нечего больше дѣлать, какъ осматривать другъ друга, то надобно какъ можно спараться не подпасть насмѣшливымъ замѣчаніямъ влекомыхъ за собою праздностью. Въ полночь всѣ поѣхали спать, (chacun s'en fut coucher) какъ въ пѣснѣ Малбрука, имя котораго напоминаетъ мнѣ спарую мою Англію и добрую мою сестру, которую я цѣлую и люблю.—*Sarah*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 38.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Мая 11 дня 1835 года.

Памфилъ забавень за споломъ,
Хоть часто и на зло разсудку:
Веселоспью обязанъ онъ жехудку,
А памяти—умомъ.

Батюшковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

МЕДАЛЬОНЪ и ПИСЬМО.

Когда ясное и теплое солнце освѣпило первый день Мая, почти весь Петербургъ, нарядившись и причесавшись по послѣдней модѣ—наполнилъ ровныя дорожки Екаперингофа. Тамъ толстые купцы, бѣдные мѣщане, богатые вельможи, разряженные францы, пажеловѣсныя купчихи, легкія какъ пухъ барышни—мѣшаясь между собою, полкаясь, опдавливая другъ другу ноги, соспавляли—шумныя, бурливыя, песпрыя, полосатыя, разноцвѣтныя толпы. Тамъ легкіе чолны быспро порхали по свѣплымъ водамъ, оспавляя за собою сребриспрыя спруи; послушныя веслы гребцовъ спройно разбивали воду въ блестящія алмазныя брызги; живыя и веселыя пѣсни раздавались и замирали въ воздухѣ; всевозможные экипажи разныхъ प्रकारовъ и величины шихо пшнулись по гладкому шоссе. Какое разнообразіе усовъ, бородъ и бакенбардовъ! Волъ усы, между копорыми уляжешся при четверши! Волъ усики, похожіе на пухъ персика! А волъ

чернобурые, съдые съ желпиною, бѣлые, рыжіе, красные, огненные, поненькіе, рѣдкіе, раскидиспые, порчащіе вверхъ, опущенные долу, вьющіеся какъ кудри, черные какъ смоль, мягкіе какъ соболь. Сколько варіацій на одну тему: здѣсь полстая какъ колода барыня въ огромной, какъ спопушечный корабль, раскидной карепѣ; шамъ мчипся гусарскій офицеръ въ облипомъ золотомъ мундирѣ на сѣромъ въ яблокахъ конѣ — крылатомъ и огненномъ; шуптъ Англійская, парою прекраснѣйшихъ караковыхъ коней запряженная, коляска прокатываешъ негоціанша съ его почпленнымъ семейспвомъ; въ споронѣ спойптъ уланъ, опершись на саблю; возлѣ него брюхачый офицеръ, полиціи служиптель, опдаешъ приказъ будочникамъ; омнибусъ, какъ Вавилонская башня, едва движешся: въ немъ и на немъ кишашъ толпы народа. Ахъ, какія лихія дрожки, всѣ черныя, безъ бронзы, а ковѣрь—заглядѣнье. Жаль, что они со щипкомъ, а не съ мѣспечкомъ для кучера; его ноги порчашъ въ шакомъ неживописномъ, пропивоеспешвенномъ положеніи; ему недокко, хопя онъ и подергиваешъ приспяж-

ную, чтобы она вислась кольцомъ. Какой щегольской фашонъ: бѣлый на красномъ ходу; что за свѣтлогнѣдые кони съ черными гривами, съ волнистыми хвостами; что за збура, что за хватъ кучеръ; эпопъ экипажъ дѣлаетъ честь вкусу Кавалергардскаго корнета, карпинно въ немъ развалившася. Взгляните, между волнами черни пробирается знакомый мнѣ журналистъ; онъ поглядываетъ по сторонамъ, не попадется ли предмета для спящей. Рядомъ съ нимъ рабочій его сотрудникъ. О, сколь онъ мелокъ предъ эпимъ высокорослымъ морякомъ, молодецки вышупающимъ въ шляпѣ à la Napoléon; то плежущая гадина, а эпо орель.

Но кто высалъ сюда изъ домовъ всѣ сіи пыскы звакъ? Кто управляетъ всѣмъ гуляньемъ? Кто запланулъ въ узкій корсетъ молодую дѣвицу? Кто обулъ ея крошечныя ножки въ такіе пѣсные башмачки? Чья причудливая рука надѣла на дамъ столько странныхъ лентъ, шарфовъ, перьевъ, куцовѣкъ съ широкими рукавами, манто? Кто заспавляетъ щеголя подбивая его фракъ вапой, носилъ сапоги съ шупыми носками, часы на золотой цѣпочкѣ, шляпу съ маленькими полями?—Ужъ конечно не своя воля.—Такъ кто же? Не ужели желаніе похвастаться?—Нѣтъ. —Общепринятое обыкновеніе?—Нѣтъ.—Приличіе?—Нѣтъ не оно, а все вмѣстѣ: и хвастовство, и обыкновеніе, и приличіе—то есть мода,—она заключаетъ въ себѣ всѣ сіи качества, властвуетъ всею землею, предписываетъ законы, опмѣняетъ ихъ, учреждаетъ новые. Она сильнѣе сильныхъ, привлекаетъ красота, избрѣпательнѣе Англичанина, хитрѣе Жида, корыстоплюбивѣе Армянина...

Когда гулянье было во всемъ разгарѣ, т. е. когда всѣ порядочно продрогли и поуспали, изъ воротъ одной Екаперингофской дачи выѣхала красивая коляска, и впередъ въ рядъ экипажей. Въ ней сидѣла пожилая дама съ двумя молодыми дѣвицами. *Аделаида* и *Амалия* (имѣ дѣвицы), были родныя сестры. Уже нѣсколько дѣтъ тому назадъ какъ они прѣехали съ *Эмилиєю Карловною Пингетелли*, своею

пепкою, изъ Ипаліи въ Петербургъ. Ихъ переселеніе было невольное; полипическая буря выкинула ихъ на берегъ Невы; но имъ послѣ у насъ слюбилось. Они потеряли благораспоренный климатъ, но нашли благое, твердое правительствво; распались съ ближними, но Русское радушіе, Русское гостепріимствво давно уже вознаградило ихъ. Петербургъ сподипъ и Рима и Неаполя; а великолѣпная Нева съ своими серебряными рукавами, съ своими роскошными островами—единственна, несравненна. Желтый Тибръ, похожій на нашу Фонтанку и узенькая Сена, напомнившая намъ въ 1814 году неоправданную Мойку, ушли бы опъ спыда подъ землю, еслибъ увидѣли пышную, царственную рѣку Петрограда. Наши Ипаліанки долго дивились, что зимою, въ самые жестокіе морозы, у нихъ въ комнапахъ было 12 градусовъ тепла постоянно.

Эмилиа Карловна съ племянницами утвердила свое мѣстопребываніе въ Петербургѣ. Лѣтомъ жили онѣ на дачѣ, а зимой въ городѣ. Тутъ познакомила она со многими хорошими фамиліями, а особенно съ *Павломъ Яковлевичемъ Зоревымъ*, почтеннымъ спаричкомъ, который сдѣлался другомъ ихъ дома. Живая и рѣзвая *Аделаида* походила болѣе на Француженку; *Амалия* же была Ипаліанка въ полномъ смыслѣ эпаго слова. Она отличалась опъ сестры своей пою восхищительною помноспію, которая особенно замѣтна въ женщинахъ ея націи; пою выразительностію глазъ, въ которыхъ видна вся нѣга, роскошь и прелестъ Ипаліи. Будучи пѣснми въ своей опчизнѣ за полипическія мнѣнія опца своего, они почли безопаснѣйшимъ, при опѣздѣ въ Россію, перемѣнить свою фамилію, такъ что въ Петербургѣ никто не зналъ настоящаго ихъ прозванія. Юныя Ипаліанки не любили объ эпомъ говорить; пѣтка также молчала.

Но возвратимся къ разсказу. Мы оставили *Эмилию Карловну* и племянницъ ея въ коляскѣ на гуляньѣ.

— Вотъ, сестрица,—сказала *Аделаида*: Ты не хотѣла ѣхать съ нами; гулянье тебѣ нравится, не правда ли?—

«Ты права;» опивчала *Амалия* разсѣянно.

—То-шо, та сѣге, ты всегда отговариваешься, когда тебя зовутъ на балъ или на гулянье; тебѣ кажется, что тамъ будетъ скучно; а всегда выходишь противное. — Но *Амалия* не слушала больше сестру, а во что-то приспально всмапривалась. «Тѣлушка!» вскричала она минушь черезъ пяшь, обращаясь къ госпожѣ *Пиньтелли*: «въ прешьемъ ряду опъ насъ monsieur *Зепревъ* ѣдетъ съ племянникомъ. Видите ли вы его?»

— Вижу, вижу. Да что это тебя такъ занимаетъ?—

«Онъ у насъ давно ужъ не былъ, пѣтушка!»

— Давно не былъ?— Опомнись; да онъ у насъ просидѣлъ вчера до 11 часовъ ночи.—

«Ахъ! да, я и забыла!...» вскричала *Амалия*, покраснѣвъ по уши.

— Забыла... а вѣрно опъ того, что онъ былъ безъ своего племянника?—

«Помилуйте, пѣтушка. Какъ это можно?... Я такъ... позабыла, не вспомнила.»

Этотъ разговоръ былъ вдругъ прерванъ большимъ шумомъ.

— Ужъ вѣрно ссора!— проворчала *Эмилиа Карловна*.

Въ самомъ дѣлѣ какой-то денди, желая обратить на себя вниманіе одного Нѣмца, который прогуливался, куря сигарку и со всѣмъ не воображая, что рядомъ съ нимъ идетъ франтъ, полкнулъ Нѣмца въ локопъ той руки, которою онъ держалъ сигарку. Сигарка приподнялась вмѣстѣ съ рукою и обожгла багровый носъ Нѣмца.

«Ай, ай. Што это ви?... Какъ ви смѣль мой носъ обжигайшь?... Ой, ой! прррр.....» кричалъ разсерженный Нѣмецъ, подпрыгивая и попирая носъ.

— Я...? помилуйте, я и не думалъ...—

«Не думалъ, не думалъ... перъ... фопъ я вамъ показашъ не думалъ,» сказалъ Нѣмецъ, приступая къ незнакомцу.

— Поише, господинъ шустеръ!— замѣпилъ ему молодой человекъ: я чиновникъ. — А самъ, между тѣмъ опспунилъ назадъ къ толпѣ своихъ поварищей.

«Я знай, што ви господинъ, я знай, я очень также понимаю, што ви мой носъ обжигали! фопъ я вамъ... Ви опъ меня не уйдете,» восклицалъ Нѣмецъ. Подоспѣвшій жандармъ образумилъ пьянаго Нѣмецкаго Чухонца. (Сотрудникъ журналиста) обрадовался этому маленькому эпизоду, опбѣжалъ въ спорону, сълъ на зеленую скамейку, вынулъ лиспъ бумаги, въ осьмушку сложенный, и началъ валять журнальную спашейку.

Черезъ нѣсколько дней послѣ Екаперингофскаго гулянья *Павель Яковлевигъ* съ воспитанникомъ своимъ посѣпили *Эмилию Карловну*.

Родитель *Александра* былъ знапный иностранецъ. Онъ переселился было въ Северную Америку, но недовольный тамошнимъ образомъ жизни, возвратился съ сыномъ въ Европу и жилъ въ Москвѣ. Тамъ познакомился онъ съ почтеннымъ *Павломъ Яковлевигемъ*. Почувствовавъ приближеніе смерти, сдѣлалъ онъ его своимъ душеприкащикомъ и опекуномъ единственнаго своего сына. Благодарный опекунъ переѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ, опдалъ его въ Инженерное училище, опкуда онъ выпущенъ подпоручикомъ.

Молодой подпоручикъ пригласилъ семейство госпожи *Пиньтелли* прокататься по взморью. Всѣ, а особенно *Амалия*, приняли съ радостью его предложеніе. Чистое, безоблачное небо и свѣжій ароматный воздухъ, дѣлали эту прогулку прелестною. Вода навѣвала пріятную прохладу; элбопъ плыль довольно медленно.

Аделаида, пѣпка ея и *Павель Яковлевигъ* сидѣли по одну спорону; *Амалия* и *Александръ* по другую. Они опѣхали уже на довольно значительное разстояніе, и плыли все далѣе и далѣе. Въ разговорахъ никто не замѣпилъ что въперъ посвѣжелъ, что черное пятнышко, показавшееся на небѣ, сдѣлалось пучею. Поверхность моря, за чешверпъ часа до того гладкая какъ стекло, зачешуи-

лась и попомнѣла; еще четверть часа — и море всхолмилось. Валы высоко поднимали элботъ и подбрасывали его какъ легкую игрушку. *Амалия*, хопя и жипельница Ливурны, — перепугалась болѣе всѣхъ. И когда бѣлоголовый валъ, налѣпѣвъ на лодку, съ шумомъ разбился о неѣ, и обдалъ ихъ брызгами, *Амалия* вскрикнула и ухватила *Александра* за руку. Молодой офицеръ блаженствовалъ, — онъ не видалъ бури, не чувствовалъ вѣтра: онъ былъ занятъ одною только *Амалиею*. Рука его шрепешала въ ея рукѣ; взоры его ловили ея взоры. Къ щастію ихъ, вѣперъ былъ имъ попутный и элботъ хлѣбнувъ раза два воды, причалилъ къ берегу.

Заходящее солнце, того же дня, заспало *Амалию* сидящую въ своей комнатѣ, задумчивую, печальную. Руки ея подпирали голову, волосы съ пріятною небрежностью ласпились къ разгорѣвшемуся лицу.

Кто полюбилъ въ первый разъ, и полюбилъ истинно: потъ можетъ понять соспояніе *Амалии*. Она любила *Александра*, и не вѣрила, что любила. Напрасно хотѣла не думать о немъ, напрасно сердилась сама на себя.

Небольшой шорохъ прервалъ ея размышленія; она оглянулась и увидѣла передъ собою *Александра*, котораго пихонько вошедъ въ двери, спалъ позади ея спугла.

«Ахъ! эпо вы.»

— Да-съ, эпо я.....я пришелъ.... я осмѣлился.....Нѣтъ, *Амалия*, не могу говорить съ вами языкомъ романовъ, скажу вамъ просто: я васъ люблю, *Амалия*, люблю, какъ только можетъ любить смертный. Простите меня, можетъ быть я слишкомъ дерзокъ; но иначе не могу говорить. *Амалия*, рѣшите мою участь...—*Амалия* не знала, что ей дѣлать. Она хотѣла сердиться, сдѣлать выговоръ, но языкъ ея не ворочался.

— Не мучьте меня, скажите только да! Скажите, согласны ли быть моею, или—я на вѣки погибъ!—*Амалия* еще колебалась. Но когда *Александръ* спалъ на колѣни, и взорами вымалывалъ помилованія; по она, не могши

болѣе пропившись влеченію любви, упала въ объятія восхищеннаго любовника.

Не буду описывать первыхъ воспорговъ любви,—они сильны, какъ порывы вѣтра, ломающіе корабельные мачты; мятежны, какъ грозная буря; возвышенны, какъ поэзія;—ихъ лучше можно чувствовать, нежели излагать на бумагѣ. Скажу только, что *Павель Яковлевичъ* и *Эмилиа Карловна* были согласны на соединеніе *Александра* съ *Амалиею*, и начались нужныя приготовления къ свадьбѣ.

За недѣлю до брака добрые пріятели собрались у *Эмилии Карловны* къ обѣду. Что можетъ быть лучше проспой пріятельской пирушки?.. Здѣсь вы не должны, какъ на пышныхъ, званныхъ обѣдахъ — взвѣшивать и вымѣривать каждое слово прежде, нежели его выпустите, и бояться быть осмѣяны. Сюда не пускаютъ тѣхъ нахаловъ и объѣдалъ, копорые, покушавъ порядкомъ вашего хлѣбасоли, васъ-же будутъ называть невѣжею, дуракомъ, за то, что вы не накормили ихъ—черепашиимъ супомъ, прюфелями, Спрэзбургскимъ пирогомъ. Здѣсь царствуютъ откровенность и проспома.

Да здравствуютъ пріятельскія пирушки! За обѣдомъ всѣ ѣли съ большимъ апетитомъ, кромѣ *Александра* и *Амалии*.

Впрочемъ, вить влюбленные почти никогда не имѣютъ апетита; они питаются взаимными нѣжностями и вздохами.

По утру, послѣ молебствія, женихъ съ невѣспой помѣнялись кольцами.

Павель Яковлевичъ сидѣлъ пропивъ свояченицы своего *Александра Аделаиды*, и очень приспально посмапривалъ на медальонъ, копорый висѣлъ у неѣ на шеѣ на золопой цѣпочкѣ.

— Вамъ нравится мой медальонъ?— сказала *Аделаида*: эпо подарокъ моего папеньки.—

«Да... очень... чрезвычайно...» промолвилъ онъ въ какомъ-то смущеніи: «позвольте узнать, чей эпо порпретъ изображенъ на немъ?»

— Моего опца.—

«Вашего опца?» Спранно, какое разительное сходство... Знаете ли?... Нѣтъ! нѣтъ! я ошибаюсь. Послушайте, ради самаго Бога, — расскажите нѣкоторыя обстоятельства вашей жизни; тогда можетъ быть откроется тайна ужасная, тайна гибельная.»

— Съ удовольствіемъ; — отвѣчала *Аделаида*: ежели только позволитъ пѣтушка. —

«Рассказывай, рассказывай.»

— Не спану распростираяться, а расскажу вамъ только самыя главныя происшествія. Ни я, ни сестра не помнимъ нашихъ родителей. Папенька, обвиняемый въ приверженности къ какой-то партіи, принужденъ былъ скрыться изъ родной нашей Ливурны, не простившись даже съ нами, попому что мапушка находилась въ то время съ нами обыми по дѣламъ въ Пизѣ. — Онъ успѣлъ взять съ собою только нашего брата. Я же и сестра оспались въ Италіи. Мнѣ было тогда только при года, сестрѣ моей четырёхъ. Мать наша почувствовала сильную боль въ груди въ самый послѣдній день, когда узнала о принужденномъ удаленіи нашего опца изъ родины; эта боль никогда не проходила; мапушка примѣтно чахла, ослабѣвала—и черезъ два года и тринадцать дней послѣ папенькина отъѣзда тихо скончалась. Тѣтушка *Эмилиа Карловна*, двоюродная маменькина сестра, бывшая въ замужствѣ за *Пиньятелли*, во Флоренціи, въ то время овдовѣла. Ей поже надѣлано было пропасть непріятностей, по поводу извѣстныхъ всему свѣту безпокойствъ въ Неаполѣ и Сардиніи. Опасаясь еще большихъ притѣсненій торжествующей партіи, она распродала свое имѣніе, тайно удалась въ Ливурну, гдѣ нашла насъ—и у насъ поселилась. Она не знала даже въ лицо покойныхъ нашихъ родителей; но любила и воспитывала насъ, какъ родныхъ дѣтей. Семь лѣтъ прожили мы въ Ливурнѣ, ежедневно ожидая писемъ отъ нашего родителя, котораго, по оставленному имъ при побѣгѣ письму, полагали въ Филадельфіи. Но не было никакого извѣстія, а между тѣмъ гонимели наши не оставляли насъ въ покоѣ, пребуя, чпобы

мы открыли мѣстопребываніе нашего несчастнаго родителя. Намъ расхвалили Россію,—мы пріѣхали въ Петербургъ, и вотъ уже 8 лѣтъ, благодарямудрые законы и правительство, наслаждаемся здѣсь спокойствіемъ.—

«Не знаете ли, по крайней мѣрѣ,» сказала *Павель Яковлевичъ*: «подъ чьимъ именемъ путешествовалъ вашъ папенька, выѣхавъ изъ Италіи?»

— Право не помню хорошенько; кажется подъ именемъ графа *Романьи*. —

«Графъ *Романьи!*» вскричалъ изумленный спарець: «Графъ *Романьи* былъ моимъ другомъ. Я съ нимъ познакомился въ Дрезденѣ. Мы вмѣстѣ пріѣхали въ Петербургъ. Онъ скончался на моихъ рукахъ, поруча мнѣ своего сына, заклиная дать ему Русскую фамилію и записать въ одно изъ дѣшнихъ военноучебныхъ заведеній. Онъ хотѣлъ еще говорить, но отъ сдѣланныхъ имъ усилій ослабѣлъ, покапился на подушки—и опдалъ Богу душу. *Александръ* его сынъ, вашъ братъ, а совсѣмъ не мой племянникъ.»

— Братъ! — вскричала *Амалия*, отскочивъ отъ *Александра*.

«Братъ!» съ какимъ-то ужасомъ повпорили госпи: «И такъ свашьба не состоится!»

Амалия поблѣднѣла, *Александръ* вскочилъ было со стула, но зашатался—и безъ чувствъ опустился опять на свое мѣсто, не смѣя ни вопрошать, ни претоватъ объясненія.

Конечно чипапель простила имъ это, если вспомнитъ, что они спраспно любили другъ друга, что ихъ родственники благословляли ихъ спраспъ и что имъ оставалось не болѣе недѣли до брака, когда пагубное сіе открытіе разорвало союзъ сердець. Но скорѣ нѣжныя имена *братъ*, *сестра*—уврачевали ихъ горесть; они привыкли ограничивать себя свяпою, родственною любовію. Особливо *Аделаида*, набожная и смиренная, совершенно покорилась волѣ Промысла; въ *Александрѣ* же часто вспыхивало дикое пламя прежней спраспи. Онъ сдѣлался угрюмъ, задумчивъ; у него крѣпко щемило репиво.

Почти через три года послѣ описаннаго нами происшествія, въ прекрасный Юньскій вечеръ, на дачѣ покойнаго сенатора П. С. *Молганова*, въ палисадникѣ передъ свѣтлымъ крестьянскимъ домикомъ съ балкономъ, за круглымъ столомъ, накрытомъ бѣлою камчатною скапертью, на которомъ кипѣлъ чистый какъ зеркало самоваръ, сидѣли *Эмилія Карловна*, *Павель Яковлевичъ*, *Аделаида* и *Амалия*. Спарушка разливала чай, спаршая красавица разрѣзывала бѣлый хлѣбъ, а младшая намазывала на ломти желтое сливочное масло.

— Чѣмъ это *Александръ* не пришелъ пить съ нами чай?—сказала *Павель Яковлевичъ*.—«Онъ вѣрно въ своей комнатѣ,» отвѣчала *Аделаида*. «Нынче день его рожденія.—Въ самомъ дѣлѣ! я и позабылъ, — подхватилъ *Павель Яковлевичъ*.—Послушай, продолжалъ онъ, обращаясь къ слугѣ: сходи къ *Александру Петровичу* и позови его къ намъ.—Слуга уже готовъ былъ исполнить сіе приказаніе, какъ вдругъ дверь отворилась и *Александръ* вошелъ, или правильнѣе, вбѣжалъ въ комнату.—*Амалия! Амалия!*—кричалъ онъ въ совершенномъ восторгѣ: конечно ты слыхала отъ меня когда нибудь о письмѣ, которое папенька завѣщалъ мнѣ распечатать въ этотъ день, когда мнѣ минетъ 25 лѣтъ. Сегодня именно этотъ самый день. Я его прочелъ: вотъ оно, прочти его вслухъ.—

Амалия взяла письмо изъ рукъ *Александра* и прочла слѣдующее:

«Узнай всю истину, *Александръ!* Надѣюсь, что ты, имѣя 25 лѣтъ отъ роду, не огорчишься ею. *Александръ*, ты не мой сынъ, ты «сынъ бѣднаго,—но честнаго художника. Я «взялъ тебя къ себѣ, любилъ и воспитывалъ, «въ замѣнъ моего сына, который будучи «слишкомъ слабого сложенія и не могши вы- «нести прудности путешествія, кончилъ «жизнь въ Германіи. Я тебѣ оставилъ ве- «сликодушнаго покровителя, будь достоинъ «его милоспей.»

Бумага выпала изъ рукъ *Амалии*. Любовники нѣжно и спраспно смотрѣли другъ на друга; прежняя ихъ любовь вспыхнула со всею силою.

—Дѣпи, я васъ понимаю;—сказала *Эмилія Карловна*, соединяя руки любовниковъ: будьте щастливы. —

«Маменька, маменька! —воскликали *Александръ* и *Амалия*, обнимая попеременно, по *Эмилію Карловну*, по почтеннаго опекуна, по сестру. Невольныя слѣзы радости брызнули изъ глазъ спарушки.

Въ другой разъ назначенъ былъ бракъ, въ другой разъ добрые пріятели собрались у *Эмилии Карловны*.

Черезъ годъ *Эмилія Карловна* качала на своихъ рукахъ прелестнаго младенца, залогъ супружеской любви *Александра* и *Амалии*.

Киститинъ Долматовичъ.

С У Д Ъ Б О Ж І Й.

«Слушай, *Анна*, сказала онъ остановясь вдругъ: «надобно когда нибудь это кончить; одинъ изъ насъ проихъ лишній на этомъ свѣтѣ!»

— Переспань, *Петръ*, мнѣ спановишся спрасно.

И она закрыла лицо обѣими руками. Муцина сказавъ то, что вы слышали, пошелъ впередъ, по пропикѣ, пробирающейся между садовыми плетнями и обрывистымъ берегомъ рѣки. Они продолжали разговаривать шопотомъ. Онъ имѣлъ рѣзкія черты, голосъ суровый и громкій, какое-то чудное выраженіе въ сѣрыхъ, бѣглыхъ глазахъ, какую-то непріятную усмѣшку и что-то гробовое въ блѣдномъ до синевы лицѣ своемъ. Судя по чернымъ волосамъ, его можно было почестъ гораздо моложе; нежели какъ показывала меприческая книга. Онъ былъ лѣтъ сорока пяти. Она, дурная и спарая; самому б....у *Б....у*, съ микроскопомъ въ рукѣ опыскивающему все гадкое въ природѣ, мудрено было бы найти слѣды спаринныхъ прелестей на обветшалыхъ ея ланипахъ. Для пѣхъ, кои жилали въ уѣздныхъ городахъ и деревняхъ Русскихъ и кои знаютъ, какъ рано отдають памъ за мужъ дѣвушекъ и какъ скоро онѣ опцѣпають, не покажетъ

ся невѣроятнымъ, если я скажу, что ей было съ небольшимъ прироста лѣтъ.

Дошедъ до моста, (если можно назвать такъ доски, наспланныя на высокихъ тонкихъ козлахъ, ничѣмъ не прикрѣпленные и безъ перилъ, для перехода черезъ рѣку пѣшеходцевъ), они разошлись врозь. Онъ повернулъ на мостъ; она спала взбираться на крушой, глинистый берегъ. На прощанье, *Петръ* повторилъ рѣшительно: *одинъ изъ насъ троихъ лишній на свѣтъ*; но *Анна* не промолвила прежнихъ своихъ словъ: *мнѣ страшно!* Она пожала *Петру* руку — и скрылась. Этимъ пожатіемъ руки она произнесла смертный приговоръ человеку — эпоть человекъ былъ ея мужъ; *Петръ* былъ ея только любовникомъ. Въ полночь преступная жена и ея сообщникъ сказали: одинъ человекъ мѣшаетъ нашему благополучію; опправимъ же его на топъ свѣтъ.

Злодѣйскій эпоть разговоръ происходилъ въ городѣ — въ, или, говоря языкомъ спаи-спики: въ городкѣ. . . Можно бы даже, не боясь угрызений совѣсти, сказать: въ городишкѣ; потому что въ немъ не имѣлось не только каменныхъ падапъ, но даже единственная церковь Божія была ветхал, деревянная, поспроенная еще въ пѣ давноминувшія времена, когда сей городишка принадлежалъ къ землѣ Запорожцевъ, и потому еще, что хапы опстояли одна опъ другой на десятицу, а домъ опъ дома на версту. Эпоть городокъ лѣпомъ упопалъ въ густой зелени плодовиныхъ садовъ своихъ. При опкрытіи * * * намѣстничества въ 1783-мъ году, онъ произведенъ въ уѣздные города; въ немъ учреждены Уѣздный и Земскіе Суды, Полиція, Казначейство, Магистратъ и Почтовая Контора. *Петръ Негодливо* былъ штапнымъ почпаліономъ при сей послѣдней.

Онъ уже нѣсколько лѣтъ имѣлъ преступную связь съ *Анной Чулижкой*, женою мѣщанина *Кондратя Чулижки*, торговавшего на базарѣ пряниками. Почпаліонъ *Негодливо* былъ перекрещенный Жидъ, едва умѣвшій по-складамъ разбираться надписи на письмахъ; въ грубой душѣ его горѣла скотская спрость и ревность Азіатская; она поглотила всѣ

его способности, затемнила добрыя мысли и чувствованія. Онъ забылъ для *Анны* и отца, и жену, и дѣтей. Однажды *Чулижка*, воротясь домой въ полпьяна, неожиданный, засталъ, что жена его угощаетъ блинами и горелкой своего любезнаго. Это ему не понравилось: онъ выгналъ его по шеѣ за-ворота и пригрозилъ переломать ему рѣбра, если въ другой разъ найдетъ его въ своей хапѣ. *Негодливо* закусилъ губу — и скрылъ несчастное свое приключение; но въ душѣ приискивалъ средства мести. Онъ пвердо положилъ убить его. Осиля свою совѣсть, ему оставалось уговорить на по *Анну*, слабую, глупую пварь, у которой весь умъ состоялъ въ умѣнны хитро обманывать мужа. Напрасно злодѣй пвердилъ ей, что ему надобли скрыпныя свиданія, всегда коропкія, всегда рѣдкія и опасныя, эти свиданія, при которыхъ шумъ липсывевъ заспавлялъ ихъ дрожать, какъ въ лихорадкѣ: *Анна* не понимала его! Напрасно уговаривалъ онъ еѣ бѣжать съ нимъ въ Аспраханъ или въ Одессу, завеспись памъ домкомъ, на деньги, которыми подарилъ ему его крестный отецъ, князь * * * при крещеніи: *Анна* не понимала его! — Но, когда въ сумерки, пробирался съ нею по берегу рѣки къ мосту, онъ звѣрски проревѣлъ ей, что ему скучно по цѣлымъ ночамъ еѣ дожидаться и видѣться только на нѣсколько минутъ, какъ ворамамъ тайно, украдкою, и что онъ рѣшился кончить все однимъ разомъ: погда *Анна* поняла его! Сначала она оппѣкивалась; но любовникъ имѣлъ надъ нею дьявольскую власть — и возраженія замерли на успахъ ся, когда почпаліонъ громовымъ голосомъ крикнулъ на неѣ: намъ надобно быть двоимъ; ужъ не я ли для тебя лишній?

Два дня спустя, въ мрачную осеннюю ночь, спустя окодо часа послѣ первыхъ пѣтуховъ, при мелкомъ дождѣ, на концѣ Мѣщанской слободы, подъ окномъ низенькой хапы поспучался проходій, прося укрыть его опъ ненастья и пѣмной ночи. Услыша опвѣтъ: сей часъ! проходій проворно перебѣжалъ черезъ грязную улицу, перепрыгнулъ черезъ плетень и припался въ густомъ хмѣлѣ и крапивѣ. У него было ружье за плечами. Онъ снялъ кожаную обѣрпку съ курка, обпѣръ

кремень и полку, взвѣль курокъ, и, прицѣ-
лясь черезъ пынь, ждалъ кого-то.

Въ эту минушу мѣсяцъ проглянулъ сквозь
пучу и посеребрилъ землю пакъ, что всѣ
предметы сдѣлались явспвеннѣе.

Человѣкъ съ ружьёмъ — былъ почпаліонъ
Петръ Негодлийко; въ хатѣ жила *Анна* съ му-
жемъ.

Щеколка въ калипкѣ щолкнула, калипка
заскрышла . . . отворилась . . . и болько мельк-
нула изъ неѣ чья-то пынь въ большой рубаш-
кѣ, какъ раздался выспрылъ и поразилъ еѣ
пулею въ грудь. Она пронзительно вскрик-
нула—и грянулась на земь. Убійца бросился
опрометью по садамъ къ глубокому оврагу,
заросшему перновникомъ: вся кровь его
хлынула къ сердцу. Ему мерещилось, что
въ уши ему шепчетъ женскій голосъ: я умер-
ла; *Петръ*, пы мой убійца!

Эпоть голосъ его не обманывалъ: онъ, въ
самомъ дѣлѣ, заспырдылъ еѣ,

По праведнымъ судьбамъ Божіимъ, пуля, на-
значенная мужу, поразила преспувную же-
ну, которая поропливо выбѣжала на улицу
предупрединъ своего любезнаго, что мужъ
ея пьянъ и спитъ пакъ крѣпко, что она не
могла его добудиться, и что надо опложитъ
исполненіе ихъ намѣренія до поры, до вре-
мени.

Преспувникъ получилъ опъ руки право-
судія достпойную кару за свое злодѣяніе.

ПЫШНОСТЬ АНГЛІЙСКИХЪ ОСТЪ-ИНДСКИХЪ НАМѢСТНИКОВЪ.

Въ послѣднемъ путешествіи, которое
предпринималъ въ 1834-мъ году *Оспъ-Инд-*
скій генераль-губернапоръ лордъ Вилліамъ
Бентинкъ для обозрѣнія внуспреннихъ облас-
тей огромной Имперіи, ввѣренной его упра-

вленію, его обозъ сосполялъ изъ 103 слоновъ,
1300 верблюдовъ и 800 фуръ, запряженныхъ
быками. Два полка: одинъ пѣхопный, дру-
гой конный, его конвоировали.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РОМАНСЪ.

Ужель забыла пы пошь вечеръ роковой,
Когда впервые я съ тобою повспрѣчался,
Словами, мыслями, мечтами размѣнялся
И предался шебъ пакъ пламенно душой.

Ужель забыла пы пошь вечеръ роковой,
Когда въ безпамятствѣ, собою не владѣя,
Я высказалъ шебъ всю душу,—и краснѣя,
Ты руку сжала мнѣ дрожащую рукой.

Ужель забыла пы пошь вечеръ роковой,
Когда взаимности надеждой оболещенный,
Я на шебя сзывалъ всѣ блага всей вселенной,
И слушая меня, швой взоръ блиспалъ слезой.

Ужель забыла пы пошь вечеръ роковой,
И щаспья мигъ и кляшвъ карающую силу?...
О, есплы пакъ, забудь и раннюю могилу,
Гопшовую приняшь убигаго тоской.

А. Бистромъ.

Москва,

С H A R A D E.

Maudit soit le festin où manque mon premier!
La bergère pensive aime de mon dernier
L'agréable et gentil murmure.
Mon tout, lecteur, d'élégante figure,
Se construit, s'élève à grands frais
Par les soins de l'architecture,
Orne les monumens, les temples, les palais.

Въ Но 37-мъ, помѣщенный омонимъ значить: *Коллио.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 39.

Цѣна годовому изданію,
состоющему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Мая 15 дня 1835 года.

Худаго больше, чѣмъ добра, творилъ Клеонъ:
Весь свѣтъ почти шаковъ, и эпо чшо за чудо?
Но вопъ вещь рѣдкая, чшо вѣчно дѣлалъ онъ.
Худое хорошо, хорошее же худо.

П. Сулароковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ. —

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДИИ: *МОДНЫЯ
ГЛУПОСТИ.*

ЯВЛЕНІЕ 6.

(Театръ представляетъ богатойубранный кабинетъ лорда.)

Лордъ Плумпуддингъ и его Секретарь
входятъ въ кабинетъ съ полусонными глазами.

Лордъ *(зъвалъ)*. Ви-и-ль-ямъ.

Секретарь *(зъвалъ)*. Чшо-у-год-но.

Лордъ. Эпо чшо значить?—пы зъваешь,
какъ превосходительный!

Секретарь. Извините, милордъ, я забылся.

Лордъ. Я никогда не позволю подчиненно-
му зъвать въ моемъ присутствіи; — эпо
предоставлено только намъ перамъ Веди-ко-
брипаніи.

(Въ сторону).

Еспьди бы гнѣвъ не былъ порокъ простаго
народа, то я бы не замедлил опщипать
этому невѣжѣ полдюжины оплеухъ; но чась
VII глава X и параграфъ XIX Моднаго Уло-
женія именно запрещаетъ лордамъ бить

своихъ секретарей. — Принесли ли Court
Journal?—

Секретарь. Сей часъ доставилъ разно-
щикъ.

Лордъ. Прочитай чшонибудь новинькое.
(Садится въ Волтерскія кресла).

Секретарь *(читаетъ)*. Верхняя палата
моды. Вчерашнее засѣданіе было самое шумное;

Ровно въ 7 часовъ лордъ *Мострихъ*, депу-
тапъ улицы Пикадилли, взомель на кафедру
и произнесъ рѣчь, въ которой убѣдительно
доказывалъ, какъ неприлично благороднымъ
людямъ носить перчатки. — Рѣчь продолжа-
лась до двухъ часовъ за полночь;—а потому
и не удивительно было, чшо большая часть
слушателей заснула. Лордъ заключилъ рѣчь
свою слѣдующими словами: «Я не могу по-
нять, какъ до сего времени люди моднаго
тона не могутъ увѣриться, чшо перчатки
единственно выдуманы для суровыхъ лапъ
черни. *(Знаки неудовольствія въ центрѣ)*.—Ны-
нѣ одна рука только можетъ опличить
Англійскаго дворянина, опъ обыкновенной
породы людей.—И такъ предоставимъ пер-
чатки грязнымъ кулакамъ ремесленниковъ,

и людямъ спраждающимъ часопкою.» (*Голосъ съ правой стороны: оставьте лигности!*)—Благородный лордъ немного опѣшилъ опъ тако-го привѣтствія; но, понюхавъ пабаку, воскликнулъ: у кого зудитъ, топъ и чешешл! (*Громкій смѣхъ на сторонѣ оппозиціи*). Благородный лордъ выпилъ спаканъ подсахаренной воды, и сошелъ съ каѣдры при громкомъ рукоплесканіи своей партіи.—Послѣ сего взлезли на трибуну еще двадцать два благородныхъ лорда, которые говорили пропивъ билля, и сорокъ три члена оппозиціи подали свой голосъ въ пользу билля.—Наконецъ законъ объ опмѣнѣ перчапокъ принятъ большинствомъ 56-ти голосовъ, пропивъ 48-ми.

Лордъ Плумуддингъ. Чпо же мнѣ дѣлать съ 12-ю дюжинами моихъ перчапокъ?—Раздай ихъ моимъ лакеямъ, кучерамъ и конюхамъ. Читай далѣ.

Секретарь. Маркизь де С. изобрѣлъ новый способъ повязывать галспухъ, а лордъ П. выдумалъ новую помаду для крашенія усовъ и бакенбардовъ.—Сиръ *Ловеласъ Р*** назначенъ президентомъ клуба галспуховъ.

Лордъ. Нѣтъ ли чего новаго въ импературѣ?

Секретарь. Новая книга: Ученое разсужденіе о жилетахъ, 2 тома въ 8-ю долю листа, сочиненіе лорда *Пельгала*.

Что есть фракъ, и то бы можно было изъ него сдѣлать? — посланіе въ спихахъ къ знаменитымъ порпнымъ *Штукеру* въ Лондонѣ, *Штадбу* въ Парижѣ и *Буту* въ Пепербургѣ.

Черныя и сѣрыя шляпы—паралель, сочиненіе одного Парижскаго зѣваки.

Нужны ли франпамъ просточки для прогулокъ? фантазія, написанная бѣлыми спихами, сочиненіе маркиза *Совиньяла*.

Je it genteel to wear a watch.

Въ тонъ ли носить часы? увѣнчанное сочиненіе одного денди, заложившаго свои карманные часы богачому *Жиду*.

Прочъ бакенбарды! при тома, переводъ съ Французскаго.

Лордъ Плумуддингъ. Эта книга должна бытъ очень интересна. Надобно еѣ купить. А прогос—да гдѣ же моя жена?

Секретарь. Миледи поѣхала въ театръ. Лордъ. Съ кѣмъ?

Секретарь (*вздыхая*). Съ полковникомъ Г. Лордъ. Ты вздыхаешь, чпо это значитъ?

Секретарь. Ахъ... эпомъ полковникъ преопасный человекъ.—Я уже давно хотѣлъ предостеречь вашу милость опъ его обольстительныхъ усовъ!

Лордъ. Чпо такое... почему онъ опасенъ?

Секретарь. Я не смѣю, лордъ, опкрытъ вамъ ужасную тайну!

Лордъ. Говори, Иуда предатель!...

Секретарь. Ну, пакъ и бытъ, если вы эшого требуете, я долженъ повиноваться.

Горничная *Жоржета* была свидѣтельницею ужасной сцены.—Взойдя по неосторожности съ биліардную, она увидѣла, чпо полковникъ поцѣловалъ вашу супругу... да... да—онъ поцѣловалъ миледи!

Лордъ. Поцѣловалъ... Goddam... Нѣтъ, я не спущу ему эпой обиды.—Подай мнѣ скорѣе 9-ю часть Энциклопедиціи модныхъ людей.

Секретарь (*подаетъ книгу*).

Лордъ (*прогитывая немного, закрываетъ книгу*). Ты почно знаешь, чпо полковникъ поцѣловалъ еѣ?

Секретарь. *Жоржета* видѣла эпю своими глазами.

Лордъ. Какъ ты думаешь, чѣмъ я опплачу нарушителю моей чести?

Секретарь. Пулю въ лобъ полковнику, да и концы въ воду.

Лордъ. Нѣтъ—я ему ничего не сдѣлаю. Глава XI, параграфъ 5-й говоритъ, чпо ревность свойственна только простому народу.—Полковникъ можетъ цѣловать мою жену, сколько ему угодно.

Секретарь. Эпо самая метафизическая филантропія.

Лордъ. Да, копорой ты не понимаешь.—Вели закладывать мою карепу, я ѣду въ театръ.

Перев. *Кругликовъ*.

СЛОВЕСНОСТЬ.

С В И Д А Н І Е.

Быстро капилась почповая карепа по дороге из Ливерпуля къ Лондону. Вдали, сквозь волны тумана, начинали уже прорываться верхи огромныхъ зданій столицы. Между стѣмъ въ дверцахъ карепы, какъ бы измѣряя распояніе глазами, безпрестанно выспавлялось глубокомысленное и важное лицо одного изъ пассажировъ, котораго совершенно правильныя и спокойныя черты обнаруживали хопя не пламенныя, но сильныя и глубокія спраспи. Причину непрерывнаго шаго пассажира было желаніе скорѣ свидѣться съ женою, съ которою, впрочемъ, онъ распался не болѣе недѣли тому назадъ. Г-нъ *Вельдъ*, почтенный негоціантъ, обогатившійся посредствомъ удачныхъ торговыхъ оборотовъ, былъ человекъ лѣтъ пятидесяти. Послѣ пятнадцатилѣтняго вдовства, онъ неожиданно влюбился въ одну молодую дѣвушку, и не смотря на значительную разность въ лѣтахъ, спалъ искапъ руки ея. Повинуясь обспояпельспвамъ и звѣсивъ выгоды, какія предспавляло замужспво съ г-мъ *Вельдомъ*, *Анна Смитсонъ* согласилась на его предложеніе. Не смотря на всегдашнюю холодность и задумчивость *Анны*, мужъ ея благословлялъ судьбу свою, стѣмъ болѣе, что съ его Пуританскою важностію, склонность живѣйшая привела бы его почти въ запрудненіе. Спаться можетъ, что иной, видя неизмѣнную суровость мисприсъ *Вельдъ*, предположилъ бы въ ней душу, не возмущаемую никакими спраспиями, и почель бы эту чепу обоюдно щаспливою; но наблюдатель опытный и безприспраспный безъ труда могъ прочитатъ въ глазахъ *Анны* сильныя, но подавленные движенія души. Какъ бы то ни было, а ничто не нарушало согласія супруговъ, и какъ мы уже сказали, добрый негоціантъ, послѣ крапкаго оисупствія, съ непрерывнѣмъ юноши спѣшилъ къ женѣ своей и внутренне проклиналъ медленность дошадей, хопя они неслись во весь опоръ.

Наконецъ карепа съ громомъ остановилась на дворѣ конторы дилижансовъ. Г-нъ *Вельдъ*

попчасъ садился въ наемный кабріолетъ, плашипъ двойную цѣну и является посреди своихъ служителей, которые не ожидая его пакъ скоро, весело ужинали въ передней. Всѣ они окружили своего господина, предлагая ему разныя услуги, но онъ не опвѣчаетъ имъ, и взявъ свѣчу изъ рукъ одного слуги, идетъ въ комнапу жены своей. Съ какимъ волненіемъ подходилъ онъ къ этому супружескому святилищу! Безъ сомнѣнія, думалъ онъ, я найду еѣ у камина, заняпую какою нибудь работою, или чпеніемъ... Онъ входитъ: въ комнапъ не было никого. Какъ ни еспеспвенно было это обстоятельство, но какой-то холодъ проникъ въ сердце г-на *Вельда*.

«Гдѣ мисприсъ *Вельдъ*?» спросилъ онъ у одного изъ людей своихъ; спараясь скрыпъ волненіе, замѣпное въ его голосъ.

— Барыня уѣхала часа два тому назадъ.—

«Куда?»

— Этого она ни кому не сказала.—

«*Ажелсъ*, поди раздѣнь меня,» сказалъ негоціантъ, усиливаясь скрыпъ безпокойство, которое болѣе и болѣе имъ овладѣвало.

Сбросивъ съ себя дорожное плашье, онъ сѣлъ въ кресла передъ каминомъ, спараясь казатъ совершенно спокойнымъ.

— Не прикажете ли податъ вамъ кушанъ?—

«Нѣтъ, я подожду жены моей.»

Проходилъ полчася; г. *Вельдъ* каждую минуту спомпритъ на часы, вспаепъ, скорыми шагами ходитъ взадъ и впередъ по комнапъ, снова садится и попомъ вспаепъ опяпъ. «Я гдупецъ!» говоритъ онъ, принимаясь за диспокъ полипической газеты: «*Анна* сей часъ возвратится... она ждала меня не ранѣе, какъ послѣ завтра... теперь она вѣрно у своей мапери...» Онъ начинаепъ читатъ, но слова мелькаютъ у него передъ глазами, не оставаясь въ умѣ его, и ничто не можетъ испребитъ въ немъ возраспающаго безпокойства.

«Восемь часовъ, а еѣ все еще нѣтъ! и ночь такая темная...» сказалъ г. *Вельдъ*, и позвалъ слугу.

— Чпо прикажете, сударь? —

« Барыня повхала въ каретъ? »

— Да-съ, но прислала её назадъ съ разными покупками. —

« И не сказала, куда ояпъ за ней пріѣхашь? »

— Нѣтъ, сударь. —

« Какая неоспорожность!... Но она вѣрно у своей матери... *Джелсъ*, вели запречь карету и ѣхашь за нею. »

Чрезъ четверть часа слуга возвратился и объявилъ, что мисприсъ *Смитсонъ* видѣлась съ своею дочерью еще поуспру, и что по ея мнѣнію, *Анна* вѣроятно была на вечерѣ у миледи *Страффордъ*.

« Въ самомъ дѣлѣ; » сказалъ негоціантъ, спыдлся того, что обнаружилъ свои опасенія передъ слугами: « она пріѣдетъ съ братомъ своимъ, сирѣ *Карломъ*; давай обѣдашь, *Джелсъ*. »

Но онъ ничего не могъ ѣспъ, и наконецъ, не въ состояніи будучи долѣ выдерживашь, и видя, что спрѣлка приближается къ цифрѣ X, одѣлся, сѣлъ въ карету и закричалъ кучеру: къ миледи *Страффордъ*.

Онъ входитъ; его поздравляютъ съ скорымъ возвращеніемъ.

— Почему вы не вмѣстѣ съ *Анною*? — спрашиваетъ его хозяйка.

« Я думалъ найщи её у васъ, » отвѣчаетъ г. *Вельдъ*, окинувъ глазами группу женщинъ, шупъ бывшихъ.

— Мисприсъ *Вельдъ* въ Друри - Ленскомъ театрѣ, — сказалъ въ это время одинъ молодой человекъ: я сей часъ имѣлъ честь её видѣшь въ одной ложѣ. —

« Проспите, миледи, что я такъ скоро оставляю васъ, » прервалъ негоціантъ. « Но вы согласитесь, что мужу, который цѣлую недѣлю не видался съ женою, позволительно бышь немножко неперпѣливымъ. »

И карета г. *Вельда* помчала его въ Друри-Ленскій театр.

Пріѣхавъ шуда, онъ узналъ, что жена его не болѣе какъ за четверть часа оставила свою ложу. Сердце въ немъ сжалось ояпъ эпой новой неудачи и какое-то темное предчувствіе запало ему въ душу. Напрасно старался онъ успокоить себя мыслию, что *Анна* возвратилась домой въ наемной каретѣ; приближаясь къ дому, онъ впайнъ былъ убѣжденъ, что и памъ не найдетъ её. Пріятникъ подтвердилъ это горестное убѣжденіе отвѣтомъ, что мисприсъ еще не возвращалась. Въ смятеніи, безпокойствѣ, полный мыслями о грабежѣ и убійствѣ, г. *Вельдъ* снова обошелъ всѣ улицы, по копорымъ онъ проѣхалъ передъ шѣмъ въ своей коляскѣ, останавливалъ экипажи, спрашивалъ городскихъ спражей, и ни ояпъ кого ничего не узнавъ, впалъ въ расспройспво понятій, близкое къ сумасшеспвію.

Въ то время, какъ влажными ояпъ слезъ глазами онъ старался разспойрѣть улицу, въ копорой заспала его эта минуша, ему пришло на памашь, что въ десяти шагахъ ошпуда живешь его докпоръ, молодой *Жоржъ Дарнлей*. Мысль о помощи друга внушила ему нѣкопорую надежду. — Онъ поможетъ мнѣ найщи её, сказалъ г. *Вельдъ*; голова моя кружится, я теряюсь, и одинъ не въ состояніи сдѣлать ни шагу. — Съ этими словами, онъ идетъ къ молодому врачу, опталкиваетъ слугу, копорый увѣряешь, что барыня его нѣтъ дома, съ шумомъ распворяешь двери, и видитъ *Жоржа*...

Жоржъ Дарнлей былъ врачъ, подававшій о себя большія надежды и умѣвшій съ удивительнымъ искусствомъ мѣшашь ученые труды съ удовольствіями свѣпскими, и усцѣхи больницъ съ усцѣхами госпипныхъ. За то взгляните, съ какимъ вниманіемъ и заботливостію, за нѣсколько часовъ до нечашнаго прихода негоціанта, анатомируетъ онъ блѣдную голову, копорую держитъ въ своихъ пальцахъ, понкихъ и бѣлыхъ, какъ пальцы женщины; широкій передникъ, замаранный кровью, покрываетъ шегольской нарядъ его, и *Жоржъ* такъ углубленъ въ свое занятіе, что не замѣчаетъ, какъ между шѣмъ наступилъ вечеръ. Наконецъ, будучи не въ

соспояніи различають понкія жилки, копорыхъ ищеть ножъ его, онъ неперпѣливо звонитъ и кличетъ слугу.

— Огня, *Джонъ!* Зачѣмъ же оспавляешь меня въ попьмахъ? —

Слуга приноситъ два богатые подсвѣчника со свѣчами розоваго воска и ставитъ ихъ на столъ предъ анапомлируемою головою. Молодой врачъ снова принимается за работу и занимается ею довольно долго. Вдругъ раздаются въ комнапъ пріятные звуки національной пѣсни, и на спѣвннхъ часахъ бѣшетъ девять часовъ. *Жоржъ*, копорый съ неперпѣніемъ щипалъ удары, поспѣшно бросаетъ свои анапомические инструменпы, кладетъ голову въ банку со спиртомъ, сбрасываетъ съ себя передникъ, обмываетъ руки благовонною водою, поправляетъ безпорядокъ своей одежды и выходитъ въ госпиную, ярко освѣщенную и какъ бы приготовленную для чьего-то ожидаемаго и пріятнаго посѣщенія.

Въ самомъ дѣлѣ, на окнахъ комнапы песпрыли душистые цвѣпы, очень рѣдкіе по времени года (погда былъ Декабрь); пропивъ камина поспавленъ былъ роскошный диванъ, а въ углу, на красивомъ столикѣ, приготовлена была закуска изъ отборныхъ яспивъ. *Жоржъ*, бросивъ въ зеркало взглядъ на складки своего галспуха и на кудри черныхъ волосъ своихъ, разлегся на диванъ, и довольная улыбка, мелькнувшая на губахъ его, обличила его пріятныя мечпанія и пашпвенныя надежды. По временамъ, услышавъ легкій шумъ за дверью, онъ оборачивался, прислушивался, и по волненію, копорое выражалось погда въ черпахъ его, можно было опгадать, чего онъ ожидаетъ. Наконецъ на лѣспницѣ послышались поспѣшные шаги, кто-то громко заговорилъ съ слугою; *Жоржъ* съ изумленіемъ вскочилъ съ своего мѣспа; дверь отворилась... Видно было, что *Жоржъ* ожидалъ не г-на *Вельда*, попому что когда онъ показался въ дверяхъ, то молодой врачъ, опъ неожиданноспи ли эпаго посѣщенія, или по магнетическому дѣйствію спрашной гореспи, копорая изображалась на лицѣ негоціанпа, оспа-

новилъ какъ вкопанный на мѣспѣ, и съ неизьяснимымъ безпокойствомъ успремилъ на него вопрошающій взоръ....

«*Анна* пропала!» вскричалъ негоціанпъ, въ изнеможеніи падая на кресла.

— Какъ! что вы говорите?... Нѣптъ, вы напрасно пугаетесь,—возразилъ молодой докторъ, немного успокоившись.—Какой нибудь проспой случай задержалъ её у знакомыхъ, или у ея мапушки.... —

«Нѣптъ нигдѣ! Я нигдѣ не нашель её!... *Жоржъ!* съ нѣкопорога времени спали говорите о грабежахъ, о пайныхъ убійспвахъ....»

— Какія мысли, г. *Вельдъ!*... Успокойтесь, ради Бога; съ супругой вашей не случилось ничего худаго... Она вѣрояпно не ждала васъ, и не почла нужнымъ предупредить...—

«Да... именно... Вы меня немного успокоиваете!... Однако-жь, она уже съ часъ пому назадъ уѣхала изъ теапра....»

— Съ часъ пому назадъ, говорите вы?...— прервалъ *Дарнлей* съ замѣпнымъ безпокойспвомъ.

«Да, вѣрояпно въ наемной каретѣ; съ пѣхъ поръ никпо не видалъ её... она была одна... женщинѣ ѣхать одной, въ такое время, *Жоржъ*, и припомъ по Лондонскимъ улицамъ!...»

— Ну! —

«Эта мысль убиваетъ меня! Если её обманули, увезли изъ города....»

— О нѣптъ! эного быпъ не можетъ; мисприсъ *Вельдъ* такъ хорошо знаетъ Лондонъ.... —

«*Жоржъ*, помоги мнѣ... поидемъ, опыщемъ *Анну*... самъ я не могу, я не въ силахъ.... *Жоржъ*, ради Бога, будь спасителемъ жены моей; можетъ быпъ въ эту минупу убиваютъ её....»

— Поидемте, я опышу её,—вскричалъ молодой человекъ, бросаясь къ дверямъ. Но вдругъ, какъ бы пораженный внезапною мы-

слію; онъ остано­вился, поблѣднѣлъ и без­молвно по­тупилъ встревоженный взоръ.

«*Жоржъ!* умоляю тебя, спаси жену мою!» повтори­лъ негоціантъ, пада­я на колѣна.

Дарлей не отвѣчалъ; ка­залось, въ немъ происходило что-то необыкновенное.

«*Жоржъ!*» сказа­лъ опять г. *Вельдъ* опча­яннымъ голосо­мъ.

Въ ту же мину­пу кто-то слегка спук­нулъ два раза въ двери. Молодой чело­вѣкъ задрожалъ, волосы у него спали дыбомъ, лицо его изъ блѣднаго сдѣлалось багровымъ, и какъ опчаянный, кинулся онъ къ дверямъ, ч­тобы кто нибудь не отворилъ ихъ и не вошелъ въ комна­ту. Все это не укрылось отъ внима­тельнаго взора г. *Вельда*; спра­ная мысль мелькнула въ умъ его; однимъ взглядомъ окинулъ онъ комна­ту, цвѣты, ди­ванъ, и вскочивъ съ мѣста, задыхаясь про­говорилъ:

«*Жоржъ!* кто-то спучился.»

— Нѣтъ, вамъ показало­сь... — возразилъ *Дарлей* слабымъ, едва слышнымъ голосо­мъ.

Тупъ снова панич­ственно постучались два раза у дверей.

«Слышите ли?» повтори­лъ г. *Вельдъ*, под­ходя къ дверямъ.

— Не подходите... вы не можете её ви­дѣть... — вскричалъ *Жоржъ*, заслоняя собою дверь.

«Такъ это женщина?» прибавилъ него­ціантъ, устремивъ на *Дарлея* пронца­тельный взглядъ.

— Да... — отвѣчалъ *Жоржъ*, какъ будто оживясь: это женщина, ко­торую я ожида­лъ и которую я не хочу подвергать наре­канію... Извините меня, г. *Вельдъ*, но вамъ надобно выпши въ ту комна­ту и дасть мнѣ слово, что вы не будете спараться увидѣть ту, ко­торая войдетъ сюда.

«Я её увижу!» вскричалъ г. *Вельдъ*, крѣ­по сжимая руку молодого врача. «Прочь! я

имѣю на это сполько же права, какъ и ты!» Тупъ, собравъ все свои силы, онъ оттолкнулъ *Жоржа* одной рукою, другою отворилъ дверь, и вмѣсто женщины, увидѣлъ двухъ чело­вѣкъ въ одеждѣ полицейскихъ спражей, державшихъ на плечахъ что-то по­тяжелое, обвернутое чернымъ сукномъ.

Видъ этихъ людей возвра­тилъ *Дарлею* все прису­ствіе духа; онъ подалъ имъ знакъ, и взявъ свѣчу, повелъ ихъ въ ближнюю ком­на­ту, гдѣ они сложили свою ношу на столъ, на ко­поромъ онъ обыкновенно разсѣкалъ прупы; потомъ, вынувъ кошелекъ, онъ оп­щипалъ принесшимъ нѣсколько гиней, и тѣ поспѣшно удалились.

— Послушайте, г. *Вельдъ*, — сказа­лъ онъ ему голосо­мъ спокойнымъ и съ выраженіемъ лег­каго упрека: теперь вы знаете мою пай­ну; я покупаю мертвые тѣла не въ ус­та­нов­ленное время; продавцы этихъ тѣлъ мо­жетъ быть крадутъ ихъ на кладбищахъ; но что-же дѣлать, когда привилегированные врачи удержи­ваютъ въ свою пользу прупы умирающихъ въ боль­ницахъ, и заспавляю­тъ насъ довольствоваться наблюденіемъ орга­низаций испорченныхъ, надъ ко­порыми мы сполько без­плодно тратимъ время. —

«Такъ вы не ждали никакой женщины?» спросилъ негоціантъ, устремивъ на него испытующій взоръ.

— Я принужденъ былъ выдумать эту от­говорку; продажа тѣлъ для многихъ ка­жется такъ ужасною. —

«Такъ извините мою запальчивость, г. *Дар­лей*; въ теперешнемъ моемъ положеніи она прости­педна...»

— Теперь, любезный г. *Вельдъ*, когда вы немного успокоились, пора возобно­вить ис­ка­нія; меня ничто болѣе не задерживаетъ и я весь къ вашимъ услугамъ, но мнѣ по пре­жнему кажется, что опасенія ваши напрасны; мис­трисъ *Вельдъ*.... —

«Навсегда для меня погибла,» добавилъ не­гоціантъ глухимъ голосо­мъ.

— Опять тѣ же мысли! полно-те, пойдете; можете быть, теперь супруга ваша уже дома и съ своей стороны беспокоится объ васъ... пойдете... —

«Благодарю васъ... но я худо себя чувствую, и если позволите, здѣсь проведу ночь.»

Сильное беспокойство изобразилось въ чертахъ *Жоржа*. — Позвольте, — сказалъ онъ, протягивая руку къ звонку: я прикажу приготовить для васъ постель въ этой комнатѣ. —

«Не беспокойтесь, мнѣ хорошо и въ этихъ креслахъ.»

Но звонокъ раздался, и когда вошелъ слуга, *Жоржъ* подалъ ему знакъ, указавъ на небольшую дверь, въ которую вошли передъ тѣмъ двое людей, принесшихъ мерзвое тѣло; знакъ эгопъ, понятый догадливымъ слугою, былъ замѣченъ негоціантомъ; который еще ниже опустилъ голову на грудь.

— Извините, что я оставляю васъ, — сказалъ *Жоржъ*: но принесенный трупъ требуетъ нѣкоторыхъ необходимыхъ приготовлений. —

Г. *Вельдъ* опивчалъ на это наклоненіемъ головы. *Жоржъ* вошелъ въ свою рабочую, засучилъ рукава, подвизалъ передникъ, и подойдя къ столу, сбросилъ черный покровъ съ обнаженнаго трупа.

— Какое прекрасное женское тѣло... Боже! оно еще тепло... Тутъ онъ сдернулъ полопно, которымъ было закрыто лицо трупа, взглянулъ, и невольный крикъ вырвался изъ груди его... На крикъ эгопъ вбѣжалъ г-нъ *Вельдъ*. «*Анна!*» проспоналъ несчастный, и замертво грянулся на полъ.

Когда помощь *Жоржа*, или скорѣе слуги его, привели въ чувство злополучнаго мужа, онъ холодно посмотрѣлъ на все его окружавшее и на врача, который безъ успѣха суешился около трупа; потомъ онъ вспалъ, и увидѣвъ обнаженное тѣло жены своей, набросилъ на него покровъ, и швердымъ голосомъ сказалъ врачу: «Милоспивый государь, слѣдуйте за мною къ полицейскому приспаву.»

Жоржъ машинально пошелъ за нимъ. Негоціантъ объявилъ приспаву о своемъ несчастіи; молодой докторъ долженъ былъ письменно засвидѣтельствовать справедливость его показаній. Осмотрѣли трупъ, и не нашли ни малѣйшей раны, никакого знака; несчастная, какъ по всему было видно, спала жертвою шайки удушителей, которая появилась тогда въ Лондонъ.

«Г. *Дарнлей,*» прибавилъ негоціантъ, указывая на *Жоржа*: «доставите вамъ свѣдѣнія, которыми помогу тѣ опкрыть убійцъ.» Такимъ образомъ, *Жоржъ* принужденъ былъ объявить полиціи о своихъ тайныхъ сношеніяхъ съ продавцами труповъ.

Тѣло *Анны* перенесли въ домъ ея мужа и на другой день съ честью предали землѣ. По возвращеніи съ похоронъ, г. *Вельдъ* тайноспвенно сжалъ руку молодому человеку и сказалъ ему: «Все кончено; ложъ наша оспаеется въ своей силѣ, и память *Анны* не будетъ предана позору. Вы, который одинъ знаете истину, сохраните эту тайну, не правда ли? Другой, будучи на моемъ мѣспѣ, сказалъ бы вамъ: одинъ изъ насъ долженъ погибнуть, но я говорю вамъ только: сохраните честь моей *Анны!* а поединокъ обличилъ бы, напропивъ, спыдъ ея. Несчастная жестоко наказана, вы также, вы, который виною ея смерти, вы, который призвалъ еѣ ночью, по грязнымъ улицамъ, какъ презрѣнную пварь... Предъ Богомъ и предъ мною вы послушали—какъ человекъ безчестный!...»

Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ, двое убійцъ *Анны* были повѣшены, г. *Вельдъ* лежалъ въ могилѣ подлѣ жены своей, а *Жоржъ* спалъ жертвою заразительной болѣзни, свирѣпствовавшей тогда въ Англии и сразившей его въ одномъ военномъ госпиталѣ.

ЮНОСТЬ И ПРЕДИСЛОВІЕ.

Юность похожа на предисловіе къ книгѣ. Часто содержаніе книги совсѣмъ не то, какое обѣщало намъ предисловіе.

НАДПИСЬ НА МОГИЛѢ САМОУБИЙЦЫ.

За оградою Ниборгскаго кладбища въ Дани, на могилѣ одного самоубійцы, по приказанію полицмейстера написано: Здѣсь лежитъ тѣло самоубійцы Якова Гансена, копорый, Марта 20-го 1826 года, опресея отъ упованія всякаго. Читатель, помышляя о Творцѣ своемъ въ юности, пока не настали еще дни бѣдспвій,

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВОЕННЫЕ КУПЛЕТЫ.

Любимъ драхься со врагами,
Пуль пулей отвѣчаешь,
И съ бушылкой предъ огнями
На бивакахъ нировашь.

Любимъ шумныя веселья,
Нектаръ въ чашѣ круговой;
Чашъ вѣрно въ часъ бездѣлья
Служишь рапникъ спроевой.

Пей, друзья, покамѣспъ пѣшся,
Горе жизни забывай;
Искони у насъ ведѣтся:
Пей, ума не пропивай.

Завше, можешь, въ полѣ чиспомъ
Громы бившы загремятъ;
Ядра съ шумомъ, пули съ свистомъ
Къ намъ въ карей полешають;
Завше-жь, можешь бышь, изъ спроя
Насъ на ружьяхъ понесушь,
И ужъ водки послѣ боя
Намъ понюхашь не дадушь.

Пей, друзья, покамѣспъ пѣшся,
Горе жизни забывай;
Искони у насъ ведѣтся:
Пей, ума не пропивай.

Можешь, завше-жь, падшій жершвой,
Кшо нибудь, друзья, изъ насъ,
Между мѣршвыми полмершвой
Будешь ждашь послѣдній часть.
Всѣ пчезнешь передъ нами,
И въ пескахъ чужой спраны
Мы безъ гроба, подъ кусшами
Будемъ всѣ схоронены.

Пей, друзья, покамѣспъ пѣшся,
Горе жизни забывай;
Искони у насъ ведѣтся:
Пей, ума не пропивай.

М. Фѣдоровъ.

1828.

Ш А Р А Д А.

Когда ты удивлень,
Изумлень,
Поражень:

Мой первый слогъ изъ успъ невольню вымешашь,
Вторыми человекъ бываешь окружень,
Коль чеспешъ онъ, богашъ и въ почеспяхъ сіешъ.
А все—не холмъ, не горка, не курганъ,

И не равнина,
И не долина,

А бездна, пропасть, глубина,
Гдѣ невидашь и дна.

Въ No 38-мъ помѣщенная шарада значить: *Rot-onde.*

Pl. No 14. Robe vert de tissu cloitré. — Châle perse.—Redingote ouverte, de printannière de soie à des-sins écossais couleur bois sur blanc.—Capote de ruban écossais vert et lilas.—Chapeau de gros de Naples vert garni d'une guirlande de violettes.

Карп. No 14. Зелѣное платье. — Персидская шаль.—Открытый рединготъ шолковый, съ Шотландскими узорами деревяннаго цвѣша по бѣлому.—Зелѣная гродѣнашлевая шляпка съ гирландою изъ фіалокъ.

П о п р а в к а.

Въ No 37 Лип. Прибавленій, стран. 296, строки 4 и 5 напечатано: *канониры*, а надобно чшпашь: *канонирь*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 40.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Мая 18 дня 1835 года.

Тигрь, ужась всѣхъ звѣрей, поднявъ кровавы взоры,
Морсея умолялъ, чпобъ оонъ къ нему послалъ.
—Для изверговъ, шебъ подобныхъ,—богъ сказалъ:
Гоповлю я не макъ, но совѣспи укору.—

И. Дмитриевъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

НЕВѢСТА АЛІЕВА.

Персидская повѣсть; соч. Мура.

То было во дни шаха *Омеда*, когда между прочими дивными вещами такъже объявлено было возвращеніе *Али*, знаменитаго зятя пророкова, долженствовавшее непременно восплѣдовать въ скоромъ времени. Сполѣтія уже пропекли со дня кончины сего великаго мужа, а все еще правовѣрные плещтно ожидали обшпованнаго возвращенія. Такъ непоколебимо надѣялись сего возвращенія, что въ продолженіе всѣхъ послѣдовавшихъ царствованій въ царскихъ конюшняхъ всегда споялъ въ готовности для ожидаемаго гостя млечно-бѣлый, взнузданный конь, вмѣстѣ съ богато одѣною прислугою. Но зятя пророка не показывался,—и опъ времени до времени являлись люди невѣжественные или злонамѣренные, которые даже осмѣливались сомнѣваться въ его возвращеніи.

Впрочемъ во времена *Омеда* всѣ сіи сомнѣшела исчезли: ибо самъ шахъ швердо сему

вѣрилъ. Припомъ же верховный мулла, преисполненный учености, открылъ въ *Ж'ефръ* или *Ж'іамѣ* новый способъ чтенія, посредствомъ коего онъ въ точности опредѣлилъ время прибытія *Али*. Сей *Ж'ефръ* или *Ж'іамѣ* естъ знаменитый, самимъ *Али* таинственными знаками исписанный свитокъ изъ верблюжьей кожи; онъ содержишь въ себѣ все, что произойдетъ въ мірѣ опъ начала Исламизма до преславленія *Свѣта*.

Впрочемъ, что касается до прибытія *Али*, то оно весьма удовлетворительно объяснилось новымъ коментаріемъ верховнаго муллы. Посредствомъ удачнаго смѣшенія обоихъ алфвировъ, *Тегри* и *Аджеда*, которые дополъ спрожайше отдѣляли одинъ опъ другаго, онъ рѣшилъ эту трудную задачу, и доказалъ, что по смыслу вшораго ооба или вшорой главы *Ж'ефра* въ весьма скоромъ времени должно восплѣдовать прибытіе пророкова зятя.

Посему не мудрено, что во всемъ Испаніи дѣлали большія приговоренія для вшпрѣчи споль высокаго посѣшителя. Оныя даде-

ко превзошли блескъ и великолѣпіе, прежде видѣнные во дворцѣ шаха.

Млечно-бѣлый конь, какъ обыкновенно, стоялъ готовый въ царскихъ конюшняхъ, но никогда еще не былъ дополъ такъ богато и роскошно убранъ. Не только на нагрудномъ щипцѣ, изъ цѣльнаго золота, но и на всякомъ металлическомъ украшеніи драгоценной збруи, по приказанію верховнаго муллы, изображены были новые шифры. Сверхъ того извѣстное число сокольниковъ, — (преданіе говоритъ, что зять пророка въ свое время спраспно любилъ охоту) — съ настоящими Даурскими соколами на рукахъ и съ висящею на поясѣ липаврою, для приманки птицъ, день и ночь стояло въ готовности къ его услугамъ. Каждую ночь освѣщались безчисленныя башни и минареты города, какъ бывало только въ большіе праздники, и на всѣхъ возвышеніяхъ разставлены были спражи, дабы онѣ заблаговременно дали знать о прибытіи святаго мужа.

Но шахъ не удовольствовался сими великолѣпными изъявленіями своего уваженія. Изъ чистѣйшаго усердія, которое одинъ только примѣръ существуетъ въ исторіи, онъ назначилъ ожидаемому госпію въ супруги свою единственную дочь, прелестную *Мали*. Сіе юное, невинное существо, для такого величія избранное, теперь уже пользовалось всеми почестями ожидаемаго жениха; не щадили ничего, что только искусство и воображеніе могли произвести, дабы окружить её блескомъ, достойнымъ ея будущей участи.

Каждый наступающій день былъ привѣтствуемъ, какъ свадебный день принцессы; каждый часъ приносилъ ей новые дары, новые уборы, новые наряды. Такъ протекали дни юной *Мали*, между тѣмъ какъ земля, воздухъ и море должны были плапять дань ея красотѣ. Жемчугъ, рожденный росой Низанскою, блестящими рядами обвился вокругъ ея шеи, а пышнооцѣпный фазанъ глубокаго воспока прислалъ ей свои крылья, для навѣванія прохлады на ея горящее чело.

Между дамами Испаганскими, что легко можно себя предсавить, участъ молодой невѣсты была главнымъ предметомъ всякой бесѣды. Онѣ не знали, чему болѣ завидовать, суженой или богатымъ нарядамъ.

Сдѣлався супругою повелителя правозвѣрныхъ, естъ безъ сомнѣнія блестящая участъ; но носить заплатья изъ самыхъ крупныхъ рубиновъ Бадакшанскихъ, имѣть такое множество серебряныхъ и золотыхъ пканей Мешедскихъ, упопать въ морѣ сладостныхъ благоуханій Элькайскихъ — щастливая *Мали*! — Всякая вещица въ ея покояхъ была подробно описываема: оиміамъ, который курился въ золотыхъ чашахъ; незримые барды, которые опъ времени до времени, будто вдохновенные, пѣніемъ своимъ слѣдовали расположенію ея духа; припомъ же не забывали и то, что она каждую ночь почиваетъ на драгоценныхъ пюфлякахъ Фецкихъ, набитыхъ розовыми листьями изъ садовъ, орошаемыхъ Ниломъ.

Но увы! если-бъ онѣ могли взглянуть въ сердцѣ юной невѣсты, то скорѣ почувствовали бы сосраданіе, нежели зависть; ибо это сердце уже любило пѣлесный, земной предметъ, такую невинную и припомъ же такую пламенную любовь, какую едва ли когда нибудъ пылало женское сердце. Спранныя обстоятельства, подъ вліяніемъ коихъ возникла сія любовь, были достаточны на то, чтобы впечатлѣть оную глубоко и неизгладимо въ ея сердцѣ.

Разлученіе дѣтей обоого пола происходило весьма рано въ гаремахъ. Посему, именно по спранное обстоятельство, что сердце ея успѣло найти предметъ любви, какъ скоро оно созрѣло для любви, принадлежипъ къ важнѣйшимъ черпамъ ея жизни.

Молодой принцъ, племянникъ шаха, котораго по крепости и почти дѣвической робости характера, оспавляли долѣ въ гаремѣ, нежели обыкновенно позволяется юношамъ, былъ любимецъ ея души, и память объ немъ, не взирая на прехлѣпную разлуку, еще сохранилась въ безпорочномъ сердцѣ

ея въ прежней свѣжести и прежнемъ блескѣ. — Хотя она имѣла мало надежды опять увидѣть *Каледа* на этомъ свѣтѣ, и вѣра отвергала смѣлую мысль, что соединится съ нимъ на томъ свѣтѣ, но невинная простота ея довольствовалась грезой минувшаго, которая доспапочно озаряла ей будущность.

Мали не знала и не желала другаго щастія, ни настоящаго, ни будущаго, какъ сидѣть на берегу ручейка въ своемъ уединенномъ кюскѣ, и вспоминать своего *Каледа*. Посему объявленіе о скоромъ прибытіи знаменитаго, шайнспвеннаго жениха, чпобы съ нею сочетаться бракомъ, показалось ей скорѣе спрашною грезой, нежели дѣйствительными, на яву слышимыми ею словами.

При торжествахъ, ради неѣ совершаемыхъ, страхъ ея облегчался только пою мыслию, что все сіе ничто иное, какъ религіозный обрядъ, коего смысла она не постигаетъ. Впрочемъ, она иногда конечно предчувствовала, что предстоитъ близкій жерпвенный праздникъ, при которомъ, подобно обрученной съ *Ниломъ дѣвѣ*, она будетъ чращенной жертвою.

Ночью, покоясь на ложѣ изъ Египетскихъ розъ, она, вмѣсто того, чпобы, какъ полагали дамы *Испаганскія*, грезить о предстоящемъ ей блиспаптельномъ бракѣ съ повелителемъ правовѣрныхъ, мысленно переносила себя въ то время, когда она, въ садахъ лѣпняго дворца, у прохладныхъ фонтановъ, проводила съ двоюроднымъ братомъ споль дивно-блаженные дни,—когда онъ, сидя подлѣ неѣ, рисовалъ ландшафты на жасминныхъ листьяхъ, или она до самаго заката солнца вмѣспѣ съ нимъ гонялась за лазурно-пурпуровыми мопыльками.

Между тѣмъ, какъ бѣдная *Мали* въ семь расположеніи духа ожидала рѣшенія своей участи, шахъ совѣмъ другими глазами смортѣлъ на великое событіе, имѣющее совершиться въ скоромъ времени. Сдѣлапясь пештемъ пророкова зятя, было родство, конечно способное очаровать его душу во вре-

менномъ и духовномъ отношеніи. Это очевидно явспвовало изъ того, что онъ съ тѣхъ поръ, какъ ожидалъ сего полунебснаго родства, по примѣру пророка, гораздо пемнѣе прежняго чернилъ свою бороду генною.

Равнодушіе дочери при семъ случаѣ пзумляло и огорчало его. Онъ всячески старался, изображеніемъ блеска, храбрости и красоты *Аліевой*, вселивъ въ ея душу выпспренность, доспойную ея высокаго назначенія.

Для достиженія сей цѣли, каждый день читалъ онъ ей ученые исполкованія 76-й главы *Корана*, копорья однако-жъ, подобно усыпительнымъ каплямъ опиума, наводили птяжкій сонъ на вѣжды царспвенной дѣвы.

По сей же причинѣ, въ слѣдствіе приказанія шаха, всѣ списки, для прославленія *Али* золотыми буквами начертанные вокругъ галерей гробницы *Аббы*, списаны были для его дочери и положены на ея споль въ видѣ книги, прекрасной, подобно той книгѣ, копорая содержитъ въ себѣ любовную исторію *Іосифа и Зулейки*. Широкий мечъ могучаго випязя *Сулфакара*, блескъ его султана изъ цаплиныхъ перьевъ и ослѣпительная красота его очей—супь предметы сихъ безконечно-длинныхъ списковъ.

Если-бъ сердце юной невѣсты было менѣе занято, то описаніе дивныхъ очей ея будущаго супруга возбудило бы по крайней мѣрѣ ея любопытство; но въ пеперешнемъ положеніи дѣлѣ, она не иначе, какъ со вздохомъ могла положить эту книгу въ спорону. Позвавъ къ себѣ вѣрную невольницу, копорая прислуживала ей съ малолѣтства, она попросила еѣ пропѣть прогашельную любовную пѣсню, посвященную ей *Каледомъ* во дни безмятежнаго щастія.

Такъ протекало время. Млечно-бѣлый конь и сокольники день и ночь спояли въ готовности; спражи неусыпно бодрспвовали на холмахъ; каждый вечеръ горѣли новые попѣшныя огни, и по семи разъ въ день—споль же изобрѣпательно, какъ невольницы принцессы *Мербану*, по семи разъ омывапція

руки ея розовою водою,—уборщицы перемѣняли шуалепъ молодой невѣсты. День и ночь одни наряды смѣнялись другими. Казнохранилище попомковъ *Аббы* вздыхало объ издержкахъ,—а все не являлся зяпъ пророка.

Верховнаго муллу превозжило предчувствіе, что его предсказанія не сбудутся; шахъ полагалъ, что онъ не довольно чернипъ свою бороду генною, и многочисленная толпа сомнителѣй, которые долго молчали, опять дерзнула вооружиться орудіемъ сарказма: поелику *Али* (одно изъ *Алиевыхъ* прозваній) «*владыка времени*,» говорили они—по безъ сомнѣнія онъ пріѣдетъ со временемъ.

Однимъ словомъ, судьба, казалось, хотѣла освободить бѣдную *Мали* отъ чести и ужаса сверхъ-естественнаго брака.

Въ одно утро, ни свѣтъ, ни заря, къ крайнему спыду сомнителѣй и къ величайшему изумленію даже тѣхъ, которые утверждали, что несомнѣнно вѣруютъ въ сіе событіе, при оглушительныхъ звукахъ гонговъ и кимваловъ, возвыщено было со всѣхъ минаретовъ *Испаганскихъ*, что великій *Али* въ минувшей ночи явился правотѣрнымъ, и въ эту минуту совершаетъ свою молитву въ порфирной часовнѣ, подлѣ гробницъ покойныхъ шаховъ.

Въ первую минуту народъ натурально нѣсколько удивился спокойствію и тишинѣ, съ каковыми совершилось сіе великое событіе;—ибо онъ ожидалъ по крайней мѣрѣ сошеспвія съ облаковъ,—въ огненной колесницѣ. Впрочемъ, важная истина, что владыка дѣйствительно прибылъ, и любопытство, узнать подробности его прибытія, вскорѣ подавили въ зародышѣ всѣ другія разсужденія. Сіи подробности, не подлежашія ни малѣйшему сомнѣнію, рассказываемы были придворными чинами слѣдующимъ образомъ:

Наканунѣ былъ празднуемъ такъ называемый Мусульманами годичный день очистишельнаго жертвоприношенія; ибо это былъ тотъ день, въ который пилигримки Меккскія убили жертвы въ долині Минской, и въ силу обычныхъ обрядовъ сего священнаго

празднества, всю ночь должны были горѣть огни въ главной порфирной часовнѣ.—Извѣстное число муллъ или докторовъ закона имѣло обязанность бодрствовать и молиться тамъ до самаго утра. Въ слѣдствіе эпаго древняго обычая, сіи почтенные мужи, которые въ преклонныхъ лѣтахъ своихъ значительно уменьшали число горящихъ огней, дабы не нарушалась ихъ дремота, со всею пышностью и съ обычною, ихъ высокому званію приличною важностью, торжественно расположились почивать на своихъ пульпесахъ изъ сандальнаго дерева.

Но едва успѣли они приняться за исполненіе сей обязанности, какъ ужасный прескъ, будпо отъ паденія тяжелыхъ лапъ, заставилъ ихъ всѣхъ соскочить съ своихъ пульпесовъ.—Въ это же самое мгновеніе въ часовнѣ раздался голосъ, громкій, сильный, подобно гласу броненоснаго *Исфендиара*. На какомъ языкѣ вѣщалъ сей голосъ, на ту пору ни одинъ изъ нихъ не могъ различить. Впрочемъ, одинъ изъ докторовъ, самый ученѣйшій, рѣшительно призналъ за древнее Гунбрійское нарѣчіе сей возгласъ, въ которомъ, между другими звуками, явственно слышалось имя *Али*.

Для нервъ бѣльшей части сихъ докторовъ эпотъ Гунбрійскій возгласъ былъ совершенно достопочень. Они не дожидали что будетъ; напропивъ того, опрокинувъ свои пульпесы и побросавъ на право и на лѣво свои книги закона, бросились безъ оглядки изъ часовни. Одинъ или двое изъ ученаго общества, одаренные бѣльшимъ присутствіемъ духа, до бѣгства отважились бросить бѣглый взглядъ на уголъ, изъ котораго раздавались грозные звуки. Тамъ-то, при пускломъ мерцаніи лампадъ, увидѣли они высокій, воинственный человѣческій образъ, съ тяжелымъ, сверкающимъ мечемъ, подобнымъ вѣчно-блещащему *Сулфакару*, въ чалмѣ съ ослѣпительно-свѣплымъ сулпаномъ, который по всѣмъ признакамъ принадлежалъ самому великому *Али*.

Достопочтенные доктора, усмотрѣвъ все сіе однимъ взглядомъ, хотѣли поспѣшно уда-

лился, но при звукахъ сего свержъ-еспешнаго гласа, они, такъ сказавъ, внезапно приросли къ землѣ, и не смѣя оглянувшись, вняли его приказанію, которое на сей разъ произнесено было на чистомъ Переидскомъ языкѣ. Смыслъ сего повелѣнія былъ слѣдующій: двѣа, назначенная въ супруги великому Али, въ сумерки слѣдующаго вечера должна припсти къ нему одна къ царскимъ гробницамъ.

Вопъ главное содержаніе объявленія, которое, касательно событія, споль важнаго для всего Мусульманскаго міра, по повелѣнію шаха сообщено было его вѣрному народу въ сіе достопамятное упро.

Въ теченіе эпаго дня ничего достопримѣчательнаго болѣе не происходило; никому, кромѣ вышешюмянутыхъ докпоровъ, не показывался на глаза пророковъ зяпъ, и такъ какъ изъ сего затворничества заключили, что высокій гостъ посвящаетъ первый день своего прибытія моливамъ и благочестивымъ размышленіямъ, то вокругъ часовни и гробницъ, на весь день, разспавили спражи въ почпительномъ опдаленіи. Они должны были охранять сіе мѣсто опъ всѣхъ шалуновъ, коихъ излишнее любопытство или усердіе легко могло бы нарушить уединеніе знаменитаго посѣпителя.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

НАНТСКІЙ ТОПИТЕЛЬ.

Недавно еще жилъ въ Нанпѣ человекъ, управлявшій Ноядами (*) въ 1792 году, другъ ужаснаго Карзе, славнаго своими злодѣйствами во Франціи.

(*) Въ царствованіе ужаса гильотины не могла дѣйствовать съ такою скоростью, какой претовалось для опправленія на топъ свѣпъ соленъ и тысячъ людей, осужденныхъ на смерть. Палачи, управлявшіе тогда Франціею, выдумали топить ихъ въ рѣкѣ цѣлыми полпами, и эпо-то назвали они Ноядами, les Noyades.

Его называли водянымъ палачемъ, или *Топителемъ*, который неизвѣстно какимъ образомъ ускользнулъ самъ опъ гильотины, гдѣ всѣ его родспвенники и пріятели положили свои головы.

Эпопъ человекъ долго спрадалъ подъ карающею рукою Провидѣнія. — Ужась и испребленіе, бывшіе прежде неразлучными его спупниками, много лѣпъ послѣ пого ходили объ руку съ эшимъ извергомъ, обрызганнымъ кровію жерпвъ революціи. Всякій вспрѣчный и поперечный успупалъ невольню до рогу *Топителю*, который проходилъ свободно въ самой густой толпѣ народа. Въ Нанпѣ всѣ знали эпаго палача, но никто не смѣлъ произносить его ненавистное имя. — Онъ самъ, какъ сова, прятался опъ дневнаго свѣпа, и выходилъ только изъ дома ночью въ извѣстные мѣста города.

Ни за какое сокровище въ мірѣ не прошелъ бы онъ по главной площади города, облипной кровію сполькихъ жерпвъ его ужасной власпи. Ни за что въ свѣпѣ не приблизился бы къ берегу Луары, въ копорой онъ упопилъ тысячи осужденныхъ. Тамъ сердце его оледенѣло бы опъ ужаса, и ему бы послышалось, что изъ глубины водъ раздаются спрашные вопли упопленниковъ, скликающихъ на его голову кары небесныя. Эпопъ отвращительный человекъ жилъ въ вепхомъ домишкѣ въ опдаленной часпи города. Рыбаки издали указывали на прокляпый вертепъ палача, и съ претепомъ обходили опей окольными улицами. У него не было сосѣдей, и мерпвалъ пишина окружала изверга.

Оспавленный всѣми жителями города, онъ принужденъ былъ искапъ въ своемъ семействѣ упѣшеніе и опраду. — Милал, кропка и добрая жена была единственною его собеспдницею; скоро и пу Всевышній опозвалъ въ селеніе вѣчноспи. Кончина доброй жены сильно поразила душу такоаго человекъ, который прехладнокровню упопилъ нѣсколько десятковъ маперей съ ихъ младенцами. Таковы были нравы героевъ революціи: они смѣясь душили людей и проливали слѣзы надъ умершею ппичкою.

Теряя дѣшей, одного за другимъ, онъ не жаловался на жестокое наказаніе разгнѣванной Судьбы, вполне имъ заслуженное.— Наконецъ, схоронивъ послѣднихъ сына и дочь, онъ заключился въ своемъ домѣ совершенно одинъ, безъ друзей и сосѣдей, какъ въ холодной могилѣ.

Въ такомъ печальномъ одиночествѣ жилъ онъ еще нѣсколько лѣтъ, пока наступила старость, а съ нею угрызеніе совѣсти и тяжкіе тѣлесные недуги. Эта старость была ужасна въ своемъ разрушеніи: она представляла спрашную борьбу истощенной напуры съ ежеминутно возражающимися спраданіями тѣла. Онъ слегъ въ постель, и на эпомъ одрѣ болѣзни уже почувствовалъ всѣ земныя муки ада:— болѣзненные споны умирающаго палача слышны были даже на улицѣ.

Нанпъ, облитый кровію своихъ невинныхъ жипелей, бывший свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ безчеловѣчнаго пиранства, сжалился надъ болѣзнію своего палача, и послалъ ему въ утѣшеніе доктора и священника.—Первый объявилъ, что болѣзнь его неизлечима, что всё изнеможенное тѣло *Топителя* превратилось въ одну гнойную рану.—Врачъ отказалъ больному въ своей помощи; но за то служитель алтаря спарался влисть въ душу грѣшника утѣшительное слово Евангелія, потому что Христіанскому милосердію нѣтъ предѣловъ.

Но муки совѣсти терзали умирающаго; разсудокъ его помутился.

«Подайте мнѣ кричалъ онъ красный плащъ, опличіе моего кроваваго ремесла, я поѣду по Луарѣ.»—Онъ вскочилъ съ постели, надѣлъ Фригійскій колпакъ, закушался въ плащъ кроваваго цвѣта, и грозно возопилъ: «нѣтъ ни кому пощады!...» Съ эпимъ словомъ онъ подбѣжалъ къ распворенному окну, и бросился въ глубокой оврагъ, находящійся у подошвы его дома. Проходящіе рыбаки видѣли въ оврагѣ окровавленнаго палача, съ раздробленнымъ черепомъ, но съ шрепетомъ убѣжали опъ эпаго спрашно-обезображенна-

го шрупа. Такъ кончилъ свою жизнь ужасный герой Нанпскихъ *Нолдъ*.

Перев. *Кругликовъ*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ч А Й.

Какъ пріятно,
Ароматной
Чай Кипайской
Въ вечеръ Майской
Пить безъ щѣпу,
Съ милымъ другомъ
И досугомъ
Гнать заболу,
А въ награду
Звать опраду
Поцѣлуя.
Какъ люблю я,
Какъ пріятно,
Въ ароматной
Чай Кипайской
Ромъ Ямайской
Лить безъ мѣры;
Съ нимъ живѣ
И свѣплѣ
Всѣ химеры,
Съ нимъ люблю я
Звать въ награду
Всю опраду
Поцѣлуя.

Черкасскъ.

L O G O G R I P H E.

Possédant un pouvoir funeste ou salutaire,
J'éclaire tour à tour ou j'aveugle la terre;
Je fais la renommée, et souvent la défais:
J'honore les vertus, ainsi que les forfaits.
Sans moi que de héros couchés dans la poussière,
N'auraient, après leur mort, jamais vu la lumière;

Sans moi, combien de sots enterrés, sans retour,
N'eussent jamais connu l'affront de voir le jour.

Disséquons maintenant ma structure première!
Que trouvons-nous? Le nom de certaine prière
Qui réveillait jadis, aux lueurs du matin,
Capucin, Blanc-Manteau, Moine ou Bénédictin.

Le nom qu'aux médecins donnait le moyen-âge:
Certain oiseau bavard: Le contraire du sage:

Ce qu'Amphion faisait mouvoir avec son luth:
Ce qui ne suffit pas pour faire son salut:

Ce qui vaut moins que tout: L'effet rapide et doux,
Qu'un plaisir imprévu vient exciter en nous:

Le chef-d'œuvre d'amour: Un écho monotone:
Le nom qu'à son amante, un amant heureux donne:

L'acteur qui par un art adroit, ingénieux,
Sans employer la voix, se fait entendre aux yeux:

Un pouvoir surhumain que l'Orient révère:
Enfin cet élément, qui divise la terre.

Въ № 39-мъ, помѣщенная шарада значить: *Оврагъ*.

К Р И Т И К А.

Библиотека для чтенія.—Московскій
Наблюдатель.

Въ Петербургѣ вмѣстѣ явились: вторая
Мартовская книжка *Моск. Наблюдателя* и
Майская *Библиотеки для чтенія*.

Вторая книжка новаго Московскаго періодическаго журнала не оправдала надеждъ, которыми родились въ насъ по прочтеніи первой. Стихотворенія слабы; повѣсть *Балъ*, г. *Павлова*, не имѣетъ ни содержанія, ни конца. Ужъ не опривокъ ли это изъ повѣсти? Мы такъ думаемъ, вопреки заглавію, гдѣ выставлено слово *повѣсть*. Другая повѣсть г. *Вельтмана*, не смотря на возгласы—*Полмова*, математически доказываетъ, что въ головѣ сочинителя нагромождены безъ всякаго порядка археологическія понятія о Россіи, и что онъ не въ состояніи распановить ихъ по родамъ, по отдѣленіямъ, по разрядамъ. Онъ говоритъ на пр: будто бы графъ Нико-

лай Пепровичъ *Шереметевъ* давалъ въ Кусковѣ пиры Импераприцѣ *Екатеринѣ великой*, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что онъ почти не жилъ въ Москвѣ и не любилъ Кускова, а предпочиталъ ему Останкино, и что сіи праздники давалъ отецъ его графъ *Петръ Борисовичъ*. Онъ пишетъ, что графъ *Н. П.* развѣзжалъ по Москвѣ въ Берлинѣ, тогда какъ въ его время щипалось въ Москвѣ до 3,000 карепъ, не успуающихъ ни въ красотѣ, ни въ прочноспи нынѣшнимъ. Безспорно, г. *Вельтманъ* имѣетъ даръ, но также, какъ баронъ *Бралибеусъ*, не обладаетъ искусствомъ писать по Русски чисто и правильно. У него помѣстѣе Высочайше дарованное, тогда какъ надлежитъ говорить *пожалованное*; у него спростицы *рухнулись*, а по нашему *рухнули*; онъ изводитъ распѣваніе: Баю, баюшки баю, *баю крошечку мою*, а кормилицы въ сарафанахъ и кокошникахъ вопъ такъ: *баю, крошечка моя!* У него женщина, у которой есть *повсюду* дѣлшки, а у Русскихъ *вездѣ*. Великое искусство, пишучи по Россійски, умѣть въ обыкновенный разсказъ вставлять Славянскія слова, не унижая онаго, и впуская просонародное, не заславляя другія слова стыдиться его обществва: эту пайну разумьютъ не многіе изъ нашихъ опечесственныхъ прозаическихъ писателей. Смѣсь второй книжки *Наблюдателя* не такъ любопытна, пріятна и наславительна, какъ въ Майской книжкѣ журнала г. *Смирдина*, въ которой помѣщены двѣ прекрасныя повѣсти: одна *А. С. Пушкина*, другая *М. Н. Загоскина*. Письмо *А. И. Тургенева* изъ Флоренціи, по своему содержанию, не должно бы имѣть мѣста ни въ какой Русской печатной книгѣ. Въ криптикѣ Московскій журналъ торжествуетъ надъ Петербургскимъ. Г. *Шевыревъ* въ своихъ книжныхъ разборахъ не употребляетъ площадныхъ оспропъ; заславляющихъ краснѣть людей, живущихъ въ хорошемъ обществѣ. Тонъ его благороденъ, замѣчанія справедливы, шонки и высказаны въ выраженіяхъ вѣжливыхъ, нѣжныхъ. Другіе поступаютъ иначе: о нихъ-то можно сказать любимое слово г. *Сенковскаго*: *разругали*; слово, выученное у него барономъ *Бралибеусомъ*, у котораго перенялъ его *Тютюнджи*, у котораго

перенялъ *Морозовъ*, у котораго заимствовала оное редакція Библиотеки для чтенія. Почтенный редакторъ Наблюдателя г. *Андрозовъ* не кричитъ противъ юной Французской школы и не подражаетъ ей; не укоряетъ другихъ рецензентовъ, что они разругали, и не помѣщаетъ въ своемъ периодическомъ изданіи насмѣшливыхъ рецензій безъ доказательства. Онъ ни за что въ свѣтъ не позволилъ бы напечатать у себя такого колкаго отзыва о новой трагедіи барона *Розена*: *Петръ Басмановъ*, какое помѣщено въ Библиотекѣ для чтенія. Трагедія, какова бы ни была она, есть прудъ, достойный уваженія, и баронъ *Розенъ* не *Александръ Анфилинъ*. Въ 1835 году съидно печатаешь спашы, подобныя ругательнымъ выползкамъ *Молвы*. Онъ, по грубости ихъ, не достоинъ чтенія.

М О Д Е С.

C'est aujourd'hui que Longchamps commence, ma chère sœur; aussi ne vous en rendrai-je compte que dans ma première lettre, celle-ci partant ce matin. Nous avons vu encore briller quelques lueurs des brillantes toilettes de l'hiver à la représentation donnée au bénéfice de Mlle *Taglioni*, à l'Opéra; mais c'était de rares rayons que ceux où l'on voyait bijoux, satins, broderies d'or et d'argent. Les modes légères du printemps apparaissaient en foule, si légères, si vaporeuses, que l'œil, fatigué depuis six mois (car de quoi ne se fatigue-t-on pas?) de contempler tant de richesses, se reposait avec une douce jouissance sur ces fleurs nouvellement écloses. Beaucoup de chapeaux en paille de riz, ornés de plumes, de fleurs ou de rubans de gaze écossais, voilà ce qui se porte le plus. Un charmant chapeau se fait en paille de riz avec un bouquet de plumes vertes, les rubans de satin vert; et, ce qui est encore plus distingué, les rubans en satin blanc sous la passe de la blonde et des rubans. Il est de mauvais goût de mettre des fleurs sous un chapeau orné de plumes. Les chapeaux de crêpe prennent aussi assez de vogue; leur transparence les associe bien avec les redingotes, si à la mode, d'organdi doublées en couleur.

Vous ne sauriez croire à quel point est arrivé dans ce moment le luxe des broderies. Celles des grands collets (qui se portent quand on est très habillé) sont admirables de travail; on les brode en entier et de la plus fine broderie, afin d'imiter le plus possible la dentelle. Les fichus à la paysanne en tulle, brodés partout de petits cordonnets, se garnissent de hautes dentelles. On en portera beaucoup cet été; ils ont remplacé les canezous, dont on ne parle plus qu'avec *mépris*.

М О Д Ы.

Сегодня начинается Лоншанское гулянье, любезная сестра, и какъ я отправляю это письмо сегодня ушромъ, то опишу тебѣ его въ слѣдующемъ. Мы видѣли еще нѣсколько опблесковъ пышныхъ дамскихъ нарядовъ въ бенефисъ г-жи *Тальони*; но драгоценныя вещи, апласы, шипье золопомъ и серебромъ рѣдко были видны. Весеннія моды появлялись во множествѣ, легкія, облачныя; глаза, уставшіе въ продолженіи шести мѣсяцовъ (опъ чего не успають?) видѣть сполько богатства, отдыхали съ наслажденіемъ на эшихъ вновь распустившихся цвѣтахъ. Много басповыхъ шляпъ, опдѣланныхъ перьями, цвѣтами или газовыми клепчатыми лентами: вопъ что больше всего въ употребленіи. Прелестная шляпка дѣлается изъ баспы съ букетомъ зелѣныхъ перьевъ и зелѣными апласными лентами, а что еще отличнѣе, бѣлыя апласныя ленты подъ полемъ, блонда и ленты. Не прилично прикалывать цвѣты подъ поле шляпы съ перьями. Креповыя шляпы входятъ въ употребленіе; ихъ прозрачность дѣлаетъ ихъ пригодными къ рединогамъ изъ органди на цвѣтной подкладкѣ, копорые въ такомъ употребленіи.

Ты не повѣришь, до чего дошла роскошь въ шипье. Большіе воротники (падѣваюціеся при большомъ нарядѣ) превосходны работою; ихъ вышивають всѣ самымъ мелкимъ шипьемъ, чтобы подражать какъ можно болѣе кружеву. Тюлевыя косынки à la paysanne, вышитыя узенькими шнурочками, обшиваються широкими кружевами. Опъ буаушь въ большомъ употребленіи нынѣшнимъ лѣпомъ. Онъ замѣспили канзу, о копорыхъ говорять съ презрѣніемъ.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 41.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Мая 22 дня 1835 года.

Съ какимъ сладкимъ умиленьемъ
Я наслаждаюсь дуновеньемъ
Въ лицо мнѣ вѣющей весны,
На лонѣ сельской пишины!

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

НЕВѢСТА АЛЕВА.

(*Окончаніе.*)

Кто можетъ изобразить чувствованія бѣдной *Мали* при семъ всеобщемъ волненіи и удивленіи? Она уже столько времени проводила въ томительномъ ожиданіи сего событія, что наконецъ самый страхъ испощился. Въ борьбѣ съ ея природною веселостью и предчувствіями, изрѣдка въ ней возникавшими, ея душевное расположеніе было по ясно и свѣтло, по пасмурно и мрачно; подобно страннику, среди бѣла дня блуждающему въ дремучемъ лѣсу, она искала выхода изъ мрака неизвѣстности. Иногда казалось ей, что она принцесса какой нибудь волшебной сказки, — что она и всѣ ея окружающіе суть ничто иное, какъ созданія воображенія — и что по этому все кончится хорошо, какъ водится въ сказкахъ. Но сіи обольстительныя грезы теперь превратились въ страшную дѣйствительность, что наконецъ рѣшилась ея страшная участь, что она уже въ этотъ вечеръ сдѣлается супругою чело-

вѣка, который съ тридцать вѣрой эгиры покоится въ земной уробѣ.

Если-бъ при ея воспитаніи менѣе нерадѣли объ эгіологіи, то она скорѣе была бы въ состояніи почувствовать цѣну такому союзу, ибо одинъ *Алевъ* родъ даровалъ мусульманскому календарю болѣе святыхъ, нежели все сполбовое дворянство Персіи, такъ что города *Комъ* и *Кашанъ* наполнены его святынями. Но юная принцесса весьма мало вѣдала о сихъ вещахъ, и за одно лѣто, проведенное съ своимъ милымъ двоюроднымъ братцомъ въ нагорномъ замкѣ, готова была отдать цѣлое столѣтіе въ супружествѣ съ знаменитѣйшимъ мертвецомъ мослемизма.

Хотя она очень хорошо знала непоколебимое упорство своего царственнаго родителя касательно религіи, однако-жъ въ опчаяніи своемъ кинулась ему въ ноги, и умоляла его, чтобы онъ избавилъ ея отъ грозящей ей страшнѣйшей участи, и на мѣсто ея отправилъ бы какую нибудь другую красавицу *Испаганскую*. Она знала, что многія дѣвицы изъ знатнѣйшихъ фамилій завидуютъ ея счастью, и такъ какъ изъ посольства ве-

ликаго повелителя видно было, что онъ не знаетъ своей невѣсты—можетъ быть даже къ ней совершенно равнодушенъ,—по, по ея мнѣнію, гораздо лучше будетъ, если всѣ тѣ, которыя дорожатъ сею честію, бросятъ между собою жребій. Она же съ своей стороны съ радостью уступитъ щастливой соперницѣ не только своего будущаго знаменитаго супруга, но и въ придачу еще лучшій свой рубиновый багдашаъ, свои драгоценнѣйшія шелковыя одежды Гилапскія и свои реламъ отъ сорока девяти уборщицъ (по семи на каждый день).

Набожный шахъ — какъ легко можно было предвидѣть — оспался неумолимъ; ибо потерять такого зятя, было дѣло не шуточное. Всѣ, что она успѣла себѣ вымолить и выплакать, состояло въ томъ, что ей, вопреки именному повелѣнію жениха, позволили итти къ нему въ сопровожденіи ея вѣрной служительницы *Галуты*.

Вечеръ наступилъ; весь Испаганъ великолѣпно озарился разноцвѣтными потѣшными огнями. Всѣ главныя улицы и площади обвѣшены были иллюминированными шелковыми тканями, изъ коихъ каждая сіяла какимъ нибудь стихомъ изъ Корана, такъ что по словамъ придворнаго поэта, описавшаго сіе торжество, можно было на спогнахъ прочитавъ весь Коранъ, и что казалось, какъ будто Ангелъ *Гавриилъ* вторично сошелъ съ небесъ на землю съ огненными письменами Корана.

Рѣзкую, плачевную противоположность съ симъ ослѣпительнымъ великолѣпіемъ составляла безмолвная, меланхолическая процессія, которая, послѣ заката солнца, повела молодую невѣсту и ея служительницу къ мрачной оградѣ царскаго кладбища.

Изъ скромнаго прибытія знаменитаго гостя, равно какъ изъ главнѣйшей торжественности мѣста, въ которомъ онъ назначилъ свое свиданіе съ невѣстою, заключили, что ему угодно будетъ церемоніи, имѣющей такой же торжественно-проспой характеръ. Въ слѣдствіе сего заключенія понесли шуда молодую принцессу въ богатой мосаффѣ или носилкахъ, коимъ предшество-

валъ верховный мулла въ сопровожденіи двѣнадцати докторовъ закона, которые на большой бархатной подушкѣ, вышитой золотомъ, несли оригинальную рукопись Жефра и Жіамъ, начертанную на верблюжьей кожѣ. Непосредственно за принцессою слѣдовали другія носилки, въ которыхъ сидѣла ея любимая служительница. Медленно и безмолвно приближалось шествіе къ оградѣ царскаго кладбища, на которомъ, подъ бѣло-мраморными надгробными памятниками, покоились государи изъ рода *Аббасова*.

Мали почти въ безпамятствѣ вышла изъ своей мосаффы. Верховный мулла, прочитавъ короткую молитву и благословивъ *Алиеву* невѣсту, отворилъ серебряныя дверцы, ведущія въ садъ могилъ, и потомъ заперъ оныя за ея соупницею—какъ обѣ, содрогаясь, себѣ воображали—навсегда.

При другихъ обстоятельствахъ, глубокая тишина кладбища, нарушаемая только порханіемъ горлицъ въ мрачныхъ кипарисахъ—послѣ столь шумныхъ придворныхъ празднествъ, нѣсколько бы упѣшила и успокоила царственную дѣву; но теперь она у входа пала духомъ, и не будучи въ состояніи сдѣлать шага впередъ, съ поникшимъ взоромъ остановилась на порогѣ. Наконецъ, когда окружавшая ея глубокая тишина и ободрительныя рѣчи соупницы нѣсколько успокоили ея встревоженное сердце, когда увидѣла, что она не совсѣмъ покинута, по опухавшася возвести свои очи на предстоящее ей поприще; все было тихо, безмолвно.

Въ эту минуточку мѣсяцъ проглянулъ изъ-за дубравы, и свѣтъ его, сливаясь съ тусклымъ свѣтомъ лампъ, горѣвшихъ вокругъ могилъ, произвелъ по блѣдное, сомнительное сіяніе, въ которомъ, какъ полагаютъ, усопшіе столь сладко почиваютъ въ своей тѣсной обители.

Хотя юная принцесса все еще дрожала, однако-жь она уже нѣсколько было успокоилась отъ чувства безопасности, внушеннаго ей окружавшею ея мертвою тишиною; какъ вдругъ она съ ужасомъ оспановила свой взоръ на чемъ-то, и вслѣдъ за тѣмъ, содрогаясь, прижалась опять къ серебряной садовой калиткѣ. Взглянувъ нечаянно на одну

изъ гробницъ, она увидѣла въ пѣни деревьевъ что-то живое, движущееся, и когда она опять пуда посмотрила, то сіе нѣчто приняло видъ воинственнаго человѣческаго образа, покрытаго блестящею броней. Секунды двѣ или три споялъ онъ въ блѣдномъ свѣтѣ луны—потомъ поспѣшно къ ней приблизился. Въ припадкѣ ужаса она судорожно схватила руку своей служительницы, и съ слабымъ, заглушеннымъ крикомъ, упала замертво на землю.

Между пѣмъ, какъ въ саду могилъ происходили сіи плачевныя сцены, въ прочихъ частяхъ Испагани господствовала самая шумная веселость; не прежде, какъ уже солнце озарило паруса судовъ, скользящихъ по Зандерупу (*), сонъ вспушилъ въ свои права.— Народъ разошелся, въ твердой увѣренности, что увеселенія наступающаго дня будутъ еще гораздо блистательнѣе, гораздо изящнѣе, потому что впроемъ благословенный великій мерпвецъ Али и двойной зяпъ, съ своею молодою супругою, оцаспльивитъ праздникъ своимъ присутствіемъ.

На другое утро верховный мулла, въ сопровожденіи достопочтенныхъ книжниковъ, въ надлежащую пору прибылъ къ серебряной калиткѣ царскаго кладбища. Все было заперто и безмолвно, какъ вчерашнимъ вечеромъ оставили—ни повелитель правовѣрныхъ, ни дѣвспвенная супруга его не показывались. Съ часу на часъ почтенные мужи ждали у калитки, держа подушку съ священной верблюжьей кожею; но все не выходили ни повелитель правовѣрныхъ, ни его дѣвспвенная супруга. Во все сіе время, чрезъ каждыя десятиа минутъ, отправляемы были гонцы на Арабскихъ коняхъ во дворецъ шаха, для полученія его приказаній,

Въ семъ помпильномъ ожиданіи прошелъ день; всѣ дѣла вѣры и государсва совершенно оспановились,—млечно-бѣлый конь и ржалъ и фыркалъ,—сокольники спояли въ готовностии съ своими липаврами,—весь Испанганъ горѣлъ нетерпѣніемъ: насладитъса дигецрвнѣемъ высокаго прищельца. Наконецъ,

(*) Имя рѣки, протекающей въ Испанганъ.

подъ вечеръ, шахъ созвалъ совѣтъ, состоявшій изъ всѣхъ ученѣйшихъ чиновъ. Единогласно было рѣшено и утверждено шахомъ, что, ни въ малѣйшую проповность благочестію, можно послать къ скрытому герою верховнаго муллу съ порученіемъ пригласить его въ Испанганъ, да озаритъ блескъ его цаплинаго пера омраченнаго ожиданіемъ очи правовѣрныхъ.

Въ слѣдствіе сего рѣшенія, лишь только замолкъ послѣдній возгласъ съ минаретовъ, глава церкви отправился съ важнымъ порученіемъ,—весьма довольный пѣмъ, что исполненіе его предсказаній и глубокомысленное исполкованіе священной рукописи вознаграждаются споль важнымъ и споль легспнымъ для него посольствомъ.

Въ сопровожденіи немногихъ знаменитѣйшихъ докторовъ закона, онъ, съ должною торжественностью, отправился къ саду могилъ, и въ спрашномъ ожиданіи, что многоспѣшныя очи «сздаваателя свѣта и милоспії» ослѣпятъ его при входѣ, робко-опворилъ калитку. Къ великому ихъ изумленію, внупри ограды все было тихо и уединенно;—надгробные памятники, наои, гряды съ благоуханными правами—все безмолвно и неподвижно, нигдѣ ни малѣйшаго слѣда жизни. Тщепно они приникли ухомъ, и опять приникли, и опять: повсюду царспвовала гробовая пщшина, — даже горлицы въ высокиахъ гнѣздахъ своихъ казались бездыханными; ничего не было слышно, кромѣ глухаго гула со спороны города, взволнованнаго пщепнымъ ожиданіемъ дорогаго госпья.

«Удивительно!» бормоталъ про себя верховный мулла, со спрахомъ бродя между кипарисами, ежеминушно ожидая, что опкроепъ какой нибудь слѣдъ великаго невидимки, какой нибудь признакъ его присутствія, на пр. его блестящую руку, высувающуюся изъ пѣниспой бесѣдки. Но ничего такоаго не было видно; единспвенный слѣдъ, котораый нашли, состоялъ въ легкомъ углубленіи на одной изъ грядъ, между могилами, какъ будто тамъ сидѣла какая нибудь легкая Пери; подлѣ, на пропиккѣ, лежали: изсохщій жасминный листъ, на кошоромъ еще

видны были слабые очерки рисунка, и бумажка, исписанная весьма посредственными стихами, которые начинались призывным восклицаниемъ: « поспѣшай, *Мали*, весна пришла!»

Съ того дня до нынѣшняго нѣтъ ни духу, ни слуху ни о двойномъ зятѣ, ни о прелестной его невѣстѣ, ни о вѣрной *Галутъ*.

Шахъ, хотя лишенный дочери и удовольствія показатъ себя народу песнемъ пророкова зятя, нѣсколько упѣшилъ рѣшеніемъ духовнаго совѣта подѣ председательствомъ верховнаго муллы.—Сей совѣтъ объявилъ, что царствование шаха дѣйствительно ознаменовалось прибытіемъ великаго *Али*, и что подобно какъ при исчезаніи святаго мужа съ лица земли ему сопутствовалъ его любимый верблюдъ, онъ на сей разъ взялъ съ собою въ рай мусульманскую дочь шаха и ея любимую невольницу.

Однако-жъ между сомнѣніями носилась молва, что будто мнимый *Али* былъ нѣкто иной, какъ двоюродный братъ принцессы, молодой *Каледъ*, который, не задолго предѣтъ въ возвращеніи изъ похода съ береговъ Каспійскаго моря, воспользовался ожиданіемъ *Аліева* прибытія, чтобы овладѣть сокровищемъ, судьбою и природою, какъ казалось, ему предопредѣленнымъ. Присовокупляли даже, что будто извѣстно убѣжище бѣглецовъ-любовниковъ, что будто они, вдали отъ тревожнаго міра, жили въ очаровательномъ дворцѣ, построенномъ ими на берегу живописнаго озера Шагирскаго, по образцу шахова увеселительнаго замка.

Съ Нѣмец. *Тило*.

Т Р И З А М К А.

(Сог. е-жи *Бради*.)

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я проѣзжала изъ Парижа въ Гюнигенъ, небольшой городъ на берегу Рейна, близъ Швейцарской границы. Я видѣла на пути много замѣчательныхъ мѣстъ, но по пріѣздѣ въ Нанси, знакомые, которыхъ я тамъ встрѣтила, посоветовали мнѣ обратитъ особенное внима-

ніе на Савернскую долину, представляющую одно изъ прекраснѣйшихъ мѣстоположеній во всей Франціи. Мы пріѣхали туда на слѣдующее утро; дорога, до того очень дурная, въ эпоху мѣстѣ спановишся превосходною; вправо отъ неѣ возвышаются утесы, покрытые огромными соснами, а влево простирается очаровательная долина, пересѣкаемая лѣсомъ, ручьями и деревушками. До того времени, я никогда не выѣзжала изъ Парижа, и зрѣлище это, столь для меня новое и занимательное, привело меня въ восхищеніе. Мы уже миновали заставу, построенную въ видѣ обелиска, изъ котораго брызжетъ фонтанъ, и на передней сторонѣ котораго написано: *Альзасъ*, когда я замѣтила при горныхъ вершинахъ, на равномъ одна отъ другой разстояніи, и на нихъ развалины прехъ замковъ, отъ которыхъ уцѣлело еще нѣсколько башенъ. Я не хотѣла проѣхать мимо эпихъ остатковъ стараго Лотарингскаго феодализма, не узнавъ, кому они принадлежали; и чтобы получить какое нибудь понятіе объ эпихъ прехъ развалинахъ, поразившихъ меня своимъ сходствомъ, обратилась я къ почталіону, бывшему моимъ дорожнымъ *гигероне*. Въ это время онъ слезъ съ лошади, чтобы взойти пѣшкомъ на гору, и шелъ у дверецъ дилижанса съ той стороны, гдѣ я сидѣла. На вопросъ мой онъ отвѣчалъ мнѣ дурнымъ Альзасскимъ нарѣчіемъ, но пономъ человека, который ждетъ только случая завести разговоръ, что всѣ при замка принадлежали нѣкогда барону *Гобару*. Слухъ о баронѣ, владѣльцѣ прехъ замковъ, выспрошенныхъ одинъ подѣ другаго, еще болѣе возбуждалъ мое любопытство, и пользуясь словоохотливостію почталіона, я заставила его рассказать мнѣ слѣдующее:

«Во время Кресловыхъ походовъ баронъ *Гобаръ* жилъ въ одномъ и тогда еще единственномъ изъ эпихъ замковъ. Онъ былъ богатымъ, но жестокъ, и, не любимый своими вассалами, заставлялъ ихъ бояться одного его имени. Онъ часто бывалъ въ Савернѣ, и тогда, едва завидѣвъ его, дѣти поселянъ бѣжали и прятались за матерей своихъ, которыхъ не менѣ пугало появленіе барона. Иногда онъ навѣщалъ вдову одного бѣднаго

дворянина, убиваго въ сраженіи, жившую въ Савернѣ съ единственною дочерью *Бертою*. *Берта* была скромна и прекрасна, но всегда печальна и грустна, попому что она любила *Жюльена*, пажа барона *Гобара*, а бѣдность не позволяла ей надѣяться на замужство съ ея любезнымъ, котораго отецъ былъ другомъ *Гобара*, и умирая, поручилъ своего сына покровительству богатаго барона.

«Съ нѣкотораго времени посѣщенія *Гобара* становились чаще и чаще. Это превозжило бѣдную вдову и заставляло её опасаться за дочь свою. Но *Берта* была свободна отъ опасеній: *Жюльенъ* всегда сопровождалъ барона, и она думала только о немъ одномъ.

«Въ одинъ вечеръ, спарушка сидѣла за своею прялкою, а *Берта* читала Библию, какъ кто-то постучался у дверей.—Кто тамъ?—спросила *Берта*.—Я, отвѣчалъ знакомый ей голосъ. Она отворила, и въ хижину вошелъ *Жюльенъ*; но онъ былъ не одинъ; вмѣстѣ съ нимъ вошелъ каспеланъ барона, и объявилъ, что онъ имѣетъ нужду говорить съ матерью *Берты*. Такимъ образомъ *Жюльенъ* и *Берта* въ первый разъ остались наединѣ. Я не скажу вамъ, о чемъ они говорили; мнѣ извѣстно только, что молодой пажъ успѣлъ испоргнуть у *Берты* признаніе въ нѣжнѣйшей любви и обѣщаніе не принадлежать никому другому, и что любовники обмѣнялись кольцами въ залогъ взаимной вѣрности.

«Приходъ вдовы и каспелана прервалъ занимательную бесѣду молодыхъ людей. Посѣпители проспились съ хозяйками хижины. Оставшись вдвоемъ съ своею матерью, *Берта* съ изумленіемъ замѣтила, что глаза ея покраснѣли отъ слѣзъ, а на лицѣ выражалась глубокая горестъ. Она съ нѣжностію обняла спарушку и спросила о причинѣ ея печали. «Дочь моя,» сказала вдова: «я плачу о томъ, чему должна была бы радоваться; сколько матерей, которыя позабывали бы за дочерей своихъ той участи, какую судьба тебѣ готовитъ.»—Говорите, матушка, говорите,—сказала *Берта*, занятая мыслию о *Жюльентѣ*, и неподозрѣвавшая участи завиднѣе союза съ милымъ ея сердцу.—«Знай же, *Бер-*

та,» продолжала спарушка: «баронъ *Гобаръ* тебя любитъ и хочетъ на тебѣ жениться.» Отъ этихъ словъ, жестоко разрушавшихъ всѣ ея надежды, *Берта* лишилась чувствъ, и послѣ продолжительнаго обморока, опомнилась только для того, чтобы рыданіями и спонами выразить весь ужасъ и опчаяніе, въ которые повергало её это неожиданное извѣстіе. Наконецъ нѣжныя ласки матери успѣли немного успокоить её. Тогда спарушка подробно разсказала ей разговоръ свой съ каспеланомъ, свои усилія отклонить намѣреніе барона; потомъ изобразила ей гнѣвъ его въ случаѣ отказа, нищету и бѣдствія, до которыхъ онъ могъ довести ихъ по своему могуществу. *Берта* не спрашивалась за самую себя; она готова бы была терпѣливо перенести всѣ гоненія, но мысль о матери заставила её покориться своей участи.... На слѣдующій день, сидя подъ окномъ, она спаралась почерпнуть въ вечерней пишинѣ и свѣжестіи поспокойствіе, которое убѣгло ея сердце, когда при блѣдномъ свѣтѣ луны, подъ окномъ ея показался всадникъ, вооруженный съ головы до ногъ, и который указавъ одной рукою на небо и прижавъ другую къ груди, сдѣлалъ ей знакъ прощанія и угрозы. *Берта* безъ пруда узнала въ немъ *Жюльена*, и снявъ съ головы своей черныи креповый покровъ, бросила его всаднику, который поцѣловалъ его, сошелъ съ лошади и спалъ однимъ коленомъ на землю, какъ бы умоляя *Берту* о прощеніи въ томъ, что онъ подозрѣвалъ ея сердце. Послѣ этой безмолвной сцены, онъ скрылся изъ вида; но образъ его еще долго не покидалъ *Берты* и являлся ей въ превозныхъ сновидѣніяхъ. Черезъ недѣлю, она спала баронессою *Гобаръ*.

«Какъ часто грустила она въ богатомъ замкѣ о своей хижинѣ, о своихъ дѣвическихъ забавахъ и тихихъ вечернихъ бесѣдахъ, въ которыхыхъ такъ часто упоминалось имя *Жюльена*! Уже шестъ мѣсяцовъ была она женою барона, и шестъ мѣсяцовъ не знала ни одного радостнаго дня, ни одной безмятежной ночи. Въ одинъ вечеръ, благородный супругъ ея, возвратившись изъ кратковременной оплочки, съ видомъ мрачнымъ и угрюмымъ еще болѣе обыкновеннаго, сказалъ

ей: *Берта*, Императоръ объявилъ Крестовый походъ; я долженъ присоединиться къ прочимъ баронамъ, моимъ союзникамъ, и оставлю себя здѣсь подъ надежною защитою. Но жизнь моя во власти Божіей; ты понимаешь, что баронъ *Гобаръ* не долженъ имѣть преемника, и что ты, которую я почтилъ моимъ именемъ, никогда не должна называться иначе.—Потомъ, взявъ съ собой молибенникъ *Берты*, онъ прибавилъ: клянись мнѣ надъ эпою священною книгой, что ты никогда не вступишь во вторичный бракъ. Клянись! повторилъ онъ громче, схвативъ свою жилистою рукою пѣжную руку *Берты*. Кроткая и испуганная *Берта* произнесла спрोगую клятву.

«Черезъ нѣсколько дней на дворъ замка раздался лошадиный топотъ, стукъ оружія; зазвучали трубы, и обширный дворъ наполнился вассалами барона. Напечатлавъ холодный поцѣлуй на устахъ жены своей, онъ принялъ начальство надъ вассалами и отправился на соединеніе съ войскомъ крестноносцевъ.

«Прошло три года, и ни однажды не доходила въ замокъ вѣсть о баронѣ или прежнемъ его пажѣ. Почты тогда еще не было, и чтобы получить извѣстіе объ отсутствующихъ, должно было ожидать возвращенія какого нибудь пилигрима. Въ одинъ прекрасный весенній день, *Берта*, прогуливаясь съ матерью на терасѣ замка, замѣтила вдали человека, медленно шедшаго по дорогѣ, ведущей въ замокъ. Мысль о свиданіи съ мужемъ исполнила ужасомъ ея сердце, но скоро она смѣнилась другою, болѣе сладостною. Если бы это былъ *Жюльенъ*! подумала *Берта*. Скоро ея сомнѣнія объяснились: она узнала цвѣтъ барона на одеждѣ спранника, и увѣрилась, что мужъ ея слѣдуетъ непосредственно за своимъ посланнымъ. Съ препепономъ сошла она въ большую залу замка и приготовилась принять своего *господина и повелителя*. Тогда ввели къ ней посланнаго, который, спавъ на коленъ, подалъ ей пергамень за печатью барона *Гобара*; она прочла его, потомъ закрыла плапкомъ глаза, какъ бы опирая слезы, и движеніемъ руки опущенна всѣхъ окружавшихъ ея. Оставшись

наединѣ съ своею матерью, она снова открыла лицо, на которомъ вовсе незамѣтно было признаковъ слезъ, и сказала: «матушка, баронъ *Гобаръ* умеръ и назначилъ меня наследницею всего своего имѣнія; вопъ его завѣщаніе. Онъ напоминаетъ мнѣ пакже ту клятву, которую онъ заставилъ меня произнести наканунѣ своего отъѣзда.» прибавила *Берта* съ печальнымъ видомъ. «Если, какъ по всему можно предполагать, *Жюльена* нѣтъ уже болѣе на свѣтѣ, то эта клятва будетъ излишнею.» *Берта* исполнила все, чѣмъ заставляло ея приличіе почтить память барона; но воспоминаніе о немъ ни однажды не увлажило слезами прекрасныхъ очей ея.

«Чтобы сократить рассказъ мой, я скажу вамъ, что скоро *Жюльенъ* возвратился влюбленный и любимый болѣе, чѣмъ когда нибудь; что онъ обѣщалъ отправиться послѣ свадьбы въ Римъ, чтобы испросить для *Берты* разрѣшенія отъ данной ею клятвы, и что наконецъ его краснорѣчивыя убѣжденія заставили *Берту* согласиться на все и назначить день свадьбы. Вассалы *Берты*, столько же ея любившіе, сколько ненавидѣвшіе барона, приготовились привѣтствовать своего новаго владѣльца. Все въ замкѣ дышало радостію; одну только *Берту* превозжило какое-то смущенное предчувствіе.

«Вечеромъ, въ день свадьбы, когда *Жюльенъ* и *Берта* вполнѣ наслаждались щастіемъ принадлежать другъ другу, вошедшій пажъ доложилъ имъ, что старый монахъ, который два дня тому назадъ принялъ былъ въ замокъ изъ госпепрѣимства, имѣя нужду отправиться въ ту же ночь, желалъ говорить съ новобрачными, чтобы сообщить имъ какое-то чрезвычайно важное извѣстіе. *Берта* вздрогнула... «Развѣ не можеть онъ подождать до завтра.» съ нетерпѣніемъ сказалъ *Жюльенъ*. — Я говорилъ ему это, — возразилъ пажъ: но онъ непремѣнно желаетъ видѣть васъ пеперь же.—«Надобно его выслушать,» съ смущеніемъ сказала *Берта*. *Жюльенъ* взялъ ея подъ руку и вышелъ въ галерею, гдѣ они увидѣли спараго монаха, который подалъ имъ рукою знакъ слѣдовать за нимъ на террасу, единственное мѣсто, свободное отъ

присутствія веселой полны, наполнявшей замокъ. «Вы очень неудачно выбрали время, отецъ мой,» сказалъ ему *Жюльенъ*, когда они пришли на терассу. — Знаю, рыцарь, что я долженъ казаться вамъ несноснымъ; но вы простите меня, когда узнаете, что я напустился въ вѣчную жизнь барона *Гобара* въ Палестинѣ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ раскаялся въ томъ, что обременилъ свою супругу тяжелою клятвою, и поручилъ мнѣ освободить её отъ этой клятвы. Думаю, что никогда бы я не могъ такъ кстати сообщить вамъ это извѣстіе. — *Берта*, которую новость эта избавляла отъ всѣхъ опасеній, упала на колѣна. «*Жюльенъ*,» сказала она: «смолись вмѣстѣ со мною; спанемъ благодарить Бога за то, что ничто не препятствуетъ болѣе нашему щастію.» — Да! вы будете щасливы! — вскричалъ монахъ, сбросивъ съ себя верхнюю одежду, и новобрачные съ ужасомъ узнали въ немъ барона *Гобара*. — Жена клятвопреступная! — загремѣлъ онъ: прими воздаяніе за свое вѣроломство! — Тупъ, схвативъ *Жюльена* и *Берту* своими мощными руками, онъ сполкнулъ ихъ обоихъ въ пропасть, находившуюся внизу терассы, не давъ имъ времени предпринять что нибудь въ свою защиту. Никто изъ жителей замка не узналъ, куда они дѣвались; одинъ только пажъ, приведшій монаха, всё видѣлъ; но страхъ, подвергнувшись участи двухъ несчастныхъ жертвъ, заградилъ ему уста. Черезъ три дня въ замкѣ раздались звуки трубы и роговъ, и баронъ *Гобаръ* явился взорамъ своихъ изумленныхъ вассаловъ. Ему рассказали, какимъ образомъ скрылась баронесса. «Хорошо,» отвѣчалъ онъ на всѣ рассказы, и дѣло тѣмъ и кончилось.

«Между тѣмъ баронъ сучалъ, посковаля и нигдѣ не могъ ужиться. Онъ велѣлъ построить другой замокъ, и переселился туда; но чрезъ нѣсколько времени, пребываніе тамъ сдѣлалось для него несноснымъ; тогда былъ построенъ для него претій замокъ, въ которомъ онъ также не нашель желаннаго покоя. Скоро онъ возвратился въ свой старый замокъ, гдѣ жестокая горячка прекратила жизнь его въ ночь наканунѣ *Иванова* дня, ровно чрезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ смерти

жены его. Онъ умеръ какъ нераскаившійся грѣшникъ, и съ тѣхъ поръ, каждый годъ въ ночь передъ *Ивановымъ* днёмъ, тѣнь монаха бродитъ по развалинамъ *Гобарова* замка и потомъ бросается въ пропасть, въ которой погибли *Берта* и *Жюльенъ*.

СВѢТЪ ЕСТЬ МОНЕТНЫЙ ДВОРЬ.

Свѣтъ есть пространный монетный дворъ: на немъ все перечекаивается въ деньги. Пшеница и вино, пенька и сукно, мясо и рыба, все превращается въ рубли, гривенники и пяпаки. Самыя даже слова, мепаллъ самый ломкій, самый гибкій, самый легковѣсный, переливаются въ монету.

ПОКЛОНЫ.

На свѣтѣ всё расстѣтъ къверху: и цвѣты и деревья, и люди и живописныя; одни только поклоны дѣлаются ниже.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П О Э Т Ъ.

Всѣ звѣзды въ новый путь спремались,
Разсѣявъ вѣковую мглу,
Всѣ звѣзды жизнью веселились
И пѣли Божію хвалу.
Одна, печально измѣрля
Никѣмъ незнанныя лѣша,
Земля капилася нѣмая,
Небесъ веселыхъ сирота.
Она безъ пѣсенъ путь свершала,
Безъ пѣсенъ въ путь шекла опять,
И на устахъ ея лежала
Молчанья спрогаго печать:
Кто дастъ ей голосъ?—Лучъ небесный
На перси смертнаго упаль,
И смертнаго покровъ тѣлесный
Жильца безсмертнаго пріаль.
Онъ къ небу взоръ возвелъ спокойный,
И Богу гимнъ въ душѣ возникъ;
И далъ землѣ онъ голосъ спройный,
Творенью мертвому языкъ.

А. Хомяковъ.

О М О Н И М Ъ.

Найдешь меня въ большой рѣкѣ,
 Но ни въ прудѣ, ни въ ручейкѣ,
 Ни въ озерѣ, хопя бы и Валдайскомъ.
 За шо блещу я при сѣдлѣ гусарскомъ,
 При егерскомъ, казацкомъ и уланскомъ.
 По мнѣ въ рѣкахъ лешашь суда,
 Опершись на меня—въ минушу, безъ шруда,
 Садшися ты верхомъ—и конь тебя решивый
 Мчишь черезъ рвы, долины, холмы, нивы.

Въ No 40-мъ, помѣщенный логогрифъ значить: *Impri-
 merie*, въ коемъ заключается: *Prime, mire, pie, impie,
 pierre, prière, mi, rire, mère, rime, mie, mime, Peri* и
mère.

М О Д Е С.

Le matin, en demi-toilette, on met de petits collets unis, garnis d'une petite dentelle; ils se portent rabatus sur de jolies cravates. Je vous ai parlé du luxe des jupons de dessous, devenus un objet essentiel avec les robes ouvertes. On a imaginé de ne broder que le lé du milieu. Les pélerines se font de diverses formes à longs pans, rondes, quelques-unes à jockeys sur les épaules. Les jupes se garnissent de volans ou de biais, mais on en voit aussi beaucoup d'unies. Les manches sont toujours fort larges du bas, mais on obvie au désagrément de les avoir pendantes sur la main en les retenant de la hauteur de quatre pouces par des poignets ou des nervures, ce qui donne bien plus de grace aux bras. Les robes de mousseline des Indes, unies ou brodées, sont des toilettes sort distinguées. On fait aussi de très jolies robes en *foulard de laine* imprimé fond blanc, de couleur, avec de petits dessins, — en *mousseline de laine écossaise*, — *tissu Memphis* — et nombre d'étoffes de soie légères qui rivalisent de jolies nuances et de dessins gracieux. Voilà, ma chère *Nancy*, une nomenclature assez exacte du *code* de la mode du moment. La semaine prochaine, il y aura sans doute du nouveau, cependant je crois que les formes sont à-peu près fixées pour le printemps. On m'a

parlé d'un Français, le comte *d'O...*, qui donne les modes à Londres. Comment nos fiers *dandys* se soumettent-ils *au joug d'un étranger*? Je trouve notre honneur national compromis, et je m'en vengerais ici si on n'y était pas si indulgent pour votre *Sarah*, que l'on gâte en deçà et au-delà des mers.— *Sarah.*

Pl. No 15. Modes de Vienne.— Habits pour monter à cheval.

М О Д Ы.

Упрямъ въ полу-нарядѣ надѣвають небольшіе гладкіе ворошники, обширные узенькимъ кружевомъ. Я говорила тебѣ о роскоши нижнихъ юбокъ, сдѣлавшихся необходимымъ предметомъ съ опкрытыми платьями. Теперь вздумали вышивашь плотько переднее полотнище. Пелеринки дѣлаются разной формы, съ длинными концами, круглыя, иныя съ эпюлетами на плечахъ. Юбки обшиваются оборками или полосками; видно шакже много гладкихъ. Рукава продолжаютъ дѣлать внизу широкіе, но избѣгая непріятности чпобъ они встѣли на руку, на четыре дюйма выше кисти подхватываются ихъ обшивками или поддержками, что даетъ болѣе ловкости рукъ. Платья изъ Индѣйской кисеи, гладкія или вышитыя, считающся отличными нарядомъ. Дѣлаются также весьма красивыя платья изъ шерстянаго фулара, печатнаго по бѣлому грунту мелкими цвѣтными узорами, изъ Шотландской шерстяной кисеи, Мемфисской шкани и множества легкихъ шелковыхъ матерій, превосходящихъ одна другую яркими красками и красивыми узорами. Вотъ тебѣ, милая *Нанси*, вѣрное описание пеперешнихъ законовъ моды. На будущей недѣлѣ вѣроятно будетъ что нибудь новое; впрочемъ я полагаю, что фасоны уже не переменятся весною. Мнѣ говорили объ одномъ Французѣ, графѣ *d'O...*, который выпускаетъ моды въ Лондонъ. Какимъ образомъ наши гордые *даиди* подвергаются *игу иностранци*? Я нахожу, что *народная гость страдаетъ*, и я бы опмспила здѣсь за это, если бы все не были такъ снисходительны къ швоей *Сари*, которую балдуюшь и по ту и по другую сторону моря.— *Сари.*

Карш. No 15. Вѣнскія моды.— Дамскія платья для верховой ѣзды.

№ 15. Амур. Угуд. К. П. Н.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 42.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 карпиковъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Мая 25 дня 1835 года.

Зачѣмъ же бытъ, скажу вамъ напрямикъ,
Такъ невоздержну на языкъ?
Въ презрѣнны къ людямъ пакъ нескрыпу,
Что и смиряйшему пощады нѣтъ!... чего?
Случись кому назвать его,
Градь колкосей и шутокъ вашихъ грянешъ.
Шутишь! и вѣкъ шутишь! какъ васъ на это спанешъ.

Грибодовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

МЩЕНІЕ АНГЛИЧАНИНА.

Милордъ *Портеръ* влюбленъ былъ по уши въ милую *Жоли*, Французскую пѣвицу Лондонской оперы, но гордая прима-донна не хотѣла и слышать о лордѣ *Портерѣ*.

Это равнодушіе и суровость къ пламенной любви лорда, еще болѣе увеличивало прелести гордой красавицы.

Чѣмъ холоднѣе обходилась театральная принцесса съ своимъ обожателемъ, тѣмъ болѣе спарался онъ войши въ ея благорасположеніе.

Милордъ не щадилъ издержекъ и обѣщаній, подарковъ и сюрпризовъ, чтобы только смягчить сердце этой жестокой Артемизы.

Хитрая *Жоли* принимала не только словесныя увѣренія въ любви лорда, но и вещественныя сюрпризы; со всѣмъ тѣмъ никакъ

не поддавалась лорду, и была къ нему нечувствительна, какъ мраморная статуя.

Наконецъ ей ужасно надоѣло волокитство безпязнаго Англичанина; хитрая милая *Жоли* вовсе не скупилась распочать ласки и поцѣлуи другимъ искашелямъ, но со всѣмъ тѣмъ она скорѣе бы поцѣловала дьявола, чѣмъ фигуру милорда.

Когда же его милость лордъ *Портеръ* увидѣлъ, что онъ между обожателями прелестной пѣвицы стоить въ послѣдней шеренгѣ, и что эта хитрая кокетка надъ нимъ только насмѣхается: тогда пламенная любовь его превратилась въ адскую ненависть.

Онъ подрядилъ одного продажнаго журналиста, чтобы во всякомъ номерѣ его газеты опускаться на щѣлъ пѣвицы *Жоли* насмѣшки и колкія эпиграммы.

Не довольствуясь этимъ мщеніемъ, лордъ *Портеръ* нанялъ живописца, который обязанъ былъ еженедѣльно издавать карикатуру

на опернаго ледянаго кабана (пакъ величалъ пѣвицу коварный Британецъ).

Такимъ образомъ удалось его милости прежній предметъ своего обожанія выпавить на посмѣшище всего Лондона.

Однажды явилась карикатура, представлявшая прима-донну *Жоли*, окруженную ея обожателями.—Она продавала свои поцѣлуи съ аукціону.

Жоли лежала на богатоубранной постель, облокотясь рукою на сполникъ.— Вокругъ постели спояли: герцога, извоцикъ, лордъ, угольникъ, совѣтникъ посольства, будошникъ, баронетъ и торгашъ изъ мелочной лавочки.

Пѣвица въ правой рукѣ держала аукціонный молопокъ.

«Продаюся мои поцѣлуи;» провозгласила *Жоли*: «каждый сподипъ 3 фунпа сперлингъ.—Кшо дастъ больше?»

Герцогъ. 3 фунпа 8 шилинговъ.

Баронетъ. 3 — — 12 — — —

Жоли. 3 фунпа 12 шилинговъ пее-р-вый разъ! 3 фунпа 12 шилинговъ впорой разъ!

Торгашъ. 5 фунповъ.

Будошникъ. 5 — — 4 шилинга.

Жоли. 5 фунповъ 4 шилинга первый разъ! 5 фунповъ 4 шилинга впорой разъ, 5 фунповъ....

Извоцикъ. 8 фунповъ.

Угольникъ. 10 фунповъ.

Жоли. Bravo, bravissimo, г-нъ угольникъ! 10 фунповъ въ первый разъ! Г. дипломатъ, что же вы не набиваете цѣну?

Совѣтникъ посольства. Я сегодня не при деньгахъ.

Жоли. И пакъ 10 фунповъ! въ первый разъ, 10 фунт. впорой разъ.—Что же никто не дастъ больше?

Герцогъ. 10 фунповъ 4 шилинга.

Баронетъ. 10 — — 6 — —

Угольникъ. 12 фунповъ сперлингъ.

Извоцикъ. 20 фунповъ!

Герцогъ. Господа, вы бросаете деньги, какъ щепки.

Баронетъ. Какъ гнилые яблоки!

Жоли. Чшо вамъ за дѣло, господа?—У всякаго своя воля.—И пакъ 20 фунповъ сперлингъ первый разъ.... 20 фунповъ сперлингъ впорой разъ....

Будошникъ. Оспановипесь: я даю 20 фунповъ 8 шилинговъ.

Извоцикъ. 21 фунпъ.

Угольникъ. 25 фунповъ.

Всъ. — Goddam! — Да ты съ ума спяпиль, угольникъ.

Жоли. Bravo, bravo! 25 фунповъ первый разъ, впорой.... никто болѣе 25 фунповъ? Третій разъ!—Г. угольникъ, вамъ слѣдуетъ поцѣловать меня, но прошу прежде порядочно умыться.—Да деньги пожалуйста впередъ!

Карикатура, подъ копорою подписанъ былъ эпошъ разговоръ, произвела большую суматоху въ Лондонѣ.—Всъ лица, на ней изображенныя, были порпреты.—

Пѣвица *Жоли* сдѣлалась предметомъ общихъ разговоръ въ сполницѣ, и въ 8 дней продано 12,000 экземпляровъ эпош карикатуры.

Наконецъ осмѣянная красавица спала употреблять всѣ средства, чшобы помириться съ лордомъ, или по крайней мѣрѣ смягчить его гнѣвъ; но всѣ ея спаранія оспались тщепны.— Лордъ возненавидѣлъ *Жоли* въ пош же самой степени, въ копорой прежде былъ влюбленъ въ неё.

Журналисты и сочинитель карикатуръ продолжали язвить своими спрѣлами пѣвицу, чшо было очень выгодно; ибо лордъ за всякій памфлетъ платилъ 20, а за карикатуру 24 фунпа сперлингъ.

Наскучивъ этими ѣдкими насмѣшками, пѣвица *Жоли* поѣхала въ Парижъ, чшобы тамъ явиться также на сценѣ большой оперы.— Милордъ, узнавъ объ отъѣздѣ *Жоли*, пустился за нею въ погоню съ своими пріятелями, журналистомъ и живописцемъ карикатуръ.—Они оспановились въ Кале.

Милордъ написалъ письмо въ Парижъ къ одному изъ своихъ пріятелей, и просилъ

немедленно его уведомить, когда явится на сцену оперы *Жоли*. — Приятель оповѣчалъ, что первый ея дебютъ будетъ на другой же день. — Милордъ и его поварищи поскакали съ экстра-почтою въ Парижъ, и остановились тамъ въ лучшей гостинницѣ, подлѣ Италіанской оперы.

Милордъ съ своими поварищами въ тотъ же день поѣхали въ оперу.

Пѣвица *Жоли* вышла на сцену въ оперѣ: *Италіанка въ Алжирѣ*. — Пропѣвъ первую арію, она привѣспивуема была ужаснымъ свиспомъ нѣсколькихъ зрительей (вѣроятно подкупленныхъ милордомъ).

Жоли испугалась, поблѣднѣла и упала въ обморокъ на сценѣ. — Занавѣсъ опустился, и режисеръ объявилъ публикѣ, что вмѣсто Италіанки въ Алжирѣ будутъ играть другую пьесу.

Милордъ съ поварищами немедленно вышли изъ театра, и, ращитавшись съ содержателемъ гостинницы, въ тотъ же вечеръ оправились во свояси.

Приѣхавъ въ Лондонъ, они объявили во всѣхъ газетахъ о драматическомъ паденіи въ Парижѣ знаменитой прима-донны, и выдали также карикашуру, которая представляла бѣдную *Жоли*, лежащую въ обморокъ на сценѣ.

Вопъ какимъ образомъ мспялтъ Великобританскіе лорды Французскимъ пѣвицамъ, осмѣливающимся презиратъ ихъ заморскія ласки.

Перев. *Кругликовъ*.

НОВАЯ АНГЛІЙСКАЯ КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Вопъ новое несчастіе отъ политической мономаніи. Молодой Англичанинъ *Фостеръ*, съ утра до ночи читавшій газеты и углубившійся въ политическія происшествія, впрочемъ, приятной наружности и весьма образованный, сошелъ съ ума на томъ, что воображаетъ себя королевою *Елисаветою*. Не смѣя открыться своимъ министрамъ, онъ путешествуемъ по Англіи, желая собственными глазами удостовѣриться въ благоденствіи своихъ подданныхъ. Онъ вездѣ рассказываетъ

что приказалъ выпустить 60,000 человекамъ въ лагерь при Тилбурѣ, которые славно угоспляютъ Испанцовъ, угрожающихъ высадкою, по повелѣнію своего короля, раздраженнаго пѣмъ, что онъ не хотѣлъ выйти за него за-мужъ. Недавно повспрѣчавшись съ бѣднымъ Ирландцемъ, сумасбродъ подарилъ ему 20 фунтовъ стерлинговъ за вызовъ принесши ему голову графа *Тирона*. Онъ съ кляпвою увѣряемъ, что не пипааетъ истинной спрасши ни къ графу *Лейцестеру*, ни къ графу *Эссексу*, что всѣ рассказы о ея съ ними связи не имѣютъ никакого основанія и выдуманы клеветниками. *Фостеръ* обѣщаетъ также 100 ф. стерлинговъ за голову *О'Коннелла* и другихъ Ирландскихъ мятежниковъ. *Фостеръ-Елисавета* весьма милосердъ къ нищимъ, сыплетъ имъ золото и радуется, когда называютъ его *матерью*. Онъ посѣщаетъ фабрики и мануфактуры, вездѣ оплавляетъ слѣды щедротъ своихъ, а въ иныхъ мѣстахъ даетъ канцлеру казначейства указы о выдачѣ значительныхъ суммъ въ пособіе хозяевамъ сихъ заведеній; подъ такими указами онъ подписываетъ: *Елисавета*. Бѣдняжка погружается въ глубокую задумчивость всякой разъ, когда напоминаютъ ему о Шотландіи; сильно раскаевается въ казни королевы *Маріи Стюартъ* и, кажется, опдалъ бы полкоролевства своего, чпобы возвратить ей жизнь.

МАРТИНЪ, СОДЕРЖАТЕЛЬ ЗВѢРИНЦА, МУЧЕНИКЪ ПАРИЖСКИХЪ ЖУРНАЛИСТОВЪ.

Ни съ *Картушелемъ*, ни съ *Робертсгероли* Французскіе журналисты не поступали споль безчеловѣчно, какъ съ извѣстнымъ *Мартинелемъ*, содержателемъ звѣринца. Онъ пять разъ былъ въ ихъ лиспкахъ распорзанъ шигромъ, при раза въ клочки разорванъ медвѣдемъ, который, по увѣренію одного изъ сихъ неживыхъ мужей, снялъ съ него безъ церемоніи черепъ и навляся горячаго мозга; по увѣренію другаго, онъ семь разъ былъ распощанъ слономъ. Приведя подъ итогъ всѣ сіи смертные случаи, выходитъ, что онъ умеръ 17 разъ. Замѣчательно, что одна газета, и по иностранная, заставила

его скончались въ поспелѣ: примѣрное чело-
вѣколюбіе, укоръ Парижскимъ газетчикамъ.

Между тѣмъ г. *Мартинъ*, благодаря добро-
тѣ своихъ гіенъ, пигровъ и леопардовъ,
наслаждается совершеннымъ здоровьемъ, вз-
дигъ верхомъ на львѣ, щекочетъ пальцомъ
во рту у пигрицы и смѣясь вкладываетъ
голову въ огромную паспѣ бѣлаго медвѣдя.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРИВИДѢНІЕ.

Истинное происшествіе въ Сициліи 1808 года.

Послѣдній маркизь *А.* проводилъ всегда
часть льта въ деревнѣ своей близъ Палер-
мо. Единственная дочь его *Лаура* любила
молодаго офицера, съ которымъ познакоми-
лась случайно; но такъ какъ она не надѣя-
лась получить согласіе отца своего на бракъ
съ нимъ, то спаралась попушпть склон-
ность свою. Узнавъ однако, что любезный
ея съ полкомъ ославляетъ Палермо, не мо-
гла опказать ему въ послѣднемъ свиданіи
подъ окнами опцовскаго дома. Въ одну тем-
ную ночь въ назначенный часъ *Лаура* споя-
ла на балконѣ; долго и щепетно ожидала она,
какъ увидѣла вдругъ неподалеку опъ зѣмка,
по дорогѣ, ведущей въ селеніе, движущуюся
фигуру. Она полагала, что эпо ожидаемый
госпъ, но вскорѣ узнала ошибку свою; то
былъ человекъ гигантской величины, съ го-
ловы до ногъ обернутый въ бѣлое покрыва-
ло, важно движущійся, похожій на пришель-
ца съ того свѣта. Со страхомъ *Лаура* бро-
силась въ дверь, и ушла съ балкона. Въ слѣ-
дующее утро, бѣдная спаруха, жившая въ
селеніи, принесла *Лаурѣ* записку опъ офице-
ра, въ которой онъ выговаривалъ ей, что
она обманула его и умолялъ еѣ въ наспу-
пающій вечеръ быть на балконѣ. *Лаура* объ-
яснила и птвердо рѣшилась ничего не бояться.

Въ назначенный часъ *Лаура* была на бал-
конѣ; вскорѣ явилось то самое привидѣніе.
Боясь опять огорчить любезнаго, и бывъ
увѣрена, что въ собственнхъ ея комна-
тахъ ничто еѣ не постигнетъ, она оспа-
лась на балконѣ. Привидѣніе тихими шагами
удалилось и скрылось въ темнотѣ. Долго

ожидала *Лаура* прихода друга своего, но
щепетно; на ближней колокольнѣ пробило
два часа, и она, измученная усалосптію и
безпокойствомъ, удалилась въ свою комнату.

Молодой офицеръ въ эпо время перелѣзъ
чрезъ ограду парка, и оживленный надеждою,
спѣшилъ къ мѣспу, гдѣ надѣялся увидать свою
возлюбленную. Уже могъ онъ сквозъ кустар-
никъ видѣть одинъ изъ угловъ зѣмка, какъ
услышалъ вблизи шорохъ шаговъ, и увидѣлъ
привидѣніе, идущее прямо на него. Онъ вы-
хватилъ шпагу; поже самое сдѣлало приви-
дѣніе. Жестокой поединокъ кончился тѣмъ,
что офицеръ, израненный, палъ къ ногамъ не-
вѣдомаго, который продолжалъ путь свой.

Маркизь, услышавъ шумъ оружія, прика-
залъ людямъ своимъ обыскать паркъ, и кого
бъ ни схватили, привеспть къ нему. Слуги
изнарили весь паркъ и ничего не нашли.

Маркизь казался весьма недоволенъ неуда-
чею, но сказалъ, что вѣроятно онъ ошибся.
Лаура однако подозрѣвала истину, и пола-
гала, что офицеръ и спрашное привидѣніе
вспрѣпились. Въ жестокомъ безпокойствѣ
опсправилась она поутру къ извѣспной уже
намъ спарухѣ. Сопровождаемая горничною
дѣвушкою, она дошла уже до конца парка, какъ
услышала сильный лай своей собачки. Тщеп-
но спаралась она призывами приманпть еѣ
къ себѣ, и между тѣмъ подошла къ кусту,
въ который собака лаяла. Пораженная вне-
зашнымъ, ужаснымъ зрѣлищемъ, *Лаура* упала
безъ чувствъ. Дѣвушка и сбѣжавшіеся на
ея крикъ крестьяне увидѣли человѣческой
прупъ, обезображенный ранами и кровью.
Бѣдная *Лаура*, пришедъ въ чувство, увидѣла
близъ себя знакомую намъ спаруху, кото-
рая разувѣрила еѣ въ шомъ, что она въ пер-
вую минуту полагала истинною: что уби-
пый не возлюбленный ея, что опптъ легко
раненъ и спряпанъ въ ея хижинѣ. И такъ,
всѣ полагали, что прупъ долженъ быть по
самое привидѣніе, которое испугало *Лауру*.
Печально возвратилась она домой и опъ по-
угу и безпокойства впала въ лихорадку.
Ночью, желая насладпться свѣжимъ возду-
хомъ, вышла она на балконѣ, но съ ужасомъ
опскочила, увидя опять спрашное привидѣ-
ніе. Она увѣрилась, что спаруха еѣ обма-

нула, что возлюбленный ея убитъ, и всю ночь провела въ жесточайшихъ мученіяхъ.

Спаруха однако сказала правду. Офицеръ, легко раненый, дѣйствительно былъ у неѣ; и онъ пеперь полагалъ, что успѣлъ ранить пропивника своего смертельно, прежде чѣмъ пощъ нанесъ ему рану. Маркизь спрожайше приказалъ опыскивать убійцу; но не только не могли его найти, невозможно было опкрыть и того, кто былъ убійный, найденный въ кустарникъ. Разнеслись разные, весьма непріятные для маркиза слухи о семъ происшествіи, и онъ рѣшился оставить свой замокъ. Приказавъ семейству своему въ нѣсколько часовъ приготовить къ опъѣзду, опправился въ другой замокъ, лежащій въ опдаленной части острова.

Между прочимъ легковѣрные крестьяне увѣряли, что они слышали жалобные стоны убитаго, который былъ погребенъ въ часовнѣ, принадлежащей маркизу, опъ которой онъ всегда самъ хранилъ ключъ при себѣ; въ эпоху часовнѣ опправляли богослуженіе по большимъ праздникамъ, и тогда только двери ея опворялись.

Здѣсь должно намъ опспустить опъ повѣствованія нашего и замѣнить, что до приключенія съ привидѣніемъ маркизь насильственно увезъ изъ дому родительскаго молодую дѣвушку рѣдкой красоты, но низкаго происхожденія, которую поручилъ онъ довереннымъ людямъ, живущимъ въ селеніи, примыкающемъ къ замку. Супруга маркиза была жива, и потому, что опъ избѣжалъ всякаго подозрѣнія, негодный маркизь по ночамъ только ходилъ къ бѣдной дѣвушкѣ. Зналъ суевѣріе низкаго класса людей въ Сициліи, онъ избралъ коспомъ привидѣнія, что опъ привести подданныхъ своихъ въ недоумѣніе. Увидя офицера нашего, маркизь полагалъ, что это тайный врагъ, который его подсперегаепъ. Послѣ битвы, офицеръ, не смощра на рану, успѣлъ достигнуть благополучно того мѣста, гдѣ ожидалъ его слуга, который довелъ его до деревни. Не опыскавши пропивника своего, маркизь увѣрился, что это не иной кто, какъ обрученный женихъ увезенной имъ дѣвушки. Онъ зналъ,

что она столько же спраспно любитъ жениха, какъ его ненавидитъ, и такъ какъ самъ былъ золь и мщипелень, то увѣрился, что молодой человекъ общалъ невѣстѣ своей убить его; и злодѣй рѣшился излить мщеніе свое на двухъ невинныхъ жертвъ.

На утро послѣ поединка молодой человекъ получилъ письмо, подписанное невѣстою, въ которомъ просила она его, въ часъ ночи, явиться въ назначенное ею мѣсто, съ щѣмъ, что опъ избавитъ еѣ изъ рукъ маркиза. Нещасный подался на обманъ: онъ явился, и вмѣсто невѣсты нашелъ прехъ разбойниковъ, которые, убивъ его, бросили въ кустарникъ, гдѣ дочь маркиза его увидѣла. Въ щѣ самый день нещасная невѣста тайно была вывезена изъ дому, и куда помѣстилъ еѣ маркизь, и куда она дѣвалась, никто не зналъ.

По опъѣздѣ маркиза, стоны въ часовнѣ сдѣлались громче и были слышаны всеми проходящими во всякое время дня. Жители деревни столько вспревожились эпимъ происшествіемъ, что рѣшились взломать двери часовни. Вошедши въ неѣ, они услышали, что звуки происходятъ изъ подземнаго склепа; вошли въ склепъ и нашли дѣвушку, невѣсту злодѣйски убитаго молодого человека, въ состояніи ужасномъ, изнуренную голодомъ и едва живую.

Когда нещасная была приведена въ чувство и оживлена крѣпительными средствами, то сказала, что уже восемь дней находится въ эпомъ сыромъ и холодномъ погребѣ, и что для пищи имѣла только кусокъ хлѣба и кувшинъ воды. Сперва была она еще глубже въ землѣ, подлѣ самаго гроба убитаго жениха, откуда голосъ ея не могъ бы достигнуть чыхъ либо ушей; но опчальнѣ придало ей силы, и подземные двери были ею разломаны; она вышла въ склепъ, и надежда, что голосъ ея достигнетъ слуха какого нибудь сострадательнаго человека, оживляла и поддерживала еѣ до щѣ минуны, когда казалось уже ей, что она должна умереть. Къ довершенію ужаса эпаго злодѣянія должно прибавить, что извергъ, приведшій въ это спрашное мѣсто невинную

жертву адской злобы, жаднокровно сказалъ ей: что онъ еще не рѣшилъ, умереть ли ей здѣсь или нѣтъ; но чтобъ она пригото- вилась къ лучшей участи, и если онъ въ при- дни не воротится, то это знакъ, что ей должно умереть съ голоду. Нещасная дѣ- вица оправилась, но жалобы ея къ правосу- дію были тщетны: мучитель ея былъ бо- гатъ, знаменъ и имѣлъ сильныхъ покрови- телей!

СОБАКА МУЗЫКАНТА.

Во время кардинала *Мазарина* жилъ въ Парижѣ одинъ бѣдный арπισпъ, по имени *Сулпицій*. Сухой, шощій, горбатый, словомъ, безобразный, какъ *Квазимодо*, онъ не имѣлъ другаго поварища, кромѣ своей собаки, и другаго средства пропитанія, кромѣ флей- пы. Но искусство его играть на этомъ ин- струментѣ было таково, что извлекалъ изъ него очаровательные звуки, онъ привлекалъ къ себѣ, которыхъ удалялъ отъ себя своею нещасною наружностію. Известно, что арписпы того времени любили выпить и по общепринятому обыкновенію часно по- сѣщали питейные дома, мѣсто которыхъ заступили нынче кофейни. Такимъ образомъ и *Сулпицій* зашелъ однажды въ питейный домъ, гдѣ ѣлъ за четверыхъ и пилъ за деся- терыхъ, а наконецъ свалился подъ столъ и заснулъ рядомъ съ своею собакою. Одинъ изъ поспителей, сидѣвшій за другимъ столомъ, пользуясь его сномъ, выпатилъ у него флей- пу и вышелъ такъ тихо, что никто его не замѣнилъ.

Сулпицій проснулся и прежде всего хва- тился своей флейпы, которая часно осво- бождала его отъ заботы расплачиваться съ хозяиномъ; но тщетно онъ шарилъ у себя въ карманахъ; флейпа исчезла!... Какъ вы- разить печаль и удивленіе бѣднаго музыкан- та! Эта флейпа составляла все его имуще- ство, его сокровище; она была превосходной работы и онъ уже болѣе двадцати лѣтъ игралъ на ней. Какой ударъ для *Сулпиція*! Опічальнѣе изображенье во всѣхъ его чернахъ; холодный потъ выступилъ у него на лбу.

Напрасно спрашивалъ онъ хозяина, его при- служниковъ и поспителей; всякой пожи- малъ плечами. Тогда *Сулпицій* поднялъ спрашанный шумъ; онъ кричалъ, бранился, опрокидывалъ столы и стулья, но никто не могъ возвратить ему флейпы. Хотѣли уже призвать полицейскихъ, чтобъ кончить эту превогу, но *Сулпицій* предпочелъ распла- титься, и отправился домой съ полными слезъ глазами и расперзаннымъ сердцемъ.

Кто не знаетъ удивительнаго чупья со- бакъ? Есть множество примѣровъ ихъ тонкаго обонянія, но примѣры оспроты ихъ слуха очень рѣдки. *Сулпицій* опошелъ уже довольно далеко отъ питейнаго дома, какъ вдругъ, при поворотѣ въ одну улицу, уви- дѣлъ, что его собака замахала хвостомъ и выспавила уши, какъ бы къ чему — по при- слушиваясь. Она забѣжала впереди своего господина, и радостно прыгая предъ нимъ, мѣшала ему идти далѣе. *Сулпицій*, которо- му было не до нѣжностей, съ досадою оп- толкнулъ её, но собака, не смотря на это, продолжала свои движенія. Удивленный му- зыкантъ не зналъ, чему приписать ея стран- ное упорство. Задумавшись, онъ оспанавли- вается и слышитъ позади звуки флейпы. Сердце его сильно забилося и безпокойное любопытство овладѣло имъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, и собака, пры- ганьемъ и лаемъ какъ бы давала ему знать, что наконецъ онъ понялъ её. Она побѣжала вперёдъ, указывая ему дорогу, и вдругъ оспа- новилась передъ домомъ, изъ котораго слы- шалась игра на флейпѣ.

Сулпицій со вниманіемъ спалъ прислуши- ваться; предчувствіе его становилось силь- нѣе и сильнѣе, и скоро сомнѣніе преврати- лось въ убѣжденіе. Онъ входилъ въ домъ; собака, прыгая отъ радости, бѣжитъ впе- редъ и царапается въ дверь неизвѣстнаго музыканта. Тотъ, услышавъ шумъ, самъ оп- ворочилъ дверь, держа флейпу въ одной ру- кѣ. — «Пресвятая Дѣва! это моя флейпа!» — вскричалъ *Сулпицій* въ бѣшенствѣ: «на ней вырѣзано мое имя.»

Онъ не ошибся. Незнакомецъ былъ спра- санный любитель музыки, завидовавшій даро-

ванію *Сулъниця*. Похипивъ у него инспру-
менсъ, онъ думалъ вмѣспѣ съ пѣмъ лишишь
его паланпа. Приспыженный, смущенный,
онъ пробормоталъ какое-то извиненіе и воз-
вратилъ флейпу безъ прекословія. Бѣдный
Сулъницій, едва вѣря своему неожиданному
щасію и не добиваясь ничего болѣе, по-
спѣшно сбѣжалъ съ лѣспницы и опсправился
съ своею собакою домой.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТЕПНАЯ РОЗА.

(*Посвящается — ой*).

Ве ай айшь ляга язфу бевугдикумъ ве'ль кальбъ
Мозшаромъ ель ахша мозшарибъ. . . .

Селалъ-Уддинъ Бенъ Ибеку'Сафади.

И какъ могла она проводитьъ жизнь свою въ
опдаленіи отъ васъ, когда сердце ея было
поражено печалію и ужасное пламя пожирало
душу ея. . . .

Горделива, свѣжа, подъ плапаномъ степнымъ,
Кашемирская роза альда;
Благовонный отъ ней разливался вкругъ дымъ,
Восхищительнымъ пурпуромъ рдѣла,

И поила еѣ въ часъ вечерній роса;
Пересажена прошлой весною
Роза та подъ чужія для ней небеса
Неизвѣстною чьей-то рукою. . . .

И въ далекихъ ли спранъ въ пушь печенъ караванъ,
Иль факиръ въ Мекку пушь совершаешъ,
Иль степей власшелинъ, быспролешъ бедуинъ
На конѣ ворономъ провѣжаешъ, —

Иль змѣя по песку гибкой грудью скользишь,
Издавая зловѣщія звуки,
Иль порой, невзначай, будно дымъ налепишь,
Демонъ ночи слѣпой и безрукій, —

Оспановишся каждый надъ розою шой,
Благовоніе жадно впиваешъ
И любишся ею, но жадной рукою
Прикоснушся никшо не дерзаешъ. . .

И свѣжа, и мила госпья степи была,
Какъ рубинъ Падишаха сіяла,
Но не долго цвѣла, и не долго жила
И красою своею пльняла. . .

Вдругъ подулъ ураганъ, и родимый плапанъ
Вырванъ съ корнемъ грозой ненасыпной,
И зной розу помилъ, вихрь пустыни палилъ—
И увянулъ цвѣшокъ беззащитный. . .

Въ упованъъ веселомъ, равниной степной
Часпо пушникъ и нынѣ проходящъ,
Мнишь онъ розу узрѣшь, но, съ мерпящей шоской—
Стебелекъ облещѣвшій находишь. . . .

О. Мещковъ.

Маршъ, 1855.

CHARADE.

Une conjonction figure mon premier.
Mon second joint à mon dernier,
S'applique à tout combat où l'affreux airain gronde
Sur les flots de la mer profonde.
Durant mon tout, Momus, agitant ses grelots,
Fait rire de bon cœur les sages et les sots.

Въ № 41-мъ, помѣщенный омонимъ значить: *Стрелка.*

MODES.

Une dernière belle fête vient d'être donnée ici, ma chère sœur, c'est celle que nous a offerte M. de C. . . . Il y a eu comédie, concert, souper, bal, enfin rien n'y manquait et doublait de prix par la grace et le zèle que le maître de la maison mettait à faire les honneurs de chez lui. On a joué *Défiance et Malice* et *le Roman d'une heure*. Le choix de ces deux pièces prouve le bon goût de celui qui l'a fait, car rien n'est plus gauche que de jouer en société ce que l'on voit représenté tous les jours sur nos théâtres et par des gens qui n'ont fait que cela toute leur vie. Depuis long-temps ces deux œuvres dramatiques ont disparu du répertoire parisien, et nulle comparaison n'a pu être établie entre le jeu des acteurs *amateurs* et celui des acteurs *artistes*. Aussi Mme la duchesse d'A. . . . et

Mme W.... ont-elles reçu de nombreux applaudissemens. La meilleure et la plus élégante société de Paris était réunie à cette fête. J'ai remarqué une robe d'organdi couverte de petits pois, posés trois par trois, de toutes les couleurs possibles; cette broderie était exécutée en laine; les manches étaient courtes; une large ceinture d'un ruban nuancé comme l'arc-en-ciel descendait jusqu'au bas de l'ourlet. Dans les cheveux, une grande quantité de très petites fleurs en velours de couleurs très variées.—Une robe de taffetas d'Italie à mille raies blanches et bleues très claires, décolletée, à manches courtes; le bas de la jupe, le tour de gorge, les poignets des manches garnis d'un très large rempli de taffetas bleu. Sur la tête, une branche de pervenches bleues, entourant la tresse qui descendait sur la joue à droite, une branche de pervenches blanches posée de même à gauche. — Un costume exactement semblable, en couleur de rose et blanc; la femme qui le portait, coiffée de même avec des primevères blanches et couleur de rose.—Une robe d'organdi blanc, montant jusqu'au cou, qu'entourait une grosse ruche de dentelles de Valenciennes; deux ruches semblables autour des épaules et au bas des manches longues; une ruche de même dentelle fermant la robe jusqu'au bas, pas un ruban; un bonnet mis très en arrière, dont la dentelle du côté droit était relevée par un gros bouquet de fraises en fleurs et en fruits. Cette espèce de négligé valait plus de deux cents louis. — Une robe montante, en pou de soie bleu de roi, garnie d'un ruban de satin bleu et noir à plis ronds. Un chapeau de même nuance que la robe, très fermé et orné de deux plumes bleues et une noire. — Voilà, au milieu du nombre infini de ravissantes toilettes qui remplissaient les salons de M. de C...., celles dont j'ai retenu le détail.

М О Д Ы.

Последній и прекрасный праздник данъ былъ намъ, любезная сестра, г-мъ de O.... Былъ театръ, концертъ, ужинъ и балъ, наконецъ ни въ чемъ небыло недосыпалка, а привѣтливость и усердіе, съ какими принималъ хозяинъ, удваивали цѣну всего. Играли *Défiance et Malice et le Roman d'une heure*. Выборъ этихъ двухъ пьесъ доказываетъ хорошую вкусъ сдѣлавшаго его, потому что ничего нѣтъ непримичнѣе играть въ обществѣ шѣ пьесы, которыя мы видимъ на театрѣ выполняе-

мая людьми, упражняющимися въ помъ всю жизнь. Давно уже эти два драматическія сочиненія исчезли изъ Парижскаго репертуара, и никакого сравненія нельзя было сдѣлать между игрою актѣровъ по *охотѣ*, и игрою актѣровъ *артистовъ*. И потому игра герцогини d'A.... и г-жи W.... была сопровождается многочисленными рукоплесканими. Лучшее общество Парижа было соединено на эпомъ праздникѣ. Я замѣтила платье изъ органди, усыянное мелкимъ горошкомъ, расположеннымъ по при вмѣстѣ, всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ; это вышито было шерстью; рукава коропкіе; широкій поясъ изъ ленпы, оппѣненной радугою, концы висѣли до конца рубца. Въ волосахъ множество весьма мелкихъ цвѣтовъ изъ бархата разныхъ цвѣтовъ.—Платье изъ Испаліанской шафпы съ мелкими полосками, бѣлыми съ весьма свѣтло-голубымъ; лифъ опкрытый, рукава коропкіе; низъ юбки, верхъ лифа, обшивки рукавовъ обшивы весьма широкою складкою изъ голубой шафпы. На головѣ, вѣпка голу pervenches, окружая косу, спускалась на право, вѣпка бѣлыхъ pervenches, положенная такимъ же образомъ, спускалась на лѣво.—Точно такой же нарядъ бѣлый съ розовымъ; дама, на которой онъ былъ, причесана была также съ бѣлыми и розовыми primevères.—Платье изъ бѣлаго органди, съ высокимъ лифомъ, обшивымъ вверху пышнымъ рюшемъ изъ кружева; такіе же рюши около плечъ и рукавовъ; рюшь изъ такого же кружева, схватываетъ платье до низу ленпою; чепчикъ надѣтъ чрезвычайно назадъ; кружево съ правой стороны приподнято букетомъ земляники, цвѣтовъ и ягодъ. Этого родъ неглиже спомилъ болѣе двухъ сотъ лундоровъ.—Платье съ высокимъ лифомъ изъ pou de soie, королевскаго голубаго цвѣта, опдѣланное ленпою, голубою съ чернымъ, сложенною круглыми складочками. Шляпка такого же цвѣта, какъ платье, весьма закрывала, съ двумя перьями, голубымъ и чернымъ. Вопъ между множествомъ прелестныхъ нарядовъ, наполнившихъ залы г-на de C...., шѣ, которой я запомнила подробно.

(Органіе сего письма въ слѣд. листѣ.)

П о п р а в к а.

Въ No 37 Лѣтп. Прибавленій, строк. 296, строки 4 и 5 напечатано: *капониры*, а надобно чипать: *капониры*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 43.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Мая 29 дня 1835 года.

Въ безплодной сухости рѣчей,
Распросовъ, сплетенъ и вѣстей,
Не вспыхнешь мысли въ цѣлы супки,
Хоть незначай, хоть наобумъ;
Не улыбнется помный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шушки,
И даже глупости смѣшной
Въ шебъ не встрѣпишь, свѣтъ пустой!

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

УЖАСНОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ НА ОСТРОВѢ ЗЕЛЕНАГО МЫСА.

Во время вторженія Французовъ въ Испанію, въ 1808 году, неподалеку отъ Бордо споялъ на якорѣ купеческій корабль *Марценъ*. Онъ находился подъ командою храбраго капитана *Ганидека* и шелъ съ грузомъ къ Анпильскимъ оспровамъ. Въ приморскомъ городкѣ *Польякъ*, при которомъ споялъ корабль, собралось множество путешественниковъ, намѣревавшихся ѣхать на разныхъ судахъ, на рейдъ бывшихъ. Моряки ожидали только попутнаго вѣтра, чтобъ поднятъ паруса; и путешественники, предъ заключеніемъ своимъ въ плавающихъ темницахъ, очень часто собирались къ пристани, чтобъ видѣть прибытіе изъ Бордо брига, который обыкновенно опвозилъ путешественниковъ на твердую землю, откуда пускались уже они къ Роганскимъ водамъ.

«Гей, дружище!» закричалъ какой-то молодой человекъ, подходя къ рыбаку, починивавшему неводъ: «не знаешь ли ты, какъ называется бригъ, который спойтъ вонъ тамъ на якорѣ?»

—Этотъ бригъ,—отвѣчалъ рыбакъ: называется *Ventre de Loux* (волчій животъ). Это не бригъ, а воплощенный чортъ.

Молодой человекъ недовѣрчиво улыбнулся.—Господинъ принадлежишь конечно къ числу невѣрующихъ?—замѣтилъ рыбакъ, на лицѣ котораго глубокіе рубцы показывали, что онъ провелъ молодость свою на поприщѣ славы.—Вы, господа,—продолжалъ онъ: видѣли во всю жизнь одну только воду Гароны, можепе, сколько угодно, вѣришь и невѣришь; но если старый морякъ, который, какъ я, 25 лѣтъ нюхаль смолу, опворяетъ ропъ: по должно вѣришь тому, что онъ говоритъ. На этихъ горахъ, которые теперь кажутся облаками, живутъ вѣдьмы и

черпи. Клянусь вамъ, — продолжалъ онъ съ досадою, видя усмѣшку своего слушателя: я видѣлъ ихъ такъ ясно, какъ вижу теперь васъ; я видѣлъ ихъ и въ ночной темнотѣ, и во время штурмовъ. Они прыгали и плясали на шумящихъ волнахъ, какъ пузыри. Однажды, когда мы, подѣ начальствомъ адмирала *Вильнева*, проспи ему Господи его согрѣшенія, крейсировали около Испанскихъ береговъ: по я видѣлъ, какъ одинъ злой духъ съ хохотомъ пролепѣлъ мимо насъ. Я сказалъ тогда самъ про себѣ, что это не добрый знакъ. Такъ и случилось: черезъ два дня послѣдовало Трафальгарское сраженіе. Божусь, — продолжалъ спарикъ, поправляя голову: никогда не забуду я эпаса спрашнаго дня! Тогда я только и думалъ: помоги, Господи. — Вонъ тамъ, — сказалъ онъ, немного помолчавъ: капитанъ брига разговариваетъ съ капитаномъ корабля *Марцена*. Если не ошибаюсь, вы хотѣли ѣхать на этомъ корабль? —

«Точно такъ!» отвѣчалъ молодой человекъ: «я нанялъ этотъ корабль перевезти меня. — Въ этомъ случаѣ, баринъ, я дамъ вамъ полезный совѣтъ; если не послушаетесь меня: попомете и достанетесь на съѣденіе тюленямъ. Вы можете быть уже дали задапокъ; но пусть лучше пропадутъ ваши деньги, чѣмъ вы сами. Не пускайтесь въ море на корабль, капитанъ котораго живетъ душа въ душу съ Сатаною. —

Въ это время храбрый *Ганидекъ* разговаривалъ въ нѣкоторомъ разстояніи съ высокимъ, широкоплечимъ, черноволосымъ человекомъ, подѣ густыми бровями котораго свѣпились два огненные глаза. Лицо и осанка обличали въ немъ благороднаго Испанца. На немъ былъ, до подбородка заспѣгнушій, голубой сюртукъ, изъ подѣ котораго выказывалась только часть чѣрнаго галстука. Съ чрезвычайно широкими полми шляпа оснѣла лицо его; форма ея показывала, что она сдѣлана въ заступу отъ отвѣсно падающихъ лучей пропическаго солнца. Этотъ человекъ внимательнѣно слушалъ, что говорилъ ему *Ганидекъ*; но, казалось, что онъ въ то же время прислушивается къ шуму въпра, и примѣчалъ, не перемѣняется ли онъ.

Въ эту минушу быстро подѣвхала къ пристани шлюбка, на передней части которой написано было большими бѣлыми буквами *Индусъ*. Изъ неѣ выскочилъ на берегъ капитанъ корабля, который споялъ тогда на якорѣ, спрашный *Рафтъ*, ужасъ и красота всѣхъ окрестныхъ практировъ, настоящій Парисъ между Элинами.

— Хорошо; очень хорошо, другъ мой, — сказалъ онъ, поспѣвая къ *Ганидеку*: что ты дружишься съ бравымъ *Мартиномъ* (такъ назывался незнакомецъ, разговаривавшій съ капитаномъ корабля *Марцена*); это очень умно съ пвоей спороны. Будущаго нельзя знать, и нѣтъ ничего лучше, какъ быть въ дружбѣ съ Буканьерами, особливо для того, кто пускается въ опасный путь къ Анпильскимъ оспровамъ. Что до меня касается, я слѣдую любимой ихъ пословицѣ: *живи и жить давай другимъ*. И не пволя ли также эта пословица, другъ мой, *Мартинъ*? —

Капитанъ брига, хранившій до того молчаніе, отвѣчалъ съ вѣжливостію; но въ ней видна была сардоническая улыбка. Изъ словъ его можно было примѣпить, что онъ Испанецъ, получившій хорошее образование. По Французски онъ объяснялся свободно. — «Капитанъ *Рафтъ*,» сказалъ онъ: «вы дѣлаете мнѣ большую честь, бригъ у меня весьма небольшой, и я могу сказать, что командваніе *Луизою* тогда только можетъ быть важно, когда порговля мѣхами будетъ выгодна. Тогда и я сдѣлаюсь побогачѣ пеперешнаго.»

— О! — отвѣчалъ *Рафтъ*, быстро смотря въ глаза *Мартину*: порговля мѣхами немножко упадаетъ. Любезный *Ганидекъ*, — прибавилъ онъ шопотомъ, обращаясь къ нему: я не зналъ бы что дѣлать съ горя, еслибъ грузъ нашего корабля могъ обогатить нашего друга. Однакожъ пора завпракапъ. Сегодня ваша очередь, *Ганидекъ*! и мы завпракапъ спанемъ на *Марценѣ*. Припомъ же поваръ мой болънъ, и не въ состояніи спряпашъ. Мошенникъ вздилъ недавно на берегъ и воропился такъ пьянъ, какъ Швейцарецъ, или какъ Англійскій лордъ, если угодно. Я поперялъ шерпѣніе, взялъ каналью за воротъ,

и такъ попрыскалъ его, что онъ прокапился черезъ локъ до борта. Я было подумалъ, что онъ умеръ, но пьянаго, говоритъ послонца, судьба бережетъ. Теперь онъ въ починкѣ у хирурга. Изъ этаго вы видите, что если я хочу позавтракать, то мнѣ должно напрашиваться въ гости къ друзьямъ. —

Капитанъ брига, казалось, скучалъ болпливостью *Рафта*. На губахъ его видно было презрительное движеніе. Онъ молчалъ, пока капитанъ корабля *Марцена* отвѣчалъ на просьбу своего повара. *Рафтъ*, принимая молчаніе *Мартина* за удивленіе, продолжалъ: знаете ли вы, какъ я обратился къ повиновенію юнга *Пьеро*, котораго служилъ мнѣ за проихъ: за брадобрея, камердинера и хранителя винъ?

«Думаю,» сказалъ *Ганидекъ*: «что ты бросилъ его въ море, или вельтъ высѣчь канатомъ.»

— Не угадалъ, пріятель; я напрошивъ разсказалъ ему одно любопытное приключеніе, случившееся со мною въ послѣднюю войну съ Испаніею. Я и вамъ хочу разсказать его! — примолвилъ онъ, взявъ подъ руку *Ганидека* и чужеземца. Непрудно было замѣнить, что послѣднему весьма непріятно было видѣть себя въ эпозъ обществѣ.

— Вы знаете, — вскричалъ *Рафтъ*: что наши войска опустошили всю Капалонію. Какая богатая добыча! Монастыри, замки, церкви, все досталось въ наши руки. Прекрасно было видѣть, какъ великолѣпныя зданія превратились въ казармы, и какъ храбрые наши солдаты изъ золотыхъ чашъ спали попивая въ нихъ малагу и лакрима-крипи. —

При сихъ словахъ *Мартинъ* совершилъ крестъ, а *Рафтъ*, не обращая на это вниманія, продолжалъ: Однажды спояли мы передъ хорошо-укрѣпленнымъ замкомъ, котораго долго сопротивлялся. Онъ назывался... чортъ его поberi!... Я забываю эти парабарскія имена. Наконецъ мы взяли его, зажгли, и всѣ мужчины и женщины, спарики и младенцы, все пало подъ остріемъ меча, за исключеніемъ одного спарика, главы се-

мейства, которому дарована была жизнь съ плѣмъ, чтобы онъ показалъ мѣсто, гдѣ скрыты имъ его сокровища. Я какъ теперь смотрю на этаго дьявола и, спранный случай, черты его сходны были съ вашими, капитанъ,—сказалъ *Рафтъ*, обращаясь къ *Мартину*. —Повѣрите ли, просьбы, угрозы, обѣщанія, все было тщетно. Ничто не могло заставить этаго спараго чорта открыть намъ, гдѣ зарылъ онъ свои дублоны. Какъ намъ нельзя было перить времени, то я приказалъ своимъ людямъ накласть папроновъ и гранатъ вокругъ упрямаго Гидальго, котораго на всѣ эти приготовления смотрѣлъ равнодушно, не раскрывая рта. Помомъ я вельтъ зажечь порохъ, и бѣдный спарикъ, при спрашномъ прескѣ, полетѣлъ какъ ракета на воздухъ. Между плѣмъ, я забылъ вамъ сказать, что одному изъ его сыновей пощаспилось уйти. Онъ конечно поспарается, чтобы не прекратился родъ его. Это была очень древняя фамилія.—

У лейтенанта корабля *Марцена* вырвалось восклицаніе удивленія, подъ которымъ скрытъ онъ негодованіе свое къ этому гнусному поступку.

— Что я вамъ говорю теперь, есть совершенная правда; — продолжалъ развеселась *Рафтъ*: такая правда, какъ-то, что я называюсь *Рафтоль*, а корабль мой *Индусоль*. Еслибъ только вспомнилъ мнѣ, какъ назывался эпозъ проклятый замокъ.—

«Я помогу вашей памяти,» прервалъ Испанецъ, въ которомъ съ самаго начала богомерзкаго этаго разсказа примѣтно было глубокое чувство, которое съ прудомъ скрывалъ онъ: «Не *Гвипуско* ли назывался замокъ?»

— Гвипуско! точно такъ, Гвипуско. Но... чортъ поberi!... почему извѣстно вамъ названіе этаго замка? —

«О!» съ увѣришельностію отвѣчалъ *Мартинъ*: «для васъ довольно на первый случай узнать, что я встрѣчался со многими Французами, которые, такъ какъ и вы, дѣлали Испанскіе походы.»

— Ахъ,—прервалъ *Рафтъ*: brave народъ, съ нимъ пріятно встрѣчаться; можетъ быть

вамъ и опъ другихъ случалось слышать подобныя исторіи. Но чтобъ опять обратиться къ моему юнгъ, по скажу, что я его совершенно передѣлалъ тѣмъ, что общалъ ему, при первомъ его проспукѣ, пустилъ его также проплясать по воздуху, какъ владыца *Гвипускоа*. Вы не можете себѣ представить, какое дѣйствіе произвела эта угроза на моего *Пьеро*. Онъ спалъ совсѣмъ другой. При малѣйшемъ нерадѣніи, мнѣ сподѣло только мигнуть лейтенанту, по у ребяцъ волосы вспаютъ дыбомъ. Съ молодыми людьми нужна спросость, и *Пьеро* мой знаетъ, что капитанъ его не любитъ шумить.—

При этихъ словахъ *Рафтъ* въ знакъ дружбы крѣпко ударилъ по плечу Испанца, къ которому, казалось, шпалъ особенное уваженіе. Въ эту мину пу лицо *Мартина* вспыхнуло какъ жаръ, и въ глазахъ его кипѣла ярость. *Рафтъ* спѣшилъ извиниться въ своей опкровенности.— Другъ мой *Мартинъ*,— сказалъ онъ: простишь меня. Воиъ рука моя, она всегда готова къ твоимъ услугамъ. Не знаю почему, но я предчувствую, что мы встрѣтимся еще на Антилльскихъ островахъ или въ Океанѣ. Послѣдуй, *Ганидекъ*, моему призыву; заключимъ оборонительный и наступательный союзъ съ капитаномъ *Мартинолизъ*, который, надѣюсь, насъ не забудетъ.—

«Можете быть въ помъ увѣрены;» отвѣчалъ Испанецъ: «вы занимаете первое мѣсто въ моей памяти; рассказъ вашъ произвелъ во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Мы вѣрно встрѣтимся, Европейское ли, пропитическое ли солнце освѣтитъ второе наше свиданіе. До того времени, прощайте, съ Богомъ!»

Они распались. *Рафтъ* и *Ганидекъ* пошли гулять по городу; а *Мартинъ*, оставшись одинъ, зашрубилъ въ рогъ, чтобъ дать знакъ своему кораблю, стоявшему такъ далеко, что голосъ, какъ-бы громокъ ни былъ, не могъ быть слышимъ. Какъ только раздался звукъ рога: по на морѣ появился легкій ботъ, спѣшившій къ приспани. Шестеро сидѣвшихъ въ немъ гребцовъ были жители Польяка, замѣтные по дикому ихъ виду. Это были единственные мапрсы корабля *Луизы*.

Между тѣмъ продолжалъ дуть противный вѣтеръ; ни одинъ корабль не смѣлъ сняться съ якоря. Не смотря на то, *Луиза* въ одну темную ночь скрылась изъ гавани. Всѣ удивились такому неожиданному оппльтію. Иппи подъ парусами при неблагопріятномъ вѣтрѣ значило подвергаться величайшей опасности. Наконецъ подулъ съ такимъ неперпніемъ ожидаемый вѣтеръ, и купеческіе суда одно за другимъ окрылились парусами и, перегоняя другъ друга, полетѣли по синему морю. Въ числѣ ихъ были и корабли *Марценъ* и *Индусъ*.

До высотъ островъ Зелѣнаго мыса оба корабля шли вмѣстѣ. Плаваніе было самое пріятное; попомъ они распались. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней *Марценъ* не имѣлъ никакой непріятной встрѣчи; когда же глазамъ *Ганидека* открылся островъ Антонія: по онъ увидѣлъ бригъ, который шелъ тѣмъ же путемъ, и былъ на ходу гораздо легче *Марцена*. Наспушила ночь, и бригъ пропалъ изъ виду, но съ разсвѣтомъ дня онъ опять появился. Вѣтеръ посвѣжѣлъ, и *Ганидекъ*, который вспомнивъ о *Рафтѣ*, вспомнилъ и о морскихъ разбойникахъ, которые въ этихъ мѣстахъ гнѣзятся, поднялъ всѣ паруса. Но бригъ, наблюдавшій всѣ его движенія, попчасть погнался за нимъ: разстояние между ними спановилось менѣе и менѣе. Скоро замѣчено, что надобно имѣть дѣло съ ужасною *Луизою*; уже слышанъ былъ извѣстный рогъ *Мартина*. Оба корабля сблизились: громовый голосъ повелительно заревѣлъ съ брига: «Стой, *Марценъ*, стой, капитанъ *Ганидекъ*; лейтенантъ *Морикуръ*! спускай попчасть флагъ, или полетишь на воздухъ!»

Бѣгство было невозможно и всякое сопротивление бесполезно. Должно было сдаваться. Подвѣхали шлюбки, чтобъ опшезти капитана, мапрсовъ и пассажировъ *Марцена* на бордъ *Генерала Риего*, (подлинное имя корабля, который въ Польякѣ извѣстенъ былъ подъ дружеспвеннымъ именемъ *Луизы*). Вспуля на корабль пирата, *Ганидекъ* съ прешепомъ увидѣлъ прикованнаго цѣпью къ большой мачтѣ мертваго челоука, который такъ былъ обезображенъ и такъ черенъ,

что его можно было почестъ за Негра. *Ганидекъ* не могъ преодолѣть страха, смотря на это пугалище, и думалъ о горестной участи, которая и самого его можетъ быть ожидала, когда *Мартинъ*, дружески попрепавъ его по плечу, сказалъ ему: «Что теперь думаете вы о моемъ флагѣ? Не находите ли вы, что со мной встрѣчаются странные случаи? Въ Сентъ-Яго,» замѣнилъ онъ съ адскимъ смѣхомъ: «капитанъ *Рафтъ* не лучше видѣлъ, какъ и здѣсь съ своимъ желѣзнымъ ожерельемъ.»

—Какъ давно находилъ онъ здѣсь въ этомъ состояніи?— спросилъ *Ганидекъ*, объявляемый страхомъ, стараясь показывать доверчивый видъ.

«Какъ давно?» повторилъ пиратъ. «Вы, думаю, опъ того дѣлаете мнѣ этоиъ вопросъ, что находите его нѣсколько почтеннѣшимъ. Правда, я сдѣлалъ съ нимъ маленькую операцію. Я надъ нимъ самимъ попробовалъ тѣ средства, которыя употреблялъ онъ надъ другими, а потомъ повѣсилъ его на мачтѣ. Последнее впрочемъ было совсѣмъ лишнее.» *Мартинъ* продолжалъ нѣкоторое время говорить въ ироническомъ своемъ тонѣ, но потомъ сдѣлался суровъ и важенъ.—«Капитанъ *Ганидекъ*,» сказалъ онъ: «вы мой плѣнникъ, и находитесь въ томъ же положеніи, въ какомъ за три дни передъ этимъ находился пріятель вашъ *Рафтъ*.»—«Безъ сомнѣнія меня ожидаетъ та же участь?—«Нѣтъ; хотя вы и непріятель моего опечества; но я веду войну не съ частными людьми. Послушайте, капитанъ *Ганидекъ*, я Испанецъ, и независимость есть мой идолъ. Французы долго опустошали наше государство и теперь не переспаютъ самоуправно вмѣшиваясь въ наши дѣла. И такъ я беру корабль вашъ, со всѣмъ шѣмъ, что въ немъ находится. Послѣшите сдатьъ грузъ вашъ моимъ людямъ, которые, какъ видите вы, немножко многочисленнѣе, нежели какъ думали по въ Польшѣ.»

—Все, что я имѣю, принадлежитъ вамъ,— отвѣчалъ *Ганидекъ*, котораго это совершенно разоряло.— «Это еще не всё,» продолжалъ Испанскій капитанъ съ непоколебимымъ

хладнокровіемъ: «я долженъ еще лучше спустить. Подайте мнѣ вашъ журналъ; я хочу записатьъ въ немъ имя свое и званіе.»

Пиратъ взялъ журналъ и написалъ: «Сегодня, 14-го Юня 1823, купеческій корабль *Марченъ*, подъ команду капитана *Ганидека*, взявъ мною близъ оспрововъ Зелёнаго мыса. Донъ Юсифъ Маршинецъ *Гвипускоа*, грандъ Испанскій, командоръ Мальшійскаго ордена и капитанъ корсарскаго корабля.»

NB. Ни одинъ человекъ изъ экипажа не былъ повѣшенъ.

Имя *Гвипускоа* доспапочно объясняетъ жестокость пирата къ несчастному капитану *Индуса*, и кропкое его обращеніе съ служителями и пассажирами корабля *Марцена*.

Съ Нѣмецкаго.

ДУБЪ ТАЛЫ.

За нѣсколько времени до смерти, великій *Тальма*, жившій тогда въ прекрасномъ сельскомъ убѣжищѣ въ Брюнуа, предчувствуя близкій конецъ свой, принялъ намѣреніе посѣпить въ послѣдній разъ нѣкоторыхъ изъ друзей своихъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ продолженіе его долговременнаго и славнаго поприща. Онъ опправился въ коляскѣ, и проѣжая берегами Сены, выходилъ изъ экипажа вездѣ, гдѣ встрѣчалъ живописное мѣстоположеніе или пріятное воспоминаніе. Опираясь на палку, и сопровождаемый своими пріятельми и слугою, несшимъ съспные припасы, онъ искалъ обыкновенно зелѣной площадки въ лѣсу, ближайшемъ къ тому жилищу, которое былъ намѣренъ посѣпить, и оптуда посылалъ приглашать сосѣднихъ владѣльцовъ къ обѣду, наскоро изготовленному, подъ шѣнію вязовыхъ или каштановыхъ деревьевъ.

Эти небольшие праздники до крайности нравились *Тальму*; онъ обнаруживалъ на нихъ неиспощимую веселость и рассказывалъ множество анекдотовъ, которые заключали въ себѣ вкратцѣ исторію театральнаго искусства и его собственную.

Поселяне окрестныхъ селеній, привыкшіе видѣть знаменитаго актёра, не называли его иначе какъ *старымъ комедіантомъ*.

Но въ одинъ день, по окончаніи объѣда, старый комедіантъ, повинуясь порыву того божественнаго вдохновенія, которое такъ часто волновало его душу, увлекся желаніемъ декламировать. Онъ сдѣлался *Орестомъ*, *Орестомъ* со всею его спрашпю и неизъяснимыми мученіями!

Необыкновенный голосъ его, поразившій эхо лѣсовъ, всегда спокойныхъ и мирныхъ, привлекъ къ нему мѣсту, гдѣ находился *Тальма*, жипелей двухъ ближайшихъ деревушекъ; лѣсные спорожа, дровосѣки, угольники, собрались и сославили многочисленную и внимательную публику.

Трепетъ проникъ сердца ихъ. Рыданія, восклицанія, выражавшія ужасъ присупсвующихъ, вывели *Тальму* изъ забвенія и показали ему, что онъ предспавлялъ лицо *Ореста* среди цѣлаго народа. Никогда можетъ быть не испыывалъ онъ шоржества, которое было бы для него чувспвительнѣе.

Съ этого дня въ Ружопскихъ лѣсахъ, гдѣ происходила эпа сцена, не называли болѣе *Тальму старымъ комедіантомъ*. Во всѣхъ хижинахъ рассказывали другъ другу о томъ, что слышали *великаго Парижскаго комедіанта*.

И вопъ какимъ образомъ эпи проспосердечные слушатели упрочили память о своемъ удивленіи къ незабвенному арписпу:

Тальма декламировалъ роль *Ореста* подъ старымъ развѣсистымъ дубомъ. Въ слѣдспвіе этого было ршено, чтобы дубъ сей назывался впередъ *дубомъ Тальмы*. Къ владѣльцу того участка лѣса, въ которомъ происходила эпа сцена, послана была особая депунація, съ просьбою о позволеніи пославить на деревъ бюспъ арписпа и вырѣзать его имя. Владѣлецъ сдѣлалъ болѣе; онъ обѣщаль, что дубъ эпомъ никогда не будетъ срубленъ, и упадетъ не иначе, какъ опъ староспи.

Теперь, если хотите удосповѣриться въ томъ, какъ уважаетъ эпо дерево, сдѣлав-

шееся мону менпомъ, возьмите охотничье ружье, спаньте проптивъ его обширнаго зелѣнаго навѣса и прицѣльтесь въ злапопераго фазана, который сядетъ на вѣпкъ дерева. Тотчасъ суровый голосъ скажетъ вамъ: не спрѣляйте здѣсь; эпо дубъ *Тальмы*.

Чтобы никогда свинець охотника не пронулъ на немъ ни одного листика и не сломилъ ни одной вѣпки;

Чтобы онъ служилъ пріюпомъ и защитною лѣснымъ звѣрямъ, и чтобы кровь никогда не багрила моха, распущаго у его подошвы:

Эпо воля поселянина, не имѣющаго ни золопа, ни мрамора для своихъ памятниковъ, но сооружающаго ихъ по своему.

Таковъ деревенскій законъ, покровительспвующій дубу *Тальмы*.

Въ городѣ, могила великаго актёра заросла шерніемъ!....

МЫСЛИ, ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ РАЗНЫХЪ АВТОРОВЪ.

— Если рѣдкость вещи даетъ ей цѣну, опъ чего же умъ такъ дешевъ?

— Царство наукъ болѣе, нежели какое-либо другое, подвержено раздорамъ. До эпихъ поръ еще нѣтъ карпы, на которой можно бы было найти столицу ученой республики.

— Драгоценнѣйшая собственность народа есть его испоріа.

— Великій человекъ бываетъ скромень; мелочной человекъ напротивъ дѣлаетъ большой шумъ малыми своими доспоидспвами. Такъ великолѣпныя рѣки тихо каплютъ свои воды, между тѣмъ какъ ручейки шумятъ по кремниспому дну.

— Скромноспъ сопровождаетъ заслуги, какъ спыдливоспъ непорочную дѣву.

— Берегись пого, кто со всеми пріятель и, такъ сказать, съ цѣлымъ свѣтомъ въ ку-мовспѣвѣ.

— Мы всегда молоды, коль скоро умѣемъ нравиться.

— Влюбленный человѣкъ подобенъ необ-работанному куску мрамора; искусная дѣвица можетъ изъ него сдѣлать Апполона.

— Любовь споль прекрасное слово, что всякое прилагательное уменьшаетъ его прелесть.

— Красота безъ граціи (прелести) по же, что на удочкѣ крючокъ безъ приманки.

— Сора влюбленныхъ подобна весенней грозѣ; и та и другая освѣжаютъ силы природы.

— Женскіе наряды и женскія сердца, немало помятые, принимаютъ скоро прежній видъ.

— Люблю я шу дѣвушку-невѣсту, про которую спрашиваю: «кто она такова? я до сихъ поръ объ ней ничего не слышалъ!»

— Принимайте благодѣянія отъ того человека, которому вы могли бы доверить священныя права дружества.

— Я попому только замѣчаю свою бѣдность, что не имѣю стѣхъ заботъ, которыя сопутствуютъ богатству.

— Человѣкъ безъ познаній угадываетъ свое безсмертное бытіе; съ малыми познаніями онъ склоняется къ сомнѣнію о томъ; съ большими познаніями онъ увѣренъ въ дѣйствительности эпаго безсмертія.

— Лѣность подобна ржавчинѣ; она болѣе уничтожаетъ, чѣмъ работа.

— Лѣность такъ медленно идетъ, что нищета въ одинъ мигъ еѣ настигаетъ.

— Лучше ложиться спать безъ ужина, чѣмъ вставать съ долгами.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

БЕЗЪ ВИНЫ ВИНОВАТЪ.

Быть извѣстнымъ, какъ писатель,
Никогда *Флоръ* не желалъ,
Но отъ скуки, какъ пріятель,
Для друзей кой-что писалъ.
А они, сочтя поэтомъ,
Сунули вздумали въ ихъ шпашъ...
Такъ сознайшесь, что въ эпомъ
Безъ вины онъ виновашъ.

*

Всѣ дивятся, какъ *Лилета*
Фирса полюбилъ могла;
Кромѣ эпаго скелеша
Будто-бъ лучше не наша.
Но открою подъ секретомъ,
Что не *Фирсъ Лилетъ* кладъ,
А карманъ его: такъ въ эпомъ
Безъ вины онъ виновашъ.

*

Климъ судья, какихъ немного.
Онъ прибралъ дѣла къ рукамъ,
Но боясь, какъ видно, Бога,
Не беретъ онъ взятокъ самъ,
А къ женѣ своей отправилъ,—
И просилъ, говоря,
Если мало ей оставилъ,
Безъ вины онъ виновашъ.

*

Разъ пріятеля пріятель
Эпиграммой зацѣпилъ,—
И чшобъ вывернувшись кешаши,
На меня вину свалилъ.
Пищу далъ онъ злымъ клеветамъ—
И до сихъ поръ не щадяшъ...
Виненъ много я, но въ эпомъ
Безъ вины былъ виновашъ.

*

Былъ полковникомъ *Зазоровъ*,
И припомъ, мой кирасиръ—
Полкъ имѣя кредиторовъ:
Былъ бригадный командиръ.
Умеръ за день до расплавы;
Вошь ужъ умеръ-шо впадеъ;

Доктора шупъ виноваты,
Но ужь онъ не виновать.
*

Проспъ до крайности, я слышалъ,
По деревнѣ мой сосѣдъ;
Что же дѣлать? видно вышелъ
Онъ пакимъ на бѣлый свѣтъ.
И науки головную
Пустьому не замѣспяшъ...
Но за голову шаковую
Безъ вины онъ виновать.
*

Безъ вины у насъ виновныхъ
Можно много нащипать,
Но всѣхъ, по Адаму кровныхъ,
Грѣхъ безъ нужды задѣвать.
Не желалъ моимъ куплетомъ
Никому нанести досадъ, —
Если-жъ думаютъ—пакъ въ эпюмъ
Безъ вины я виновать.

Е. III — ий.

Ш А Р А Д А.

Два слога первые — распѣнье;
Хоть горько мочи нѣтъ оно,
Однако-жъ Русаки кладутъ его въ вино.
Последній слогъ — мѣстоимѣнье;
А въ цѣломъ упонуть зимой немудрено.

Въ No 42-мъ, помѣщенная шарада значить: *Car-naval*.

М О Д Е С.

Je crois que je puis vous donner une idée arrêtée sur la forme des chapeaux. Ils sont plus grands que ceux de l'année passée; on les fait plus ou moins ouverts de la passe, selon les goûts; les formes hautes et les bavolets très descendans. On met beaucoup moins de fleurs dessous que cet hiver et seulement sous ceux *habillés*. Les capotes écossaises ont un succès inouï;

celles à carreaux verts et blancs sont sans contredit les mieux portées. Les demi-violes de tulle, cousus au bord de la passe, sont toujours en grande vogue. On ne voit de voiles entiers de gaze que sur des chapeaux de paille. A propos de ces derniers, j'en ai vu de très passables en paille *chinée*, à quarante sous, passage du *Caire*; j'en suis restée ébahie. Ils sont parlais pour courir le matin à la campagne, et je ne doute pas qu'ils ne trouvent un grand nombre d'amateurs. Paris se dépeuple tous les jours; les rues sont remplies de chaises de postes surchargées de malles et de caisses. Pour moi, je resterai encore, curieuse d'examiner *la physiologie* de la grande ville quand elle est livrée au repos. J'y ferai des courses instructives qui me dédommageront de mon *inutile et amusante activité* de cet hiver, et je n'y éprouverai que le regret d'être loin de ma bonne Nancy. — *Sarah*.

М О Д Ы.

Я думаю, что могу дать тебѣ ослепенившееся понятіе о формѣ шляпокъ. Онѣ больше прошлогоднихъ; поля дѣлаютъ болѣе или менѣе открыты, сообразуясь со вкусомъ; шульи высокія, маяжешки длинныя. Подъ поля шляпъ подкалываютъ цвѣтвъ меньше, нежели зимою, и по тольکو подъ нарядныя. Клетчатые капоты имѣютъ нелыханный успѣхъ; зелѣные съ бѣлымъ самыя употребительныя. Тюлевые полу-вуали, пришитые къ полю, продолжаютъ бытъ въ большомъ употребленіи. Цѣлые вуали видны тольکو на соломенныхъ шляпкахъ. Кстапи, къ симъ послѣднимъ, я видѣла очень изрядныя шляпки изъ волнистой соломки по сороку *су*, въ переходѣ *du Caire*; я поражена была удивленіемъ. Онѣ прелестны для упренней прогулки въ деревнѣ, и я не сомнѣваюсь, что на нихъ найдется много охотниковъ. Парижъ всякой день болѣе пустѣетъ; улицы наполнены дорожными каретами, нагруженными ящиками и чемоданами. Что же касается до меня, то я пробуду еще нѣсколько времени, любопытствуя разглядѣть физиогномію эпюга большаго города, когда въ немъ тишина. Я буду дѣлать поучительныя прогулки, которыя меня вознаграждать за мою бесполезную и весѣлую дѣятельность нынѣшней зимы, и буду чувствовать тольکو сожалѣніе, что я далеко отъ доброй моей *Нанси*. — *Sara*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 44.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюня 1 дня 1835 года.

Авосьлибо велико дѣло!
Я безъ него давно оставилъ бы сей свѣтъ;
Нещастный только имъ однимъ лишь и живешь,
Скажу я это смѣло.
Хоть симъ *авосьлибомъ* я шпещно, скажешь, льщусь;
Но опъ него всегда я вмигъ развеселюсь
И — засмѣюсь.

П. Сумароковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ. ПИСЬМА ИЗЪ ДЕРПТА.

Продолженіе (*).

(*Письмо четвертое.*)

«Ахъ юношъ, юношъ удачая!»
А. Пушкинъ.

Во ожиданіи живописнаго описанія Дерпта, ты просишь, чѣмъ я написалъ тебѣ что нибудь о Дерптскихъ студентахъ. Исполню твое желаніе, и скоро исполню его. Между тѣмъ какъ ты медленъ на письмо: цѣлые вѣки ждешь опъ тебя отвѣта.

Подъ открытымъ небомъ, болѣе всего можно познакомиться съ Дерптскимъ студентомъ въ Дерптѣ, на *Долбергъ*. Тебѣ ненадо объяснять и переводить смыслъ сложнаго существительнаго: *долъ-бергъ*; тебѣ нужно показать топографическое положеніе *Долберга*

въ отношеніи къ Дерпту. *Долбергъ* есть одинъ изъ опрубокъ возвышенности, вѣнчающей Дерптъ, и склоняющейся непрямымъ къ споронѣ Риги и крупно къ споронѣ *Эмбаха*. Между сею возвышенностію и *Эмбахомъ*, на долинь, Дерптъ. Подробнѣе объ этомъ послѣ, въ другомъ письмѣ. Этомъ холмъ командуешь окрестностями (высота его надъ *Эмбахомъ* 120 Анг. фузовъ), къ споронѣ Риги версты на чепыре, къ споронѣ Ревеля, Петербурга, Пскова — на пятнадцать, двадцать верстъ. Можешь судить, какой это опличный пунктъ для крѣпости.— Въ царствованіе *Екатерины великой*, эпой возвышенности придали видъ—правильнаго, долговременнаго укрѣпленія; оно имѣетъ видъ чепыреугольника, пропаянутаго паралельно *Эмбаху*.

Да! это опличная крѣпость. Естественная насыпь земли ея, удержитъ свою геометрическую правильность—во *вѣки-вѣгныи*. На пелузѣ ея, т. е. на ея внутренней поверхности, возвышенной на 120 ф. надъ *Эмбахомъ*

(*). Первое и второе не могутъ быть напечатаны.—В.

(зри выше!), сполгъ развалины кирпичи, построеной еще во времена Каполицизма. Обширность этой кирпичи спорить съ Ревельскимъ Олаемъ.

Но теперь не пушки, не пороховые магазины на *Долбергъ*. Марсъ уступилъ его—Минервѣ. Это земля, принадлежащая университету. На ней возвышаются—обсерваторія, клиника, анатомическій театръ, библиотека (въ возобновленной части развалинъ кирпичи). Апарели, крѣны брусверовъ, бѣрмы, обсаженные уже выросшими деревьями разныхъ сортовъ: кленами, липовенницами, черемухами, елями, соснами, ракинами и пр., превратились въ песочныя дорожки гульбища. Два хорошия качества имѣетъ это гульбище: пѣнь, разнообразныя извивы дорожекъ, и виды, вновь и вновь развертывающіеся съ каждымъ шагомъ предъ твоими глазами. Живописецъ, гдѣ бы онъ ни спалъ на *Долбергъ*, найдетъ предметъ, ландшафтъ, достойный кисти. Съ каждой почки крѣны бруспвера панорамическіе виды окрестностей Дерпта и самаго Дерпта. Взоръ обхватываетъ окрестности на 20 верстъ разстоянія. Съ каждой почки внутренности укрѣпленія ландшафты—пелузы: по перспективѣ ален, по бесѣдка, по анатомическій театръ—зданіе легкой и вмѣстѣ мрачной архитектуры, по величественныя развалины кирпичи.

Лѣтомъ, отъ утра до вечера, *Долбергъ* не покидается студентами. Они здѣсь—дома! это ихъ земля: это земля—университетская. Здѣсь ты ихъ увидишь и съ книгою въ рукѣ, и съ трубочкою въ зубахъ, и съ фуражкой, надѣною на бекрень, и съ палкою для городковъ, и съ ногами для пѣнія, и съ сюртукомъ, сшитымъ по гвардейски и заспегнутымъ на всѣ крючки и пуговицы (*), и съ сюртукомъ еще стариннаго покроя—съ лацканами кармановъ на бокахъ, и съ узкими рейтузами, и съ широкими философическими

(*) Форма Дерптскаго студента слѣдующая: зелѣный сюртукъ съ синимъ воротникомъ и съ мѣдными пуговицами, мундиръ съ золотыми петлицами, фуражка съ синимъ околомъ, треугольная шляпа, шпата безъ темляка.

брюками, и проч. и проч. Ихъ походка, ихъ пріемы, ихъ костюмъ, ихъ игры, ихъ голосъ, ихъ пѣніе, ихъ хохотъ, ихъ *амурги* (на *Долбергъ* гуляютъ дамы и дѣвицы), будутъ говорить тебѣ за студентовъ, и изболчатъ во многомъ—ихъ характеръ, ихъ наклонности, ихъ идеалы. Но ты замѣнишь въ нихъ черты противорѣчія. Вотъ отъ чего:

Теперь въ характеръ здѣшнихъ студентовъ, студентскіе идеалы прежнихъ временъ—уступаютъ мѣсто новымъ идеаламъ. Мода часто покоряетъ такія лица, которые покорить не въ силахъ былъ бы и будапъ; а мода проникла нынче и на чердаки—пріютъ студентовъ. Характеръ Германскихъ студентовъ замѣняется въ Дерптѣ характеромъ Русскихъ фашонаблей, или Русскихъ военныхъ офицеровъ. Съ нѣкотораго времени, дѣти богатыхъ Россіянъ, пріѣзжаютъ въ Дерптъ, сыплютъ деньги, поятъ и лакомятъ Нѣмецкихъ студентовъ, и—спановятся прѣвыше всего въ глазахъ Нѣмецкихъ собратій. И вотъ, Нѣмецъ снимаетъ съ плечъ свой прежній засаленный студентскій сюртукъ, свои сапоги à la Charles XII, бросаетъ свою геркулесовскую палицу, обспригаетъ длинныя волосы на запялкѣ, зачесываетъ, вздымаетъ шупей, измѣняетъ походку, забираетъ въ долгъ въ магазинахъ и шепетъ себѣ опличное студентское платье военнаго покроя. Тебѣ извѣстно, что мужскія моды въ Россіи воруютъ много—у военныхъ.

Вотъ тебѣ объясненіе. Что такое студентъ?... Студентъ есть—юноша.—Ты улыбаешься презрительно при этомъ словѣ. Въ глазахъ твоихъ юноша—есть существо *ни рыба, ни мясо!* существо безъ всякихъ положительныхъ правилъ жизни! словомъ скажешь: флюгеръ, обращающійся по волѣ вѣтерка! Пухъ, уносимый дуновеніемъ успѣ, даже 16-ти лѣпней дѣвочки!... *Ainsi soit-il!*...

Я люблю за многое юношей, и въ особенности юношей Дерптскихъ студентовъ. Люблю, уважаю ихъ спрашивать къ наукамъ, ихъ моду учить. Утромъ, ты почти подъ каждымъ деревомъ *Долберга* увидишь студента съ книгой. Рационализмъ, почность—

вошь духъ преподавателей здѣшняго университета.—Уважаю *Паррота*; люблю, уважаю *Велландскаго*. Для юноши полезнѣе познакомиться прежде съ почными свѣдѣніями, а потомъ ужь — съ умозрительными.— И потому, если-бъ ты развернулъ каждую изъ книгъ, находящуюся въ рукахъ студентовъ, то это бы порадовало твоей вкусъ!— Дерптъ — не Цюрихъ. Въ Дерптѣ нѣтъ *Окена*. Ежели-бъ это было, то молодежь жадно потекла-бъ по стопамъ его, особенно молодежь — Нѣмецкая. Но, вполне согласенъ съ тобою: это было бы для неѣ вредно!...

Люблю ихъ за ихъ пламенное дружество. Часовъ въ 6 вечера, ты ихъ увидишь цѣлыми вереницами гуляющими по *Домбергу* рука въ руку, щека къ щекѣ, ухо къ уху, нога въ ногу. Много бѣдныхъ студентовъ живутъ на щѣпъ богатыхъ. Бѣдному *Карлу* нуженъ мундиръ, богатый *Рудольфъ* даетъ ему деньги на мундиръ. Нещасливый, нефарливый *Карлъ* ужь слишкомъ часто попадаетъ въ карцеръ; скромный, неповинный *Рудольфъ* называетъ себя—*Карломъ*, и идетъ за него вкусить сладость уединеннаго затворничества.

Люблю ихъ за веселость, за самодовольствіе, всегда блистающія на ихъ лицахъ.— Путь жизни ихъ усыпанъ цвѣтами; дружба и занятія возраспили эти цвѣты.— Ты не встрѣпишь здѣсь списнутыхъ, нахмуренныхъ бровей, устъ, искривленныхъ болезненною, укоризненною улыбкою. Студентъ въ себѣ самомъ и во всемъ, что его окружаетъ, видитъ только щасливую сторону, т. е. такую сторону, которая его радуетъ. Еще горькая спруя жизни ему незнакома. Выше всего онъ стоитъ на *Домбергѣ*, и думаетъ, что онъ выше всего на свѣтѣ.

Люблю ихъ за то, что они члпютъ, обожаютъ хорошенькихъ женщинъ. — Вошь идетъ цѣлый фронтъ студентовъ, вся широкая алея загорожена ими. Вошь идетъ маленькое, легкое, перическое существо, въ легкой соломенной шляпкѣ, въ башмачкахъ, имѣющихъ большое сходство съ древними сандалями *Дидоны* или *Аспазіи*. Всѣ студенты спрорядя *рядами*, и почтительно даютъ

ей дорогу. Вошь это рыцарство!... — Ни дѣломъ, ни словомъ, ни взглядомъ, они не оскорбятъ хорошенькую женщину, гдѣ бы то ни было, при какомъ бы то случаѣ ни было.— Сколько пѣсней, романсовъ, мадригаловъ, дифирамбовъ, пишется этими юными, горячими головами, въ честь той, или той—красавицы! Сколько любви, сколько спрраданій здѣсь испрачено, вмѣстѣ съ красными и черными чернилами!... Но, упѣшьтесь соспрадательныхъ души! Разочаруйтесь пиранки юношества!... Высохли чернила любовной пѣсни, прошла любовь студента.— Только урывками опъ ученыхъ занятій, только украдкою опъ дружбы, онъ приноситъ цвѣпокъ на жертвенникъ *Аеродиты*.— Большая часть здѣшнихъ студентовъ — медики. Кто взглянулъ во *внутренность* женщины, кто перечиталъ ея мускулы; потъ, хопя на нѣкоторое время, охладѣетъ къ ея прекрасной оболочкѣ. —

Люблю ихъ за то, что они — *музыкальны*. *Музыкальность* есть одна характеристическая черта Германіи и нашихъ *Остѣ-Зейскихъ* провинцій. — Здѣсь почти въ каждомъ домѣ, даже у сапожника, кузнеца, булочника—фортопіяны. *Фрейшицъ*, *Титусъ*, спорятъ здѣсь съ *mein lieber Augustine*. Многие студенты прекрасно играютъ на фортопіянахъ, или на скрипкѣ, или на виолончель, или на флейтѣ: хопъ концертъ давать!.. Всѣ же студенты вообще прекрасно поютъ. Студентскія пѣсни *Шиллера*, *Гете*, этихъ удалыхъ буршей своего времени, оглашаютъ улицы Дерпта, Домбергъ, чердаки. Эти пѣсни будутъ существовать здѣсь долго, долго... пока не умрутъ въ памяти студентовъ ихъ великіе сочинители.— Между Русскими студентами въ ходу пѣсни *Н. М. Языкова*. Я знаю ихъ много. Между всѣми, которые я знаю, мнѣ особенно нравятся пѣсни *Языкова*: «Въ послѣдній разъ, etc. etc.» Эта пѣсня сочинена имъ по случаю его отъѣзда изъ Дерпта. Онъ прощается въ ней съ безпечною, беззаботною жизнію юношества, съ жизнію, въ которой человекъ такъ доступенъ для всего прекраснаго, возвышеннаго; съ друзьями, забывавшими свое существованіе для его существованія; съ свободными, пламенными

мыслями и чувствованіями. Одинъ изъ здѣшнихъ Русскихъ студентовъ, бывшій современникъ *Языкова*, сочинилъ музыку для эпои пѣсни. Звуки ея подобны рыданіямъ самой пляжкой, самой мучительной поски. И слова и голосъ — поржеспивенны, потрясательны. Они увлекають тебя въ сферу студентскаго существованія, они сдѣлають тебя студентомъ, и заспавяють тебя внимають имъ, какъ роднымъ звукамъ и словамъ. Они обхваляютъ тебя, какъ обаяніе. Стихъ *Языкова* широкъ, густъ, звученъ, какъ Русскій языкъ. — Въ послѣдній куплетъ, послѣднее желаніе *Языкова*, въ отношеніи къ покидаемымъ товарищамъ:

«О! будь же вамъ звѣздою путеводной,
«Друзья мои, свобода юныхъ лѣтъ.
«Да радостно средѣ удалыхъ бесѣдъ
«Она хранитъ вашъ духъ своенародной,
«И сумрачный вамъ озаряетъ свѣтъ!...»

Далѣе:

«А мнѣ, друзья, опрадою священной
«Оспанется всегдашняя мечта
«Про васъ, про Дерптъ, про милья мѣста,
«Гдѣ я гулялъ молодой и вдохновенной...
«Гдѣ съ вами пѣлъ: всё мигъ и суеша!»

Теперь 6 часовъ вечера. Мы съ тобою гуляемъ по Домбергу: не правда ли?.... — Остановимся у эпои группы студентовъ: тупь поють квартетъ. Изъ какой бы эпо оперы... не знаю... но, слушай! слушай!... прекрасно! — звуки чисты, юморны, правильны, какъ звукъ церковнаго органа. Вообще, чтобы ни пѣли Нѣмцы, въ ихъ пѣніи ты замѣпишь аналогію съ музыкой церковнаго органа. Разумѣется, я говорю о пьесахъ *adagio*. — Въ эпотъ прекрасный Майскій вечеръ, подъ открытымъ небомъ, на высокой горѣ, чрезвычайно эффектно выразительное пѣніе. — Всѣ гуляющіе въ молчаніи, неподвижно слушаютъ. Я вспомнилъ спроки Авр. Серг. *Норова* изъ его путешествія по Сициліи, гдѣ онъ описываетъ спрасть къ музыкѣ Палермскихъ жипелей, и Палермскую набережную. — Кончили... мнѣ вздохнулось; впрочемъ, эпо не диковина. — Въ подобныя минуты, я какъ будто чувствую удары

элекпризма, и мнѣ легко послѣ нихъ... на нѣсколько минуць... а памъ ояпъ пошло-попхало.

А. в. м. л.

1855,

Мая 15-го.

Дерптъ.

О ПРИЧЕСКѢ ЖЕНЩИНЪ ВЪ ДРЕВНОСТИ.

Прическа женщинъ претерпѣла безчисленныя измѣненія. У первобытныхъ народовъ, женщины распускали волосы по плечамъ, безъ всякаго убранства и украшенія. *Египтянки* имѣли обыкновеніе завивать ихъ; нѣкоторыя носили на головѣ покровъ, копорый, обвертывая лобъ, падалъ съ обоихъ споронъ на грудь прямыми и ровными складками. Жрицы; у Египтянъ, носили длинныя волосы и убирали ихъ цвѣтами; женщины высшаго званія употребляли для головнаго убора кожу, снятую съ курицы: голова сей птицы возвышалась у нихъ на лбу, крылья падали по сторонамъ, а хвостъ спускался на запялокъ.

Мы не имѣемъ почныхъ свѣдѣній о прическѣ *Ассирійскихъ* и *Вавилонскихъ* женщинъ. Въ *Даніи*, женщины носили на головѣ шерстяной уборъ, подобный тому, какой былъ въ употребленіи между пожилыми женщинами въ Греціи.

Прическа *Карагенянокъ* сходствовала съ прическою Греческихъ женщинъ. *Еврейки* завивали волосы и убирали ихъ лентами, копорыми вмѣстѣ съ пѣмъ они связывались; многія изъ Евреекъ носили также покрывало, подобно Гречанкамъ.

Въ *Индіи*, женщины распускали волосы, но пѣ, копорыя принадлежали къ высшимъ кастамъ народа, завивали ихъ и убирали цвѣтами и листьями; во время траура, онѣ заплепали волосы въ косы, копорыя спускались по плечамъ.

Германки также носили распущенныя волосы, или завязывали ихъ круглымъ узломъ

на маковѣ. Онѣ укрѣпляли ихъ также кольцами, сначала мѣдными, а въ послѣдствіи золотыми.

У *Лакедемонлянъ*, во все продолженіе шестисоплѣтняго владычества *Ликурговыхъ* законовъ, женщины не употребляли никакой прически и просто связывали волосы на плечахъ лентою, а лицо закрывали покровомъ.

Въ Афинахъ, неумѣренная склонность къ роскоши ежедневно порождала новыя моды. Греческій философъ *Лукианъ* говоритъ: «Уборкѣ головы посвящается наиболѣе искусства и времени. Нѣкоторыя женщины, которымъ нравились измѣнять черный цвѣтъ волосъ своихъ въ свѣтлый и даже золотистый, напиралоу ихъ для сего помадою, давалъ попомъ ей высохнуть на солнцѣ. Другія, которыя довольны своими черными волосами, распочаюу достояніе семействъ своихъ, чптобы умащати себѣ голову всѣми благовоініями щастливой Аравіи. Для образованія локоновъ, въ копорыхъ отказала природа, употребляюу разожженное желѣзо. Волосы на лбу должны почти касаться бровей, чптобы престоль рѣзваго бога любви не казался слишкомъ большимъ; назади, они спускаюуся очень низко по плечамъ!»

У Грековъ, женщины приподнимали волосы и завязывали ихъ на головѣ; часпо онѣ сдерживали ихъ лентами алаго или бѣлаго цвѣта и украшали дорогими каменьями, а иногда укрѣпляли небольшими цѣпочками или золотыми кольцами. У многихъ изъ нихъ головной уборъ представлялъ видъ зданія въ нѣсколько ярусовъ; у другихъ, волосы располагались въ видѣ шлема или щита. Для всѣхъ энихъ причесокъ должно было заимствоваться чужіе волосы, и это подало поводъ къ происхожденію париковъ.

Нѣкоторые Греческіе памятники изображаюу женщинъ съ волосами, завязанными на маковкѣ; но прическа эпа не была въ общемъ употребленіи, и большая часть женщинъ завязывали волосы на запылкѣ.

По свидѣтельству *Оукидида*, въ Афинахъ, въ самой опдаленной древности женщины носили въ волосахъ золотыхъ кузнечиковъ,

для опличія опъ чужеспранокъ; но опличіе эпо было принадлежносію одного только свободнаго класса. Обычай сей сохранялся до времени *Солона*. Во время путешествія или прогулки по солнцу, Аѣинянки носили Тесалійскія шляпы бѣлаго цвѣта. Шляпы эми имѣли широкія поля для защиты опъ солнца. Покрывало (*терестронъ*) также соспавляло часть головнаго убора Аѣинскихъ женщинъ; оно дѣлалось изъ пикани чрезвычайно тонкой и прозрачной. Во время праура, покрывало эпо было чернаго цвѣта.

У Римскихъ женщинъ, въ древности, простѣйшая и употребительнѣйшая прическа соспояла въ слѣдующемъ: волосы раздѣлялись на лбу металлическою или коспанною булавою на двѣ равныя половины, и будучи закручены, обвертывались около головы. Въ пакомъ видѣ, они придерживались узкою повязкою, а поверхъ ихъ часпо надѣвался вѣнокъ. Листья одной правы, завипые съ удивительнымъ искусствомъ, и тонкій папирусъ, соспавляли вѣнокъ сей, изъ котораго въ нѣкоторыхъ мѣспахъ выходили, подобно лучамъ, серебряные пальмовые листья. Назади, въ помъ мѣспѣ, гдѣ сходились концы вѣнка, привязывались ленты, которыя развѣвались на плечахъ. Простая и красивая прическа эпа была также употребительною и въ Греціи. Иногда волосы, завязанные на запылкѣ или на маковкѣ, образовали еще особый пучекъ на лбу; образцы эпой прически сохранились на нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ.

Женщины также, какъ и Веспалки, носили покрывало, подобное покрову Аѣинянокъ; оно спускалось на запылокъ и по сторонамъ, опъ маковки до самыхъ плечъ, не закрывал однако же локоновъ, копорые вились напередѣ.

Дѣвушки не распускали покрывала по плечамъ, но завязывали его на запылкѣ лентою, проходившею по лбу. Иногда древнія женщины, по образцу Италіанокъ и обипательницъ южныхъ областей Европы, собирали свои волосы въ сѣпки, шипыя золотомъ.

Въ позднѣйшія времена республики, заимствовано съ востока обыкновеніе украшать

волосы жемчугомъ. Во времена *Овидія* было въ употребленіи сполько различныхъ родовъ женской прически, что по словамъ его, онъ готовъ бы былъ скорѣе сощипать желудки на большомъ дубѣ, нежели исчислять всѣ погдашнія моды. Дѣйствительно, какъ должно полагать, число ихъ было весьма велико, потому что на многихъ изъ сохранившихся спашуй Римскихъ Императрицъ головной уборъ приспособленъ такимъ образомъ, что можетъ быть снимаетъ и замѣняетъ по произволу другимъ.

Но всѣ сіи прически можно раздѣлить на два главные разряда.

Первая состояла изъ волосъ, завившихъ посредствомъ горячаго желѣза, и окруженныхъ золотою или алмазною повязкою, опдѣлявшею ихъ отъ остальныхъ гладкихъ волосъ. Когда волосы были завивы, на нихъ надѣвали родъ колпака, сдѣланнаго изъ пуха.

Вторая прическа заключалась во множествѣ косъ, образовавшихъ нѣсколько круговъ, которые лежали одинъ на другомъ, и сходясь на маковкѣ, придерживались большою булавою, проходившею сквозь нихъ и служившею вмѣстѣ для украшенія. Довольно видѣть эту прическу, чтобы судить, что она необходимо требовала употребленія накладныхъ волосъ.

Соединеніе сихъ двухъ причесокъ образовало третью, состоявшую изъ локоновъ на лбу и косъ на затылкѣ.

Съ незапамятныхъ временъ, мужчины издѣвались надъ склонностію женщинъ къ нарядамъ и жаловались на ихъ кокетство. Мы думаемъ, что нынѣшніе мужчины почувствовали бы несправедливостъ своихъ упрековъ, если бы имъ случилось присутствовать при шулетѣ Римской женщины.

Готовясь встать съ постели, Римская дама щелкала пальцами, по бывшему у Римлянъ обыкновенію объясняясь съ невольницами не иначе, какъ знаками и плѣдвизженіями. Первый сигналъ эпопѣ служилъ для невольницы, обязанной снимать съ лица своей госпожи мазь изъ хлѣба, размоченнаго въ

кобыльемъ молокомъ или изъ полченыхъ бобовъ и риса, имѣвшую свойство размягчать кожу и испреблять морщины.

При впоричномъ щелканьи пальцами являлась другая невольница съ коробочкою, содержавшею въ себѣ румяна, копорыми, какъ говоритъ *Галлетъ*, женщины порщипать прекраснѣйшее произведеніе природы, и копорыя заимствовались болѣею частію изъ царства прозябаемыхъ и животныхъ. Небольшая губка служила для напирания ими щѣкъ.

Послѣ того Римская дама вставала и садилась на высокихъ креслахъ со ступеньками, украшенныхъ позолотою и покрытыхъ великолѣпными подушками. Тогда входили невольницы, на копорыхъ возлагалась уборка головы.

Одна изъ нихъ несла *calamis*, или желѣзные завивальныя щипцы изъ одного куска съ ручкою; она клала ихъ въ серебряную жаровню, и потомъ принималась разбираить волосы на вискахъ и на лбу, между тѣмъ какъ другая невольница, наполнивъ ропокъ благовонною жидкостію, обрызгивала ею волосы госпожи своей.

Греки рассказываютъ, что одинъ изъ Персидскихъ царей предоставлялъ своимъ женамъ на поупку благовоній всѣ доходы съ одной богатой области. *Марціалъ* называетъ *Галлію* ходячею лавкою благовонныхъ товаровъ въ слѣдующихъ довольно неблагородныхъ спихахъ: «Когда ты приближаешься, всякій ожидаетъ увидѣть самого *Кома*, или думаетъ, что неподалеку пронесли сосудъ съ благовоніями. Всѣ эти поспоронія средства не увеличиваютъ пвоихъ прелестей, о *Галлія!* отъ меня зависишь, чтобы собака моя издавала споль же пріятный запахъ, какъ ты.» Но возвращимся къ прическѣ Римской дамы. Послѣ первыхъ приготовленій, являлась Негрипчанка, копорая, когда волосы были уже хорошо расчесаны костянымъ гребнемъ, заплетала ихъ въ косы на затылкѣ и собирала переднія въ видъ шупей или узла (*nodus*): имя, присвоенное эпопѣ прическѣ, копорую Греческія женщины называли *corymbion*. Потомъ она брала длинную се-

ребреную булавку, которая проходя сквозь уzelъ, поддерживала собою зыбкое зданіе прически. Булавка эта, длиною въ семь или восемь дюймовъ, изображала часпо *Венеру* или *Амура*; иногда она заключала въ себѣ пуспопу, въ которой хранился ядъ, служившій послѣднимъ средствомъ въ крайности.

Другая невольница доканчивала прудъ по-другъ своихъ. Обязанность ея состояла въ приличномъ расположеніи волосъ, поднятыхъ на головѣ въ видѣ высокой пирамиды или конуса. Искусство это было довольно прудно, и какъ видно изъ Римскихъ законовъ, чещальщицы должны были учиться нѣсколько мѣсяцовъ у лучшихъ масперовъ. *Овидій*, въ *Науку любить*, преподаетъ нѣкоторыя правила этого искусства, и нынѣшніе парикмахеры умѣли ими воспользоваться.

Окончивъ прическу госпожи своей, послѣдняя невольница возлагала ей на голову повязку или діадему, состоящую изъ золотой дощечки съ цѣпочкою, которою она привязывалась на запятокъ. Во все продолженіе головной уборки, невольникъ или учивый кавалеръ, пользовавшійся правомъ присупснговать при одѣваніи своей дамы, подносилъ ей по съ правой, по съ лѣвой спороны, зеркало, сдѣланное изъ серебряной доски, и снабженное ручкою изъ слоновой кости, опдѣланною съ большимъ искусствомъ. По споронамъ этого зеркала привѣшивались губки для вытиранія мепалмической дощечки. Подобныя зеркала были въ то время такъ рѣдки и дороги, что говоря объ одномъ изъ нихъ, *Сенека* съ досадою восклицаетъ, что цѣна его далеко превышаетъ сумму, которую назначало правительство въ пособіе дочерямъ полководцевъ, умершихъ въ бѣдности, и что сумма, опредѣленная сенатомъ дочери *Сципіона*, не была бы достаточна для покупки зеркала, принадлежащаго дочери какого нибудь опущенника.»

Главнымъ знакомъ праура у древнихъ было развязыванье волосы и распусканье ихъ по плечамъ; разрыванье пещьмы, которыми они обыкновенно связывались и класъ ихъ на гробницы людей; пользовавшихся уваженіемъ

при жизни; иногда обрѣзывали даже волосы и вѣшали ихъ на урну.

Въ спашьѣ этой мы часпо имѣли случай говорить о подвязныхъ косахъ, накладныхъ волосахъ и даже парикахъ, которые употреблялись женщинами въ древности; мы возвратимся къ нимъ въ другой особой спашьѣ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ч У Д А К Ъ.

(Съ Англійскаго).

Онъ въ жизнь свою ничѣмъ не наслаждался,
 Кошилъ все деньги онъ,
 Во всемъ опказывалъ себѣ спарался
 И нажилъ миліонъ.
 «Теперь пришла пора пожизнь,» сказалъ уныло.
 Но лучшіе года прошли, какъ сонъ,
 И онъ сползъ одной ногой въ могилъ.
 На что шеперь ему и миліонъ?

М. Демидовъ.

Ц Е Ф И З Ъ.

(Идилія Клейста).

«Филиппъ! драгой Филиппъ! тебѣ ли обрѣшаю?
 Тебѣ ли ко груди въ восторгѣ прижимаю?
 О! будь спокрапъ благословенъ
 Сей день щасливый, вождельной,
 Когда ты снова возвращенъ
 Объявляемъ друзей на родинѣ священной.
 Давно покинулъ ты опечески брега;
 Скипался по свѣшу, а дружба сиропѣла;
 Съ шѣхъ поръ Сатурнова нещадная рука
 На голову твою насыпала снѣга,
 Морщины на чель твою напечатлѣла!
 Войди-жъ ко мнѣ: вотъ домикъ мой простой,
 Вотъ садикъ: опдохни подъ шѣнью дровъ вѣсп-
 висныхъ,
 Вкуси опъ ихъ плодовъ: спомри, передъ шобой

И сочный виноградъ, и горы смоквъ душисныхъ,
 И всё, что осень шлетъ обильною рукой.)
 Такъ говорилъ Цефизъ, узрѣвъ случайно друга,
 Съ которымъ дни младенчества дѣлилъ.
 Одинъ облекъ спраны земнаго круга,
 Другой домашнихъ ларь хранилъ.
 Какія радости друзей при встрѣчѣ ждали!
 Въ бесѣдѣ сладостной, они не примѣчали,
 Какъ время шло. Цефизъ смѣясь воспоминалъ
 Про игры дѣтскихъ лѣтъ, увы! спрѣлой
 мелькнувшихъ,
 Филиппъ о спранспвѣяхъ своихъ повѣствовалъ,
 О дальнихъ чудесахъ, опасностяхъ минувшихъ.
 Но ужъ на западѣ погасъ палачій день,
 По легкимъ облакамъ лилась съ воспока тѣнь
 И ночь звала друзей къ покою.
 Прощаясь, на очахъ съ дрожащею слезою,
 Въ избыткѣ чувства словъ Филиппъ не находилъ
 И дерево съ плодомъ благословилъ,
 Подъ сѣнью коего, въ прохладѣ благодатной,
 На лонѣ дружества, провелъ онъ день опрадной.
 «Будь дерево швое, на память дня сего!»
 Вѣщалъ Цефизъ, исполненъ умиленья:
 «Прими сей дружбы даръ; опныиъ для него
 Не пощажу трудовъ, ни попеченья;
 Опъ въпровъ сохраню; опъ грозныхъ непогодъ
 Въ солому на зиму укрою:
 Пусть осенью оно златою
 Подаспъ тебѣ румяный плодъ.»
 Но рокъ судилъ не то: на слѣдующій годъ
 Не спало старца. Осень снова
 Дарамъ щедрыми украсила сады:
 Не для него уже цвѣла дубрава
 И спѣли сочные плоды.
 Цефизъ, подъ деревомъ завѣщаннымъ
 Предавъ землѣ Филиппа прахъ,
 Желалъ и самъ скончашься бѣднымъ,
 Но память сохранишь въ сердцахъ.
 Онъ кипарисомъ и цвѣтами
 Надгробный камень обсадилъ,
 И холмъ могильный окружилъ

Сосѣдняго ручья спруями.
 Съ тѣхъ поръ въ часы, когда луна
 На темныхъ небесахъ являлась
 И вся окрестная спрана
 Въ одежду мрака облекалась,
 На прахъ Филиппа поспѣшалъ
 Цефизъ, съ душой, унынья полной,
 Ко другу спящему взывалъ
 И слѣзы лилъ на прахъ безмолвный.
 Когда-жъ не вѣялъ тихій вѣтръ
 И листъ въ саду не колыхался,
 Казалось, изъ подземныхъ нѣдръ
 Какой-то голосъ раздавался:
 То былъ признапельности гласъ
 Взятсого мирною могилой
 Спенящей дружбѣ, въ поздній часъ,
 Среди полуночи унылой.
 И небеса плоды Цефизовыхъ садовъ
 Благословеньемъ осѣнили,
 И дружбы дерево опъ въпровъ и громовъ
 Святымъ покровомъ охранили.

*

Всевышній съ неба на землѣ,
 Равно добра и зла свидѣтель,
 Казнитъ порокъ, погрязшій въ злѣ,
 И члпшъ наградой добродѣтель.

C H A R A D E.

On voit souvent mon entier
 Parvenir à mon premier
 En prodiguant mon dernier.

Въ No 43-мъ, помѣщенная шарада значить: *Полынь-л.*

Pl. No 16. Modes de Long-champs: Chapeau en gros d'Italie.— Voile en dentelle de soie.— Fichu à la Charlotte de la belle Anglaise.— Bonnet et Collerette en mousseline.— Chapeau en paille d'Italie.

Карп. No 16. Лоншанскія моды: Шляпа изъ Ипаліанскаго gros.— Вуаль изъ шелковаго кружева.— Косыночка à la Charlotte.— Чепецъ и шейная оборочка кисейныя.— Соломенная Ипаліанская шляпка.

Л И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й П Р И В А

С П И С О К К Н И Г

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 45 и 46.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Юня 5 дня 1855 года.

Любовникъ въ первый день признаньемъ забавляеть;
Назавтра, говорящъ, несносно докучаеть!
На третій, слушающъ не поднимая глазъ;
Въ четвертый, съ робостью опіказъ;
На пятый, слабое упорство и смятенье;
Въ шестый, ни да, ни нѣтъ, и страхъ и сожалѣнье;
Въ седьмый, безъ головы:
Въ осьмый—увы!

И. Дмитриевъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОФЕССОРЪ.

Повѣсть, (сог. Тика.)

Очень рѣдко бывало такъ шумно въ домѣ совѣтника *Р.*, какъ въ одно воскресенье, когда онъ со всею семьей собирался на сельскій праздникъ, опять котораго и онъ, и жена его, и дочери много ожидали пріятнаго. Въ нижнемъ этажѣ безпрестанно бѣгали взадъ и впередъ, суешились, кричали. Всѣхъ суешливѣе была старшая дочь, *Антуанета*, прекрасная собою блондинка. Она сердилась на служанку, бранила слугу; всё было не по ней. И не даромъ такъ заботилась она о своемъ нарядѣ: праздникъ долженъ былъ кончиться баломъ, къ которому вѣрно приглашены были офицеры споящихъ въ околонтъ командъ и отличнѣйшіе изъ лѣсныхъ чиновниковъ. Мать во всемъ одобряла причуды своей дочки и, въ хлопотахъ около неѣ,

умножала только сумятицу. Наконецъ въ самую суматошную мину по дѣвуха къ крыльцу щегольская карета. Тутъ заупрямилась и впорая дочка, *Женни*. Ей показалось, что всѣ занялись ея старшею сестрицею, а еѣ забыли, и она довольно жестоко прикрикнула на одну милую, крошкую дѣвушку, которая безмолвно помогала одѣваться, кому и какъ могла. Ужъ какъ неповоротлива сего дня *Елена!*» вскричала *Женни* сердито: «у неѣ только и свѣту въ глазахъ, что *Антуанета*; обо мнѣ и подумай не хочеть!»

«Да, да!» бранчиво закричала ей *Женни*: «я знаю, что всѣ хотять сдѣлать и лучше, и скорѣе для старшаго дитяши, а для меня, при этой принцессѣ, *Елена* не можетъ найти и минути свободной.»

Тутъ вошелъ самъ совѣтникъ въ полномъ уборѣ.—Карета ждетъ, — закричалъ онъ: а вы всё еще не готовы! —

«Меня беспокоить то,» сказала ему жена: «на кого покинуть нашъ домъ. Мы вѣрно воро-

пимся ночью, а можетъ быть еще и завтра поутру. Хотя бы постоялецъ нашъ Профессоръ былъ дома, а то кромѣ дѣвки и кухарки никого не остаётся; онъ же, лишь только бы насъ проводилъ, сами шмыгнувъ со двора!»

— Эпоть хмурый уродъ могъ бы посидѣть дома!— примолвила *Антуанета*. — Ужь лѣтъ десять, я думаю, онъ и носу со двора не высовывалъ, а тутъ вдругъ вздумалъ, какъ нарочно, уѣхать на цѣлую недѣлю. —

«Онъ провъшривается!» сказала *Женни*: «его вѣрно съ тѣмъ и выписали въ столицу, что тамъ показываютъ шеперь разныхъ звѣрей, а безъ этаго экземпляра не можетъ быть полной коллекціи.»

— Полно! полно!—сказалъ смѣючись совѣтникъ: ты рада всякаго поднятъ на зубки, но людей богатыхъ надобно уважать. Что, если онъ за тебя посваивается и ты будешь его женою?—

Это другое дѣло, думала про себя *Женни*. *Антуанета* же спала утверждать, что не пошла бы за него ни за что въ свѣтъ.

«Вошь!» закричала мать: «*Елена* стоить себя сложа руки и слушаетъ васъ; нѣтъ, чтобы приколотъ *Женни* шляпку! Какъ жаль, что мы не пригласили хоть пѣпку изъ предмѣстія: она бы посидѣла безъ насъ и посперегла домъ.»

Тихая дѣвушка, которая съ такимъ усердіемъ и покорностію всѣмъ помогала, и въ которой никто не узналъ бы родной дочери тѣхъ же родителей и меньшей сестры наряжающихся красавицъ, сказала на то пріятнымъ, поненькимъ голоскомъ: я съ охотою останусь дома, да и совсѣмъ не готовилась къ выѣзду. —

«То-то, милое дитя!» вскричала мать горздо ласковѣе прежняго: «ты всегда умѣешь пособить горю. Видите ли, дѣти: потому-то *Елена* и оставалась въ такомъ просинькомъ платьицѣ. Правда, что у тебя и нѣтъ такихъ, какъ у сестёръ, но вѣдь ты сама не любишь наряжаться.»

Наконецъ всё уладилось и сѣли въ карету съ самыми веселыми лицами, потому что въ

виду много было наслажденій на вкусъ каждаго: и хорошій обѣдъ и пріятное гулянье въ прекрасный лѣтній день, и балъ къ вечеру, и милые молодые люди, которые умѣювъ влюбляться или казаться влюбленными; а бѣдная, пренебреженная *Елена*, осталась дома одна,—впрочемъ, можетъ быть веселѣе всѣхъ, потому что она любила покой и уединеніе.

Когда карета повернула за уголъ, *Елена* отпустила со двора и служанокъ, сказавъ чтобы къ вечеру воротились. Потомъ заперла наружную дверь и спрятала ключъ въ своей комнатѣ; а сама пошла къ своему небольшому собранію книгъ, и очень радовалась, что можетъ наконецъ отдохнуть совершенно въ своемъ вкусъ, то есть, блуждая духомъ въ мечтательныхъ спранахъ, въ которыхъ переселялъ её какой нибудь мысленный авторъ. Такъ благодарна она была Небу за дарованіе ей сего чистаго наслажденія, что когда въ церкви, противу самаго дома стоящей, зазвонили къ воскресной службѣ, она въ теплой мольбѣ, со слезами спала возсылать къ Творцу хвалы изъ глубины крошкой души своей.

Потомъ пошла она въ кухню, чтобы позаботиться о своемъ обѣдѣ; поправила огонькъ, придвинула къ нему два горшечка. Потомъ накрыла въ своей комнатѣ столъ чистою скатертью, принесла себѣ кушанье, и спала кушать съ большимъ аппетитомъ, усердно помолясь прежде Богу. И тому радовалась она, что можетъ свободно молиться: при ея родителяхъ, желавшихъ жить на знатную погу, это вовсе не было въ употребленіи. За обѣдомъ сидѣла она опять съ книгою, потомъ опложила её и спала обдумывать прочитанное, отъ чего невольно перешла къ размышленіямъ о собственной своей жизни и о томъ, какъ и почему чувствуюетъ себя столь неизъяснимо щастливою. Она не знала, что всѣ сосѣди и знакомые, даже слуги, сожалѣювъ о ея участи, видя, что родители и сестры ея не занимаютъ; напротивъ, она жалѣла о сестрахъ, что неспособны онѣ къ чтенію хорошихъ книгъ, что слишкомъ много занимаютъ нарядами, любявъ развлеченіе, и самаго того спокойствія

и уединенія, въ которыхъ находила она верховное благо жизни, убѣгающъ, какъ злѣйшихъ враговъ, или какъ величайшаго нещастія. Очень благодарна была она своей матери, что никогда не терпѣла отъ неѣ принужденія одѣваться по модѣ и посѣщать обществу. Даже когда у нихъ въ домѣ собирався многочисленный кругъ знакомыхъ, случалось, что ей позволяли оспаться одной въ ея комнатѣ.

Послѣ обѣда наступило для *Елены* время еще большей радости, которой напрасно ждала она нѣсколько лѣтъ сряду. Ей очень хотѣлось осмотрѣть комнаты живущаго въ томъ же домѣ, на верху, постояльца, поглядѣть хорошенько на убранство ихъ, на библиотеку и, можетъ быть, поддержать въ рукахъ какую нибудь его рукопись. Онъ никогда не выходилъ изъ дому, исключая нѣсколькихъ часовъ, которые по утру долженъ былъ проводить въ гимназіи, по званію директора оной. А какъ въ эту пору ей нельзя было оплучаться отъ своихъ домашнихъ и отъ хозяйства, то и не оставалось другаго способа побывать у доможда, какъ во время его путешествія, которое также надобно было почестъ за большую диковинку. Уже пятнадцать лѣтъ или болѣе жилъ Профессоръ въ домѣ; *Елена* знала его съ младенчества; но ни разу до сего времени не оплучался онъ, даже на день, изъ города, и теперь вскорѣ его ожидали назадъ. И такъ, желаніе *Елены*, столь долго пипаемое, все не исполнилось бы и при столь благопріятномъ случаѣ, еслибъ кспати не сдѣлано было приглашенія на пирушку и балъ. Посемуто съ охотою просидѣла она нѣсколько ночей за работою для матери и для сестеръ, не желая и не требуя за то никакой благодарности — лишь бы не вздумали взять еѣ съ собою. Наконецъ дождалась она, чего хотѣла. Какъ иные полжизни своей собираются въ путешествие по Италіи или Швейцаріи и потомъ съ благоговѣйнымъ препетомъ переспускаютъ черезъ порогъ, чтобъ лепшъ къ наслажденію, столь долго ожидаемому, — такъ почто *Елена*, съ замирающимъ отъ радости сердцемъ, пошла на лѣстницу, по которой никогда еще не спускала нога ея.

Къ числу особенностей спранныго ихъ постояльца принадлежало и то, что хопя при немъ никого не было, кромѣ спараго слуги и пожилой ключницы, однако онъ занималъ для себя весь верхній этажъ съ анпресолнями и чердакомъ. При семъ, по особому условію съ хозлиномъ, — никто изъ постороннихъ не смѣлъ ходить по лѣстницѣ, чтобъ не нарушать тишины и спокойствія постояльца. Хозяинъ, живучи впрочемъ не тѣсно въ нижнемъ этажѣ, хопя и имѣлъ бы иногда нужду въ нѣкоторыхъ комнатахъ верхняго, остающихся у Профессора вовсе безъ всякаго употребленія; однако успупалъ ихъ очень охотно, потому что рѣдко можно было найти такого миролюбиваго, такого неприхотливаго постояльца. Никогда онъ ничего не претовалъ, на свой щѣпъ дѣлалъ починки и поправки, деньги платилъ исправно, даже часто прежде срока. И все въ домѣ пипали къ нему уваженіе, смѣшанное съ робостію, потому что ни съ кѣмъ онъ не говорилъ, даже никто его не видалъ, — развѣ когда онъ съ кѣмъ встрѣчался случайно въ воротахъ; рѣзвыя же дѣвушки пряпались отъ него, какъ отъ пугалища.

По ступенямъ, выкрашеннымъ подъ красное дерево и чисто вылощеннымъ, поднялась *Елена* на верхъ и дернула звонокъ: гулъ опозвался дико въ большомъ, совершенно пустомъ домѣ, въ которомъ слышно было даже жужжаніе мухи по воздуху. Легонько, чуть чуть шлепая туфлями, подошла ключница, съ робостію, медлительно опворила дверь до половины и шептала: пише! пише! какъ будто боясь помѣшать сну своего господина. Тутъ опсорожиѣ, чѣмъ любовникъ въ тайномъ свиданіи, проскользнула *Елена* въ пустую, довольно обширную переднюю. Спарая *Гертруда*, которой лицо было желто и нѣжно, потому что она никогда не выходила на воздухъ, еще съ большею опсороженностію замкнула опять двери, и обѣ вошли въ библиотеку. Шкафы расположены были по всемъ стѣнамъ отъ верха до низу, какъ въ залѣ, такъ и еще въ трехъ примыкающихъ къ ней комнатахъ, за которыми слѣдовала уже собственно рабочая горница ученаго. Въ окнахъ вставлены были двойныя рамы,

чтобы какъ можно менѣ слышать шумъ съ улицы; передвижныя, шелковыя занавѣсы дѣлали ихъ мрачными. Въ другихъ комнатахъ, гдѣ не было книгъ, поспѣнамъ висѣли хорошія Голландскія и Нидерландскія картины, а спальня была на дворъ, чтобы и малѣйшій шорохъ не доходилъ ночью до ушей Профессора.

Елена всѣмъ восхищалась. Какъ щастлива жизнь ученаго! думала она: въ такой тишинѣ и уединеніи, посреди такого множества книгъ, онъ всегда занятъ, и занятъ предметами самыми возвышенными. Это лучшая цѣль, къ какой только можетъ человѣкъ стремиться.—«Здѣсь такъ хорошо Профессору;» сказала она *Гертрудѣ*: «какъ въ раю.»

—Въ раю? — возразила та смѣючись: да рай-то вѣдь былъ садъ, открытый со всѣхъ сторонъ.—

«Однако такъ называется всякой свое понятіе о блаженствѣ!» сказала *Елена*.

«Да гдѣ же, милая *Гертруда*, споятъ тебѣ книги, которыя онъ самъ печаталъ?»

—А вѣдь онъ — цѣлый рядъ! это изданіе древнихъ писателей или классиковъ, какъ онъ ихъ называетъ.—

Елена взяла съ полки одну книгу и стала перевертывать листы.

«Я думаю,» сказала она: «какъ весело тому, кто можетъ читать эти книги отъ доски до доски, и кто самъ пишетъ по Латыни! У насъ иногда бывають проѣзжіе иностранцы, и они говорятъ, что жилецъ нашъ ужасно ученъ.»

—Какъ не быть учену,—отвѣчала *Гертруда*: когда-то и дѣло, что читаетъ да пишетъ съ утра до глубокой ночи. Я того и смолрю, что у него пойдетъ умъ за разумъ.—

«Какъ это?»

—Да видишь, душа моя, онъ все такой блѣдный, такой задумчивый, часомъ печальный и пасмурный. Пожалуй и не вѣсть чего наберется отъ этихъ язычниковъ. Да, моя милая, эти классики вѣдь были нехристи!— Въ церковь онъ совсѣмъ не ходитъ,—гово-

ритъ, что органы слишкомъ для него громки. Вѣдь и отсюда слышнехонько, какъ на нихъ играютъ, и какъ прекрасно! а онъ пого-по и не любитъ, и всё время скучаетъ, пока ихъ слышно. Посуди же, душа моя, какъ не погоревать мнѣ о немъ, вѣдь я его люблю всѣмъ сердцемъ!—

«Онъ точно славный, преблагородный человѣкъ, не правда ли?» спросила *Елена*.

— Слишкомъ! — отвѣчала *Гертруда*: онъ любитъ весь свѣтъ, только не можетъ терпѣть кузнецовъ, да барабанщиковъ и еще Турецкую музыку. Вѣ называется онъ сатанинскою выдумкою. Когда по улицѣ идетъ въ парадѣ полкъ съ Турецкой музыкой и провожаетъ его толпами народъ, баринъ мой ходитъ въ досадѣ по горницѣ, топаетъ ногами, и даже, что очень рѣдко, начинаетъ браниться. Такая прескопня, говоритъ онъ, можетъ нравиться только самой неопесаной черни, и у кого отъ неѣ не разрывается слухъ и сердце, пошъ, пожалуй, способенъ и къ убійству. Онъ съ нами говоритъ всегда очень мало, но какъ дойдетъ до этаго, такъ ужъ и разговорится. Ему, видишь, пришлось однажды очень солоно. У него былъ въ городѣ свой собственннй прекрасный домъ, и онъ продалъ его за безцѣнокъ, потому что подлѣ поселился кузнецъ, и магистратъ не послушался жалобъ его на сосѣда. Танцевальной музыки онъ также терпѣть не можетъ.—

Елена все разсматривала съ большимъ вниманіемъ, переходя съ говорливою ключницею изъ комнаты въ комнату. «Какое множество книгъ!» воскликнула она въ восхищеніи. «Однако Профессоръ очень добръ, какъ ты начала было рассказывать?»

—О!—продолжала *Гертруда*: онъ волоскомъ никого не пронетъ, лишь бы не шумѣли и не перевозили его. Нельзя ни двери отворить, ни хлопнуть ею, ни громко слово молвить, всё должно быть въ мѣру: такъ онъ говоритъ. Если надобно мнѣ, или сестрику *Вернеру*, о чемъ нибудь ему сказать, то мы должны подойти какъ можно тише и шептать, а не говорить. Но ужъ каковъ онъ до бѣдныхъ, такъ нѣчего сказать, пре-

милосердый. Споиить его попросить, онъ дастъ больше, чѣмъ надобно. Много семей помѣсячно получають отъ него порядочное жалованье. За то на себя, исключая книгъ, прапшитъ онъ очень мало. И кушанье, разъ въ день, носятъ ему и намъ изъ прапшира, чтообъ только въ домѣ не было хлопотъ и бѣготни. —

Кабинетъ ученаго, въ который пришли онъ, и который болѣе, нежели прочія комнаты, почитала *Елена* святилищемъ, привлекая на себя особенно все ея вниманіе.

—Насъ называютъ,—сказала *Гертруда*, садясь на стулъ: Квакерами и Герингушерами, по такой нашей тихой жизни. Однако, душа моя, смотри, чтообъ все такъ же лежало, какъ есть; не передвинь ни листочка, чтообъ онъ все нашель, какъ оставилъ.—

«Я ничего не прогаю!» сказала *Елена*. «Такъ вопъ его почеркъ? Какъ хорошъ: и чисто, и ровно, и кругло! А это что за корзинка?»

—Тутъ старья письма, конверты, ненужныя бумаги и пакія, которые онъ уже переписалъ на-бѣло.—

Елена спала шарить въ эпихъ ненужныхъ бумагахъ, и найдя одну, писанную рукою Профессора, взяла ея.—«Это мнѣ,» сказала она: «на память нынѣшняго щаспливаго для меня дня.»—Она сунула бумагу къ себѣ за пазуху. «Скажите,» спросила она попомъ: «неужели онъ никогда и въ молодья лѣта не хотѣлъ жениться?»

—Нѣтъ!—сказала спарушка: онъ слишкомъ чуждается людей, а женщины боится пуще всего. По большій части любятъ онъ жить шумно, въпрены; любятъ ворчать и браниваться съ слугами, а это свело бы его съ ума. Такъ лучше оставься холоспымъ. Онъ таки ужъ и старъ. Кпо пойдетъ за него?—

«Мнѣ кажется, что та дѣвица была бы очень жалка, которая бы ему опказала!» опвѣчала *Елена*.—«Его умъ, благородство души, глубокая ученость, прекрасное, блѣдное лицо съ легкими оппѣнками грусти и добродушія, его благошворительность и его прекрасная, блѣлая, нѣжная рука...»

—«Душа моя!»—сказала съ удивленіемъ *Гертруда*: да гдѣ-жъ ты все это замѣпила?—

«Я вижу его, когда онъ приходитъ изъ училища;» сказала *Елена*, и переспала о томъ говоришь. Они осмапривали попомъ карпины въ другихъ комнатахъ, ковры, прекрасныя шкафы, тонкое бѣлье, споловую посуду, серебро, и все, чѣмъ въ другомъ домѣ можно было бы блеснуть и пощеголять, и что здѣсь, у пожилаго холоспяка, лежало безъ всякаго употребленія.

Когда смерклось, *Елена* сошла внизъ въ свою комнату, упоенная воспоргомъ отъ всего ею видѣннаго. Присѣвъ къ свѣчѣ, спала она опять читать, но вмѣсто журчащихъ ручейковъ и шумящихъ дубравъ, вмѣсто холмиспыхъ за рѣкою горъ, которые поэмы ея хотѣли ей представить, ей чудились все только сумрачныя комнаты съ прекрасными шкафами и пылчями занимательныхъ книгъ. Мысли о томъ безпреспанно верпѣлись у неѣ на умъ; съ ними легла она въ постелю, и, убаюканная спранными мечтами и пѣмными желаніями, не могла заснуть прежде полуночи. На зарѣ шумъ въѣхавшаго на дворъ экипажа и въѣжавшія сепстры ея разбудили ея въ ту самую минупу, какъ во снѣ начинался у неѣ очень заманчивый разговоръ съ Профессоромъ.

Черезъ нѣсколько дней воропился и Профессоръ. Съ нимъ прѣхаль и вошелъ къ нему другъ его дѣпства, единспвенный чело-вѣкъ, съ которымъ онъ часто бесѣдовалъ и къ которому имѣлъ довѣренность. Это былъ врачъ, вызвавшій и сопровождавшій его въ столицу. Ключница привѣсппвовала съ пихою радостію своего господина.

Когда старья слуга вынесъ все изъ повозки, то возстановился прежній порядокъ, никогда дополъ ненарушавшійся. Профессоръ, который между пѣмъ прохаживался по комнатамъ и осмапривалъ ихъ, сѣлъ въ свои кресла и сказалъ: «ну, шеперь мнѣ опять хорошо! Нѣтъ, любезный мой докторъ, что ты ни говори, а выдуманное побую средство нимало не помогаетъ моему здоровью; напрошивъ, для меня нѣтъ ничего несноснѣе

путешествія. Почти поже бываетъ со мною въ дорогѣ, что бываетъ съ пѣмъ, кто зарывшись въ большой книгѣ, никакъ не можетъ отыскать того мѣста, которое непременно ему нужно. Теперь наконецъ я собираюсь съ духомъ, и мысли мои, которыя совершенно разбрелись, начинаютъ приходить въ прежній порядокъ.»

— Жалю очень, — отвѣчалъ медикъ: что средство мое не достигло своей цѣли; а я право думалъ, что путешествіе тебѣ полезно. —

«Нѣтъ ничего для меня полезнѣе;» продолжалъ Профессоръ: «какъ спокойствіе и уединеніе въ этихъ комнатахъ. Напротивъ того, въ полѣ, это безпредѣльное пространство, эта слишкомъ рѣзкая свѣжесть воздуха и неугомонная дѣятельность природы, мучатъ меня и лишаютъ бодрости. Я не постигаю другихъ людей, по крайней мѣрѣ ученыхъ. О *Лессингѣ* рассказываютъ, что онъ былъ совершенно равнодушенъ къ природѣ, и на него производила равное дѣйствіе гористо-живописная или плоская, прозаическая страна. Со мною же совсѣмъ не то происходитъ. Эти воды, эта безпредѣльная даль, эти виды на рѣку и на лѣсъ, производятъ во мнѣ, почти готовъ сказать, впечатлѣніе ужаса; по крайней мѣрѣ, они мнѣ такъ противны и мучительны, что я передъ сими великими предметами, которыхъ языка вовсе не понимаю, спановлюсь самъ не свой. Все мое существо, всѣ планы мои и желанія кажутся мнѣ при нихъ такъ ничтожны и плохи, что со мною почти поже дѣлается, что съ маленькимъ ребенкомъ, котораго няня спряталась въ полѣ, оставляя его на незнакомой улицѣ. Хотя слезы и не такъ скоро у меня навертываются, какъ у этого слабаго, беспомощнаго существа, но за то я совершенно теряюсь, и жестокое, безупѣшное одиночество такъ поражаетъ и мучитъ меня, что право весь свѣтъ кажется мнѣ лабиринтомъ и все пвореніе какъ бы создано для того, чтобы ужасать меня.»

— Я давно знаю; — замѣтилъ ему докторъ-другъ: и тебѣ говорилъ, что ты самъ

только пипаешь и усиливаешь свою ипохондрію; но что-жъ пупъ дѣлать? Какъ помочь тому, кто не принимаетъ никакихъ совѣщовъ! —

«Что же должно мнѣ дѣлать, докторъ?» спросилъ ученый.

— Больше движенія, меньше сидѣть; — отвѣчалъ медикъ: не вѣчно закупоривайся въ душевой комнатѣ, наслаждайся именно несносною тебѣ природою; свѣжій воздухъ.... —

«Сдѣлай одолженіе,» вскричалъ Профессоръ въ величайшей досадѣ: «не говори мнѣ пусяковъ объ этомъ свѣжемъ воздухѣ, который то и дѣло у всѣхъ на языкѣ вертится. Этого свѣжій воздухъ, о которомъ предки наши не имѣли понятія, суцая пагуба для нашихъ теперешнихъ ученыхъ. Они протружаются, получаютъ насморкъ, кашель, и умираютъ, при всемъ томъ, что нѣсколько лѣтъ принуждаютъ себя каждый день часа по два или по три, не смотря ни на какую погоду, прохаживаясь по улицамъ; точно будто бы выгоняютъ ихъ изъ дома, какъ въ старыхъ училищахъ школьниковъ, или какъ сумасшедшихъ въ больницахъ. Одна мысль о томъ — производитъ во мнѣ величайшее омерзѣніе!»

— Такъ ходи въ гости; — продолжалъ докторъ, поже съ замѣтною досадою: слушай музыку, посѣщай спектакли, когда только даютъ ихъ въ нашемъ городѣ; развесели себя виномъ и пріятною бесѣдою, пускайся въ танцы. —

Ученый вспалъ, подошелъ къ пріятелю и, остановясь предъ нимъ почти съ грознымъ видомъ, долго смотрѣлъ на него, не спуская глазъ, и не говорилъ ни слова, не находя выраженія и оборотовъ, которыми бы могъ сильнѣе дать почувствовать все свое негодованіе. Докторъ, знавшій его хорошо, пересталъ говорить и дружески пожалъ ему руку. Тогда ученый вдругъ повернулся къ письменному своему столу, сѣлъ передъ нимъ, спалъ перекладывая на немъ бумаги, и прилжно чего-то искалъ. Не найдя, вспалъ онъ опять, прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ, и какъ будто схватя забытую

мысль, бросился къ корзинкѣ, вывалилъ изъ неѣ всѣ бумаги на полъ и снова началъ искать съ большимъ усердіемъ; однако и шупъ, перебравъ все по листочку, не нашелъ того, что было ему нужно.

Тогда зазвонилъ онъ сильно въ колокольчикъ препенною рукою. Ключница вошла боязливо, потому что это случилось вовсе не въ обыкновенное время. «Не взяла ли ты у меня,» сказалъ Профессоръ: «листка бумаги въ осьмушку, написанной только съ одной стороны?» *Гертруда* испугалась, и краска выступила на блѣдномъ лицѣ ея.—Нѣтъ, нѣтъ, сударь— сказала она смущаясь: вамъ извѣстно, что я ни до одного листочка не допрогиваюсь; знаю, что вамъ иногда и самый маленький лоскупокъ очень нуженъ.—

«Такъ развѣ кто нибудь былъ здѣсь въ мое отсутствіе?»

Ключница опспутила, какъ бы въ ужасѣ, назадъ.—Какъ?—вскричала она, почти со слезами: неужели вы и впрямь могли такъ обо мнѣ подумать? Да я бы заслуживала....—

«Ну полно!» сказалъ смущенный Профессоръ: «нѣтъ, какъ нѣтъ, ни въ корзинкѣ—нигдѣ.»

—Если-бъ я хоть до чего нибудь допрогивалась,—сказала *Гертруда*: по....—

Профессоръ кивнулъ, и спарушка вышла, рада, рада, что раздѣлалась такъ дешево.

—Развѣ тебѣ такъ нуженъ эпотъ листокъ?—спросилъ докторъ.—Неужели ты не можешь вспомнить, что на немъ было написано?—

«Совсѣмъ не то;» отвѣчалъ со вздохомъ и печально ученый: «меня огорчаетъ только то, что дѣлаюшь у меня безпорядки, или что я начинаю быть разсѣянъ. Это впрочемъ была только выписка изъ *Квинтиліана* и мое замѣчаніе, подтверждающее одну догадку: я помню все это замѣчаніе; дорого много размышлялъ я о своихъ доказательствахъ.»

Онъ съѣлъ опять, чтобъ записать свои мысли. «Ну, теперь все въ порядкѣ!» сказалъ онъ, вспавая съ довольнымъ видомъ. «Однако.....»

—Еще тебѣ будетъ досада,—прервалъ его вдругъ докторъ: опъ молодого *Адріана*, какъ ты мнѣ о немъ рассказывалъ. Не такъ-то легко избавишь опъ такого молодца.—

«Посмотримъ!» отвѣчалъ Профессоръ разсѣянно. «Впрочемъ это еще не слишкомъ меня озабочиваетъ; а вотъ что тяжело: путешествиемъ своимъ лишился я спараго, испыпаннаго друга, или по крайней мѣрѣ уже не могу его уважать; а что дружба безъ уваженія?»

—О комъ говоришь ты?—спросилъ докторъ, удивясь тѣмъ болѣе, что лицо друга его снова чрезвычайно нахмурилось.

Ученый, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнапѣ съ видимымъ уныніемъ духа и обернувшись къ доктору сказалъ: «спредставь себѣ: эпотъ профессоръ въ столицѣ, славный филологъ; ну, ты знаешь его очень хорошо и всегда восхищался имъ: онъ смертельно огорчилъ меня и нанесъ мнѣ такую рану, опъ которой долго, долго буду спрашивать.»

—Какъ это? Вы были всегда такъ согласны во всѣхъ мнѣніяхъ вашихъ....—

«Всему конецъ!» вскричалъ Профессоръ: «Чтобъ я былъ съ нимъ согласенъ? Скорѣе со всякимъ прослякомъ и олухомъ, который въ наукѣ не умѣетъ различить *a* опъ *b*.—Вечеромъ передъ опъѣздомъ прихожу къ нему въ домашній кругъ, какъ они называютъ; разумѣется, что шупъ были и дѣпи, и такъ шумѣли съ матерью и съ какими-то родственницами, такъ вертѣлись около гостя, что нельзя было порядочно разслушать ни одного слова. За ужиномъ были мы еще довольно веселы, и онъ нашелъ случай сказать мнѣ кое-что о *Марціалѣ*, для меня новое. Но послѣ пошла потѣха! И эпотъ спарый ученый предъ цѣлымъ свѣпомъ не спыдился рѣзвиться съ своими малолѣпными дѣтьми! То-то было крику, бѣгопни и смѣху! прыганье, качанье дѣтей, шалости съ рѣзвыми дѣвчонками.... Я, который никогда не видывалъ такого содома и не почиталъ его даже возможнымъ, я думалъ, что со мною сдѣлаешь ударъ. На лицѣ моемъ горѣлъ спыдъ за

все ученое сословіе въ цѣломъ мірѣ. Наконецъ пришла жена и уняла ихъ изъ границъ вышедшую рѣзвость. «Спыдишесь!» закричала она дѣшамъ: «вы, пожалуй, готовы цѣлый вѣкъ провозишься съ опцомъ; да и онъ готовъ съ вами сдѣлаться ребенкомъ. Вспомни, что у него есть дѣла, важныя и трудныя. Прочь, прочь, избалованныя дѣш!» Какъ я ни робокъ, но право готовъ былъ броситься на шею эпой женщинѣ и расцѣловать еѣ: такъ она мнѣ показалась мила въ эту минуту! Я немножко отдохнулъ, жаръ мой проспылъ, потому что я опять почувствовалъ себя между порядочными людьми. Однако-жь, какъ бы ты думалъ: что это за дѣла, важныя и трудныя, которыми надобно было замѣнить и укротить ребячество профессора. Жена принесла ему кофейную мѣльницу и онъ долженъ былъ молотъ кофе! И она шутъ же говорила, что онъ никогда не опказывается опъ эпой работы, лишь бы только была свободная минута.»

Тутъ произошло съ обѣихъ споронъ продолжительное молчаніе. Профессоръ ожидалъ, что на такую разсказъ, сопровождаемый всѣми знаками внутренняго омерзѣнія, другъ его будетъ опвѣчать также чѣмъ нибудь, приличнымъ дѣлу. Но сей закусилъ губы и едва удерживался опъ смѣху. Брося на него мимоходомъ пронцапельный взглядъ, Профессоръ не зналъ, что заключить изъ лица его и спранныхъ на немъ ужимокъ. Снова сълъ онъ, въ большемъ распройспвѣ духа; глубоко вздохнулъ и, помолчавъ еще, началъ самымъ унылымъ пономъ: «если великіе, знаменитые ученоспію мужи, такъ ведутъ себя, то чего ожидать опъ всей школьной черни? Эпопъ человекъ съ тѣхъ поръ совершенно для меня умеръ, и я съ каждымъ годомъ болѣе чувствую, какъ умираютъ или увидають всѣ мои радости, какъ мало гожусь я для сего свѣта. Бывало, въ дни бодрости и свѣжести, весьма часпо, засѣвъ между своими любимыми книгами, съ яснымъ понятіемъ о томъ, что дѣлаю и предпринимаю, я чувствовалъ себя совершенно блаженнымъ. Какъ царь, твердый на своемъ престолѣ, я воображалъ, что все покоряется моей волѣ: мысли, писатели, времена и об-

спояпельства, что я соглашу и объясню ихъ для современниковъ и потомства, что впередъ люди любознапельные, повеюду, среди сего мнимаго хаоса будутъ иппи пвердыми стопами, опираясь на умнаго руководителя, и что они воздадутъ мнѣ благодарносцію за труды мои и усердіе! Теперь совсѣмъ не по! Теперь овлаждаетъ мною чувство горькаго одиночества; мой умъ перяется въ томъ обширномъ хаосѣ, который называлъ я своею ученоспію; мои желанія, радость моя—исчезаютъ, какъ снѣгъ передъ знойными, солнечными лучами, и подъ нимъ все черно и мрачно!»

Докпоръ съ чувствомъ состраданія взялъ за руку своего друга, и пощупалъ у него пульсъ. «Развѣ не болѣнъ ли я?» спросилъ послѣдній.

— Не болѣнъ! — опвѣчалъ докпоръ: но пвое здоровье слабо, жизнь пвоя увидаеть. Ты ипохондрикъ, мой милый, и это зло будетъ съ тебѣ усиливаться, пока наконецъ не сведеть тебя въ могилу. Если ты вдругъ, съ сей же минуты, не сдѣлаешь совершеннаго перелома въ пвоемъ образѣ жизни. И почему бы не женишься тебѣ, упрямецъ? Сколько разъ говорилъ я о томъ? Ты бы могъ имѣть сына, послѣдника всѣмъ пвоимъ книгамъ и всему пвоему значительному имѣнію, которое безъ того перейдетъ въ чужія руки, къ людямъ неблагодарнымъ. Ты бы самъ спалъ учить своего сына, и онъ со временемъ былъ бы пвоею честію, пвоимъ успѣшеніемъ. Ты можешь найти жену, которая сдѣлаетъ тебя щаспливымъ, узнаетъ пвои причуды и будетъ умѣть развеселять тебѣ.—

Съ плачемъ и съ такою пылкостью обнялъ его спрадалецъ, что докпоръ почти испугался.—Ужь не влюбленъ ли ты?—вскричалъ онъ. «Избави Богъ!» сказалъ ученый, и снова сдѣлался покойнѣе. «Нѣтъ, я радуюсь только пвоему дружеству и тому, что, если дѣйствительнѣе возможно что-либо подобное, ты не откажешься принять на себя все успроипъ. Самъ я никогда не рѣшусь начать разговоръ съ женщиною; да я ни одной и не знаю; ты же знаешь меня съ юности, ты такъ много обращаешься между людьми, умѣешь со всѣми обходиться легко и надеж-

но; на тебя я совершенно полагаюсь, знаю, что ты желаешь моего счастья. Выбери мне жену, и я готов!»

Доктора изумило такое скорое согласие.

— Позволь же, — вскричал он радостно: условимся напередъ въ главныххъ пунктахъ, и я охотно приму на себя это дѣло, будучи увѣренъ, что оно составитъ твое благополучіе. Главное то, что твоя невѣста и будущая жена должна быть совершенная прошивуположность тебѣ; ко всѣмъ радушна, всегда весела и готова разсѣять тебя; бойка, и даже рѣзва въ обращеніи. Не знаю другой дѣвушки, которая бы такъ соопвѣтствовала этимъ требованіямъ, и припомъ была бы такъ хороша собою, такъ здорова, ловка и мила, какъ *Антуанета*, старшая дочь совѣтника, твоего хозяина. Ты вѣрно знаешь еѣ? —

«Нѣтъ;» отвѣчалъ ученый: «я никогда не видалъ еѣ; знаю только по наслыжкѣ, что у хозяина при дочери. Ну, мой другъ, отдаюся тебѣ совершенно; дѣлай, какъ умѣешь, только смотри, чтобъ не привели меня въ спыдъ опказомъ.»

Вернеръ вошелъ и доложилъ о приходѣ господина *Адріана*. «Ужъ этогъ молодецъ провѣдалъ о моемъ пріѣздѣ?» вскричалъ Профессоръ. — Опсправь его поскорѣе, — сказалъ докторъ, собирався иппи: или лучше совсѣмъ не говори съ нимъ. Этогъ повѣса разспроишь тебя опять; лучше вовсе не говоришь съ нимъ! —

«Напротивъ!» вскричалъ ученый: «пусти онъ придетъ. *Вернеръ!* поставь ему спуль вонъ шамъ, и выдъ опсюда. Прощай и ты докторъ! Мнѣ надобно переговорить о важномъ дѣлѣ съ этимъ молодымъ человѣкомъ.»

Докторъ пошелъ, удивляясь своенравію своего друга, который еще дорогою разсказывалъ ему, что *Адріанъ*, коллабораторъ его, вовсе неспособенъ къ этой должности.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

РОЗОВОЕ ДОМИНО, ИЛИ ДВѢ СТРАНИЦЫ ИЗЪ ЖИЗНИ СВѢТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ.

Зима была блестящая, Парижъ, послѣ цѣлаго года спрахъ и безпокойства, опять началъ заниматья прежними удовольствіями, и сіялъ прежнимъ блескомъ.

Въ чепвергъ вечеромъ панцовали въ *Сенъ-Вальскомъ* оперѣ. Графиня, давно опличавшаяся изящесствомъ и роскошью своихъ праздниковъ, на этотъ разъ собрала все, что Парижъ заключаетъ блестящаго. Всѣ удивлялись, какъ могла графиня *Сенъ-Валь* являться въ свѣтъ такъ скоро послѣ долговременной и опасной болѣзни, которой слѣды еще остались на ея лицѣ; но пронцапельныя друзья, казалось, опгадали причину пому. Томность, опсавшаяся послѣ ея спраданій, придавала новую прелестъ ея физиономіи, еще исполненной граціи и выразительности. — Она не такая женщина, шептали друзья, чтобы пропустить новый способъ нравиться. Припомъ же она любила этогъ свѣтъ, окружавшій еѣ съ самой молодости лестью и почестями; такъ она провела всю жизнь; свѣту опдала она юность и красоту свою, а теперь, шумъ и оболещенія свѣта сдѣлались для неѣ необходимы; одиночество еѣ пугало. Она живо почувствовала это во время длинныхъ безсонницъ, когда воспоминанія переносили еѣ, вопреки ей самой, къ щаспливымъ, спокойнымъ днямъ, споль быспро пропекшимъ. Часто можно было угадать тяжкія мысли ея, по горькой улыбкѣ, быспро исчезавшей на безцвѣтныхъ устахъ; по взгляду, горящему жаромъ лихорадки, — взгляду, котораго неподвижность заставляла содрогаться; по конвульсіямъ этой бѣлой и изсохшей руки, закрытой богатыми занавѣсами постели. — Въ такомъ именно расположеніи нашла еѣ *Эрнестина*, возвращаясь въ одинъ вечеръ съ бала, на который ѣздила съ опцомъ. Легкая, какъ *Сильфида*, она безъ шуму прошла черезъ будуаръ, опдѣляющій комнату матери опъ ея собственной, и наклонясь прелестной головкой къ замочной дырочкѣ, спаралась увидѣть, спитъ ли мать или нѣтъ. Все было тихо. Она уже хотѣла уйппи, какъ вдругъ услышала слова, произнесенныя жалобнымъ

голосомъ, прерывающимся опть слезъ: «Тогда... блондовые чепцы... шпифныя плащя...» По-помомъ вздохъ, попомомъ—она ничего не слышала болѣе.— «Можно ли мнѣ взойти?»—спросила она тогда тихимъ голосомъ. И молоденькая, бѣленькая дѣвица подошла, робкая и боязливая, при пускломъ свѣтѣ алебастровой лампы, къ постели и напечатлѣла вечерній поцѣлуй на челѣ графини.—«Эпо ты, милое дитя! Я ждала тебя, чптобы уснуть.»—«Рука пвоя горитъ; ты опять спрадаешь?»—«Нѣтъ, эпо только оспапокъ лихорадки; пвое присутствіе и покой попчасть меня вылечатъ. Ты здѣсь, и мнѣ уже лучше.— Расскажи же мнѣ, *Эрнестина*, о пвоемъ прелестномъ нарядѣ, о праздникѣ, о всѣхъ удовольствіяхъ сегодняшняго вечера.»—И графиня подозвала её къ себѣ, и приколола, съ улыбкою материнской гордости, бѣлую розу, уже поблекшую и упавшую, на головѣ дочери.— Вечеръ начался для меня довольно скучно, и я уже жалѣла, чпто уступила пвоимъ просьбамъ. Папенька, только чпто пріѣхалъ, ушелъ къ карточному столу. Онъ поручилъ меня шѣпинькѣ, копорая вскорѣ оставила меня, по хлопотамъ хозяйки. Тебя памъ не было; я чувствовала, чпто я казалась неловкою при всемъ эпомъ собраніи; мое смущеніе увеличилось опть спрахъ, чптобы его не замѣтили. Я не смѣла поднять глазъ, боясь встрѣпить знакомое лицо, и еще болѣе, покраснѣть. Наконецъ пріѣхала графиня д'Ольбрѣзъ, добрый и почтенный другъ нашъ; я взяла её подъ руку, и не оставляла болѣе.— «Не могла ли ты, моя милая, попросить опца не оставлять тебя, пока другъ нашъ не пріѣдетъ? Ахъ! букетъ твой приколонъ безъ вкуса; право, *Луиза* тебя худо одѣваетъ.»—Я не смѣла просить папеньку; онъ уже ждалъ меня цѣлые полчаса, пока я одѣвалась. Припомъ же, я скоро забыла эпо минушы скуки и принужденія. Графиня д'Ольбрѣзъ такъ добра, её обращеніе такъ нѣжно, такъ дружелюбно, чпто я думала только объ удовольствіи.— «И ты забыла свою мамъ?»—«Ахъ! никогда!»—и молодая дѣвушка бросилась въ объятія матери и поцѣловала ея поблекшія щеки.—«Любезное дитя! ахъ! люби меня всегда такъ, какъ теперь! Эпо мое первое

желаніе, моя вседневная мольба! Ты знаешь, *Эрнестина*, чпто у меня только эпо любовь въ сердцѣ; она соспавляетъ все мое щастіе, наполняетъ всю мою жизнь, и ежели ты перестанешь меня любить, по...» И слезы заблестали на глазахъ графини; она крѣпко обняла милую дочь; казалось, она хотѣла защитить её опть другой любви, защититъ чистую, неопытную душу опть обольщеній свѣта, опнявшаго у неё все.—«О! я точно сумасшедшал! Какъ можно мнѣ было подуматъ, чпто ты перестанешь любить мамъ свою? Какъ могу я сомнѣваться въ пвоей довѣренности? Ахъ, мой ангелъ! эпо сумасшествіе, не правда ли. Я не понимаю, опкуда у меня берутся эпо мысли.» И глаза ея, наполненные слезъ, выразили щастіе и надежду.—«Какъ была одѣта госпожа дѣ *Сюрвилль*?»—«Кажется, чпто она была въ зелѣномъ бархатномъ плащѣ; она не панцовала.— «Какъ эпо похоже на неё! пожертвоватъ шапцами, копорые такъ спрашно любить, желанію казатъся пригожѣе въ плащѣ, копорое ей къ лицу. Чпто за кокетка! Ахъ! не знай никогда эпого порока, *Эрнестина*!»— Но дѣвушка и не слушала. Наклонивъ головку, и приглаживая разсыянно черные волосы на бѣломъ и чистомъ челѣ, она, казалось, занята была далекою и горестною мыслию.—«Вопъ ты уже совсѣмъ задумалась, пріуныла; я право виновата, чпто показала тебѣ опасенія, копорыя не существуютъ, копорыхъ не хочу имѣть. Я сержусь на себя, чпто могла тебя огорчить. Проси меня...»—«Вась проситъ! Ахъ! я сама имѣю нужду во всей вашей снисходительности, я опасаюсь, чпто худо поступила.—«Еще какая нибудь въпреность, какой нибудь сумазбродный поспупокъ!» И графиня приложила палець къ устамъ, заранѣе улыбаясь опть удовольствія проспитъ милую дочь.—«Нѣтъ, маменька, эпо гораздо важнѣе; уже нѣскольکو дней хочу, но не знаю какъ вамъ опкрыться, и даже теперь, вы видите, я вся дрожу. Не правда ли, ты меня любишь?»—«Чпто ты хочешь эпоимъ казать?»—«Уже эпому давно; но право не моя вина. Я помню, былъ балъ у г-жи дѣ *Сюрвилль*. Ты приказала мнѣ ѣхать безъ тебя, говоря, чпто

твоя болѣзнь можетъ еще долго продолжиться, а я цѣлую зиму не панцовала. Онъ также тамъ былъ, потому что надѣялся меня встрѣтить; онъ такъ мнѣ сказалъ, . . . и . . . и я его поблагодарила, кажется, потому что онъ очень обрадовался, и я покраснѣла.—Здѣсь графиня *Сенъ-Валь* бросила такой суровый-взглядъ на дочь, что она бы вѣрно оспановилась отъ испуга; но глаза ея неподвижно устремлены были на ленту, которую она мяла въ рукахъ.—Сегодня вечеромъ я опять его видѣла. Ахъ! какъ онъ казался щасливъ, когда подошелъ ко мнѣ; какъ нѣжны, какъ сладки были слова его, когда онъ говорилъ о щасіи бытъ любимъ; его еще никто не любилъ, даже мать его. . . . Съ какою робостію онъ признался мнѣ, что не можетъ дать мнѣ ни блестящаго имени, ни богатства. Но я сказала ему, что я богата. . . . Вотъ все маменька.—Госпожа *Сенъ-Валь* слушала, слѣдуя за каждымъ движеніемъ дочери, горя желаніемъ все узнать и боясь спросить.—*Эрнестина* оспановилась, испугавшись чрезвычайной блѣдности матери; она не смѣла кончить, и закрывъ обѣими руками вспыхнувшее лицо, она со слезами упала на колѣни подлѣ постели графини, которая едва могла слышать: Маменька, я думаю, что я также его люблю.—Все, что ожиданіе нещастія имѣетъ ужаснаго, когда знаешь до чего оно можетъ простирается, все это почувствовала тогда графиня. Можно было опгадать, видя лицо ея, измѣнившееся отъ страха и горести, материнское опчаяніе, могущее прекрапить ея жизнь. Рука ея почти оледѣла на груди, въ которой едва могла удержатъ болѣзненное волненіе; глаза ея, устремленные на небо, искали тамъ утѣшенія, и лучъ надежды явился на лицѣ, когда, сложивъ руки, она сказала: О Боже! сдѣлай, чтобы то не былъ онъ!—И горестно было смотрѣть на этихъ двухъ женщинъ въ объятіяхъ другъ друга, каждая преданная своему горю, каждая, спрашивая говорить и прерывая молчаніе, превозможное только маятникомъ часовъ, пробившихъ тогда два часа.

«Ахъ! это сомнѣніе меня убиваетъ. . . Имя его, *Эрнестина*, имя его! Слушай, ты знаешь,

какъ я тебя люблю; ты знаешь, хочу ли я твоего щастія; я готова пожертвовать всѣми честлюбивыми мечтами, обещаю тебѣ даже заспать согласиться опца. Но имя его; скажи мнѣ его имя!» При этомъ увѣреніи, смущеніе *Эрнестины* исчезло; она увидѣла возможность щастія, чистаго какъ она сама, щастія, раждающагося отъ первой любви, и о которомъ такъ часто мечтала. Съ ангельской улыбкой наклонилась она на плечо графини, и цѣлуя её, произнесла имя *Альфонса*, усыновленнаго госпожею *д'Ольбрѣзъ*. Ужасный, дикій крикъ вырвался у графини *Сенъ-Валь*, и она упала безъ чувствъ на постель, на которой уже такъ много спрдала. Она долго оставалась въ этомъ положеніи. Нѣжныя попеченія дочери возвратили её къ жизни и къ прежнимъ мукамъ. «Какъ ты спрдала! Оно здѣсь;» сказала она, прижимая обѣ руки къ холодному какъ лёдъ лбу.

—Ахъ, маменька! что значатъ эти слѣзы. Боже мой! и такъ, я очень виновата. Я, которая бы охотно опдала жизнь, чтобы видѣть тебя щасливою, чтобы получить отъ тебя одну ласку; но рука твоя оппалкиваетъ меня; ахъ! я бы пожертвовала тебѣ всѣмъ, даже, если хочешь, любовію, надеждами, всѣми мечтами о щасіи и будущемъ; я тебѣ всѣмъ пожертвую. Я забуду по чувство, которое въ нѣсколько минутъ могло такъ измѣнить жизнь мою, досель споль пихую и щасливую; ежели я и буду вспоминать о немъ, то для того только, чтобы оплакивать день, въ который я думала, безумная, что можно любить другою любовію, нежели какъ я тебя люблю.—«Что говоришь ты, *Эрнестина*?» и мгновенное выраженіе щастія явилось, какъ небесный лучъ, на лицѣ графини. «О! повтори еще разъ! Какъ! ты можешь забыть этого человека! опказаться отъ него безъ слѣзъ, безъ сожалѣнія, и довольствоваться моею любовію! О, повтори это мнѣ! . . .» И графиня, прижимая дочь къ груди, сильно волнуемой спрастями, раздирающими ея душу, осыпала её ласками, и, казалось, ожила новой жизнію при обѣщаніи, сдѣланномъ *Эрнестиною*, но котораго она не имѣла силъ повторить. Графиня это замѣтила. «Послушай, любезное дитя, ты мо-

жесть бытъ не измѣрила величину жертвы, которую ты хочешь мнѣ принести, и вскорѣ, когда забудешь, какъ я спрадала, ты пожалѣешь, что такъ легкомысленно обязалась.» *Эрнестина* хотѣла остано­вить её. «Я лучше тебя знаю сердце женщины; спроси, вѣр­занныя въ душѣ, долго терзаютъ её. Послу­шай, я хочу тебѣ дать доказательство моей любви; никогда, конечно, ты не получишь подобнаго; придвинь сюда сполікъ и пиши.» И *Эрнестина* придвинула къ лампѣ сполікъ изъ чернаго дерева, опдѣланный перламу­промъ, взяла перо препенущую рукою и посмотре­ла на мать съ безпокойствомъ и удивленіемъ. «Напиши приглашеніе для по­слѣзавпрешняго дня, 17 числа, въ опель *де Сень-Валь*.»—Она оспавалась въ недоумѣніи.— «И подпиши: къ г-ну *Альфону*.»—Какъ, ма­менька, вы хопите дасть вечеръ, когда здо­ровье...— «Пиши; черезъ два дня я буду совершенно здорова, и въ состояніи распоря­жать празникомъ; я хочу, чтобы танцо­вали; хочу насладиться своимъ удоволь­ствиемъ и своею красотою. Желаніе это такъ естественно. Припомъ же, я должна сдѣлать это для тебя, за твои нѣжныя попе­ченія во время болѣзни.—Еще болѣе: теперь время всякихъ веселій. Г-жа *де Сюрвилъ* ввела маскарады въ моду; я хочу дасть маскарадъ. Помнишь ли, ты просила меня объ этомъ прошедшею зимою?»—*Эрнестина* не отвѣча­ла; щетно искала она причину внезапнаго намѣренія матери. Минуту передъ тѣмъ,— опчаліе, слѣзы; а теперь,—приготовленія къ маскараду. Имя *Альфонса*, вмѣшавшись въ это, заставило её подумать, что мать дѣй­ствуетъ подъ вліаніемъ горячки, и она на­чала её уговаривать успокоиться.— «Я спо­койна, милая; никогда, повѣрь мнѣ, мысли мои не были яснѣе; я уже давно готовила тебѣ эту нечаянность; она теперь очень кспани приходитъ. Но тебѣ надобенъ покой; поди спи и довѣрай совершенно своей матери; никогда еще она такъ сильно не доказывала любви къ тебѣ.» Онѣ распались.

Едва только *Эрнестина* успѣла выпши, какъ графиня подошла къ письменному спо­лику, и написала слѣдующее письмо къ г-жѣ *д'Ольбрѣзъ*, споль дрожащею рукою, что едва

можно было разобрать что она писала: «Не­оспорожный другъ! Они любятъ! они лю­бятъ другъ друга. Сей часъ она со слезами мнѣ въ эпомъ призналась. Ахъ! это ужасно, не правда ли? Опдайте это приглашеніе *Альфону*; найдите причину какую нибудь этому приглашенію; пускай онѣ придетъ; я должна видѣть его, говоришь съ нимъ. Я конечно погибну, но я должна спасти её, мою *Эрнестину*, мое щастіе, мое прощеніе на землѣ. Голова моя горитъ...» И взявъ спа­канъ, спряпанный въ споль, она съ жадно­стью его выпила. Черезъ нѣсколько време­ни, слышно было тяжкое дыханіе болѣзнен­наго сна... А въ другой комнаѣ, молодая дѣвушка, на колыняхъ передъ Распятіемъ, произносила имя *Альфонса* въ своей молитвѣ.

И такъ, два дня спустя, въ четвергъ ве­черомъ, танцовали въ Сень-Вальскомъ опелѣ.

II.

—Какъ, ты еще не одѣла?—сказала *Эрнестина*, прелестно улыбаясь, входя въ уборную ма­тери. «Ахъ! какъ ты теперь хороша!» вскри­чала графиня, смотря на дочь съ материн­скою гордостью. «Смотри, *Луиза*, какъ ей это маскарадное платье къ лицу.»—Да-съ, барыш­ня всѣмъ вскружитъ головы.—Это замѣчаніе горничной какъ будто пробудило непріят­ное чувство въ г-жѣ *Сень-Валь*; она послѣш­но застегнула послѣдній браслетъ и увела дочь. Нѣсколько коропкихъ друзей уже со­брались въ залѣ, между прочими и г-жа *де Сюрвилъ*.—Приходите же,—сказала она, подбѣ­гая къ графинѣ: какъ можно такъ долго оп­кладывать для друзей щастіе васъ видѣть; я бы сама взошла въ спальню вашу; но я по­чпи опгадала эту пріятную нечаянность,— прибавила она, глядя граціозною рукою бѣ­лое перо на шляпкѣ *Эрнестины*, которую по­цѣловала въ лобъ.—Какъ!—сказала она попомъ, съ легкимъ оппѣнкомъ неудовольствія, смо­тря сперва на графиню, попомъ на свое пынное платье, покрытое золопомъ, и сдѣ­ланное по модѣ XV сполѣтія: какъ! вы ни­чего мнѣ и не скажете; ни малѣйшаго ком­плементарія; а я однако-же совсѣмъ измучила *Бабана*, чтобы достать эпоть коспомъ.

«Развѣ я васъ просила пакже измучить всѣхъ женщинъ, которыя у меня будутъ, вашею красотою и нарядомъ?»—Ахъ! я спаралась взять васъ въ примѣръ въ эпомъ; вы знаете, что я во всемъ люблю вамъ слѣдовать.—Толпа, ежеминутно увеличиваясь, раздѣлила ихъ.— Прекрасно было видѣть эпихъ женщинъ, въ богатѣйшихъ нарядахъ, спарающихъ блеснуть другъ предъ другомъ роскошью и вкусомъ; какъ онѣ двигаются, суепясь въ эпихъ залахъ, ослѣпляющихъ золотомъ и свѣчами; однако-же *Эрнестина* оставалась равнодушною къ эпому зрѣлищу, споль новому для неѣ, и которое она пакъ желала видѣть. Она сама удивлялась, почему она не чувствовала эпой дѣпской радости, копорую прежде ощущала опъ одной мысли о подобномъ праздникѣ. Но тогда смѣющеся и веселое дѣпъ, она наслаждалась жизнью, свѣпомъ и спрастями его, какъ вещами совершенно для неѣ неопасными; сегодня полъко спала она понимаетъ, что для неѣ пакже, бытъ можетъ, найдутся слѣзы въ жизни, дополъ спокойной. Она чувствовала эпо по упрямому молчанію матери, съ той роковой ночи, когда она открылась въ своей любви; она чувствовала эпо по спраху, еѣ волновавшему, когда графиня, цѣлуя и лаская съ болъшею еще передъ прежнимъ нѣжностію, орошала лицо ея слезами, копорымъ не смѣла спросить причины. Но она любила *Альфонса* всѣми силами юной души; она была пакъ щасплива, когда онъ открылся ей въ чувствованіяхъ, тайно ею опгаданныхъ. Она чувствовала сегодня, по мысли, еѣ занимающей, по смущенію своему, по равнодушію ко всему, что все, что не опносилось къ любви ея, ничего не спомло.— Она спояла, облокотясь на креслы опца и погруженная въ размышленія. Вдругъ явился *Альфонсъ*. Проницательное око могло топчасъ опгадать эпо по выраженію лица *Эрнестины*, еще слишкомъ неопытной, чтобы скрыть свое удовольствіе, видя его. Она даже приблизилась къ нему сама на нѣсколько шаговъ, горя неперпнѣемъ узнавъ все, что пакъ грустно волновало еѣ.

Альфонсово чело не нашло болѣ оппечатка грусти, опсавденнаго долгими спраданія-

ми; радостная улыбка одушевляла его прекрасныя и благородныя черпты, когда онъ подошелъ къ *Эрнестинѣ*.—Вдругъ маска, одѣтая въ розовое домино, показывающая всю прелеспъ граціозной пали, спала между ними, и взяла руку *Альфонса*. «Одно слово,» сказала она шопотомъ. *Альфонсъ* оставался въ недоумѣніи. «Умоляю васъ, не откажите мнѣ,» и она судорожно сжимая его руку, увела его.

Ежели бы *Альфонсъ* имѣлъ понятія о щаспій, совершенно проптивуположныя своимъ, по топчасъ бы принялъ эпо приглашеніе съ радостію, и создалъ бы себѣ цѣлый романъ любви, основываясь на примѣпномъ волненіи и препепѣ прелеспнаго домино, жавшаго его руку, и невольнo увлекающаго его. Но *Альфонсъ* не полъко не подозрѣвалъ любви въ эпихъ спраспныхъ знакахъ; онъ даже пугался эпой сильной воли, копорой щептно хотѣлъ проптивустоять. Онъ чувствовалъ себя споль щаспливымъ своею любовію, любовію *Эрнестины*, что опасался малѣйшаго происшествія, могущаго разспроить его жизнь. Онъ испугался, когда изъ подъ черной бархатной маски, укрывающей черпты ея, два блестяще глаза успремелись на него.

Эрнестина долго спомрѣла имъ вслѣдъ.

Пройдя нѣсколько залъ, маска ввела его въ богатоубранный будуаръ; она заповорила дверь, дала ему знакъ съспъ, а сама упала на креслы, какъ-бы упомленная прежними усилиями, и спаралась оправиться опъ сильнаго волненія. Ему пакже нужно было успокоиться; все ему говорило, что здѣсь скрывается спрашное приключеніе, въ копоромъ самъ онъ долженъ играть важную ролю.— «Наконецъ я имѣю случай видѣть тебѣ безъ свидѣтелей, *Альфонсъ*, и сказать тебѣ, что я тебѣ люблю, тогда какъ ты не увидишь краски на моемъ лицѣ.» *Альфонсъ* хотѣлъ удалиться. «Выслушай меня; я должна рассказать тебѣ цѣлую жизнь; хопя меня уже ищупъ и удивляются моему опсутствію.»

«Дѣвица опличной фамиліи, молодая, прекрасная собою, но бѣдная, пожертвована была гордостью родителей, не спомря на слѣзы и просьбы ея, спарику богатому и въ чинахъ. Съ пѣхъ поръ она не знала щаспій!

Съ одной стороны недовѣрчивость и ревность, съ другой пресупная любовь, которую ни разумъ, ни обязанность не могли преодолѣть, которая увеличивалась отъ безпреспанныхъ подозрѣній и обидъ, тогда, какъ она еще была невинною. Наконецъ... она... сдѣлалась пресупницею, .. и во время послѣднихъ войнъ при Императорѣ, она родила сына, котораго поручила вѣрному и преданному другу. Я не буду стараться уменьшить ея вину, рассказавъ подробно обстоятельство, доведшя ея до безчестія, и показывая тебѣ сердце ея, разбитое горемъ и раскаяніемъ. Все это не можетъ извинить ея въ глазахъ свѣта, и должно оспаться между ею и Богомъ.—Но это еще не все! Не счастье во спо-крапъ большее ожидало ея! Ея сынъ выросъ далеко отъ неѣ; она не получила первыхъ ласкъ его, не упѣшила первыхъ горестей; никогда онъ ей не улыбался, никогда поцѣлуй его не примиряли его съ жизнью. Только украдкой, въ тишинѣ ночной, приходила бѣдная мать любоваться имъ, когда онъ спалъ. Ахъ! *Альфонсъ*, ты бы пожалѣлъ бѣдную женщину, убитую горемъ, приходящую къ спящему ребенку, чшобы обрѣсти подлѣ него успокоение и забытіе. Но, нѣтъ! она проклята Небомъ, пресупная жена! Для неѣ нѣтъ ни спокойствія, ни забытія. Послѣ, когда сынъ ея возмужалъ, когда началась его литературная слава, и имя его произнесено было съ восторгомъ въ публичныхъ собраніяхъ, онъ спѣшилъ дѣлить радость и славу свою, но съ другою, а близъ него, замѣшанная въ толпѣ, мать не смѣла гордиться сыномъ; она принуждена была скрывать радость, такъ какъ скрывала раскаяніе, и только рука друга могла удержатъ ея отъ признанія въ пресупленіи; она хотѣла закричать собравшейся толпѣ: толпѣ, кого вы превозносите—сынъ мой!...» — Ахъ! ради Бога! докончите, — вскричалъ *Альфонсъ*, схватя ея руки... «Эта женщина, обреченная посрамленію, — не уже ли ты не опгадываешь? Эта женщина—я! А сынъ ея, котораго она умоляетъ опрощенія и пощадъ, это ты!» — Вы мать моя! — И *Альфонсъ* поднялъ женщину, упавшую на колѣни.—О, благодарю Всевышняго! я нашелъ мать! — И онъ крѣпко прижималъ къ сердцу

мать, почти лишившуюся чувствъ. «Ахъ, сказала она: все прошедшее исчезаетъ предъ эшимъ мгновеніемъ!» — Маменька! ахъ, позвольте мнѣ повторять это имя; прежде я слышалъ его съ завистью; но съ нынѣшняго дня, я чувствую, что новая жизнь опкрывается для меня. Я привязанъ къ ней священными узами, и ежели не могу гордиться матерью, то по крайней мѣрѣ могу любить, благоговѣя ея, и смѣяться надъ глупыми предразсудками, надъ свѣтомъ, презрѣвшимъ меня, бѣднаго, безыменнаго; мое сердце, горящее любовью, находило вездѣ жалость и презрѣніе. Я также много поспрадалъ. Но, я васъ огорчаю; просните, будемъ только говорить о будущемъ. Я вамъ передалъ всѣ мечты о любви и славѣ.—«О любви!» повторила она съ прудомъ, какъ будто какое нибудь чувство неприятное пробудило ея очаровательнаго сна: «о любви!» — Отъ чего это смущеніе, — сказалъ *Альфонсъ*, примѣпившій перемѣну въ ней при этомъ словѣ: и еще, отъ чего эта маска, закрывающая отъ меня ваши черпы. Ради Бога, маменька! — И онъ хотѣлъ снять ея... «*Альфонсъ*, нѣтъ, не теперь, я, можетъ быть, потомъ должна буду снять ея; но слушай, ничто не скрывается отъ сердца матери: любовь твою я уже знаю. Въ свѣтѣ, я не могла говорить съ тобою, но давно слѣдовала за тобою, и взорами и мыслями, я опкрыла, кого ты любишь. Я все видѣла, все поняла, и тогда рѣшилась спать между вами и сказать тебѣ: она не можетъ быть твоею.» — Чшо вы говорите? — «Я знаю графа; честлюбивый и гордый, онъ желаетъ для дочери блистательную партію. Онъ изъ самолюбія любитъ дочь; холодное сердце его ничѣмъ не пожертвуетъ для ея счастья!» — Какъ, ничего!... — «Ничего, все должно ему покориться; онъ чуждъ семейной любви; онъ отецъ и супругъ только именемъ; *Эрнестина* не въ состояніи убѣдить его, и сдѣлается его жертвою. Послушай, сынъ мой, послушай мою просьбу, первую и единственную просьбу мою. Твоя любовь не можетъ быть еще такъ сильна, что не можешь пожертвовать ею. Уѣзжай отсюда, оставь Францію!» — Какъ! оспавить *Эрнестину* — никогда! — «Такъ ны же-

лаешь ея несчастія? Мой примѣръ не утѣшаетъ ли тебя? Должна ли я повторить о своемъ посрамленіи, чтобы спасти её? Сынъ мой, оставь её, не выдавшись съ нею, слышишь ли! Никогда она не можетъ быть твоею. Ради Бога! избавь меня отъ угрызений совѣсти; ты не знаешь, какъ онѣ ужасны.»

— Кто можетъ разлучить меня съ нею, теперь, когда я увѣренъ въ ея любви? Отецъ ея? Но я сильнѣе его, я чувствую, что любовь моя увеличилась, когда вы мнѣ говорили о Эрнестинѣ. Какъ, оставишь её! скажешь этому ангелу, что я не хочу болѣе ея любви, которую я такъ спарался возбудить; расперзашъ ея сердце? нѣтъ, никогда! Развѣ вы не знаете, какъ я её люблю? . . . — «А ежели я эшаго попребую?» — Она произнесла эти слова глухимъ голосомъ, прерывающимся отъ рыданій. — Вы эшаго попребуете! нѣтъ! вы не захотите сдѣлать меня несчастнымъ на цѣлую жизнь. Захотите ли вы эшаго? — — Вмѣсто отвѣта, графиня сорвала свою маску, и упала въ креслы безъ чувствъ и какъ бы испугавшись самой себя. — Ужасно! — вскричалъ Альфонсъ! Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ.

.

«Мученія совѣсти, мое посрамленіе, и сегодняшній случай, сказала наконецъ графиня, вскорѣ доведутъ меня до гроба. Я не о себѣ прошу; я чувствую,» продолжала она, приложивъ руку къ сердцу: «что здѣсь все кончилось; но умоляю тебя о дочери, о моей Эрнестинѣ. Не заславъ её проклиная мать. Избавь меня отъ слѣзъ, отъ горести ея при послѣднихъ минутокъ жизни. Не сказывай ей — о моемъ преступленіи; пусть она молился обо мнѣ! Помилованія прошу я! Богъ свидѣтель, что она, а не свѣтъ, остановила мои порывы нѣжности къ тебѣ; безъ неё, кто могъ бы помѣшать мнѣ называть тебя сыномъ? Но дочь моя! Краснѣть передъ дочерью? Прости меня, сжался надо мною.» — И графиня бросилась къ ногамъ Альфонса, коего блѣдныя и пренепающія уста щепотно силились произнести слова. Вдругъ дверь отворилась, вошла Эрнестина. — Графиня поспѣшно вспала, по-

бѣжала къ ней, прижала её къ сердцу, приспально смотря на Альфонса: «Вы, или я!» сказала она. — Я васъ обманулъ, — сказалъ Альфонсъ, подходя къ Эрнестинѣ: я женатъ! — Онъ сжалъ руку графини такъ сильно, что знакъ пальцевъ надолго оспался на ней: «И для меня также все кончено!» — Тогда слѣзы графини попекли на лицо дочери, копная, при первыхъ словахъ Альфонса, упала безъ чувствъ на руки маперы.

Опдаленные звуки оркестра прервали эту пищину опчаянія.

Нѣсколько времени спустя, въ Парижскихъ обществыхъ разговаривали только о посприженіи графини Сень-Валь и дочери ея въ монастырь Abbaye aux Vots.

Наканунъ эшаго дня, простой гробъ былъ вынесенъ изъ опеля д'Ольбрёзъ, и положенъ, одинокій, на кладбищѣ опца Лашеза.

Пер. Аркадій Милославскій.

ПРОБА ЛАТЬ.

Наполеонъ, будучи безпрестанно окруженъ пайными убійцами, придумалъ носить подъ мундиромъ лапы. Художникъ, которому онъ были заказаны, принесъ ихъ къ Императору Французовъ и пребовалъ 18,000 франковъ за работу. «Согласенъ опдашь тебѣ эту сумму вдвое, если ты выдержишь пробу. Надѣвай сей часъ лапы — и спановись въ позицію.» — Наполеонъ снялъ со спѣху два заряженные пулями пистолема — и баць, не говоря ни слова, въ пяти шагахъ въ художника; потомъ оборотилъ его спиною и выстрѣлилъ въ другой разъ. Обѣ пули, сплюснувшись, отскочили и упали на паркетъ. Этой пытки показалось ему мало: онъ выхватилъ ружьё у часоваго и, опспуя шаговъ на 30, выстрѣлилъ въ третій разъ въ полумёртваго мастера. Лапы выдержали и эшопъ жестокой оппытъ. Тогда Императоръ поблагодарилъ его — и велѣлъ выдать ему изъ казны 36,000 франковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ТРИ ВОЗРАСТА ЖИЗНИ.

Подражаніе Арабскому.

Жизнь человѣческая подобна лѣшницѣ ;
отъ самаго рожденія нашего, начинаемъ
мы поспешенно сходить внизъ, и на-
конецъ—могила полагаетъ предѣлъ наше-
му земному существованію.

Сади Гулистанъ.

I.

Видали-ль вы, какъ мопылѣкъ игривый,
Въ тѣни садовъ, средь сладосныхъ опрадъ,
Порхаешь по цвѣпамъ, свободный и щасливый,
Лобзаешь ихъ и пьешь ихъ ароматъ?

Младенчество наше
Сходно во всемъ
Съ симъ мопылькомъ!
Полною чашей
Радости пьемъ,
Скачемъ, рѣвнися
Въ волѣ злашой
И веселимся
Чиспой душой!...

II.

Видали-ль вы, какъ водопадъ нагорный
Капиль спруи съ вершины дикихъ скалъ
И на пуши дробиль граниль упорный,
И пѣнился его гремучій валъ?

Въ бурь разгульной
И безъ заботъ,
Въ радости шумной,
Весело, буйно
Юность печешь!.....

III.

Слыхали-ль вы, какъ, скорбью вдохновенный,
Унылый лебедь, средь зыбей,
Предчувствуя конецъ, поетъ уединенно
Протекшее блаженство юныхъ дней?

Такъ, о друзья!
Старость съдая
Есть роковая
Лебедя пѣснь!....

Генварь, 1835.

Θ. Менцовъ.

Ш А Р А Д А.

Мой *первый* слогъ—вода,
Простой воды теплѣй и жиже.
Найдете въ банѣ вы его всегда,
Но онъ задушилъ васъ, садитесь ниже.
Второй мой слогъ, не слогъ, а липера одна:
Она
Для изьявленья
Воспорга или удивленья
Въ употребенъе введена.
Конечный слогъ весь вѣкъ живетъ въ походѣ,
И безъ него корабль не поплывѣтъ,
И пѣшеходъ
Вперѣдъ
Ни шагу не уйдѣтъ.
Мой *цѣлый* по водѣ плывѣтъ,
Безъ бичевы, безъ парусовъ, безъ весель,
Какъ лебедь величавъ, рѣшипелень и весель.

С H A R A D E.

Lorsqu'on a vu passer trois jeudis de carême,
On voit avec plaisir arriver mon premier.
Invité pour un bal, près de celle qu'on aime,
On voit avec bonheur s'écouler mon dernier.
Mais dans un vieux château, de gothique structure,
Lorsqu'on va se coucher, seul et loin du portier,
Qui d'un fantôme-blanc a conté l'aventure,
On voit avec frayeur arriver mon entier.

Въ No 44-мъ, помѣщенная шарада значить: *Вулор.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 47.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюня 12 дня 1835 года.

Вошь голова у насъ, какой въ Россіи нѣту;
Не надо называть, узнаешь по поршрешу:
Ночной разбойникъ, дуэлишь,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся Алеушомъ,
И крѣпко на руку нечиспъ;
Да умный человекъ не можешь быть не плушомъ.

Грибодова.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОФЕССОРЪ.

(Продолженіе.)

Тупъ вошелъ, весьма робко, бѣлокурый юноша. По вѣжливому, безмолвному приглашенію Профессора, сѣлъ онъ насупротивъ его. Ученый долго смотрѣлъ на него, а потомъ спросилъ очень сухо: «что вамъ угодно опъ меня, молодой человекъ?»

—Я пришелъ, — отвѣчалъ сей, запинаясь: чшобы вывести себя изъ запруднительнаго положенія, въ которомъ я нахожусь, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Спыдъ, котораго я не могъ избѣжать, мучилъ и унижалъ меня въ собственныхъ глазахъ моихъ. Я хочу опъ него избавиться. —

«Какъ же вы думаете къ этому прислушпшь?» спросилъ ученый.

—Съ вами разсѣпьясь! — сказалъ *Адрианъ*. —Потому-то, какъ скоро увидѣлъ я, что вы въѣзжаете въ городъ, пошелъ, не безъ горести, проститься съ вами. —

«Очень этому радъ;» отвѣчалъ Профессоръ: «иначе, завтра поупру самъ попросилъ бы васъ къ себѣ. Не сочтите съ моей спороны грубоспью, господинъ коллабораторъ, если я вамъ скажу, что вы не въ состояніи занимать по мѣсто, на которое вызвались. Вы сами, кажется, должны были съ этимъ согласны.»

—Позвольте мнѣ, — сказалъ съ жаромъ молодой человекъ: объяснитесь съ вами и сдѣлапья собственнымъ своимъ обвинителемъ. Тѣмъ скорѣе кончился разговоръ, которъй, какъ вы сами видите, меня унижаетъ. Я не думалъ, — говоря совершенно опкровенно, — чшобъ въ здѣшнемъ училищѣ дѣлали такія спрогія пребыванія на ученость; я воображалъ, что здѣсь точно поже, что во многихъ другихъ мѣстахъ, по еспъ, все дѣлается только для виду. Я провелъ безъ пользы свои университетскіе годы; занимался болѣе философіею и изящными искусствами, согласно съ моею склонностью. Училища мои въ юности были сами ученики *Базедова*, и по

ихъ, такъ называемому филантропическому воспитанію, привыкъ я, еще въ ребяческѣхъ, занимаюсь праздноствіемъ, какъ бы дѣломъ. Такимъ образомъ думалъ я, что здѣсь доста-точно будетъ небольшихъ свѣдѣній въ эспе-рикѣ; что буду учить Нѣмецкому слогу, можетъ быть исторіи, и объяснять легкихъ Латинскихъ и Греческихъ писателей. Я на-дѣялся также самъ подвинуться далѣе въ наукахъ, и тѣмъ обезпечить себя въ содер-жаніи на всю жизнь. Но я увидѣлъ, что въ первыхъ классахъ, въ которыхъ надобно мнѣ учить, ученики свѣдущѣ меня, и что я никакъ не могу соотвѣтствовать тѣмъ ви-дамъ, какіе вамъ угодно было на меня имѣть. —

«Спало бытъ мы оба не поняли другъ друга!» сказалъ Профессоръ.

— Да, къ сожалѣнію! — отвѣчалъ *Адрианъ*, и хотѣлъ уйти.

«Пожалуйте, останьтесь на минуточку!» продолжалъ ученый. — «Нашъ конректоръ, че-ловѣкъ превосходный, какъ вы знаете, дол-женъ былъ по болѣзни оставить на при-года училище; онъ поѣхалъ въ Испанію съ тѣмъ, чтобы и время леченія своего упо-требить на что нибудь полезное для своей уче-ности. Субректоръ долженъ занять его мѣ-сто, а вы поступили бы на мѣсто субректо-ра. Да, я такъ думалъ, считая, что когда больной возвратится, или еще и ранѣе, пе-редамъ я занимаемое мною мѣсто директо-ра кому нибудь другому, а вы непременно останетесь у насъ. Вышло совсѣмъ иначе: вы теперь добровольно насъ оставляете, а другой лабораторъ, котораго я самъ эк-заменовалъ въ столицѣ, пріѣдетъ сюда послѣ завтра.»

— Да, я удаляюсь, г. Профессоръ, — сказала юноша, вставая и кланяясь: «хотя не безъ стыда, но по крайней мѣрѣ довольный самимъ собою: ибо я самъ увидѣлъ и призналъ свою неспособность. —

«Куда же?» вскричалъ неперпѣливо уче-ный: «дайте мнѣ кончить!»

— Что вамъ угодно еще приказать мнѣ? — спросилъ *Адрианъ*, смущаясь и нѣсколько оби-дясь.

«Рекомендапельное о васъ письмо,» про-должалъ Профессоръ опять очень спокойно: «было изъ числа пѣхъ, какія обыкновенно пишутся, когда не хотѣя показывать ни слиш-комъ сильнаго, ни слишкомъ слабаго хода-тайства. Я поразмыслилъ объ эпомъ уже тогда, какъ было поздно; мнѣ бы должно бы-ло самому проэкзаменовать васъ.»

— А такъ какъ эпога не случилось — ска-залъ *Адрианъ* съ величайшею неперпѣливо-стію: по позвольте мнѣ. . . —

«Да потерпите хотя немного, молодой че-ловѣкъ!» вскричалъ ученый: «у васъ вѣрно болѣе свободнаго времени, чѣмъ у меня, а простое изложеніе еще не означаетъ конца дѣлу.»

— Что-жь еще? — прервалъ *Адрианъ*.

«Давъ слово, держись,» сказалъ Профессоръ: «а не давъ, крѣпись! Вы ничего не обѣщали мнѣ, и потому вы правы, но я долженъ сдер-жать свое обѣщаніе, потому что могу; да если-бъ я былъ и бѣденъ, по скорѣе бы при-бѣгнулъ къ самымъ опчаяннымъ средствамъ, чѣмъ измѣнилъ бы своему слову. Васъ хва-лятъ; вы содержите мать и сестру; вы отказались отъ учительскаго мѣста въ ча-стномъ домѣ, а я обѣщалъ вамъ давать жало-ванье въ печеніи прехъ лѣтъ по пяти сотъ палеровъ. Вотъ, извольте взять (ступъ вы-двинулъ онъ ящикъ) за первый годъ; за вто-рой и претій вы вѣрно получите, хотя-бъ я между тѣмъ и умеръ; новый коллабора-торъ будетъ получать свое жалованье изъ училищной кассы, а вы изъ моей.»

Адрианъ долго смотрѣлъ на него, и не могъ выговорить ни слова; наконецъ слѣзы брыз-нули изъ глазъ его.

— Благородный человѣкъ! — вскричалъ онъ: какъ мнѣ возблагодарить васъ? —

«Вамъ не за что меня благодарить;» от-вѣчалъ Профессоръ: «я уже сказалъ: давъ слово, держись! Но знаете ли, что предпа-вляется мнѣ, когда я смотрю на умное лицо ваше? И какой благодарности желалъ бы я? Той, чтобы эти годы употребили вы на свое усовершенствованіе въ наукахъ и по-помъ все таки заняли мѣсто, которое я вамъ назначилъ.»

—О, будьте увѣрены!—вскричалъ *Адрианъ*, и въ сердечномъ умиленіи хопѣлъ поцѣловать руку Профессора, но сей, не допусая, обнялъ его искренно и сказалъ: «Я исполню долгъ свой, но поучитесь прилежнѣе, и мы будемъ друзьями!»

Тутъ молодой человекъ удалился съ живѣйшимъ чувствомъ благодарности.

Докторъ, будучи другомъ дома и въ семействѣ совѣтника, поспушилъ весьма благо разумно. Сперва намекнулъ онъ только о возможности уладить свадьбку, давъ знать впрочемъ, что дѣлаешь это безъ вѣдома Профессора. Когда же отецъ почти не могъ скрыть своей радости отъ надежды на богатаго зятя, а дочка *Антуанета* поже не хопѣла отвергнуть вдругъ предложенія, тогда докторъ пустился далѣе въ сватовство, и послѣ многихъ разсужденій, соображеній, совѣщаній и переговоровъ, въ теченіи нѣсколькихъ дней, положили наконецъ не дѣлать изъ того уже пайны, а передать ко всеобщему свѣдѣнію.

Сказали и Профессору о приближающемся благополучіи и перемѣнѣ рода его жизни. Онъ самъ не зналъ, радовался ли тому или печалился, и сколько ни ободрялъ его докторъ, онъ не могъ преодолѣть поски, которая имъ овладѣла.

Наконецъ рѣшился онъ сказать обоимъ поварищамъ прежняго житія своего, *Вернеру* и *Гертрудѣ*, что предстоитъ важная перемѣна въ домашнемъ быту ихъ и что черезъ нѣсколько недѣль будутъ они имѣть надъ собою госпожу. И тотъ и другая не вѣрили сначала ушамъ своимъ. Привыкши къ уединенной жизни, какую сподъ долгое время вели они вмѣстѣ съ бариномъ своимъ, не знали они, что подумать, поглядывали по другъ на друга, по на Профессора; попомъ вида, что сей приходилъ въ бѣднѣе и бѣднѣе замѣшательство, ушли въ задніе покои съ поникшими головами.

«Пощупай, *Гертруда*, мой пудъсь, не въ горячкѣ ли я?» сказалъ приунывшій *Вернеръ*: «Вопъ тебѣ на, какая буря собралась надъ нашими головами! И пихая жизнь и щаспье

наше, прошли какъ сонъ! Да я скорѣ бы повѣрилъ, что небо обрушится и что весь городъ провалится сквозь землю, нежели случится что либо подобное.»

— Не знаешь, плакать или смѣяться? — примолвила *Гертруда*: какъ подумаешь, такъ и спрашно, и смѣшно! —

«Придется лопнуть съ досады!» вскричалъ *Вернеръ*: «схопя я, живучи семнадцать лѣтъ съ господиномъ, совсѣмъ разучился досадовать и браниться, но шупъ, чорпъ возьми! шупъ и самага Ангела заберепъ за живое. Эдакая дрянъ! поспрѣлъ — провалъ; — нѣпъ, вопъ видишь ты, и брань ужъ съ языка нейдетъ. Какъ! проживъ сполько лѣтъ въ пинѣ и спокойствіи, извольте думать! берѣпъ за себя спаршую, самую лихую изъ дочерей! Теперь все спанепъ вверхъ дномъ! Не одобровать и этой лѣсенкѣ, которую мы такъ холили, что ходили по ней почти безъ обуви и чупъ не на колѣнахъ. Теперь будутъ по ней шмыгать не по нашему и обопрутъ скоро! То-по будутъ кушерма! И наши пихія кельи, во что онѣ обрапятся! Бѣда, да и только! Когда вступалъ я въ службу, долженъ былъ оставить свою флейту, не смѣлъ и свиспать, въ чемъ, говоря правду, былъ я наспоющій виршуозъ, и по большой моей спраспи къ музыкѣ, едва лишь позволили мнѣ играть на ворганѣ, отъ чего испортилъ я всѣ передніе свои зубы.»

— Однако ты славно играешь на этомъ маленькомъ инструменпѣ,—сказала лѣспиво *Гертруда*.—Вопъ пеперь пойдупъ у насъ спрѣпать, варипъ, жарипъ; а я сполько времени не принималась ни за верпѣло, ни за сковороду: прежде была я славная спряпуха; но легко ли—сколько лѣтъ, ни до чего не допрогивалась; все забыла. Здѣсь и кофе не всегда позволялось сварипъ, для себя и для господина! —

«Да не ряхнулся ли въ самомъ дѣлѣ нашъ баринъ?» замѣнилъ опять *Вернеръ*. «Мудрено ли? Чипаетъ, да чипаетъ, и все покупаетъ еще новыя книги,—книги, въ которыхъ я не понимаю ни словечка.»

— Нѣпъ! нѣпъ! — вскричала запальчиво *Гертруда*: это все докторъ умничаепъ!

Это его дѣло! Другихъ больныхъ, когда господя лекаря не знаютъ, что съ ними дѣлать, посылаютъ на воды, чтобъ они шамъ издохли, а нашему не могъ выдумать умникъ другой удавки, кромѣ женишбы. —

«Спранное леченіе въ самомъ дѣлѣ!» сказалъ *Вернеръ*. «Но ужь если такъ, если не находить онъ чѣмъ другимъ помочь больному, то можно бы и для эшаго употребить домашнее средство, то есть себя, милая *Гертруда*.»

— Э, поди! — воскликнула приспыженная ключница: я ужь спара, чтобъ итти за мужъ. Нѣтъ, ужь если нельзя ему было миновать эшихъ клещей, такъ во сто крапъ лучше бы годилась на то миленькая, смиренная *Ленокка*, въ шой же семьѣ, нежели эша надушая рожица. Она бы носила его на рукахъ со всѣми его глупостями, потому что у ней въ спрашномъ уваженіи его ученая премудрость, и бѣдняжка вѣрно бы съ нимъ благоденствовала. —

«Этому не должно было бытъ;» ворчалъ въ досадъ *Вернеръ*: «ничего разумнаго никогда не случается въ свѣтѣ. Потому-то видно люди такъ и величаютъ умъ, что онъ для всякаго въ диковинку. А если бѣ умниковъ видали каждый день, такъ послѣ и смотрѣтъ бы на нихъ не захопѣли. Ахъ, Боже мой, Боже! я говорю ревомъ ревѣтъ съ горя! Послушай, добрая *Гертруда*, вопѣ увидишь, что я сдѣлаю съ опчальнѣя;—да, да! я сдѣлаю то, что самъ баринъ выпаращитъ глаза и весь городъ подивится. У меня пропало все Христіанское терпѣніе!»

—Боже мой! что такое!—сказала заботливо *Гертруда*: ужь не на себя ли ты хочешь поднять руки? Избави Богъ! Жить все таки лучше. Какъ нибудь промыкаемъ горе. —

«Нѣтъ!» закричалъ въ сердцахъ *Вернеръ*: «помоги мнѣ и ты, *Гертруда*! Мы съ нимъ поквищаемся. Вишь и ты сердита—а?»

— Да, не безъ того. — сказала она.

«Ну!» продолжалъ *Вернеръ*: «такъ покажемъ, что и мы умѣемъ дѣйствовать: по рукамъ!»

—Только не на смерть!—лепепала со вздохомъ *Гертруда*.—На все другое, пожалуй!—

«На смерть?» воскликнулъ разсерженный камердинеръ: «напропивъ! обвѣнчаемся, дорогая моя, чтобъ у насъ были дѣти и чтобъ они хорошенько прокричали ему уши!»

Ключница попяпилась назадъ и краска выступила на ея блѣдномъ лицѣ.—Милый мой *Вернеръ*!—сказала приспыженная ключница: если-бѣ на то была воля Божія, то намъ должно было нѣсколько лѣтъ назадъ это сдѣлать. —

«Правда,» отвѣчалъ пошъ: «да мнѣ до сихъ поръ не приходило въ голову. Развѣ я кажусь тебѣ слишкомъ спаръ, гадокъ, пьянъ, распушенъ?»

—Напропивъ, дружокъ мой, ничего тако-го;—возразила она спыдливо и умильно: но.... —

«Такъ ни слова-жь!» вскричалъ *Вернеръ*. «Съ каждымъ годомъ находилъ я себя любезнѣе. Что мнѣ до молодости! Не могу перпѣтъ эту несносную, рѣзвую молодежь. Къ тому-жь молодость слишкомъ переходчива, а умъ, хорошее поведеніе, кротость, любезность возрастаютъ съ годами, и это я замѣпилъ именно по тебѣ. Потому-то и кажется мнѣ, что теперъ намъ наспоящая пора объясняться въ любви.»

— О, ты добрый, милый дружокъ мой! — воскликнула *Гертруда*: ну, если ты всегда такъ думаешь будешь, то я со всею охотою отдаюсь тебѣ, и на всю жизнь обвѣчаю любовь, вѣрность; по глазамъ буду узнавать всѣ твои желанія. —

«Знаешь ли?» сказалъ разнѣжась *Вернеръ*: «на кого ты теперъ похожа? Тамъ въ гостиной виситъ портретъ прекрасной Голландки. Онъ, правда, былъ окунутъ въ воду, попорченъ, и попомъ, кажется, немножко неоспорожно поскребли его, такъ, что краски мѣстами опали и поблекли. Но головой ручаюсь, что портретъ не былъ прежде такъ хорошъ, какъ теперъ. Такъ онъ нѣженъ, такъ прогашеленъ, что я не могу наглядѣться. Или вопѣ еще, въ красной комнатѣ, та больная женщина, которая

сидитъ въ креслахъ и докторъ подлѣ ней смотритъ на спящую? Помнишь её? Она писана какимъ-то *Негеромъ*. Когда ты наденешь шелковое платье, должна почть въ почть походить на неё.»

— Какой проказникъ! — сказала *Гертруда*: Вить эта женщина-та нарисована беременною. —

«Чтожь!» вскричалъ *Вернеръ*: «придетъ пора! По рукамъ же! Дай мнѣ въ первый разъ поцѣловать себя!»

Они обнялись очень нѣжно. Союзъ былъ заключенъ, и господинъ, которому вскорѣ о помѣ доложили, не опказалъ въ согласіи честнымъ, испытаннымъ своимъ слугамъ. Такимъ образомъ весь домъ приведенъ въ движеніе. Сполъ внезапныя, неожиданныя происшествія, чрезвычайно распривожили умы и сердца. Глубоко поражены были Профессоръ, совѣтникъ и его дочери, а особливо *Антуанета* и *Елена*. *Вернеръ* и *Гертруда*, конечно съ большимъ спокойствіемъ духа, дѣлали всѣ нужныя приготовленія, и докторъ очень радовался, что планъ его удался и что наконецъ, какъ онъ думалъ, положено основаніе счастью его друга.

Чего не мечтала *Антуанета* о своей будущности! Различные планы вертѣлись у ней въ головѣ, и не бездѣльные. Она запыла переселилась, какъ можно скорѣе, въ столицу. Тамъ думала она участвовать во всѣхъ шумныхъ, упоительныхъ публичныхъ увеселеніяхъ. Разумѣлся, что экипажи, разнообразная услуга, большой домъ, сами собою представлялись необходимыми для такихъ желаній. Напрошивъ, сестрѣ ея *Женни* хотѣлось непременно уговорить её купить помѣстье въ какомъ нибудь романтическомъ краю и тамъ блистать высокородною дамою. Отецъ склонялся также къ этой мысли, но мать поддерживала намѣреніе самой *Антуанеты*. О женихѣ, о его должностяхъ и занятіяхъ, о книгахъ его и привычкахъ почти никто и не думалъ. Всѣ были согласнаго мнѣнія, что онъ, человекъ простой, не молодой, не знающій свѣта и жившій до сихъ поръ почти какъ улитка въ своей раковинѣ, легко долженъ поддаваться руководству моло-

дой, живой и разумной супруги; что онъ долженъ даже всю жизнь посвящать на угожденіе женѣ, которая для него опказалась опъ великихъ, блистательныхъ своихъ видовъ.

Совсѣмъ другаго рода дѣйствіе произвела въспъ о предвощей переменѣ на *Елену*. Она была очень огорчена и сама дѣлала себѣ за то упреки. Если уже вздумалъ Профессоръ искасть въ супружествѣ счастья своей жизни, то никого, кромѣ её, какъ ей казалось, не могъ онъ выбрать себѣ въ подруги жизни. Но ей опять приходило на мысль, что онъ не знаетъ её, и она охотно его извиняла. Теперь только узнала она, и это было ей всего горестнѣе, что давно уже опзывавшееся сильное чувство въ груди ея было ничто иное, какъ любовь. Какое бы счастье доставилъ ей выборъ его, и какъ, напрошивъ, ничего не потеряла *Антуанета*, если-бъ могъ произойти обмѣнъ! Въ уединенные часы безъ сна проводимыхъ ночей проливала она горькія слѣзы и опъ души сердилась на премудраго доктора, который, со всею доброю волею, вовлекалъ въ несчастіе своего друга. Всякой разъ, когда случилось ей въ своей семьѣ слышать насмѣшливые предположенія, она чувствовала себя дурно: все это какъ бы уничижало её. Прошиворѣчивъ, совѣтовать, она не могла и не хотѣла; и такъ, лучше спаралась еще болѣе отдаляться опъ родныхъ своихъ, и если бы кто вздумалъ попристальнѣе наблюдать за нею: то легко бы замѣнилъ, что она спрадаетъ и больна.

«Такъ вопъ тѣ мучительныя чувства;» разсуждала она однажды ночью сама съ собою: «опъ которыхъ родится и возрастаетъ раздражительность, опчужденіе опъ людей, рѣзкій, отвращительный тонъ, брюзгливость, которыми упрекаютъ дѣвицъ, безбрачно опцвѣтающихъ. И въ самомъ дѣлѣ, тяжело видѣть себя униженною, презрѣнною, и это безпрерывно, и такими людьми, которые ни чѣмъ насъ не лучше: тогда-то глазъ начинается всматриваться и распознавать почтѣ слабости тѣхъ людей, а по-

помъ и всѣхъ вообще, и въ такомъ близкомъ изслѣдованіи часпо случается, что доброе въ человѣкѣ относитъ къ его недоспакамъ, потому, что когда глазъ слишкомъ близко къ предмету: то перспектива поперяна и онъ ничего не различаетъ. И горе тому сердцу, которое насыщается и думаетъ довольствоваться ненавистью и презрѣніемъ: эта жалкая пища скоро производитъ въ насъ отвращеніе къ самимъ себѣ. Но нѣтъ, со мною этого не случится. Пусть оппалкиваютъ меня отъ себя люди; я все буду любить ихъ. Не должно же мнѣ перзаться и быть больной; я предчувствую, что *Антуанета* и Профессоръ будутъ имѣть нужду въ моей помощи. Да, я удовлетворю свою любовь, беспрестанно предохраняя и упѣшая его, оппалая отъ него всѣ заботы и непріятности. И долженъ ли наконецъ узнать онъ о моихъ къ нему чувствахъ? Ахъ, во взаимной довѣренности какъ много прекраснаго!»

Упѣшаясь такимъ образомъ и почитая себя успокоенною, предалась она крѣпкому, сладкому сну, а на другой день встала уже съ большими силами и веселѣе. Въ сей-то день и назначена была формальная помолвка сестры ея.

Между тѣмъ ученый не выходилъ изъ смущенія и безпокойства, и не могъ безъ ужаса представить себѣ той минуты, когда долженъ явиться женихомъ въ семьѣ, совершенно ему незнакомой. Хотя другъ его докторъ и уладилъ все прежде, но нельзя же было обойтись ему, какъ жениху, безъ того, чтобы не припши самому и не объясниться лично съ невѣстою. Призвавъ бриллианщика, онъ взялъ у него обручальныя кольца и нѣсколько прекрасныхъ подарковъ для невѣсты. «Теперь ты совсѣмъ готовъ;» сказалъ докторъ, обнимая его: «я пойду домой и явлюсь уже къ обѣду къ будущей твоей роднѣ. Не хочу своимъ присутствіемъ еще болѣе смущать тебя. Знаешь ли ты, что у хозяевъ твоихъ давно введенъ прекрасный обычай: дочери поочередно должны присматривать за кухнею? Въ нынѣшнюю недѣлю очередь старшей, твоей *Антуан-*

еты; представъ же себѣ, какъ это хорошо и кспати: ты узнаешь вкусъ ея и сдѣлаешь свои замѣчанія, каково будетъ хозяйничать твоя нарѣченная. Только, пожалуй, гледи веселѣе и не популяй такъ разумной головы своей!» Тутъ докторъ вышелъ, а Профессоръ остался одинъ въ размышленіи.

Внизу все было прибрано и убрано, вычищено и украшено, цвѣты разставлены на окнахъ и на столахъ; отецъ, мать и дочери въ хлопотахъ и безпокойномъ ожиданіи. Только *Елена* была пиха и задумчива, какъ ни старалась развлечь себя. «Послушай, *Ленокка!*» сказала мать: «*Антуанета* уже причесалась и нарядилась въ новенькое платьицѣ, а ты еще ходишь въ буднишномъ, такъ послужи ты сегодня за сестру: посмотри за спряпей, а къ десерту можешь сама принарядиться и къ намъ выпши.»

Елена пошла, не сказавъ ни слова, и очень обрадованная тѣмъ, что по крайней мѣрѣ не будетъ присутствовать при появленіи жениха и при первыхъ его объясненіяхъ. Между тѣмъ, какъ у всѣхъ билось сердце въ ожиданіи торжественной минуты, сходилъ уже съ лѣстницы и Профессоръ — тихо и осторожно, съ замирающимъ сердцемъ и, какъ будто изнеможенный, опираясь на перилы. И сама *Елена*, всходя по той же лѣстницѣ, не была такъ встревожена, какъ онъ: ибо онъ чувствовалъ, что наступаетъ важнѣйшій часъ его жизни. Подойдя къ дверямъ и занеся руку, чтобы позвонить, онъ вдругъ оппалнулся назадъ: голова пошла у него кругомъ, и точно будто бы кто нибудь спялъ сзади и съ усиленіемъ удерживалъ его руку. Ему вздумалось, и почти необходимо было, подышать чистымъ воздухомъ, чтобы сколько нибудь оправиться отъ попрысенія, проникшаго въ его члены. Вышедъ на широкій дворъ, прислонился онъ къ старому орѣховому дереву, и съ минутою пробылъ, смотря на голубое, безоблачное небо. Вѣніе древесныхъ листьевъ освѣжило его. Смѣясь надъ своею робостію, пошелъ онъ обратно въ домъ уже гораздо бодрѣе. Надобно было проходить мимо кухни; запахъ кушанья и стукъ посуды привлекъ его вниманіе. Тутъ пришло ему въ голову, что

нынче невѣста его управляетъ кухнею, и, какъ будто по вдохновенію, смѣло опворяетъ онъ дверь, въ надеждѣ найсти еѣ безъ родителей и безъ докучныхъ свидѣтелей, и свободнѣе поговорить съ нею. *Елена* испугалась, опширгнула отъ очага, и вспыхнувъ въ лицѣ, бросилась къ нему на встрѣчу. Профессоръ посмошрѣлъ на неѣ и улыбнулся очень умильно, потому что она, въ простенькомъ платьицѣ, съ передничкомъ, и съ милымъ, ласковымъ личикомъ, показала ему самымъ прелестнымъ существомъ. «Вѣдь вы дочь г. совѣтника?» спросилъ онъ съ душевнымъ движеніемъ, подавая ей руку.—Такъ почно!— отвѣчала *Елена*, и сдѣлала прищипную уклонку. «Такъ позволите вамъ подарить, моя милая, это кольцо, которое должно навсегда соединить насъ.» Еще отвѣтъ не слетѣлъ съ успѣ *Елены*, какъ она почувствовала кольцо на рукѣ своей. Робкая, она и словъ не находила для отвѣта; слезы ручьемъ полились изъ глазъ ея; сердце сильно забилось; ей должно было опересться на возлюбленнаго, чтобъ не упастъ передъ нимъ на колѣна. Склонясь на грудь его, она прижала къ устамъ его руку, омоча еѣ горячими слезами. «Боже мой!» сказалъ Профессоръ въ испугѣ: «не губишь ли васъ кольцо мое?»—Ахъ, нѣтъ! я слишкомъ щаслива!— прошептала *Елена*, и снова недоспало у неѣ словъ продолжать. «Такъ поцѣлуйте меня въ залогъ пого!» воскликнулъ Профессоръ, и обнявъ еѣ, прижалъ къ груди, и отъ души поцѣловалъ. Тутъ вошли горничныя, кухарка и слуги, но ихъ присупствіе и удивленные лица не смущили его. Онъ смѣло пошелъ черезъ сѣни, не спучась опперъ дверь въ комнашы—и съ веселымъ лицемъ явился въ гостиной.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЯ.

На голосъ: за горами за долами.

Дружно брашцы! въ круговую!

Жизнь вспоминаемъ боевую,
Какъ гуляли мы! 2.

Вспомнимъ, какъ незваны госпи
Въ знакъ побѣдъ, здѣсь клали кости
На чужихъ поляхъ! 2.

Какъ ни спужа, ни мятели
Зазнобиль насъ не посмѣли:
Такъ кипѣли мы! 2.

Вспомнимъ мы гульбу-приволе,
Молодецкое раздолье—
Бородинской бой! 2.

И какъ дѣдушка *Кутузовъ*,
Заманивъ къ Москвѣ Французовъ,
Въ путь ихъ снарядилъ. 2.

Еще слышны, други-хвашы!
Соловьиные расказы
Нашихъ батарей. 2.

Мы по свойски разыгрались,
Ни на шагъ не поддавались;
Вспрѣшилъ насъ Парижъ! 2.

Видѣлъ свѣтъ, какъ мы родную,
Провославную, свяшую
Отстояли Русъ. 2.

И по старому примѣру,
За Царя, опчизну, вѣру—
Кто сильнѣе насъ? 2.

Ахъ, давно-ль у Арараша
Мы дрались, какъ брашъ за браша,
Русской одолѣлъ! 2.

Не спрашася силы Ханской,
Прямо къ Шаху—*Эриванской*
Насъ на пиръ привѣлъ! 2.

Съ нимъ пруды—война—веселье,
Съ нимъ на наше руководѣе
Весь дивился свѣтъ. 2.

Иль забышь, черезъ Балканы
Какъ шагнули великаны—
Дибичъ впереди! 2.

И какъ буйную Варшаву
За крамольную управу
Разгромили мы! 2.

Смогли. Вся лишь прошенпали:
«Русь давно мы испытали—
Спрашень съ нею спорь!» 2.

Ахъ, не весело ли, хвапы
Други, славные солдапы,
Русской шпыкъ носипь.
Павелъ Хотялицовъ.

19 Марша 1855.

О М О Н И М Ъ.

Роспу зелёный, на свободъ,
Въ поляхъ и огородъ,
И людямъ пищею служу.
Въ рукахъ Башкирь я смертню грожу;
Оружје я Купидона.
Служилъ вспарь и пимомцамъ Дона;
Но ужъ давно и брошень и забвень
И пистолепомъ замъненъ.

Въ N№ 45 и 46-мъ, помъщенныя шарады значатъ
Пар-о-ходъ, и *Mi-nuit*.

M O D E S.

Ma chère sœur.

Je ne vous avais point écrit par le dernier courrier, parce que je savais que l'ami d'Edward vous communiquerait la lettre qu'il recevait de lui et que vous jugeriez par là que je me portais bien; d'ailleurs vous savez le proverbe: *point de nouvelles, bonnes nouvelles*. En fait de nouvelles, elles sont toutes à la politique, à Paris, pour le moment, et même les femmes abandonnent leurs chiffons pour s'occuper du résultat des séances du Luxembourg. Comme étrangère, je me trouve, assez en dehors de tout cela. Et pour tuer le temps, je me suis laissé conduire à un cours gratuit de sciences naturelles exclusivement destiné aux dames, fait par M. Robin-Massé, jeune et savant docteur dont on m'avait beaucoup parlé. Tous les élémens traités dans ces séances, qui se passent dans un fort joli salon, au milieu d'une compagnie nombreuse et choisie, sont

développés avec élégance et érudition. J'ai vu avec plaisir par le nombre des auditeurs que la légèreté reprochée aux Françaises n'empêchait pas qu'elles ne prissent du plaisir à s'instruire; il est vrai de dire que M. Massé sait se mettre à la portée des intelligences féminines, et colorer l'aridité de son sujet avec un rare talent; je ne doute pas que son cours n'ait un grand succès et qu'il ne reçoive de nombreux remerciemens de toutes celles qui y auront été admises.

Pl. No 17. Peignoir en flanelle anglaise doublé de mousseline brodée.—Blouse de mérinos.—Chapeau de paille.—Pantalon et robe brodée en jaconas.

М О Д Ы.

Любезная сестра!

Я не писала къ тебѣ съ прошедшей почтой, въ увѣренности, что другъ Эдуардовъ сообщитъ тебѣ его письмо, изъ котораго ты можешь увидѣть, что я здорова; впрочемъ ты знаешь пословицу: *point de nouvelles, bonnes nouvelles*. Новостки пеперь въ Парижѣ шолько въ полиптикъ; даже женщины осмавляютъ свои лоскульи, чшобъ заняпьясь резульшатамъ засѣданій въ Люксембургѣ. Какъ иноспранка, я далека отъ всего эшаго. И чшобъ убипть время, я рѣшила съ слушати курсъ еспешвенныхъ наукъ, единственна посвященныхъ дамамъ, преподаваемый г-мъ *Robin-Massé*, молодымъ и ученымъ докпоромъ, о которомъ мнѣ много говорили. Всѣ начальныя правила, проходямыя въ сихъ засѣданіяхъ въ красивой залѣ, въ присутствіи многочисленнаго и отборнаго общества, излагаются щеголевато и съ глубокимъ познаніемъ. Я видѣла съ удовольствіемъ, по числу присутствующихъ, что въдреноспъ, приписываемая Француженкамъ, не преплспивуетъ имъ находить удовольствіе въ ученъ; правду сказать, что г-нъ *Massé* съ рѣдкимъ искусствомъ умъенъ приспособиться къ женскимъ поняпямъ, и украсилъ сухоспъ своего предмета; я не сомнѣваюсь, чшобъ курсъ его не имѣлъ большаго успѣха и чшобъ онъ не получилъ большой благодарности отъ всѣхъ шуда допускаемыхъ.

(Продолженіе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

Карш. No 17. Пенъуаръ изъ Англинской вланели, подбитой шпшою кисеёю.—Мериносовый блузъ.—Соломенная шляпка.—Цанцалоны и плашье съ шипъемъ, изъ жакона.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 48.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюня 15 дня 1835 года.

Пріятно дерзкой эпиграммой
Взбѣсить оплошнаго врага;
Пріятно зрѣшь, какъ онъ, упрямо
Склонивъ бодливые рога,
Неволью въ зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Пріятнѣй, если онъ, друзья,
Завоеетъ дуру: это я!

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ОБЪЯСНЕНІЕ ПРИЧИНЫ, ПО КОТОРОЙ
СТАТЬИ ГОСПОДИНА N. ВЪ ОДНОМЪ ЖУР-
НАЛѢ ХОРОШИ, А ВЪ ДРУГОМЪ ДУРНЫ
ДО ЧРЕЗВЫЧАЙНОСТИ.

Многіе, читая въ журналахъ статьи од-
нихъ и тѣхъ же лицъ, начинающихъ знако-
миться съ авторскимъ поприщемъ, всегда
находятъ большое различіе въ литератур-
номъ ихъ достоинствѣ, и часто не знаютъ
истинной сему причины, которая, впрочемъ,
весьма удобопонятна. По печатаемымъ въ
одномъ журналѣ оригинальнымъ или пере-
воднымъ статьямъ N. можно иногда заклю-
чить, что онъ имѣетъ нѣкоторую способ-
ность къ авторскому ремеслу: ибо въ его
статьяхъ видны слогъ, грамматическое зна-
ніе языка, доспавочное свѣдѣніе общежитія
и нѣрѣдко мелкомъ оспроуміе. Между тѣмъ

и въ другомъ журналѣ печатаются статьи
эпаго же N., въ которыхъ каждая спрочка
удоспвряетъ читателей совершенно въ
пропивномъ: они испещрены безчисленнымъ
множествомъ грубыхъ ошибокъ. Видя это,
невольно пожалѣешь о такихъ несообразо-
спяхъ. «Опъ чего же такое большое различіе
въ статьяхъ одного и того же человека,
печатаемыхъ въ двухъ разныхъ журналахъ?»
спросятъ читатели. Все дѣло зависитъ опъ
издателей сихъ журналовъ, мм. гг.: одинъ изъ
нихъ помѣщаетъ статьи N. почти въ томъ
самомъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ доставляетъ,
развѣ съ самыми неважными полько пере-
нами; а другой перемарываетъ ихъ съ пер-
вой спрочки до послѣдней, и такимъ обра-
зомъ, выпуская ихъ въ свѣтъ въ собспвен-
номъ своемъ нарядѣ, дѣлаетъ изъ негоднаго
что нибудь порядочное.

ОПЫТЪ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ЧЕРВЯКА.

Червякъ есть существо ползающее, по разноцвѣтное, по одноцвѣтное. Европа червяками изобильна, и родъ ихъ ежедневно еще размножается. Мы признаемъ два главные разряда сихъ звѣрковъ, а именно: разноцвѣтный и одноцвѣтный.

А. Разноцвѣтный, пестрый разрядъ.

1. *Обыкновенный многоцвѣтный червякъ* — встрѣчается повсюду, большою частію безвреденъ; забавнымъ ползаніемъ своимъ смѣшивъ подобныхъ себѣ; никогда не знаетъ для чего онъ созданъ; по временамъ заползаетъ въ переднія, гдѣ иногда хочетъ придать себѣ нѣкоторую важность.

2. *Червякъ-лизогубъ*, звѣрекъ опасный въ чертогахъ вельможъ.

3. *Червякъ-политикъ*, бессмысленная пшварь, всегда верпящаяся; дѣлаетъ сумазбродныя движенія; гнѣздится бѣльшею частію въ журналахъ и повременныхъ листкахъ.

4. *Кознедѣйный-червь*, весьма ядовитый звѣрь; водится почти вездѣ.

5. *Червь-барышникъ или Червь-ростовщикъ*. Эта опасная порода водится особенно въ мучныхъ анбарахъ и въ винныхъ погребахъ; появляется частѣеонько и на биржѣ. Предметъ его обжорства есть блестящій мепалль, который онъ поглощаетъ въ большомъ количествѣ, никогда не насыщаясь.

Б. Одноцвѣтный разрядъ.

1. *Свѣтоненавидящій-червякъ*. Этого звѣря чернаго цвѣта, и хопя не имѣетъ глазъ, однако рѣшительно не терпитъ свѣта. Всякой другой звѣрь ему несносенъ; онъ бы желалъ, чпобъ всѣ вокругъ него были слѣпы. Къ этому роду принадлежатъ:

а) *Мистико-философическій червякъ*.

б) *Случайный червякъ*, который издаетъ охриплый пискъ, похожій звукомъ ино-

гда на спихи. Онъ принадлежитъ также къ No 2-му перваго разряда (см. *Червякъ-лизогубъ*).

2. *Клевето-плетательный червякъ*, красно-желтаго цвѣта; ползаетъ вездѣ, гдѣ видить порогу благороднѣ себя, и всѣхъ марааетъ своею ядовитою слюною. Съ нимъ находится въ пѣсномъ родствѣ:

а) *Лже-червякъ*, принадлежащій почти ко всѣмъ родамъ перваго разряда.

б) *Червякъ-рецензентъ*: въ родствѣ съ No 1 и 4-мъ перваго разряда.

3. *Книжный червякъ*, безвреднѣйшій между всѣми. Слабый его глазъ, опыскивая безпрестанно лучи свѣта, теряетъ почти зрѣніе, никогда не находить себя и, по причинѣ слѣпопы, бросается иногда на подобныхъ себѣ.

Къ баснословнымъ звѣркамъ этого рода причисляется нынче *червякъ-совѣсти*, который въ прежнія времена довольно часто былъ находимъ въ человѣческомъ сердцѣ; теперь же принадлежитъ онъ къ болѣзнямъ сердца, и при малѣйшемъ признакѣ его существованія, изгоняется сильнѣйшими слабительными средствами.

ВИНОПРОДАВЕЦЪ И БУЛОЧНИКЪ.

Трактирщикъ въ одной деревнѣ выговаривалъ булочнику, что онъ печетъ дурные хлѣбы. «Всякой разъ, когда надобно мнѣ хорошаго хлѣба,» говорилъ онъ: «я долженъ послать въ городъ.»—Тоже самое и я дѣлаю, отвѣчалъ булочникъ, коль скоро нужно мнѣ хорошее вино. —

П Р О С Т О Т А.

Вопь у меня впорой помъ сочиненій *Батюшкова*: нельзя-ли прикупить у васъ перваго?—Невозможно. Все изданіе разхвачано; вы нигдѣ не доспанете. — «Такъ нельзя-ли

сдѣлать мнѣ одолженіе: приказать напечатать? мнѣ нужно только одну книгу, это бездѣлица; я же вамъ заплачу.»

ДА КОГДА-ЖЬ ОНЪ ОБДУМЫВАЕТЪ?

Простолѣткинъ рассказывалъ книгопродавцу ***, что одинъ его пріятель работаетъ чрезвычайно много.—«Вообразите,» воскликнулъ онъ поржеспвеннымъ тономъ: «что мой неупомимый, гениальный другъ, пишетъ по двѣнадцати часовъ въ сутки!»—Когда-жъ онъ обдумываетъ то, что пишетъ?—спросилъ у него съ простоты книгопродавецъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОФЕССОРЪ.

(Продолженіе).

Вся семья удивилась, откуда взялась въ немъ такая прыть; отецъ подвелъ его къ *Антуанеттѣ* и надѣялся, что тутъ будетъ сдѣлано формальное предложеніе, однако его нѣтъ! *Женки* въ напряженномъ ожиданіи, не спускала съ него глазъ, мать прислушивалась къ рѣчамъ, и никто не могъ понять, что сдѣлалось съ женихомъ, который выступалъ такъ бодро и живо, и хотя былъ замѣтно взволнованъ, но вовсе не упоминалъ въ разговорѣ о томъ предметѣ, который для всѣхъ долженствовалъ быть важнѣйшимъ. Наконецъ съли, и удивленный отецъ сказалъ въ нѣкоторомъ смущеніи: Послѣ всего, о чемъ было сказано у насъ съ докторомъ, я долженъ ожидать, что вы, мой почтеннѣйшій, кого я скоро буду называть пріятнѣйшимъ для меня именемъ, не замедлите подтвердить сами, что предположено о бракѣ моей дочери. —

«Если-бъ она была здѣсь,» отвѣчалъ ученый: «то я повторилъ бы свое предложеніе; мы уже съ нею все переговоры и обручились. Если угодно послать за невѣстою, то я готовъ предъ глазами родителей возобновить свои увѣренія.»

—Какъ!—вскричали въ голосъ изумленные. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, недоразумѣніе объяснилось. *Антуанета*, желая выразить насмѣшку на лицѣ своемъ, сдѣлала довольно неуклюжую гримасу. Мать была внѣ себя, отецъ былъ только смущенъ, но нисколько не досадовалъ. Когда же мать предложила объявить прежнее обрученіе недѣйствительнымъ и снова обручиться съ *Антуанетою*, тогда Профессоръ съ жаромъ и съ видомъ оскорбленнаго благородства, возразилъ: «извините меня, сударыня, этого я не сдѣлаю. Мнѣ дорого мое слово, и припомъ споль священное слово! Моимъ предложеніемъ, моимъ жениховымъ поцѣлуемъ связаны мы на вѣки неразрывно. Хотя это, по видимому, сдѣлалось случайно, но я вижу въ этомъ предопредѣленіе, непремѣнную волю Неба, которое заключаетъ только щасливые браки, ниспосылая на нихъ свое благословеніе..... Но,» продолжалъ онъ нѣсколько пише: «мнѣ очень жаль, если это когонибудь огорчаетъ: небольшой подарокъ, который готовилъ я, правда, для невѣсты своей, пусть перейдетъ въ руки прекрасной моей свояченицы. Не откажите мнѣ въ этомъ удовольствіи. Да и бриліантамъ этимъ гораздо приличнѣе украшать блестящую вашу красоту: они болѣе идутъ къ такому великолѣпному убору, и совсѣмъ неприличны кропкой дѣвушкѣ, которая въ своемъ проспенкомъ платьицѣ гораздо лучше годится быть невѣстою и женою Профессора.»

Послѣ нѣкоторыхъ опговорокъ должна была *Антуанета* согласиться принять драгоцѣнныя серьги, браслеты и ожерелье изъ крупнаго наспоящаго жемчуга. Она смекнула, какъ знапокъ подобныхъ вещей, что такой подарокъ долженъ стоить нѣсколько тысячъ палеровъ, и это разогнало топчасъ всю грусть ея. И сами родители спали повеселѣе, видя, что зять ихъ гораздо богачѣе, нежели какъ они предполагали: такія дорогія вещи отдавалъ онъ, какъ сущую бездѣлицу. По убѣдительной просьбѣ жениха, вызвали невѣсту изъ кухни, въ томъ самомъ нарядѣ, въ какомъ была она тамъ. Нимало не смущаясь, приняла она поздравленія родителей и сестеръ. Ея радость, ея винушреніе

нее движеніе были такъ сильны, что она чувствовала себя выше всѣхъ мелочей; но едва взглянула на сдѣланныя *Антуанетъ* подарки, какъ не хотѣла даже слушать оправданія жениха въ томъ, что не ей доспались эти вещи. Тогда явился и докторъ. Сначала изумился онъ, послѣ опъ души посмѣялся; немного послѣ, не могъ безъ удивленія смотрѣть на своего друга, который не только не казался смущеннымъ, но напрошивъ былъ очень любезенъ, а особливо съ *Еленою*. Съ нею обращался онъ такъ непринужденно, какъ будто бы уже нѣсколько лѣтъ былъ знакомъ прежде.

За споломъ, какъ слѣдуетъ, женихъ и невеста сидѣли вмѣстѣ. И послѣ сполы онъ уговорилъ ея оспаться въ эпомъ же нарядѣ; увѣрялъ, что это домашнее платье, эпопъ проспеный чепчикъ, все приспало къ ней какъ нельзя больше, и что онъ, восхищенный первымъ впечатлѣніемъ, на него сдѣланнымъ, не хочетъ лишать себя въ эпопъ день пріятныхъ воспоминаній.

Опобѣдавъ, пошли въ садъ искать въ тѣни прохлады опъ лѣтняго зноя. Тутъ докторъ внимательно смотрѣлъ на прежнюю и настоящую невесту. Эпа не спускала глазъ съ жениха своего; имъ однимъ, казалось, начала жить и дышать. *Антуанета* очень скоро упѣшилась полученными подарками, которые одни ея занимали. Насмѣшливо, почти дерзко, перешепывалась она съ *Женни*, и тонкій слухъ доктора проникъ въ слова послѣдней, которая намекала сестрѣ своей, какъ она щасплива, что промѣняла педанта-мужа на такія драгоценныя вещи. «Хорошо,» подумалъ тогда докторъ: «что само Небо взялось поправить мою опромелчивость! Иначе и я бы вдвое спрадалъ за своего доброго друга.»

Между тѣмъ, какъ прочіе прохаживались по саду, а потомъ ушли въ комнаты, онъ оставался съ обоими любящимися; да—почти уже такъ можно было называть ихъ. «Того, что поэмы величаютъ любовью,» говорилъ Профессоръ невестѣ: «а особливо нынѣшніе поэмы, того, милая *Елена*, не обѣщаютъ тебѣ, и самъ не хочу опъ тебя претоваться; но дружества, ласки, заслуженнаго уваженія,

снисходительности къ причудамъ моимъ, вопъ чего опъ тебя ожидаю. Ты молода, прекрасна, любезна, не довольно ли причинъ, чтобы оживить и меня? И вопъ, посмотри, только минуешь время безпокойныхъ церемоній, въ пишинѣ брака, мнѣ кажется, я самъ смертельно влюблюсь въ тебя. Да и какъ иначе: могъ ли я и подумать, въ свои пожилые годы, залучить въ домъ свой такую милочку?»

Онъ дружески пожалъ ей руку, и *Елена* была въ нерѣшимости, что отвѣчать ему. Она смузилась; помленіе опъ жара сдѣлалось сильнѣе; чтобы помочь себѣ, распахнула она косынку свою, и въ эпую минушу упала къ ногамъ ея небольшая бумажка. «Возможно ли?» вскричалъ Профессоръ поднимая: «какъ эпю попало къ тебѣ мое замѣчаніе на *Квинтиліана*? А я измучился искавши его въ своихъ бумагахъ, по возвращеніи изъ путешествія!»

Елена вспыхнула опъ стыда и замѣшательства, но, щаспливица, не хотѣла уже скрывать ничего. Она покаялась и въ своемъ путешествіи въ комнаты Профессора, и въ томъ, какое удовольствіе доставилъ ей его домашній ученый бытъ, его книги, что она сидѣла на креслахъ его, за его письменнымъ споломъ, и наконецъ призналась, какъ не могла она упертѣшь, чтобы не взять себѣ на память почеркъ руки его изъ корзинки съ ненужными бумагами. «Эпую бумажку,» такъ заключила она свою исповѣдь: «ношу я съ тѣхъ поръ на груди своей, и вы не повѣрите, какъ любезно спало мнѣ имя *Квинтиліана*, о которомъ, правду сказать, знаю еще очень немного, только то, что могла найти, перебирая разные книги.»

«Славнаго же мѣспечка удостоился эпопъ ученый грамашикъ!» сказалъ улыбаясь Профессоръ. «*Елена!*» вскричалъ онъ, въ первый разъ, не смотря на сопротивленіе, цѣлуя руку ея: «какъ могъ я бытъ сполько времени слѣпымъ, и даже не мечпалъ о щаспіи, къ которому сподило мнѣ сдѣлать одинъ только шагъ! Перувіанцы-язычники, въ слѣпопѣ, попирали ногами золотые рудники, вовсе не зная о нихъ, такъ и я посковалъ,

одинокій, разгуливая надъ головой пвоей. Но какъ случилось, что ты могла полюбить меня, тогда, какъ я не видалъ и не зналъ тебя?»

Тутъ сдѣлался онъ задумчивъ, попомъ подалъ другу своему руку и со слезами на глазахъ сказалъ: «Небо милосердо ко мнѣ больше, нежели я заслуживаю: величайшая пайна въ пвореніи—есть любовь; она можетъ быть ключъ ко всѣмъ пайнамъ. О, моя милая, вѣрная, не Греческая Елена! всю жизнь посвящу на то, чтобъ вознаградить тебя за любовь твою—и Небо благословитъ насъ.»

Назначенъ день свадьбы. За нѣсколько дней передъ тѣмъ сидѣлъ опять докторъ въ той же бесѣдѣ, вмѣстѣ съ женихомъ и невѣстою, и не могъ нарадоваться, что другъ его имѣлъ такой веселый и здоровый видъ.—«Да, мой милый!» сказалъ послѣдній: «тебѣ я обязанъ за это, твоему дружескому совѣту. Я какъ будто помолодѣлъ двадцатью годами. Но сегодня есть и еще особенная причина моей веселости—сонъ, видѣнный мною нынѣшнею ночью.»

—Что это за сонъ? Расскажи дружокъ мой!—вскричала Елена.

«Не знаю, сумѣю ли пересказать;» отвѣчалъ Профессоръ: «уже очень съ давняго времени не могу я терпѣть картинъ и эспаповъ, въ которыхъ содержаніе взято изъ Греческой или Римской исторіи, или изъ Мифологіи. Новѣйшимъ очень небольшое удалось въ эпомъ родѣ, и то, развѣ какъ нибудь переиначенное и приближенное къ нынѣшнему вкусу. Довольно разъ посмотрѣть на такую античную статуу; въ другой разъ долго не захочешь, и послѣ того нельзя не подивиться, зачѣмъ берутся наши арписты, своимъ пачканьемъ и ляпаньемъ, изображать такія формы, какихъ они опъ роду не видали, и какихъ слѣдственно не умѣютъ обрабатывать ихъ фантазія. Опъ Ксеркса въ букварѣ до Кедра, Курціа и Александра, всѣ эти распяленные герои были для меня острый ножъ: я перзался, смотря на нихъ; эпому пособляла можетъ быть и склонность моя къ задумчивости. Точно поже и

въ сочиненіяхъ: проза и стихи, которыми другіе восхищались, мнѣ казались чѣмъ-то поддѣльнымъ и безцвѣтнымъ, какъ бы игрою маріонетокъ. Даже и любезному Анахарзису не всегда вѣришь, что онъ жилъ въ тѣ времена и собственными глазами видѣлъ все Греческое. При такомъ опвращеніи ко всему, произведенному во вкусъ древнихъ, кромѣ самихъ классиковъ, я пипалъ въ себѣ спрванное, но пламенное желаніе: хотѣлось мнѣ, хотѣ на одинъ денѣкъ, хотѣ на часокъ перенестись во времена Перикла или Мильтиада, и посмотрѣть своими глазами погдашнія Аѣины и Марафонское поле. Эпая мысль, давно уже не дававшая мнѣ покою, поспыла меня снова вчера вечеромъ, и съ нею погрузился я въ сонъ. Вдругъ вижу себя въ Греціи и даже дѣйствительно въ то самое время, почти за три тысячи лѣтъ назадъ. Я чувствовалъ очень лясвенно, что живу въ томъ вѣкѣ, но не теряю воспоминанія о себѣ самомъ и о настоящемъ времени. Такъ-то чудесно играютъ съ нами сновидѣнія, и очень понятно изъ эпаго, какъ могли бы обворожать насъ и поэты, если-бъ хорошо постигали ремесло свое.

«Туманъ заспалалъ передо мною окреспность, но онъ спалъ поднимается и за нимъ выяснивало. Тутъ пришелъ я въ препетъ, думая: ну, если опять нападетъ на меня обыкновенная поска опъ картинъ природы и помѣшаетъ мнѣ существенно воспользоваться чудомъ, которое такъ непоспижимо перемспило меня во времени и проспранствѣ? Слава Богу, эпаго не случилось! По мѣрѣ появленія свѣта и на душѣ у меня спановилось яснѣе. Туманы свивались и, какъ корабли, неслись по морю; попомъ явились и настоящіе корабли, ослѣпляя опблескомъ солнца на бѣлоснѣжныхъ вѣприлахъ. Я споялъ противъ Саламины. Море клубилось и плескалось и всѣ цвѣты переливались въ волнахъ его, одинъ въ другомъ исчезая или проглядывая порознь: вблизи пѣмная лазурь, шамъ далѣе зеленѣло, кой-гдѣ съ опливомъ алаго и фіолетоваго, съ сафиромъ и золопомъ, а вдали, на самомъ концѣ небосклона, сіяла яркая бѣлзна расплывшихся перловъ, лобзаемыхъ лучами Феба. Мнѣ было такъ хо-

рошо, такъ свободно дышалъ я; вѣрно, подумалъ я, таково было на душѣ у Марафонскихъ героевъ, когда они увѣрились въ одержаніи побѣды. Тутъ очутился я вдругъ между горъ и лѣсовъ; сверху нависли скалы и въперъ сладкогласно шумѣлъ въ вершинахъ дубовъ и яворовъ; внизу все цвѣло и пестрѣло: цвѣпки, благоухая, приклонялись головками на дорогу. Это *Аркадія!* шепнулъ мнѣ невидимый геній. Все меня радовало и упоило; лѣсной воздухъ расширялъ мнѣ грудь; умъ мой прояснился. Подъ говоръ журчащаго ручейка пѣли соловьи, и я, какъ бы въ первый разъ въ жизни, внималъ ихъ восхищительнымъ напѣвамъ. Попокы игриво мчались съ горъ, какъ рѣзвые дѣпи; бѣлоснѣжное облачко проглянуло надъ вершиной скалы, и такъ горделиво смогрѣло на меня и на всю долину, какъ будто бы памъ у него вверху ни чуть не меньше наслажденій.

«Я не понимаю, куда дѣвалась вся прежняя попка, которую наводило на меня созерцаніе природы. И вопъ, изъ-за-нависшей гранишной скалы явилась передо мною дѣва въ Дорическомъ одѣяніи. Мы привѣспивовали другъ друга. Я долго любовался ея одеждою, и шупъ понялъ, опъ чего рисунки производили на меня совсѣмъ проотивное дѣйспвіе. Мы пошли вмѣстѣ, ознакомясь очень скоро. Опъ чего это, спросилъ я, какъ ни много я учился, какъ ни мучилъ себя, никогда не чувспвовалъ въ себѣ такой свѣплости мыслей, какая теперь служилъ для меня испочникомъ всѣхъ наслажденій? Я зналъ такъ много, вмѣщалъ въ себѣ безчисленное множество понятій, но все книга оставалась книгою и ничего оживленнаго не выливалось на бумагу.—То-то и еспъ, отвѣчала прелеспная дѣва, что ты былъ слишкомъ прилеженъ: ты умспвовалъ и мудрилъ, насильспвенно выпѣсняя изъ души своей все, даже прелеспи природы, и тѣмъ лишая себя самыхъ сладостныхъ, самыхъ живыхъ наслажденій. Разумнѣе приближается, приходилъ, разливаешь свѣпъ и проникаешь душу, подобно Апрѣльскому солнцу, которое исchezаетъ и вновь проглядываетъ, проникая даже въ чащу дремучихъ лѣсовъ, и дѣйспвуя независимо. Когда будешь покойнѣе: тогда

сумѣешь удѣлять время для прудовъ и для наслажденій, тогда и давноминушіе вѣки ляпся тебѣ въ наспоющемъ ихъ свѣпѣ. Умъ не дилъ, но много имѣешь дѣпскаго, а вызагромождаешь его, выкапывая изъ земли и выкликая изъ моря чудовищъ. Не одна любезность, даже и спрогая разсудительность любить шупки. Чѣмъ хочешь восхищаться и что можешь надолго способспвоать къ прочному пвоему блаженспву: по должно быть совершенно тебѣ извѣспнымъ, знакомымъ, роднымъ, какъ опецъ и мамъ; какъ подруга пвоей жизни и дилъ пвое; пусть опкинешъ оно прочъ и посохъ и сандадіи спранспвующаго чужеземца. Такъ и природа: она дѣлается домомъ пвоимъ, комнатою, книгою, и во всемъ будетъ близка и понятна тебѣ. Въ комъ еспъ сила любить, здоровье наслаждаться жизнию, дружеспвомъ и умомъ, топъ обладаетъ волшебспвомъ, всепревозмогающимъ. Брюзгливость, сомнѣніе, попка и боязливость — чада смерпи, спутники слабоспи.—Между тѣмъ, какъ говорила прелеспная, мой духъ возрасталъ и мужался; она подала мнѣ прекрасную руку, умильно успредила на меня взоръ свой, и что же? Внезапная мысль проникла мою душу, что это ты, моя *Елена*, ты, моя невѣспа, моя будущая спруга! Я обомлѣлъ опъ восхищенія и, пробудясь, въ радости воскликнулъ: и я былъ въ Аркадіи!»

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывокъ изъ Шиллеровой пѣсни

О КОЛОКОЛѢ (*).

Веселый колокола звонъ
Младенца милого вспрѣчаетъ,
Когда впервые жизни сонъ
Его крылами оспняетъ.
Еще изъ урны роковой

(*) Не нужно напоминать читателямъ о превосходномъ переводѣ цѣлой сей пѣсни дамою—А. П. Глинкиною, спругою знаменитаго нашего писателя Э. Н. Глинки.—В.

Не вылетала удѣлъ его земной;
 И матеръ въ сладостномъ покоѣ
 Хранишь младенца въ упрое золотое;
 Льща уносятся спрѣлой —
 И опрокъ съ пылкою душой
 Соскучась, рвѣтся опъ подруги,
 Дѣлившей съ нимъ младенчества досуги,
 И съ лёгкимъ посохомъ въ рукѣ
 Онъ спранствуешь опъ милыхъ вдалекѣ.
 И вопъ, въ пуши неупомимый,
 Неузнанный, приходишь въ домъ родимый,
 И въ полномъ блескѣ красоты,
 Румянцемъ дѣвспеннымъ пылая,
 Предъ нимъ стоишь подруга молодая,
 Какъ Ангелъ съ горней высоты.
 Вопъ, безымянныя желанья
 Волнуютъ юношу: одинъ блуждаетъ онъ,
 И слѣзы льётъ, и въ думу погружѣнъ,
 Бѣжитъ изъ шумнаго шоварищей собранья.
 Онъ за возлюбленной идѣтъ, краснѣя, въ слѣдъ.
 Блаженство для него одинъ ея привѣтъ!
 И лучшіе цвѣты съ луговъ онъ собираешь,
 И препешной рукой
 Онъ розы алыя вплетаешь
 Въ густые локоны подруги молодой.
 О спраспи пылъ! Надежды сладость!
 Златое время первыя любви!
 Эдемъ оптверзшь очамъ, въ душѣ и грусть и
 радость,

И пламень сладостный въ крови!
 Когда-бъ для насъ сіяли вѣчно
 Златые дни любви сердечной!

Платонъ Ободовскій.

С H A R A D E.

Heureux qui détrompé des dévoûmens menteurs,
 Loin d'un monde, étourdi de sermens imposteurs,
 Comme moi, rencontrant une âme pour son âme,
 A trouvé par bonheur mon premier dans sa femme!
 Peine, gloire, plaisirs, alors tout est commun:
 On est deux pour jouir, ou plutôt on n'est qu'un.
 Mon second, que l'honneur ou le rire accompagne
 En tous temps, en tout lieu, précède un grand d'Es-
 pagne.

Des Cosaques souvent sur ses bords égarés,
 Chassent les renards gris par son onde attirés:
 Quant à mon tout, par fois le desservant des modes,
 S'en sert pour endurcir des tissus incommodes;
 Par lui de Médicis le col blanc et coquet,
 S'élançait comme un lys au milieu d'un bouquet:
 Par lui plus d'un jeune homme, à la raideur fidèle,
 Apprend à tenir haut sa tête sans cervelle.

Въ No 47-мъ, помѣщенный омонимъ значить: Лукъ.

К Р И Т И К А.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

Возвращая при семъ съ благодарностью
 No 5-й *Дерптскихъ* *лѣтописей*, доношу вамъ,
 почтеннѣйшій А. О., что къ числу любо-
 пытныхъ вещей, вспрѣчающихся въ эпои
 книжкѣ, принадлежатъ при короенькя за-
 мѣчанія на спашьи, помѣщенные въ Апрель-
 ской книжкѣ *Библиотеки для чтенія*:

Спр. 461, пунктъ 3. *Философія Нѣмецкая*.
Замѣчаніе: «Unter aller Kritik.» Ниже всякой кри-
 тики!! Параграфъ 6. Липературная лѣтопись.
 Новыя книги. *Замѣчаніе*: «Въ Москвѣ изданъ
 «переводъ сочиненія Е. Гувальда, подъ загла-
 «віемъ *Маякъ*. Leuchtturm. Сочинитель Ли-
 «пературной лѣтописи говоритъ, что пе-
 «реводъ очень дуренъ и находить, что эта
 «драма не стодитъ лучшаго перевода!!!»

Спр. 462, параграфъ 7. Смѣсь. *Замѣчаніе*:
 «Редакція *Библиотеки для чтенія*, по пригла-
 «шенію многихъ чинапелей, рѣшилась, на-
 «сконецъ, обращать свое вниманіе и на по-
 «свѣйшія произведенія Нѣмецкой словесности.
 «По ея мнѣнію, Нѣмецкая липература спо-
 «ситъ теперь на той почкѣ, на которой Рус-
 «ская литература находилась 10 лѣтъ тому
 «назадъ!!!»

Въ эпоихъ шрехъ хладнокровно-Нѣмецкихъ
 замѣчаніяхъ—бездна насмѣшки. Не знаю, какъ
 опъ неѣ опдѣляются господа редакторы
Библиотеки для чтенія. Имѣю честь бытъ, и
 проч.

25-е Мая.

От вѣтъ.

Не бойтесь за нихъ, милоспивый государь Г. К.! Они опмолчатся, слѣдуя poslovici: *Доброе молчанье глму не отвѣтъ*. Знающіе палантъ *Гувалда*, цвѣтущее состояніе Германской словесности, на 100 лѣтъ опередившей Русскую, и основательность глубокой Нѣмецкой философіи, посмѣются изъ подписка надъ незнаніемъ (виноватъ въ грубости выраженіи; но не пріискалъ слова приличнѣйшаго, выразительнѣйшаго) сочинителя *Литературной* лѣтописи, идущаго на перекоръ общему мнѣнію, логикѣ и эсперикѣ. Имѣю честь быть, и проч.

4-ое Іюня.

M O D E S.

Je n'ai pas perdu l'occasion de faire mes observations sur les toilettes, car elles y étaient jolies et bien portées. Une femme avait un chapeau de paille de riz orné d'une branche de chêne avec des glands et des rubans verts. Une robe de mousseline imprimée, vert à grands ramage, une pélerine de tulle brodée dont les deux bouts passés dans la ceinture descendaient jusqu'aux genoux. Elle était chaussée en brodequins verts.—Une autre avait une redingote de pou de soie gris bordée tout autour d'une ruche de rubans cerises; la redingote était montante et laissait voir en haut une ruche de valenciënne.—Une robe de mousseline noire à grands bouquets de roses, une large ceinture couleur de rose quadrillée en noir; la robe était faite à la grecque, avec une pince eu milieu de la poitrine, un petit fichu à rabat garni d'angleterre, un nœud de cou pareil à la ceinture. Un chapeau de gros de Naples rose avec un gros nœud de rubans sur le côté, dont les bouts étaient frangés. — Une jeune personne avait une robe de jaconas imprimés à gros pois bleus, une pélerine pareille, un petit *chapeau lorrain* avec des rubans bleus. Les gants de filets, quoi que l'on fasse pour les enjoliver, ne sont et ne seront jamais d'aussi bon goût que les gants de peau. D'ailleurs, ils gantent fort mal. Il faut surtout bien se garder des gants gris chinés, mode fort laide et fort commune. Quoique l'on voie toujours des écharpes, on pourrait

presque dire que les étoles leur ont fait du tort, cependant rien ne peut remplacer la grace et la légèreté des écharpes de gaze, qui siéent si bien au visage quand elles sont mises près du cou. Les ceintures flottantes ont presque totalement remplacé celles qui se portaient avec une boucle; cependant on voit encore de ces dernières lorsque l'on fait descendre les ceintures en pointe.

M O D Ы.

Я не упустила случая сдѣлать мои замѣчанія о нарядахъ, потому что они были красивы и хороши надѣны. На одной дамѣ была баписсовая шляпка съ вѣткою дуба съ желудями и съ зелеными лентами. Платье изъ печашной кисеи, зелёной съ большими разводами; вышитая шюлевая пелеринка, концы которой, пропущенные подъ поясъ, висѣли до коленъ. Обува была въ зелёные ботиночки.—Другая была въ рединготъ изъ дикаго pou de soie, обшитомъ кругомъ рюшемъ изъ алыхъ лентъ; лифъ высокой, изъ подъ котораго видѣнъ былъ рюшь изъ кружевовъ.—Платье изъ черной кисеи съ большими розовыми букетами; широкой розовый поясъ съ черными клѣтками. Платье сдѣлано было по Гречески, съ перехватомъ по срединѣ груди. Маленькая опкидная косыночка, обшитая Англійскими кружевами; у шеи бантъ, подобный поясу. Гроденаплевая шляпа, съ большимъ бантомъ изъ лентъ на боку; на концахъ была выпущена бахрама. Одна молодая дѣвица была въ законешовомъ платьѣ, печашномъ крупнымъ голубымъ горошкомъ; пелеринка шакая же; маленькая шляпка *lorrain* съ голубыми лентами. Филейныя перчатки, чтобы ни дѣлали, чтобы ихъ украсить, ни теперь, ни впередъ не будутъ такъ приличны, какъ лайковыя. Сверхъ того они дурно сидятъ на рукѣ. Больше всего должно избѣгать дикихъ волнистыхъ перчатокъ. Хотя шарфы продолжаютъ еще носить, но можно почти сказать, что *étoles* имъ много причинили вреда; впрочемъ ничто не можетъ замѣнить прелести и легкости газовыхъ шарфовъ, которые идутъ весьма къ лицу надѣтые близко къ шеѣ. Длинные пояса совсѣмъ почти замѣнили пояса съ пряжками; однако видны еще и сіи послѣдніе, когда пояса спускаютъ мыскою.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 49.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюня 19 дня 1835 года.

Вѣсы Ѳемидины у Клипа что кривящяся,
Напрасно этому дивящяся.
Едва ли глупымъ дикарямъ
Незнанія пакія вѣспны;
А просвѣщеннымъ людемъ, намъ,
Законы пшяжеспи уже давно извѣспны.

П. Сумароковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОФЕССОРЪ.

(*Окончаніе*).

Прошло при года. Многое измѣнилось въ домѣ, какъ и въ городѣ. *Вернеръ* и *Гертруда* совокупились бракомъ и жили благополучно, только бездѣшно. Мать *Елены* умерла; *Женни* вышла замужъ и перѣехала на жипьѣ далеко, въ большой городъ. Совѣтникъ поперпѣлъ разныя попери въ имѣніи; онъ продалъ свой домъ Профессору. Облагодѣтельствванный имъ *Адрианъ* воспользовался съ большимъ успѣхомъ и пользою для себя щедро-спію благороднаго челоувѣка и опредѣленъ учитедемъ въ Гимназію, которую Профессоръ оспавиль. *Антуанета* сдѣлалась скромнѣе; еѣ помолвили за *Адриана*, и она не находила въ помъ ни малаго униженія ни своему достоинству, ни своей красотѣ.

Въ одинъ ясный осенній день весь домъ приведенъ былъ въ большое движеніе: слуги суспидись, хлопопали, паскали, убирали,

посылали другъ друга, сходились и расходились. *Гертруда* вздыхала и помогала, сколько могла, а *Вернеръ* призадумался, разсуждая, какъ все перемѣнчиво и какъ, назадъ пому при года, никто бы не вообразилъ, что такая суматоха можетъ случиться въ эпомъ пихомъ домѣ. Онъ припомнилъ себѣ и женѣ своей шу мерпвую пишину, которая царспвовала у нихъ прежде, и не могъ не улыбнуться при сравненіи, пѣмъ болѣе, что въ эпу самую минушу нахлынула на дворъ шумная толпа учениковъ, приглашенныхъ Профессоромъ попраздновать эпомъ день у него. Воропа и всѣ двери спояли наснежъ: ибо въ нихъ безпрерывно входили и выходили, вбѣгали и выбѣгали. Тупъ явился докторъ, ведя за собою множеспво музыканшовъ съ духовыми инструменнами. Имъ указали мѣспо на лугу обширнаго двора — и въ шу же минушу раздалась веселая музыка. Спаршіе ученики сбѣжались; не думая долго, пуспились они въ панцы другъ съ другомъ, а между пѣмъ меньшіе, видя, что имъ шупъ нѣпъ простора, запѣли скакать внизъ и

вверхъ по широкой лѣспницѣ, съ крикомъ и хлопаньемъ въ ладоши. Передъ окнами и воротами дома собралось множество зрителей полюбоваться такимъ веселымъ праздникомъ. Вдругъ загремѣла по мостовой дорожная коляска; почтарь прубилъ въ рогъ и хлопаетъ бичемъ; толпа передъ воротами разступилась въ разныя стороны, потому что коляска подѣхала прямо къ дому Профессора и тутъ остановилась. Соскочившій слуга помогъ выпти пожилому чловѣку, пому самому учёному, котораго за при года посѣщаль Профессоръ въ столицѣ: онъ прїѣхаль съ женою и дѣтьми, погоспитъ у своего друга, посмотрѣль домашній бытъ его, познакомиль съ хозяйкой и въ поже время оппраздновать крестины перваго ихъ младенца: Когда всё семейство выбралось изъ пѣсно набитой поклажею коляски, родилели, сопровождаемые чепырьми дѣтьми и двумя служилелыми, пошли въ домъ, наполненный пирующими. Какъ удивилса прїѣзжій, знавшій образъ мыслей своего друга, пакому неожиданному шуму, котораго даже и громкая музыка не заглушала, а только подводила его подѣ тактъ. Еще болѣе былъ онъ изумленъ, когда вспрѣпилъ самага хозяина съ огромною доскою, копорую едва могъ онъ обхватить руками и на копорой нѣтъ онъ ученикамъ преогромный сладкій пирогъ, имъ самимъ разрѣзанный. За нимъ слѣдовалъ *Адрианъ*, поже съ разными лакомствами, копорыя нѣтъ для учениковъ низшаго класса въ приготовленную для нихъ на верху особую комнату. Какъ скоро Профессоръ освободилса опъ своей ноши, отдавъ её ликующимъ юношамъ: то бросилса обнимать друга своего дѣтства, копорый всё еще не могъ опомнитса и пропираль глаза опъ удивленія.

— Какъ? — вскричалъ онъ наконецъ: васъ ли нахожу я, высокостепенный господинъ Профессоръ, въ пакой превогъ? И какъ помолодѣль, поздоровѣль! Какъ при томъ весель! Откуда всё это взялось? — «Поздравь меня, любезный дружище! Ты видишь истинно щасливаго чловѣка и несказанно обрадованнаго своимъ прїѣздомъ!» Дѣти разступились на лѣспницѣ, и дали пройти хозяину и прїѣзжимъ гостямъ. — «Милости просимъ

на верхъ, — сказалъ послѣдній: тамъ найдемъ мѣспечко поуопитѣ, чптобы хорошенько поздороваться и побесѣдовать. А вы, милые дѣти, продолжайте пока играть и веселитса!»

Дѣти не заспавили говорить себѣ въ другой разъ; всё въ голосъ воскликнули Профессору: вивать! Радоспные звуки раздались и на улицѣ. На сей возгласъ и музыканты опвѣспивовали самую шумную и бурною музыкою въ честь Профессора, и онъ приняль это съ благодарною улыбкою, только не много ускоря шагъ свой, чптобъ въ спокойномъ углу поговорить съ дорогими гостями.

«Извини меня, мой милый!» сказалъ онъ, усаживая своего друга: «чпто нашель у меня въ домъ пакую куперью. Крестины мальчика были уже за нѣсколко дней, попому чпто здѣсь въ народѣ думаютъ, чпто добрый Христіанинъ не долженъ оспавлять младенца и прехъ дней некрещенымъ. Ему дали имена пвое, песпя моего и любезнѣйшаго доктора. Тогда же при крестинахъ, общаль я песпю, друзьямъ и гимназіи давъ пиръ. Мнѣ самому хотѣлось, чптобъ у меня было какъ можно шумнѣе и веселѣе—вопъ ты и попалъ въ этопъ содомъ. Сего дня поперпи: вечеромъ будетъ балъ и вѣрояпно молодѣжь процлешетъ всю ночь на пролѣтъ, а завтра всё придетъ въ прежній порядокъ и ты успокоишьса.»

— Да мнѣ то и любо, прїятель! — опвѣчалъ прїѣзжій: а дочерямъ моимъ и подавно; у нихъ я думаю и теперъ душа дрожитъ опъ радости, чпто не пропустили случая попрыгать. Но вопъ чпто меня удивляетъ: какъ ты пускаешьса теперъ на всѣхъ парусахъ въ бурное море, ты, не перпѣвшій никакой суматохи?—

«Разгадка не мудрена!» опвѣчалъ Профессоръ. «Я уже объявилъ, чпто ты видишь во мнѣ самага щасливаго чловѣка: я ни въ чемъ неперплю недоспапка, имѣю такихъ друзей, какъ ты и мой почтенный докторъ, любимъ женою, копорая всё для меня составляетъ, и теперъ еще вновь ошаспивила, сдѣлавъ меня опцемъ.»

—Каково здоровье подружки пвоей, съ которою желаю поскорѣе познакомиться?— спросилъ проѣзжій.

«Слава Богу! она совсѣмъ оправилась, но какъ сама кормить дѣтя: то держитъ себя подалѣе отъ суматохи, и занимается теперь корректурою моего послѣдняго сочиненія на Латинскомъ языкѣ. Да не угодно-ли теперь же къ ней?»

Между тѣмъ, какъ жену и дочерей госпиа поведъ докторъ къ домоправительницѣ *Гертрудъ*, чпобъ она отвела имъ комнату для переодѣванья и приготовленій къ балу, самъ Профессоръ пошелъ съ другомъ своимъ къ *Еленѣ*. Она встрѣтила дружески прѣзжаго. Лицо ея было нѣсколько блѣдно, однако же прекрасно. «Позвольте представиться вамъ,» сказалъ учѣный: «не только какъ любительницѣ, но и какъ учаспницѣ въ нашемъ ремеслѣ.»

Елена улыбнулась. — Я очень щасплива, — сказала она: чпо могу нѣсколько помогать мужу въ прудахъ его, и чпо онъ не даромъ въ свои свободные часы учитъ меня языкамъ. — Разговоръ непримѣнно зашелъ въ даль объ этомъ предметѣ. *Елена* прибавила: всѣ эти Греческіе и Римскіе писатели, цѣлыми рядами споляще на полкахъ, представлялись мнѣ прежде, правда, очень почтенными господами, но были для меня и нѣмы и чужды, а теперь: не могу выразить, какое наслажденіе чувствую, когда развертывая ту или другую книгу, нахожу кое-что знакомое, говорящее взору и уму, и возвышающее душу. — Съ умильнымъ, исполненнымъ благодарности взоромъ обняла она своего супруга. Госпъ хотѣлъ ей сказать чпо-то на щѣпъ ея способностей. — Ахъ, нѣтъ! — воскликнула она: не думайте, чпобъ я щислалась сдѣланнымъ пріобрѣтеніемъ. Возможно ли это при томъ щаспіи, какое чувствую, получивъ искру разумнія? Начавъ явственнo поспигать связь прошедшаго съ настоящимъ, вникая въ произведенія споль различныхъ величайшихъ геніевъ, видя передъ собою раскрытымъ пвореніе всѣхъ вѣковъ, вникая въ себя, со слезами радости, съ нѣгою наслажденія, самыя благороднѣйшія чувства,

разгоняя пьму, въ которой заглохли покинупыя прежде силы, и какъ младенецъ, начинающій съ односложнаго лепета, спремьсь всё выше и выше къ сближенію себя съ тѣмъ высшрннымъ Духомъ, котораго безпредѣльная благоспъ тѣмъ для насъ оцупишельнѣе, чѣмъ болѣе познаемъ его, могу ли дать мѣсто въ душѣ своей щиславію? Нѣтъ, я чувствую только священное благоговѣніе. —

«Побереги себя, другъ мой!» замѣпилъ мужъ: «спы еще слаба. Какъ скоро прилепятъ ласпочки,» продолжалъ онъ, обращаясь къ госпио: «мы опсправимся къ тебѣ, мой любезный, а попомъ въ Швейцарію.»

Начался балъ. Всѣ веселились отъ души, даже и Профессоръ пропанцовалъ съ женою своею спепенный менуептъ; а молодѣжь прыгала и рѣвилась безъ памяти. Всѣ были щаспливы, а всѣхъ больше *Елена*, которая выше всѣхъ благъ поставляла то, чпо принадлежитъ такому почтенному чловѣку, и тѣмъ искреннѣе чувствовала это теперь, когда рожденіе дѣтями привязало къ ней новыми узами сердце ея супруга.

Съ Нѣм. *Б. Б. Б.*

ИНДѢЙСКІЯ ПРАЗДНЕСТВА ВЪ ГУРДВАРѢ И ЯГГЕРНАУТѢ.

Индусское вѣрованіе, такъ какъ и другія вѣрованія, поспавляетъ въ числѣ самыхъ важнѣйшихъ своихъ обрядовъ *странствованія* къ святымъ мѣспамъ. Поклонникъ Брамь, по крайней мѣрѣ разъ въ жизни, обязанъ посѣпить два священныя мѣспа: городъ *Гурдваръ* и храмъ *Яггернаутскій*. Гурдваръ лежитъ при подошвѣ горъ, служащихъ отъсомъ горъ Тибетскихъ, въ томъ мѣспѣ, гдѣ священная рѣка Гангъ проникаетъ въ Индоспанскія долины. Живописныя красоты этого священнаго мѣспа каждогодно привлекаютъ пуда множество Европейскихъ путешественниковъ. Городъ, состоящій изъ длинной цѣпи домовъ довольно пріятной наружности, занимаетъ большое пространство по берегамъ Ганга. Онъ окруженъ мрачнымъ дѣсомъ, надъ нимъ владычествую-

щимъ. Съ каждой стороны предмѣстій деревья бросають на рѣчныя воды пѣнь свою, и зелѣныя вершины ихъ мѣшаются съ украшеніями воспочнаго зодчества. Основу карпины сославляютъ горы, покрышыя вѣчными снѣгами.

Посмотримъ на Гурдваръ въ одно изъ пѣхъ мгновеній, когда суевѣріе привлекаетъ пуда поклонниковъ изъ всѣхъ краевъ Индостана. Воды Ганга, говорятъ, каждые двѣнадцать лѣтъ получаютъ новыя силы; тогда - то всякъ спѣшитъ въ нихъ очиститься. Всѣ пупи покрыты спранниками: мужчины, женщины, дѣти, спарики, богатые и убогіе, полпами спремятся къ священному мѣспу. Воздухъ оглашается ихъ радостными криками, когда, достигнувъ холмовъ, съ копорыхъ смопря на Гурдваръ, видятъ уже они испокъ священной рѣки. Городъ такъ не великъ, чпо въ немъ не можетъ помѣститься и десятой часпи народа, который въ это время пуда спекается; но для Азіатца жилище есть послѣднее дѣло. Большая часть спранниковъ несуть съ собою палатки, а бѣдные находятъ пріюмъ подъ пѣнію деревъ. Всѣ окрестности дѣлаются обширнымъ спаномъ, въ копоромъ Арабы, Чингалезы, Персіане, Татары мѣшаются съ Сеиками, съ обитателями Купча, Гузурата, Непаля и различныхъ Индѣйскихъ обласпей. Въ нѣкопоромъ разсполніи отъ эпоаго новаго Вавилона видны палатки Европейскихъ пупешеспвенниковъ: пупъ покоятся нѣжнаго сложенія женщины, копорыя, желая видѣть оживленную карпину, подвергаются пучамъ пыли и міріядамъ насѣкомыхъ.

Время, въ которое погруженіе въ воду должно имѣть полное свое дѣйствіе, назначается аспрологами. Это умовеніе есть единственный обрядъ поклонниковъ. Оно соспоитъ въ простомъ погруженіи въ Гангъ, и въ плашежѣ подапи, копорую рачительно собирають Брамины. Эти духовныя особы сославляютъ одинъ изъ главныхъ предметовъ карпины. Въ большомъ числѣ являюпся они въ Гурдваръ; ихъ видишь по *верак-дахамъ*, по галереямъ и кровлямъ главныхъ зданій; даже въ самой рѣкѣ они успрои-

вають себя шеатры, въ копорыхъ предсѣдательствуютъ въ священномъ дѣйспвіи омовенія погружающихся въ Гангскія воды. Не нужно упоминать о помѣ, чпо пока продолжается эта церемонія, по во все время слышится потъ безпреспанный, смѣшенный шумъ, копорымъ обыкновенно сопровождаются всѣ Индѣйскіе духовныя обряды. Прежде не одна непріятность бытъ оглушену угрожала поклонникамъ; они подвержены были разнымъ бѣдспвеннымъ случаямъ. Съ наспуленіемъ минулы омовенія, они всѣ вдругъ бросались въ воду; и пупъ въ полтъ многіе лишались жизни. Англійское правительство опвратило это неудобство, успроивъ удобнѣйшіе сходы въ рѣку. Новая гавань занимаетъ не менѣе ста футовъ въ ширину, на проспранствѣ копорыхъ спускъ въ шестьдесятъ спупеней. Во всякую пору дня онъ покрышы множеспвомъ поклонниковъ, по всходящихъ, по спускающихся по спупенямъ. Поклонники, изъ благодарности къ эпой услугъ Англичанъ, купаясь, непреспанно восклицають: *валъ! валъ!*

Собраніе въ одномъ пѣсномъ мѣспѣ пакого множества различныхъ народовъ произвело торговыя сдѣлки, копорыя укоренились обыкновеніемъ. Гурдварская ярмарка славится по всему востоку. На неѣ спекается столько же корыстоплюбивыхъ спекулаторовъ, сколько приходитъ истинныхъ поклонниковъ къ священнымъ водамъ. Она, такъ какъ и всѣ Индѣйскія ярмарки, оплична отъ Европейскихъ ярмарокъ. На ней видишь фокусниковъ, фиглярровъ и шарлапановъ; но она не представляетъ пѣхъ зрѣлищъ, копорыя у насъ привлекають всеобщее любопытство. Тамъ вниманіе успремлено болѣе всего на поргъ живошными, копорый есть славнѣйшій въ Индіи. Съ береговъ Чермнаго моря пригоняются пуда прекрасныя и какъ въперъ легкія лошади. Эти благородныя живошныя красотою своею сославляютъ противоположность съ другою породою лошадей, не столько красивою, но не менѣе полезною, съ маленькими лошадками изъ Кашемира и Кабула. Тупъ видишь вы гдѣ нибудъ поодаь слона съ гигантскими его формами. Онъ успушаетъ однако же первенство вер-

блюду, особливо верблюду, породы, извѣстной подъ именемъ *Киркаррагъ*; сей послѣдній совершаетъ одинаковымъ шагомъ сто миль, не оспанавливаясь ни на минуточку для отдохновения. Подлѣ этихъ великановъ творенія нашихъ временъ, видне вы быковъ, коровъ, барановъ, и также собакъ и кошекъ, кошекъ прекрасной Персидской породы. Далѣе, въ клѣпкахъ, ревутъ львы, леопарды и другіе люпыя звѣри.

Главнѣйшіе предметы торговли на Гурдварской ярмаркѣ состоятъ въ драгоценныхъ каменьяхъ, привозимыхъ купцами изъ всѣхъ частей Азіи. Тамъ въ изобиліи блестятъ кашемирскія ткани подлѣ издѣлій Англійскихъ фабрикъ; все, до духовъ и галантерейныхъ Парижскихъ вещей, продается и покупается въ этомъ опдаленномъ краю Азіи. Индѣйскіе торговцы не знаютъ ни употребленія, ни настоящей цѣны этихъ предметовъ, и большая часть людей, которые ихъ покупаютъ, находясь въ томъ же невѣдѣніи. Гурдваръ представляетъ одни пріятныя и самыя естественныя символы вѣрованія Индусовъ; но Яггернаутъ приводитъ на память его суевѣрія и жестокости. Здѣсь по возвышается храмъ эпаго кровожаднаго божества, которое нѣкогда давило подъ колесами своей колесницы пѣла обожающихъ его фанатиковъ.

Этотъ знаменитый храмъ стоитъ на берегу Ориссы, первой Индѣйской области, представляющей вѣру по пріѣздѣ изъ Европы. Трудно дать вѣрное понятіе объ этомъ зданіи. Оно имѣетъ видъ пирамиды, во сто футовъ вышиною, на которой во множествѣ разсыяны украшенія Индусской архитектуры. Широкія ступени ведутъ къ главному входу храма; что-жъ касается до его внутренности, то ни одинъ Европеецъ не можетъ похвалиться, чтобъ онъ видѣлъ её. Величественный Яггернаутскій храмъ построенъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ. Сказываютъ, что въ идолахъ его примѣчательны только огромность ихъ и безобразіе. Здѣсь воздаютъ почести премоу главнымъ Индѣйскимъ божествамъ; но и всѣ низшія божества, чествуемыя на берегахъ Ганга, имѣютъ въ

Яггернаутскомъ храмѣ свои жертвенники. Этотъ храмъ пользуется особою привилегіею, которая состоитъ въ допущеніи къ празднествамъ его Индѣйцевъ всѣхъ вѣроуваній и всѣхъ поколѣній.

Главное изъ этихъ празднествъ называется *Рать-Джатра*; оно совершается ежегодно. Спеченіе спранниковъ бываетъ на немъ чрезвычайное. Обязанные изглаженіемъ большихъ прегрѣшеній приходятъ сюда, измѣняя путь своими пѣлами, и употребляютъ иногда по пяти лѣтъ на это покаяніе. Въ день *Рать-Джатра* главный идолъ выносятся изъ храма и поставляется на колесницу огромной величины. Потомъ начинается процессія. Для приведенія въ движеніе колесъ этой огромной колесницы потребны усилія тысячи пяти сотъ человекъ. Чудовищная машина обвзится вокругъ священнаго поприща, среди неистовыхъ восклицаній толпы, возбуждаемой къ нимъ *Джожялли*, *Госсейналли* и другими нищенствующими опшельниками, которые въ припадкахъ фанатической радости, походятъ на воплощенныхъ дьяволовъ.

Теперь не такъ, какъ прежде; нѣтъ уже причины оплакивать множество несчастныхъ жертвъ, повергающихся подъ колеса колесницы. Усилія правительства достигли уже того, что это ужасное обыкновеніе совершенно уничтожилось; но спранничества къ Яггернауту сопровождаются еще плачевными происшествіями. Большая часть стекающихъ сюда спранниковъ не возвращаются уже на родину. Усталость, недостатокъ пропитанія, невозможность скрыться отъ смертоносныхъ дождей, производятъ въ ихъ полкахъ ужасныя опустошенія; и часто, съ окончаніемъ празднествъ, священная земля бываетъ покрыта тысячами жертвъ, пожираемыхъ хищными птицами, которые съ плачевными криками одни у другихъ оспариваютъ мерзвыя трупы.

М. М.

(Изъ *Revue Britannique*).

МУМБО - ДЖУМБО.

Мумбо-Джумбо—это оборотень, или бука западныхъ спранъ Африки. Когда при выходѣ изъ густой бамбуковой чащи, занимающей большею частію пространства между мѣстами населенными, вы видите передъ собою городъ, то прежде, чѣмъ вы въ него войдете, первый предметъ, который поразитъ глаза ваши, будетъ спранный и спрашный одѣяніе, висящее на деревѣ подлѣ капища Фетишей. Это одежда *Мумбу-Джумбо*. Тайнственнаго существа это все видите и все знаете, но дѣйствіе его грознаго могущества, его неопредѣлимой пронизательности, просирается на однѣхъ только женщинъ. Совсѣмъ шѣмъ, сила эпаго могущества чрезвычайна: оно открываетъ не только самыя тайныя поступки, достойныя порицанія, но даже сокровеннѣйшія изъ порочныхъ помышлений, и горе женамъ, которыя обманываютъ мужей своихъ, или хопя однимъ желаніемъ измѣняютъ супружеской вѣрности! Тогда *Мумбо-Джумбо* даетъ знать о своемъ приближеніи къ городу спрашными криками, которые раздаются вечеромъ въ ближнемъ лѣсу, и по этому призыву, всѣ жители города, мужчины и женщины, обязаны сходиться къ сборному дереву.

Эпи-по спрашные крики въ одинъ вечеръ привели въ волненіе небольшой городокъ на берегахъ рѣки Дюлибы. Ночь смѣнида день, но не свѣтъ, ибо луна въ полномъ блескѣ плыла по небу и серебрила волны рѣки, когда раздался знакомый призывъ *Мумбо-Джумбо* и произвелъ необыкновенное смятеніе въ городѣ: женщины, пошупивъ взоры, поропливо и со страхомъ выходили изъ своихъ хижинъ; онѣ собирались предъ дверьми жилищъ своихъ, тихо разговаривая и спрашивая другъ друга, или дорогою, вдругъ оспанавливались, какъ будто встрѣпивъ грозное привидѣніе, или испугавшись спрашной мысли. Казалось, что никто въ эпомъ городѣ не могъ похвалиться спокойною совѣстію, и что призывъ *Мумбо-Джумбо* поднялъ въ немъ ужасную бурю.

Между прочими женщинами, молодая *Неали* была очевидно всѣхъ болѣе встревожена:

коралловые браслеты дрожали на рукахъ ея, ожерелье изъ бѣлаго и синяго стекляруса бурно колыхалось на груди, а мишурныя украшенія, привязанныя къ длиннымъ косамъ, колебались опъ ея внезапныхъ содроганій. Въ качествѣ автора всезнающаго я готовъ сказать за тайну чипапелю, что *Неали* превожилась не вовсе безъ причины, и что всезрящее око, опъ котораго ничто не укрывается, замѣпилъ, какъ одинъ молодой и красивый Людамарскій Мавръ цѣловалъ *Неали*, выходя изъ ея хижины, въ то время, какъ мужъ ея *Уонда* былъ въ полѣ.

Грозно раздавались крики *Мумбо-Джумбо*, и всѣ женщины, споль же беспокойныя, какъ *Неали*, но менѣ прекрасныя, спѣшили къ сборному мѣсту. Должно согласиться, что обычаи эпомъ самый варварскій: не безчеловѣчно-ли подвергаютъ сполько женщинъ непрерывному безпокойству, грозя имъ мечемъ, попоромъ или розгами; щакковы орудія *Мумбо-Джумбо*! — И какого зшуду надѣлало бы эпо обыкновеніе, если-бы вздумали ввеспи его въ Европейскихъ городахъ!... Въ Африканскомъ городѣ не было шума, но трудно описать всеобщій спрахъ и ужасъ, когда всѣ женщины собрались вокругъ сборнаго дерева. Двое музыканповъ пришли шуда съ своими грубыми инструментами, и спалица наигрывать плясовыя пѣсни: *Мумбо-Джумбо* долженъ былъ явиться не ранѣ полуночи, а до того всѣ обязаны были плясать.

Не смотря на то, что Африканскія красавицы спрашно любятъ пляску, имъ споло большаго штуда повиноваться жестокому обыкновенію: у многихъ дрожали ноги, билось сердце; у многихъ вырывались вздохи среди криковъ, которыми должна оканчиваться каждая фигура. *Неали* едва двигалась и съ безпокойствомъ спаралась различить въ толпѣ своего мужа; его шамъ не было и она немного отдохнула.

Между пѣмъ крики *Мумбо-Джумбо* спрашно гремяди въ ушахъ панцюющихъ.

Онѣ ко всему приготовились и свободно выполняли спранныя движенія и повороты пляски. Всего необыкновеннѣе казались эпи

черныя пѣла, покрытыя блестящими металлическими украшеніями; пѣла, кружившіяся, прыгавшія, изгибавшіяся при блѣдномъ сіяніи полной луны. Всѣ эти женщины непритворно веселились; онѣ уже забывали свой страхъ и безпокойство и вполнѣ наслаждались послѣдними минушами сомнѣнія, которыми имъ оставались. Наступала минута, когда виновная должна была опкрыться. — Голосъ *Мулибо-Джулибо* спановился слышнѣе.

Представьте себѣ дѣйствіе, какое произвело бы на одномъ изъ нашихъ баловъ, среди вальса или галопады, когда всѣ женщины увлечены веселостію,—воззваніе къ ихъ совѣспи, подобное воззванію *Мулибо-Джулибо*; воззваніе неясное, обвиненіе, никого не называющее! Спали-ли бы онѣ тогда продолжая танцы?

Африканки продолжали танцевать съ большимъ усердіемъ. Сама *Неали*, успокоенная отсутствіемъ мужа, также какъ и другія, вполнѣ предалась удовольствію.

Наконецъ *Мулибо-Джулибо* показался!

Пляски прекратились вдругъ, какъ будто бы ихъ вовсе не бывало. Къ полпу приближался не человекъ, но какая-то чудная и безобразная громада, походившая на древесный пенъ, покрытый мохомъ и корою; и котораго все сходство съ человѣческимъ пѣломъ состояло въ томъ, что къ низу онъ раздѣлялся на двѣ опоры, вѣшны или ноги, также обернутыя корою. Къ верху эта громада оканчивалась огромнымъ шаромъ, походившимъ на голову только потому, что двѣ дыры служили въ немъ вмѣсто глазъ, а подъ ними былъ носъ, плоскій какъ у сыча. Надъ эпимъ подобіемъ головы раздѣвалось длинное перо: таковъ былъ *Мулибо-Джулибо*.

Въ это время можно было слышать, какъ у всѣхъ стучали зубы и бились сердца; одна только женщина казалась спокойною: она явилась незамѣтно уже послѣ прихода *Мулибо-Джулибо*.

«Не я—не я—и не я!» Эти слова раздавались въ кругу женщинъ, успокоенныхъ появленіемъ ихъ молодой подруги. «Она, она! въ эпимъ нѣтъ сомнѣнія.»

Мулибо-Джулибо подалъ знакъ, и раздались жалобные звуки неспрошенныхъ инструментовъ.

По другому знаку загремѣлъ барабанъ. Еще одно движеніе и онъ произнесъ: «Жены и дѣвы, я пришелъ изъ глубины лѣсовъ, чтобы предать заслуженному наказанію пресупницу; *Неали* виновна между вами!» — Сказавъ это, онъ подалъ палачу розги, и поплъ хотѣлъ уже присупить къ наказанію, а прочія женщины въ радости собирались продолжать пляску, какъ вдругъ красивый Людамарскій Мавръ бросился на палача, выхватилъ у него позорныя орудія, и потомъ кинувшись къ *Мулибо-Джулибо*, сорвалъ съ него маску: *Мулибо-Джулибо* былъ мужъ *Неали*, это былъ *Уонда*. Молодая женщина, которая пришла вслѣдъ за нимъ, всѣхъ мѣнѣе могла опасаться *Мулибо-Джулибо*.

СОЛДАТСКОЕ КРАСНОРѢЧІЕ.

Одинъ молодой Французъ потерялъ ногу въ битвѣ при Абукирѣ. Лежа въ госпиталѣ, онъ получилъ отъ дяди-опекуна извѣстіе о кончинѣ отца его; и тотчасъ же написалъ въ отвѣтъ:

«Дорогой мой опекунъ и дядя!

Благодарю васъ за смерть отца моего. Какъ быть! Такія небольшія семейныя неприятности со всѣми случаются. Что же касается до меня: по я, слава Богу, здоровъ и лежу въ лазаретѣ. У меня опорвали ногу въ сраженіи при Абукирѣ; однако оспалась еще одна, съ которою имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою

.....»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НА СМЕРТЬ ПРЕКРАСНОЙ МАЛЮТКИ.

Какъ радость щастливой ошибкой
Въ жилище скорби залезя,
Ты воскресила міръ улыбкой,
Небесъ любимое дитя!
Но здѣсь недолго нагостила:
Судьба державною рукой
Тебя, цвѣшокъ спраны другой,
Въ небесный садъ пересадила;—

И пы съ прощальною слезой
 Опъ насъ шуда, на новоселье,
 Умчала быспро за собой
 И радость нашу и веселье.

Гавр. фонъ-Бейеръ.

Ш А Р А Д А.

Слогъ *первый* въ музыкѣ чепвѣршымъ называемъ;
Второй—мы говоримъ, когда что удѣляемъ;
 А *цѣлое* вещамъ достоинство даемъ,
 Или, на оборотъ:
 Зависитъ иногда опъ прихотей и модъ.

Въ No 48-мъ, помѣщенная шарада значитъ: *Ami-dou.*

К Р И Т И К А.

Поправка одного ошибочнаго мнѣнія г. Шевырѣва.

Въ No 3 *Моск. Наблюдателя*, въ превосходной своей спашѣ о кришикѣ, г. *Шевырѣвъ* думаетъ, что книжные разборы, печатаемые въ *Библиотеку для чтенія*, сочиняетъ Азіапеецъ *Тютюнджи-Оглу*.

Это не совсѣмъ пакъ! Что вышепоименованный *Тютюнджи-Оглу* принимаетъ дѣятельное участіе въ Россійской литературѣ: это безспорно. Но ему помогаютъ знаменитый *В. В. В.*, славный *Морозовъ*, блистательный баронъ *Бралибеусъ* и учёный профессоръ *О. И. Сеньковский*. Напримѣръ: разборы трагедій: *Торквато Тассо* и *Роксоланы*, сочиненныхъ г. *Кукольникимъ*, написаны симъ послѣднимъ, хотя имя его подъ оными и не выснавлено. «Слогъ есть человекъ!» сказалъ *Бюффонъ*. Русскій слогъ достопочтеннаго автора, еще шаткѣй, еще немножко опзывающейся иностраннымъ, легко распознавать можно. Я выберу его сочиненіе на Россійскомъ языкѣ—изъ тысячи.

Войковъ.

М О Д Е С.

On habille les petites filles moins court que l'année dernière; au bord de leurs robes blanches, on met de petites dentelles à dents, ainsi qu'aux pantalons. On brode souvent une guirlande ou des bouquets détachés au dessus de l'ourlet. J'ai vu au bas de plusieurs robes de guingamp ou de jaconas, sept à huit petits plis. Les chapeaux de paille *lorrains* sont les seuls distingués pour les enfans. Les plus élégans se garnissent, au bord et autour de la forme, d'une ruche, de rubans de taffetas bleu, vert ou rose. Les chapeaux sont dentelés de même. Les blouses et les vestes courtes, pour les petits garçons, sont le seul costume admissible. On fait cette année pour eux de petits chapeaux de paille forme *matelot*, ravissans de forme et de légèreté.

Voilà, chère sœur, ma petite *chronique fashionable* de la semaine. L'émigration de Paris par l'élégante société la rend plus laconique que de coutume; cependant on y peut encore trouver matière à réflexions; les miennes, bonne *Nancy*, sont toutes de tendresse et d'affection pour vous.—*Sarah.*

М О Д Ы.

Маленькихъ дѣвочекъ одѣваютъ не пакъ коротко, какъ въ прошломъ годѣ. Край ихъ бѣлыхъ платьевъ обшиваютъ узкимъ кружевомъ, также и панталоны. Часто вышиваютъ гирланду или опдѣльные букеты сверхъ рубца. Я видѣла у многихъ шитамовыхъ или жаконетовыхъ платьевъ внизу по семи или восьми складочекъ. Соломенные шляпы *lorrains* однѣ опличны для дѣшей. Самыя щеголеватыя обшиваются, по краю и около пулы, рюшемъ изъ гроденаплевыхъ голубыхъ, зеленыхъ или розовыхъ лентъ. Шляпки также зубчатыя. Блузы -и коромкѣ курточки однѣ приличный костюмъ для маленькихъ мальчиковъ. Нынѣшній годъ для нихъ дѣлаютъ маленькія соломенные шляпы, формы *matelot*, прелесныя фасономъ и легкостью.

Вотъ тебѣ, любезная сестра, моя *недѣльная модная летопись*. Эмиграція изъ Парижа щеголеватого общества, дѣлаетъ её короче обыкновеннаго; но все еще можно шуть найши предметъ къ размышленіямъ. Мои, добрая *Нанси*, состоятъ всё въ нѣжности и привязанности къ тебѣ.—*Sarah.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 50.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 50, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюня 22 дня 1855 года.

Почки болѣзненнаго жара
Была попка ея полна.
Въ своемъ волненіи она
Плашкомъ въ лицо себѣ махала, —
Прохлады воздухъ не давалъ,
Но кровь ей пуще волновалъ!
Иглу къ работѣ принуждала, —
Колола пальцы ей игла!

Е. Баратынскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

КРАСОТЫ БАРОНА БРАМБЕУСА.

Предисловіе.

Одинъ мой доброжелатель, 29 лѣтъ не вы-
ѣзжавшій изъ Петербурга, и другой родив-
шійся въ Енисейскѣ, опочевавшій опшуда
въ Харьковѣ, перекочевавшій во Владиміръ,
женившійся въ Саратовѣ, овдовѣвшій въ Пол-
тавѣ и выбравшій осядлостью Курскъ, какъ
будно бы сговорясь, убѣждали меня въ кон-
цѣ минувшаго года объявить, что въ моихъ
листкахъ не будетъ ничего помѣщаемо, кро-
мѣ повѣстей, сказокъ, разсказовъ, анекдотовъ,
отрывковъ изъ романовъ; они обѣщали мнѣ,
если я ихъ послушаюсь, 2000 подписчиковъ.
Упроеіііе числа подписчиковъ и 10,000 руб-
лей лишняго дохода, заставили меня попри-
задуматься; однако же не надолго! Русская
напура вспушила въ правѣ свои. «Ваше пред-
ложеніе прибыльно,» отвѣчалъ я имъ рѣши-

тельно: «но вы его худо обдумали. Что ска-
зали бы вы о Русскомъ дворянинѣ, который
въ Іюнь 1812 года взялъ бы опкупъ, а не
пошелъ на войну, гдѣ можно было потерять
руки, ноги и самую жизнь? Какъ назвали бы
вы Петербургскаго жишеля, который бы
въ Іюнь 1831 года, во время свирѣспиваніи
здѣсь холеры, опказался опъ исполненіи сво-
ей должности и заперся въ своемъ домѣ, какъ
медвѣдь въ берлогѣ? То же самое имя заслу-
жилъ бы предапель-журналистъ, если-бъ онъ
ограничился одними барышами въ листую
годину нашей словесности (1), когда непріа-
тели (2) впорглись въ ея нѣдра и когда на-
ходятся между нами такіе Русскіе, копо-

- (1) Авторъ сей статьи принимаетъ здѣсь словесность въ самомъ ограниченномъ смыслѣ. Онъ знаетъ, что многія важныя вѣтви Русской литературы процвѣтають и приносятъ прекрасныя плоды.
- (2) Враги грамматикки, синтаксиса, чистаго смысла и вкуса.

рые усиливаются всѣми возможными парадоксами доказавъ, что наши льпописи, грамоты, духовныя завѣщанія, договоры, и вообще всѣ официальные акты, уцѣлѣвшіе отъ Ташаръ, Турокъ и Поляковъ, подложны; что первый льпописецъ *Несторъ* никогда не существовалъ, а если и существовалъ: то ничего не писалъ, а если и писалъ: то не сочинялъ, а списывалъ; что самозванецъ *Разстрига* не былъ *Разстригою* и самозванцемъ, что въ Угличѣ убиенъ не *Димитрій* царевичъ, а какой-то мѣщанскій мальчикъ, что *Мономахъ* былъ государь коварный и приписывалъ *Святотолка*, пихаго агнца. Нѣтъ, не могу молчать: Аще мы умолчимъ, то каменія возопиютъ. Нѣтъ, не могу молчать: Если я забуду тебя, святая Русь, забудь меня правая рука моя! Прильни языкъ мой къ горпани моей, если не буду помнить тебя. Хвалю законъ древнихъ Аѳинянь, осуждавшій на смерть каждаго эгоиста-гражданина, который оспавался спокойнымъ зрительемъ междоусобиць, раздиравшихъ его опечесиво. Хвалю—и лучше померплю недоспапки, лишенія, лучше сдѣлаюсь посмѣшищемъ гугнивыхъ, чѣмъ допущу, чтобы моя совѣсть и попомки (если только дойдуть до нихъ мелкія распри журналистовъ, похожія на пѣшущій бой) упрекнули меня въ холодности къ великолѣпному Славянскому языку, въ равнодушія къ кривымъ полкамъ нашихъ рецензентовъ. Я не продаю за деньги своего имени, хотя оно и не знаменито.

Въ минувшемъ году была напечатана въ *Лит. Прибавленіяхъ* спатья: *Красоты барона Брамбеуса*. Въ ней было поставлено на видъ нашихъ читателей 100 мѣстъ, выписанныхъ нами изъ *фантастическихъ его путешествій*. Здѣсь мы предложимъ еще сотню выписокъ изъ другихъ твореній его. Новыя не успуцптъ старымъ ни роспомъ, ни дородствомъ, ни красотою. Прочтите—и повѣрите.

101.

Душа женскаго пола, душа *сладкая, легкая, благовонная, легкая, прозрачная, хрустальная, рдьющая разноцвѣтными искрами, испаряющаяся изъ тѣла въ горячей туманъ любви.*

102.

Душа мужская брыкливая, увлажненная нагалами всѣхъ добродѣтелей.

103.

Въ пансіонѣ другой свѣтъ, другое житье! Триспа существъ по дуются, по передразниваютъ, по исподтишка высовываютъ языки *гувернанткамъ*, по слегка упражняются въ *любезномъ лицемерствѣ*, пробуютъ свои сердца на *блѣдныхъ, угерюмыхъ, педагогическихъ лицахъ своихъ учителей.*

104.

Антраша и добродѣтели нравоученія кружатся *олутоль* въ эпихъ *быспрыхъ, въпреныхъ, игривыхъ* воображенійхъ. . .

105.

И образуя въ нихъ, какъ кусочки стекла въ калейдоскопѣ, всякой разъ новые, песпрые, *пригудные, сжатые, распрыснутые фантазмагорическіе узоры*, которые не оспавляютъ послѣ себя ничего, кромѣ *густва минувшаго удовольствія и жажды новаго удовольствія.*

106.

Во второй разрядъ поступаютъ воспитанницы пансіона на тринадцатомъ году жизни: здѣсь уставъ общества позволяетъ уже разсуждать, *тихонько и понемножку*, о *любви и муцинахъ*, даже избирать себѣ *поетныхъ любовниковъ.*

107.

Я аристократъ спальни.

108.

Воздухъ, потрлсаемый безчисленными спраспями, безчисленными спленями, раздорами, *пщеславіемъ, гордостью и жадностью* огромнаго сборища людей, *сырой отъ глупости.*

109.

Хопѣлъ вскарабкался на высокое, очень высокое званіе.

110.

Онъ нѣкогда дышалъ честолобіемъ, по-
тлѣлъ честолобіемъ (3).

111.

Онъ былъ весь покрытъ прыщами честолобія (3),
и честолобіе вошло у него въ плѣхо, по ко-
порому разлилось, какъ подагра.

112.

Теперь, вогнанное въ кровь гинное начало
производитъ въ немъ ломоту въ костяхъ, боль въ
спинь, колотье въ боку.

113.

Духъ его окисъ.

114.

Послѣ каждаго повышенія чинами его при-
япелей и знакомцевъ, онъ долженъ для здо-
ровья принять слабительное (3).

115.

Иванъ Ивановичъ ничего не дослужился.

116.

Когда простуженное честолбѣе пошло у
Ивана Ивановича въ кости, у *Анны Петровны*
оно выступило пятнами по всей кожѣ (4).

117.

Наша Олимпика была бы ему какъ разъ въ пору.

118.

Атласныя вѣка.

119.

Тонкая, мелкая, застѣгивая ножка.

120.

Сахарное, бѣлое и прозрачное какъ слоновая
кость плѣхо.

121.

*Наколдованная сладострастїемъ коварной мо-
дистки эполетка.*

(3) Въ какомъ обществѣ живетъ господинъ баронъ и для
какой Публики онъ пишетъ подобныя прелестныя? Кому
говорить такія нѣжности? Всего хуже, что баронъ
народилъ густую полпу подражателей, между коими
опличается г. *Тимофеевъ*, хотя неизмѣющій поэтиче-
скаго дара, но могшій служить за-урядъ изряднымъ
разскащикомъ.

(4) Какія изящныя каршины! И есть Русскіе, кои вос-
хищаются слогомъ барона *Брамбеуса!!!*

122.

Олимпикны родители цѣловали въ ней, лю-
тали, прижимали къ сердцу превосходящель-
ство.

123.

Олимпика соскочила съ постели, какъ бы вы-
полкнувшая пружиною, и босая, полунагая,
поддерживая рукою *валлцууюся* съ плечъ рубаш-
ку, побѣжала къ розовому плащю.

124.

Лягъ въ постель (5).

125.

Въ эпому проспому, фанпаспическомъ на-
рядѣ она могла поспорить о красотѣ и изящ-
ности съ самою блистательною мечтою сла-
дострастной Греческой мѣологіи.

126.

Олимпика, во время эпои поучительной бе-
сѣды, прильрала браселѣпки.

127.

Анна Петровна доказывала еще много дру-
гихъ вещей, но *Олимпика* уже ихъ не слышала.

128.

Олимпика, *ворогая* (6) въ пальцахъ машиналь-
но взяпую со спола гошическую *пращку*.

129.

Какое-то *магнитное согуствие* связывало
этого новаго пришельца на свѣпъ.

130.

Во время испытаній въ Инспишупѣ, ви-
дѣла она многихъ важныхъ, почтенныхъ
особъ со звѣздами, копорыхъ называютъ
памъ родителами и начальниками, и въ ея
поняпш *звѣзда*, *плѣшина* и *спдые волосы* плѣсно
соединялись между собою.

131.

Она почти не различала ихъ мыслию, по-
чпи не помнила, гдѣ копорая изъ нихъ но-
сится по наспопящему: *плѣшина ли на груди*,
а звѣзда на маковкѣ, или обратно?

(5) Это уже такая погрѣшность прошивъ языка, копо-
рой нѣтъ имени.

(6) *Ворогая* *пращку*, какъ будто жѣрновъ. Наспопящее сло-
во: *вертл*.

132.

Олинъка уже не смопрѣла ни на маперіи, ни на ленпы, ни на плашья; они ей опропивѣли, казались звѣздообразными, холодными, какъ присутствіе старика, гадкили какъ *морицины*.

133.

Взоръ ея невольно избѣгалъ встрѣчи со шкафомъ, въ которомъ висѣло бѣлое апласное плашье съ букепомъ и широкою блондою. Если-бъ это было ночью, она была бы въ соспоянніи вообразить себѣ, что тамъ сидитъ *мертвецъ, домовой, лшій*, и съ крикомъ ушла-бъ изъ комнапы.

134.

Розанъ весь день былъ единспвеннымъ ея пріапелемъ: если-бъ маменька опять заговорила съ нею о звѣздѣ, она *неминуемо влюби-лась бы въ него*, (въ розанъ!!!), какъ въ *любовника*. Дѣвушекъ *дразнить* не надобно.

135, 136, 137.

Я съѣздилъ *нарогно* въ Констанпинополь и въ Римъ, чпобъ увидѣшь, какъ *терзають* чело-вѣское тѣло, какъ *растягивають* члены, *вывѣр-тываютъ* суставы, *загоняють* тростогки подъ ноги, *сжимають* ноги въ *жельзной обуви*, *гла-дятъ* кожу *раскаленными утюгами* и *сдирають* еѣ *тонкими полосами* (7); чпобъ бышь свидѣ-пелемъ, какъ твердыя души, великія, непоко-лебимыя въ добродѣтели, неуспрашимо пе-реносяпъ всѣ подобныя мученія и еще на-ходяпъ въ нихъ сладость,—*сладость въ иготи столченной* (8) *невинности*.

138, 139.

Я уже завидовалъ рѣдкой проницапельно-спи одного великаго писателя, которыи,— Богъ вѣспъ какъ!—поспигъ возможность *быть безвишно посаженнымъ на колъ*, и душевно радовался этому случаю, *сидя огень неудобно на колъ*. Мнѣ казалось, что я никогда эпаго не поспигну. Но однажды, случайно, незна-чай, я подсперегъ, какъ одѣваюпъ дѣвушекъ на бадъ, и тупъ *постигъ всѣ тайны пытки*.

(7) Прекрасная, высокая дѣль путешествія!!

(8) Чиспо по Русскѣ говоряпся: *истолченной*.

140.

Удосповѣрьше меня, что люди будущъ мнѣ удивляпъся, я сей часъ позволю вамъ *посадить меня на колъ*, и съ кола буду писать мои повѣспи.

141.

Я бы завизжалъ, какъ поросенокъ, искусалъ бы всѣхъ, *искусалъ бы всѣхъ служанокъ и парикла-херовъ*.

142.

Я пересказалъ бы всѣ шайны, всѣ запѣи и мысли барышень, если-бъ мнѣ спали пакъ *драпъ волосы*, *напрягать* (9) ихъ *вмѣспъ съ* *кожею*.

142.

Вбивать (10) мои *ножки въ узкіе и короп-кіе башмаки*.

143, 144.

Олинъка, по видимому, была гораздо храб-рѣ меня. Она вынесла эпу *пытку* съ уди-вительнымъ мужеспвомъ: *еѣ скребли, жгли, кололи, напрягали* (!), *брали въ тиски*, перзали и мучили восемь часовъ сряду,—и не испор-гли у нея ни одного спона.

145.

Она безчувспвенно позволяла дѣлапъ съ собою все, что ни вздумали ея мучипели, и объ одномъ лишь молила Бога,—чпобъ вый-пши изъ рукъ ихъ такою *гадкою*;—но такою *гадкою*, *чтобъ господинъ со звѣздою испугался еѣ*, какъ *самаго горта*.

146.

По движенію *безчисленныхъ толпъ гостей*.

(9) Не *напрягать*, а *тлмутъ* или *натлгивать*. Славян-ское слово *напрягать* кспати въ одѣ *Ломоносова*, въ *Гнѣдигевоиъ преложении* *Илиады*. Оно не къ лицу въ разсказѣ, изъ котораго изгнаны родные наши *сей и оныи*.

(10) Не во гнѣвъ будъ сказано, а право, вы г. баронъ, худо Русскую грамоту знаепе. *Вбивають* колъя, свай, *вби-ваютъ* умъ въ упрямую голову; а мы, Русаки, гово-римъ о щеголихъ: какъ *натлнула* она пакіе узенькіе башмачки; экъ онъ *напльмилъ* какіе сапожки; едва спупапъ можешъ.

147.

Радужные лучи плавающихъ въ пахучемъ воздухѣ огней играютъ въ свѣсплой, *похотливой кожѣ*, преданныхъ на жертву жаднымъ взорамъ пухленькихъ, роскошныхъ грудей и плечь.

148.

Лучи играютъ въ гладкихъ *челахъ и ланитахъ* (11).

149.

Домъ пылаетъ пожаромъ потьхи.

150, 151.

Всѣ уста волнуются улыбками, всѣ сердца бьются забавою, всѣ самолюбил заведены тугими (!!)

152.

Дѣловые, за недоспапкомъ бумагъ, по на-
выку къ огисткѣ (!!), пихомолкомъ *огизаютъ*
стаканъ.

153.

Причисленные къ герольдіи *порицаютъ* (!!)
нынѣшній ходъ дѣлъ.

154.

Кто на комъ свапается (12).

155.

Она еще не понимала пользы и повзіи бѣлыхъ
усовъ и спрашныхъ романпическихъ бакен-
бардовъ; усиливалась опкрыть въ нихъ кра-
сопу и опкрывала только образъ щетокъ (13).

156.

Одна изъ пріятельницъ пособила скрип-
ному ея любопытству произнесениемъ пого
же вопроса, копорый *испарился на устахъ*
инспипупки.

(11) Вопь неопровержимое доказательство пого, что ба-
ронъ *Брамбеусъ* не коротко знакомъ съ прихотями
языка Русскаго: если онъ написалъ *грудей* и *плечь*:
по спрочкою ниже неприлично поставивъ *челъ* и *ла-
нитъ*, а пребуются *лобъ* и *щетки*. Иначе слова сіи
заревушъ въ разногосицу и выдепъ *квартетъ* *Ив.*
Андреевича Крылова.

(12) Кто на комъ женился—шакъ! Кто на комъ свапает-
ся—не шакъ! Мы Москвичи говоримъ: кто за кого
свапается; кто за кого за-мужъ выходивъ; кто за
кого ручается.

(13) Опъ изобрѣпенія Славянскоѣ азбуки *Кирилломъ* и
Меводіемъ, слово *образъ* не было употреблено споль
безобразно!

157.

Всѣ ея понятія мгновенно слились въ одну
плотную мысль.

158.

Съ пѣхъ поръ, сама пого не чувспвуя,
она уже носила въ себѣ образъ его, *облеген-
ный* (!!)

159.

Брось эпо понятіе въ новую, чиспую ду-
шу, въ какомъ бы по ни было видѣ, оно
попчасъ жадно соединипся съ нею, какъ
щелогъ съ кислотою.

160.

Оно приведетъ еѣ въ броженіе; оно про-
никнепъ въ сердце, разоидетъ съ кровію,
пережжетъ кровь, *чувства* и *воображеніе*, и *сзер-
нуется* въ твердый *кристаллъ*, свѣсплый, алмаз-
ный, *мерцающій* волшебными огнями вожде-
лѣнія.....

161.

Впорая любовь еспъ полько подражаніе
первой. Попомъ *сердце* *привыкаетъ* къ любви,
какъ носъ къ *табаку*, и она *обращается* въ *при-
вычку*.

162.

Кто дерзнетъ изобразипъ на *ерляномъ* *лос-
куткѣ* *окуги*, превращенномъ въ писчую бу-
магу, пвои неземныя элекптрическія свойства?

163.

Раздались веселые звуки вальса, инспипуп-
ка и повѣса въ одно слово вскочили со спудельвъ,
и пуспились вальсировать, *попирал* (14), ло-
мая, *дрезбезжа* *ногали* *вст* *наши надежды*.

164, 165.

..... и *спльговыхъ* *волнъ* *обуреваемой* *роскош-
ныхъ* *груди* и *бѣлаго* *плеча* (15), *сладострастно*
вырывающагося къ вашимъ взорамъ изъ *шай-
никовъ* *рукава*.

(14) Сколько словъ, сполько погрѣшностей. Означеніи гла-
гола *дрезбезжать* спомпри *Словарь Россійскоѣ Академіи*.

(15) Безполковщина.

166, 167, 168, 169, 170.

Безпокойство овладѣло *Олинкою*: она окинула взглядомъ незнакомаго господина, и увидѣла на немъ страшную (!), уродливую (!!), огромную, какъ луца (!!!), какъ серебряная тарелка (!!!); какъ мѣртвая голова (!!!!!) . . . звѣзду.

171.

Анна Петровна своею любезностію ловко заштукатурила непроспипельную недогадливоспъ дочери.

172.

Дѣло сіе взяпо на проволоку (16).

173.

Спраспъ вспыхнула въ ней со всею силою *черезмѣрно раскаленнаго пара*, который опрокинулъ и поднялъ на воздухъ придавлявшую его тягость.

174.

Въ промежуткахъ панца, она много слышалася понкихъ намѣковъ, оспроумныхъ похвалъ, сыгненьхъ (!) легкой нѣжностью привѣтствій.

175.

Олинка, вся въ огняхъ, пошла гулять по полямъ.

176.

Мнѣ спыдно признаться передъ собою, что я нарушаю священнѣйшій долгъ маперы, краду *достояніе* (17) моей дочери.

177.

Пронзаемая попаенными ножами, *преданная* въ руки искуснаго въ *терзаніяхъ* и немолимаго палача въ *ерозномъ бархатномъ берепѣ* съ райскою пшпцею.

178.

Беззащптная дѣвушка *облекалась* (18) на лицѣ и на рукахъ *гробовою блѣдноспью*, мер-

пвѣла, *превращалась* (18) въ безчувспенный камень.

179.

Синія и зелѣнья паяпна выпупали на ея щцахъ, и были вдругъ *пожпраемы краснотою*.

180.

Онѣ знаютъ искусство *высасывать гужіе пощупуи изъ подъ кожи своихъ соперницъ* (19).

181.

Если-бъ какъ нибудь могли вы *замѣть* погда въ его голову и *порыться въ мозгъ*, вы бы нашли въ немъ *преспранныя думы*.

182.

Его деревня въ бархатномъ беретѣ все *терзала Олинку* *клецали самой утонченной злобы*.

183.

Прижавъ еѣ къ землѣ, *затоптавъ въ униженіе*, *издѣвалась* . . .

184.

Изранивъ прелестное существо, *измывъ*, *вытиснувъ на немъ* все свое ожеспоченіе.

185.

Боль души написана была на ея *лицѣ*, *взрытомъ судорожною игрою жпль*. *Челюсти ея сощемлялись*. *Корѣ* *крючила ея пальцы*.

186.

Она *ущипнула-бъ* (!) княгиню; не по *ущипнула-бъ* *маменьку* (!!!).

187.

Всѣ *веседпся*, всѣ *дышатъ утѣхою*, *разговариваютъ въ полголоса*, *обмѣниваются руками*, *обмѣниваются улыбками*, *кружатся въ отрадѣ*, въ щаспїи, въ упоенїи, въ жарѣ, — въ *воздухѣ*, *сгущенномъ усиленными дыханїями*, — во мглѣ, *испускаемой рядами догарающпхъ свѣчей*, въ *гадномъ газѣ*, *испаряющемся изъ множества раскаленныхъ*, *красныхъ и вспотѣвшихъ самолюбій* (20).

(16) Неправильно. Если баронъ *Брамбеусъ* не повѣришь, что замѣченный нами мѣспа грїшашъ или пропнвъ граммашки Русской, или пропнвъ синпаксиса, или пропнвъ всеобщаго употребленїя, которое самовласпнѣ всѣхъ правнлъ: по пущѣ спроспшь у *Н. И. Грегаш*: мы увѣрены, что онъ подпвердпшь нашъ приговоръ.

(17) Ни одна Россїянка не употребпшь слова *достояніе* въ проспмъ разговорѣ. А г. баронъ еще берѣтся. вылучпшь насъ правильно пишашъ и чпспо говорпшь по Россїйскп!

(18) Всего спраннѣе, что у барона *Брамбеуса*, оппъявленнаго врага юной Французской словесности, чаще, нежели у кого нибудъ, срываюпся съ пера выраженїе или карпшина, оппъ которыхъ пошнпшь чедовѣка съ пвжной душою, со вкусомъ разборчпвымъ.

(19) Любезный баронъ! побойшесь Бога, постыдпшесь людей.

(20) Какъ не согласпшься съ *Ф. В. Булгарпшмъ*, что баронъ *Брамбеусъ* оригиналенъ, и что явленїе его на

188.

Ея сердце трескается отъ боли.

189.

Съ злобнымъ восторгомъ предается она влеченію небеснаго, обворожительнога чувства, которое въ червый разъ посыпило ея сердце. Она опмслипъ шебъ жестоко, немилосердо, ужасно: сна будетъ кокеткою.

190.

Она издышала всю надежду, и уже дышитъ душою.

191.

Оминька мчалась черезъ споловую, пыша.

192.

Она увидѣла мороженое и стала хватать его руками, набивать имъ рошикъ (21).

193.

Двѣ крупныя слезы покапились по ея щекамъ, сбѣжали со щекъ, и изсыкли въ подушкѣ.

194.

Оминька уже была въ скоротегной чахопкѣ.

195.

Въ ея груди смерть хрипитъ страшнымъ голосомъ (22).

195.

Протлевая къ ней блѣдный взоръ изъ погасающихъ глазъ (23).

196, 197, 198, 199.

Вы ввергли её изъ потьхи въ бурную и пыльную мльльницу вашего свѣта, изломали, смолотили её зубгатыми колесами вашего тщеславія (24), корысплюбін, вашей гордоспи, разврапа и жестокоспи, испилили пылами вашихъ ращѣтовъ, расперзали своими спраспями, оскверни-

сценъ Русской словесности составивъ новую эпоху! Никшо до него не писалъ по Русски пакихъ (любезное бароново словечко), угреватыхъ, прыщатыхъ (энишпны, введенныя г. барономъ въ упопробленіе), попныхъ, вонючихъ карпинъ, какъ онъ.

(21) Эпо по Эскимосски, или по Гопшпеншопски, а не по Русски.

(22) Явное подражаніе Балъзаку.

(23) Да эпо чиспный Викторъ Гуго, еже ей, ей!

(24) Вопъ шакъ и кажешся, будшо читаешь Библиофила Жакоба, госпожу Зандтъ, или Александра Дюма.

ли грязнымъ, пзвительнымъ своимъ дыханіемъ, смляли её, какъ лоскутокъ бумаги, на которомъ написана горькая укоризна, смляли, и — бросили въ яму.

200.

Я люблю кладбище, и нахожу особенное удовольспвіе путешествовать въ галошахъ и съ зонтикомъ по безмятежному царспву погребенныхъ спраспей, по рыхлому и пыльному слою испльвшихъ надеждъ и ращѣтовъ.

А. Кораблинскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П Ъ С Н Я.

Не кукуй часпо, пы кукушечка,
Скучно, жалобно во сыромъ бору!

Груспной пѣсенкой—пы залѣпная,
Не превожъ сердце одинокое!

Не поскуй моя свѣпъ—подруженька
Въ свѣплой горенкѣ подъ окошечкомъ,

Не суши пы грудь бѣлоснѣжную—
Злой кручиною по миломъ дружкѣ,

Вѣдь не на вѣкъ пы съ нимъ распалася,
До коропкихъ дней темной осени!

Молодой снѣжокъ порошипъ начнешпъ,
Твой сердечный другъ прилешипъ къ шебъ.

Ө. Слпушкинъ.

LOGOGRIPHE.

Avec mon cœur, je viens du règne minéral;
N'en doutez pas, lecteur, car je suis un métal;
Sans mon cœur, un coursier, me frappant en cadence,
Parcourt d'un pas pressé, mon étendue immense.

Въ No 49-мъ, помѣщенная шарада значипъ: Цъ-на.

MODES.

Ma chère sœur.

La politique occupe toujours les salons, ma chère sœur, et laisse peu de loisirs aux conversations moins

graves; cependant hier chez Mme de *Nelgis* nous nous sommes trouvés une douzaine de *bonnes têtes en législation de modes*, et nous avons discuté, nous aussi, sur l'art de se vêtir et de savoir choisir des toilettes en harmonie avec l'extérieur que la providence nous a donné. Combien de femmes perdent de leurs avantages par la manière ridicule dont elles se mettent! Il ne faut pas croire que parce que Mme de *** porte tel costume, vous le pouvez porter aussi; Mme de *** peut être grande, blanche, blonde, et vous petite, brune avec les cheveux noirs; donc ce qui va à Mme de *** ne vous va point à vous. On répond: c'est la mode, et avec ce grand argument on croit parer à tout. Oui, je le sais, c'est la mode, mais la mode se modifie, se change de mille manières sans rien perdre de son état primitif. Une petite femme doit éviter les grands chapeaux, les hautes garnitures, les robes courtes et les manches trop larges. Une grande femme doit éviter les petits chapeaux, les robes étroites, qui sur un grand corps lui donnent l'apparence d'être enfermée dans une gainé; elle doit porter des robes ou de soie ou de mousseline empesée, la taille la plus longue possible, des corsages drapés ou de grandes pélerines, beaucoup d'ampleur dans les manches, enfin tout ce qui, en augmentant de sa largeur, diminue de sa longueur. J'ai remarqué que les femmes brunes de peau ont la rage des couleurs très tranchantes, comme le jaune d'or, le poncéau, le rose très vif, l'orange: c'est une grande erreur de goût. Il faut un blanc et frais visage pour supporter ces couleurs éclatantes, qui d'ailleurs sont en général fort communes. Le bleu est à mon avis la couleur la plus seyante et la plus distinguée; à quelques exceptions près, il va bien à presque toutes les femmes. Le noir est en grande vogue et l'on fait bien, il y a de la poésie dans une femme habillée de noir; les *si séduisantes* Espagnoles et les dames de Venise ne portent pas autre chose; aussi, disait Lord Byron, en sortant de Venise, je ne comprenais plus une femme qui n'était pas vêtue de noir.

Pl. No 18. Coiffures ornées de guirlandes. — Robe d'organdi brodée en laine et garnie de ruches en ruban. — Robe de mousseline de l'Inde brodée.

М О Д Ы.

Любезная сестра!

Въ гостинныхъ все занимаютъ полиппикою, любезная сестра, и пошому не находятъ время

для мене важныхъ разговоровъ; однако вчера у г-жи *Nelgis* мы собрались въ числѣ двѣнадцати смысленныхъ головъ въ законахъ моды, и разсуждали мы также объ искусствѣ одѣваться и умѣнь выбрать нарядъ, сообразный съ наружностью, данною намъ Провидѣніемъ. Сколько женщинъ теряютъ свои выгоды, одѣваясь спраннымъ образомъ! Не надо думать, что сли г-жа de *** въ такомъ нарядѣ, то и вы можете также его надѣть, напрошивъ, г-жа de *** можетъ быть высокаго роста, бѣла лицомъ и бѣлокура, вы же малы ростомъ, смуглы и черноволосы; и такъ что идеть для г-жи de ***, не будетъ годиться для васъ. Опвѣчаютъ это люди, и думаютъ убѣдивши эпимъ великимъ доказательствомъ. Да, я знаю, что это мода, но мода измѣняется пысечью различными манерами, ни сколько не теряя своего начала. Небольшая ростомъ женщина должна избѣгать носить большія шляпы, широкія оборки и слишкомъ широкіе рукава. Высокая ростомъ женщина должна избѣгать маленькихъ шляпъ, узкихъ плащевъ: большое шуловище въ узкомъ плащѣ кажется будшо въ фулярѣ; она должна носить плащя шелковыя или кисейныя накрахмаленыя, личь какъ возможно длиннѣе, драпированный, или большую пелеринку, весьма широкіе рукава, наконецъ все то, что расширяя укорачиваетъ. Я замѣтила, что смуглыя женщины имѣютъ спросъ къ яркимъ цвѣтамъ, какъ то: золотому, пунцовому, ярко-розовому, оранжевому. Это большая ошибка вкуса. Бѣлое и румяное лицо можетъ только скосить эти блестящія цвѣта, которые впрочемъ слишкомъ обыкновенны. Голубой цвѣтъ по моему мнѣнію есть самой приличный и весьма опличенный; съ нѣкоторыми исключениями онъ идеть почти ко всемъ женщинамъ. Чѣрный цвѣтъ въ большомъ употребленіи и весьма хорошъ. Въ женщинѣ, одѣтой въ черное, есть поэзія; столь обольстительны Испанки и дамы Венеціи. Лордъ Байронъ говорилъ, выѣхавши изъ Венеціи, что онъ не понималъ больше женщину, одѣтую не въ чѣрное.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

Карш. No 18. Прическа съ гирландами. — Плащъ изъ органди, шитое шерстью и съ рюшами изъ ленъ. — Вышитое плащъ изъ Индѣйской кисей.

№ 18^а Номер. Угруд. къ П. Н.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

N° 51.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюня 26 дня 1855 года.

Будь роза дѣвственной красою,
Невинность лиліи храни,
Фиалки скромной простигою
Дары природы осѣни,
Будь вѣжнымъ плющемъ для супруга
И незабудкою для друга.

Пл. Ободовскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

Разсказъ.

Въ одинъ прекрасный осенній вечеръ профессоръ *Кс.* сидѣлъ съ немногими друзьями въ своей садовой бесѣдкѣ. Вишневая и грушевая деревья уже мѣстами запестрѣли, а гряды и дорожки опчасти заспилались пожелтѣвшими листьями, изъ подъ коихъ немногія запоздалыя астры подымали свои свѣжія головки. Поблѣкшіе, опалые листья пакъ живо изображаютъ намъ плѣнность всего земнаго, что при видѣ ихъ невольно уподобляешь человѣческую спарость увяданію осенняго дерева, и кака-то грусть налегаетъ паяжко на сердце. И пакъ не мудрено, что гости и въ эпоху вечеръ принялись за старую тему, и начали обрабатывать её всячески: важно, прагматически, юморически. Въ продолженіе сей плачевной бесѣды, профессоръ сдѣлался задумчивымъ; съ поухшею трубочкою во рту,

вперялъ онъ неподвижные взоры въ землю, и, казалось, вовсе не внималъ разговору пріятелей.

— Нашъ *Кс.* . . . , — воскликнулъ весельчакъ *Филиппъ*: ужъ черезъ чуръ разчувствовался при видѣ увядающей природы; не видитъ, не слышитъ. Пробудись изъ грезъ, любезный, и возврати жизнь явной покойницѣ-трубкѣ, — продолжалъ онъ съ комическою важностью, влагая молчаливому въ уста красивый яштарный мундшпукъ и кладя горящую бумажку на поухшую трубку: доживемъ и до другой весны. —

Профессоръ машинально закурилъ опять трубку, и съ нѣкопорымъ усиленіемъ вырвался изъ оцѣпенѣнія. — До весны, сказалъ онъ, обратясь къ *Филиппу*: до весны, съ Божіею помощію, доживемъ, но что далѣе? Конечно сей садъ опять зазеленѣетъ, опять разцвѣтетъ, но будемъ ли мы тѣ же самые? — На меня весна наводитъ пакою же грусть, какъ осень, и повѣрь мнѣ, пволя ободрительная рѣчь для меня поже самое, что для спарца

приглашеніе плясать и веселиться съ цѣлующимъ юношествомъ.

«Послѣдняя поѣздка своя въ Силезскія горы совсѣмъ перемѣнила меня;» замѣнилъ *Конрадъ*: «ты спалъ задумчивъ и молчаливъ, и нерѣдко овладѣваетъ побою угрюмость, совершенно несвойственная моему характеру.»

— Не мудрено, — подхватилъ *Филиппъ*: онъ общалъ себя много отъ сей поѣздки, а сбылось мало. Развѣ ты не замѣнилъ, какъ профессоръ нашъ не любитъ говорить о рѣдкостяхъ возлюбленныхъ родимыхъ горъ, не смотря на то, что мы уже заранѣе радовались его блестящимъ и сентиментальнымъ описаніямъ. —

«Эта поѣздка,» сказала *Кс...* «не только не оправдала моихъ ожиданій, но еще нанесла моему сердцу жестокою рану.»

— Тайна это что ли? — воскликнулъ *Филиппъ*: къ чему такая скрытность? Выскажи намъ откровенно все, что тебя такъ больно уязвило; можешь спаться, это для сердечной раны будетъ цѣлительнымъ бальзамомъ. —

«Вы хотите, чтобы рана моя, которая только начинается заживать, опять раскрылась,» отвѣчалъ профессоръ съ грустною улыбкою, и слѣзы навернулись на его глазахъ: «Но такъ и быть! Вы поцѣпите меня за чудака, потому что не можете войти въ мое чувство, и, можете спаться, улыбнетесь моей странной чувствительности.»

— Не бойся, дружокъ, не будемъ смѣяться! — сказала *Конрадъ*, и пожалъ ему руку.

«Вамъ уже извѣстно,» продолжалъ *Кс...* «что я проводилъ свою молодость въ одномъ городкѣ близъ Бреслава. Съ тѣхъ поръ, какъ я отправился въ университетъ, болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, я не видалъ своей родины. На яву и во снѣ, непрерывно мнѣ грезилось незабвенное для меня мѣстечко, и желаніе, весело провести нѣсколько недѣль среди поварищей моей молодости, нерѣдко сильно меня пруживало. Вы знаете, какія обстоятельства препятствовали исполненію сего желанія, и какъ надежда обманывала

меня годъ за годомъ. Наконецъ, чрезъ щастливый оборотъ моей судьбы, я увидѣлъ себя нынѣшнимъ лѣтомъ въ состояніи предпринять давножеланную поѣздку, и вмѣстѣ съ нею небольшое странствіе по Исполинскимъ горамъ, о которыхъ еще оставалось въ душѣ моей темное воспоминаніе отъ раннихъ лѣтъ младенчества.

«Я отправился. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ я къ главному городу Силезіи, тѣмъ живѣе пробуждались воспоминанія, болѣе тридцати лѣтъ во мнѣ дремавшія. Я чувствовалъ себя невыразимо щастливымъ, и хотя мнѣ извѣстно было, что лучший другъ моей юности нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ училемъ гимназіи въ томъ самомъ городкѣ, въ которомъ жили мои родители, но я былъ увѣренъ, что прекрасный міръ моей молодости утѣшитъ и обрадуетъ меня многими пріятными воспоминаніями. Но когда за Бреславлемъ увидѣлъ я вдали мой родимый городокъ, когда даже самыя башни, казалось, измѣнила видъ свой, и одинъ только величественный, готическій замокъ былъ дѣйствительно еще поэтъ же самый, тогда овладѣло мною невыразимо горестное предчувствіе. По сую сторону городка, въ разстояніи четверти мили отъ онаго, находится бумажная фабрика. Сыновья прежняго владѣльца были мои поварищи. Я остановился и вошелъ на фабрику. Все измѣнилось; все равнодушныя, незнакомыя лица; одни только плачевныя извѣстія о судьбѣ прежняго владѣльца и его семействѣ.

«Съ тяжкимъ сердцемъ, я поѣхалъ далѣе. Ворота представились мнѣ тѣмъ же стариннымъ, башнеподобнымъ зданіемъ съ огромными сводами и арками; но въ ближайшихъ улицахъ я ужъ не встрѣчалъ прежнихъ предметовъ. Два значительныхъ пожара вовсе измѣнили большую часть города. Я отправился пѣшкомъ въ гостиницу подъ вывѣскою Золотого орла, что на площади; оглядывался во всѣ стороны, чтобы увидѣть хотя одно знакомое лицо, но тщетно. Мнѣ отвели комнату. Я осведомился о прежнемъ содержавшемъ, съ сыномъ коего я сидѣлъ въ гимназіи на одной лавкѣ. Теперешній хо-

злинъ не зналъ даже его имени. Семейство сіе совершенно разорилось опъ послѣдняго пожара; гостинницу продали; родители померли въ нищету; сынъ отправился въ чужбину; куда? никто не зналъ. Я открылся хозяину, что этопъ городокъ для меня почти родина, что я провелъ въ немъ мою молодость. Я назвалъ свое имя и званіе моихъ родителей; но опвъпомъ его было холодное: *право!* Я освѣдомился о различныхъ семействахъ, въ кругу коихъ въ молодости былъ какъ дома, о сыновьяхъ и дочеряхъ почтенныхъ и извѣстныхъ въ то время людей. Большая часть ихъ моему хозяину была вовсе незнакома, а которыхъ онъ знавалъ, тѣ или давно ужъ померли, или переселились въ другое мѣсто.

«Я пошелъ пройтись по городу. Старое училищное зданіе еще стояло на прежнемъ мѣстѣ. Насупротивъ его была кондитерская. Я вошелъ, и въ продолженіе завтрака распрашивалъ учиваго и ласковаго хозяина фамиліи нынѣшнихъ учителей заведенія. То были все незнакомыя имена. Въ это самое время кончились классы. Ученики вывалились толпами и разсѣлись по улицѣ. Съ угрюмымъ взоромъ разсматривалъ я веселый сонмъ дѣтей. Нѣкогда былъ я участникомъ сей безопасности, младенческой рѣзвости, а теперь сіи толпы роились предо мною какъ новый, совершенно незнакомый мнѣ міръ.

«Молодой человекъ вошелъ въ кондитерскую. Изъ словъ хозяина видно было, что это учитель. Я всупилъ съ нимъ въ разговоръ, и наконецъ открылся ему, что я питомецъ того самаго заведенія, въ которомъ онъ теперь учитъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ довольно неумѣстнымъ комплиментомъ; но скоро обратился къ другимъ предметамъ, забрелъ въ область литературы и наукъ, и тѣмъ нѣсколько разсѣялъ мою грусть, которая спанивилась мнѣ почти несною. Онъ вызвался познакомить меня съ директоромъ и прочими учителями заведенія. Разумѣется, что я немедленно согласился. Мы навѣспили одного и другаго и претѣяго; меня ласково пригласили посѣпить на другой день гимназію, а потомъ опобѣдать у директора.

«Я попался въ какую-то удивительную умственную безпутницу. Новая связь, новая жизнь открывалась мнѣ въ мѣстахъ, бывшихъ свидѣтелями моихъ младенческихъ и юношескихъ занятій; но давно погибшая спарина, грознымъ привидѣніемъ всплывая изъ потока времени, непрерывно разлучала меня съ новымъ, чуждымъ мнѣ міромъ, и впускала меня въ хаосъ гореспнѣйшихъ ощущеній. Я изнемогалъ. Сердце мое раздѣлено было между моею щасливою молодостью, которую я путь надѣялся воскресить волшебствомъ воспоминанія, но, вмѣсто волшебнаго круга, нашелъ холодную дѣйствительность, и между жизнью, среди коей я, вдали отъ родины, состарѣлся, и которая по многимъ пріятнымъ связямъ имѣла право на мою любовь и привязанность. Наиболѣе же оскорбляли меня насмѣшливые отзывы о моихъ покойныхъ наставникахъ, о ихъ успарьлой методѣ ученія и нерѣдко даже о ихъ нравственности. Распрашивая о старинныхъ друзьяхъ и знакомцахъ, я почти всегда къ величайшему моему прискорбію замѣчалъ, что съ какою-то внутреннею радостію возвѣщали мнѣ приключившіяся съ ними бѣдствія.

«Въ этотъ же день мнѣ вздумалось посѣпить дворцовый садъ, давно уже преданный запустѣнію. Дорога вела меня мимо того дома, въ которомъ жили мои родители. Онъ принадлежалъ тамошнему аптекарю, но въ то время былъ красивъ и опряпенъ, — теперь весь почернѣлъ, закопѣлъ, и вообще носилъ на себѣ печать крайней ветхости. Наконецъ вопъ старинный знакомецъ, — подумалъ я самъ въ себѣ: но какой угрюмый, какой одичалый! — Я вошелъ въ аптеку. Провизоръ, молодой человекъ, пріятной наружности, принялъ меня довольно ласково. Необыкновенное сходство лица и всего сложенія меня поразило. Я спросилъ, какъ его зовутъ; онъ назвалъ мнѣ имя моего искреннѣйшаго друга, и послѣ дальнѣйшихъ распросовъ я узналъ, что онъ сынъ его, при крещеніи коего я былъ заочнымъ воспріемникомъ. Сердце мое забилось опъ радости; я открылся молодому человеку, и обнялъ его съ горячностью. Онъ хопя и казался изумленнымъ, однако вспомнилъ о моихъ опношеніяхъ къ его покойно-

му родителю, равно какъ и о моихъ письмахъ, которыя сей послѣдній часто читалъ въ кругу своего семейства. Мы вошли въ комнату подлѣ лабораторіи. Я спросилъ его съ участіемъ, что онъ намѣренъ предпринять, если кончится его контрактъ съ хозяиномъ аптеки. Онъ признался мнѣ откровенно, что по бѣдности своей онъ еще и думать не можетъ объ упроченіи своей будущности. «Владѣтельница сей аптеки вдова,» продолжалъ онъ: «и желаетъ продать сіе заведеніе; но я не въ состояніи достать потребную сумму, отъ которой зависитъ все мое счастье, ибо я уже давно обрученъ съ милою, доброю дѣвицею, и тщетно ожидаю благопріятной переменны моей участи, чтобы на ней жениться.»

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

НЕГРИТЯНСКІЙ КОРАБЛЬ.

(Изъ записокъ мореходца.)

Въ продолженіе моего романческаго путешествія, набрелъ я однажды, неподалеку отъ мыса *Палмъ*, на нѣсколько деревянныхъ избъ, которыя были на скорую руку срублены, на палашемъ пескѣ, Европейцами, посѣдившими эту, почти неизвѣстную страну. Близъ этой жалкой деревнишки лежалъ на якорѣ совсѣмъ черный и, казалось, опущенный, длинный бригъ. При приближеніи корабля моего, онъ не поднялъ флага. То былъ Негритянской корабль. Вышедъ на берегъ, я увидѣлъ молодого человека, выходящаго изъ одного изъ этихъ домиковъ. Онъ былъ одѣтъ небрежно, такъ, какъ одѣваются шъ моряки, которые тайно объѣзжаютъ берега Африканскіе. Завидя меня, онъ бросился мнѣ на шею и вскричалъ: «не уже ли это ты? Какой чортъ занесъ тебя въ эту окаянную землю?» Вглядѣвшись пристально въ молодца, я узналъ въ немъ родственника моего, купца съ Гвинейскаго берега, котораго почиталъ добрымъ малымъ.

На распросы его, я сказалъ ему, что я пріѣхалъ для того, чтобы развѣять грузъ корабля моего на золотой песокъ и слоно-

вую кость. Онъ признался мнѣ, что онъ не занимается такою мелочью; что золотой песокъ и слоновую кость продаютъ владѣльцы этой варварской страны самую дорогою цѣною, и что ему шпукъ сто черныхъ невольниковъ дадутъ гораздо больше барыша, чѣмъ кость и золото. На вопросъ мой, какъ идутъ дѣла его, онъ отвѣчалъ: Не худо; кто разумѣетъ шорть людьми такъ, какъ нашъ братъ: потъ не пропадетъ. Я только по ращѣту женился на старшей дочери этой собаки *Дукъ-Лагора*, съ тѣмъ, чтобы онъ мнѣ далъ двойной комплектъ черныхъ невольниковъ. Жаль, что ты не пріѣхалъ сюда нѣсколькими днями ранѣе, ты бы имѣлъ честь присутствовать при бракосочетаніи моемъ съ наследною принцессою *Цацою*. Она изъ всей королевской моей родни меньше всѣхъ ростомъ, черна какъ дьяволъ и вонюча.—

«Злодѣй!» воскликнулъ я: «ты имѣешь наглость жениться на принцессѣ, имѣя жену въ Марпиникѣ?»

— Что за бѣда, — сказалъ холоднокровно негодай: вишь я женился по корабельному. Капитанъ моего корабля, и великой Мафукъ этой страны вѣнчали насъ на корабль при канатномъ блокѣ, который былъ передѣланъ въ налож; два юнга моими были шаферами,—смѣхъ да и полько!—

«Хорошо; ну если новобрачная захочетъ ѣхать съ тобою въ Марпинику, что тогда?»

— Хорошъ вопросъ, что тогда! — тогда я её продамъ. Принцесса чистѣйшей крови и съ головы до ногъ татуирована. Чортъ меня возьми, ежели я отдамъ эту рѣдкость дешевле ста піаспровъ. Да полно болтать, братъ, черезъ недѣлю я отправляюсь съ Неграми, подаренными мнѣ его величествомъ. Но мнѣ хотѣлось бы представить тебя королевской фамилии.—

Въ тѣни огромной пальмы сидѣлъ отвратительный Негръ. При тридцати градусахъ жара, онъ былъ окутанъ въ Польскій кунтушъ, опущенный мѣхомъ. Огромный пенковый парикъ покрывалъ его голову. Передъ нимъ стояло блюдо съ вареною Маніоковою

мукою, которую онъ пожиралъ съ жадно-спію. Нѣсколько молодыхъ Негритянокъ почтительно окружали его.

Свѣплѣйшій родственникъ мой, приближаясь со мною къ пальмѣ, сказалъ съ прищворно-важнымъ видомъ: Братъ! ты видишь его величество короля *Дукъ-Лагора*, и я представлю тебя принцессѣ *Цау*, возлюбленной моей супругѣ. Проворнѣ, жена, подойди, обними барина, онъ мнѣ братъ; ну проворнѣ; будь ласкова; да смотри не жеманься! — Я предупредилъ бѣдняжку и обнялъ её. Для жительницы Пальмоваго мыса, она показалась мнѣ довольно хороша.

Король *Лагоръ*, зная только немного искверканныхъ Англійскихъ словъ, сказалъ мнѣ по своему обязательное привѣтствіе, за которое я изъяснилъ ему дѣлительную признательность, подаря большой штофъ рапафіи, которой онъ вмѣгъ выпилъ до половины.

Спустя недѣлю послѣ моего представленія, добродѣтельный братъ мой отвелъ невольниковъ на свой корабль, чтобы везти ихъ въ Маршинуку. Черную жену свою не могъ онъ удержатъ на родномъ берегу, и она съ ними же отправилась. Никогда не забуду я словъ эпого негоднаго человѣка, которыхъ шепнула онъ мнѣ при отъѣздѣ на ухо. «Если мнѣ за эпога чернаго чурбана (жену) не дадутъ въ С. Пьеръ хорошей цѣны: по спанепъ моему любезному песпію въ копѣйку вырвать её изъ когтей моихъ.» Супруги съѣли на корабль, сопровождаемые подарками и благословеніями нѣжнаго опца.

Прошло болѣе полугода; я совершенно забылъ объ эпомъ происшествіи, и находясь въ С. Пьерѣ на Маршиникѣ, смотрѣлъ ночью при свѣтѣ факеловъ на Негровъ, веселившихся фантаспическихкими своими плясками. Я всматривался въ знакомыя лица, и узналъ принцессу *Цау*. Пронзительный ея крикъ, при моемъ появленіи, удостоверилъ меня, что и она меня узнала. Во владѣніяхъ опца своего, она бы дружески обняла меня, но на островѣ Маршиникѣ несчастная бросилась мнѣ въ ноги, и изъясвила живѣйшую радость о нечаянной нашей встрѣчѣ.

«Что ты здѣсь дѣлаешь?» спросилъ я её на Креольскомъ нарѣчій, полагая, что она уже ему научилась.—Служу барынѣ, супругѣ бывшаго моего мужа;—сказала она мнѣ, съ прудомъ изъясняясь. Эпо была правда; несчастная *Цау* рѣшилась оспасться въ Маршиникѣ, и служить женѣ гнуснаго моего родственника.

Я спросилъ её, почему не воротилась она въ опечество свое?—Она отвѣчала, что нашедъ мужа своего женатымъ, и зная, что любовь его принадлежитъ по праву первой женѣ, она рѣшилась оспасться при ней, и служить ей, пока смерть ея позволитъ въпроемъ женѣ вступить въ управленія на время правѣ.

Я, къ несчастію, былъ споль неостороженъ, что услыша эпои слова, громко захохоталъ, и сказалъ несчастной *Цау*, что она никогда и ни въ какомъ случаѣ не получитъ ожидаемаго ею наслѣдства.

Она слушала меня со вниманіемъ, и погрузилась въ задумчивость; но вдругъ схватила меня за руку, судорожно сжала её, и оставя меня, вмѣшалась въ полпу пляшущихъ, гдѣ равнодушно продолжала плясать. На слѣдующее утро несчастную нашли мертвою въ хижинѣ; она оправила себя съ опчаяніемъ!

Съ Нѣмец. *А. М.*

СЦЕНА ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ.

«Какъ! ты выѣжаешь сегодня, моя милая?» спросилъ лордъ *Сеймуръ*, входя вечеромъ въ гостиную, и видя, что красавица-жена его роскошно одѣта для вечеринки.—«Я думалъ, что ты хотѣла оспасться дома сегодня,» прибавилъ онъ съ легкимъ выраженіемъ неудовольствія.— Я также эпо думала поупру, но попомъ леди *Анна Голд* доставила мнѣ приглашеніе на избранную вечеринку г-жи *Ормантонъ*; я съ неперпнѣніемъ ожидала тебя, чтобы сказать тебѣ объ эпой радости. Ты знаешь, какъ давно я эпога желаю, но не знала, какъ познакомиться съ нею. Но гдѣ ты пробылъ цѣлый день,

Сеймуръ? Я очень беспокоилась о тебѣ.— И взглянувъ на мужа, она была поражена его блѣдностью и задумчивымъ видомъ; тогда и ея веселый, беззаботный взглядъ принялъ выраженіе нѣжнаго участія.— Надѣюсь, что съ побою ничего не случилось?— «Ничего, любезная *Каролина*, но я уснулъ и пѣломъ и душою, и признаюсь, что я, какъ эгоистъ, огорченъ, видя, что лучшее и прекраснѣйшее утѣшеніе мое будетъ радовать другихъ, а не меня.» (Тутъ онъ обвилъ рукою спящую *Каролину* и нѣжно прижалъ её къ сердцу.) «Я цѣлый день щепотно спарался выпросить прощеніе двумъ несчастнымъ, приговореннымъ къ смерти за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій. Нѣкоторыя обстоятельство, дошедшія до моего свѣдѣнія сегодня утромъ, увѣрили меня, что они были только спящія орудія злодѣя, воспользовавшагося ихъ нищетою и невѣжествомъ, и который самъ скрылся отъ правосудія. Я вездѣ присиль для нихъ хопя опсрочку, но ихъ завтра повѣсятъ, и ихъ судьба лежишь на моемъ сердцѣ, какъ тяжелый камень.»

— Ахъ! какъ-бы я желала, чтобы приглашеніе г-жи *Ормантонъ* пришло въ другое время,— вскричала леди *Сеймуръ*.— Я не могу оставить тебя одного; но не знаю, какъ опказаться.— «Любезная *Каролина*! какъ можешь ты думать, что я хочу лишиться тебя эпаго удовольствія. Я знаю, какъ ты желала сдѣлать это знакомство. Завтра я буду участвовать въ пвоей радости, а сегодня постараюсь провести вечеръ безъ тебя, какъ могу.»

Каролина вышла, и лордъ *Сеймуръ* погрузился въ грустные размышленія, изъ которыхъ онъ былъ пробужденъ сильнымъ шумомъ у дверей. Вскорѣ ему доложили о пріѣздѣ леди *Анны Гоупе*. Леди *Анна* была дама среднихъ лѣтъ; она имѣла самое блестящее положеніе въ модномъ свѣтѣ, котораго злое вліяніе не могло уничтожить ея прекрасныхъ чувствъ и доброты возвышеннаго сердца. Входя въ комнату она дружески протянула руку лорду *Сеймуру*, и вскричала: Какъ! не ужели прекрасная *Каролина* еще за шуалетомъ?— «Нѣтъ, она ждетъ васъ.

Она сей часъ вышла отсюда и скоро возвратится.»— Я пріѣхала за нею ранѣе, нежели назначила, чтобы представить *Каролину* г-жѣ *Ормантонъ*, когда еще толпа не соберется. Я не могу выразить, какъ я рада, что доставляю ей это знакомство; онѣ сотворены другъ для друга. Г-жа *Ормантонъ* будетъ въ восхищеніи отъ ума, отъ характера, отъ прелестнаго простодушія *Каролины*; а *Каролина* будетъ любить, почитать г-жу *Ормантонъ*, которая превосходитъ всѣхъ женщинъ, какъ по сердцу, такъ и по образованію. Вы, милордъ, обязаны мнѣ вѣчною благодарностью, потому что я доставляю *Каролинѣ* знакомство, которому всѣ будутъ завидовать.— «Вы можете быть увѣрены, миледи, что я живо чувствую милости ваши; и надѣюсь, что вашъ планъ исполнится: онѣ вѣрно полюбятъ другъ друга. Я не понимаю, какъ можно знать *Каролину* и не полюбить её.»

Въ эту минуту дверь опворилась и леди *Сеймуръ* вошла, одѣтая, не такъ какъ прежде, со всею роскошью моды и осыпанная бриліаншами, а въ простомъ бѣломъ платьѣ; только прекрасный букетъ оспался у ней отъ прежняго костюма. Мужъ ея и леди *Анна* посмотрѣли на неё съ удивленіемъ; но въ ту же минуту лордъ *Сеймуръ* догадался, въ чемъ дѣло, и взглядъ его, исполненный любви и благодарности, ясно доказывалъ, что онѣ чувствовалъ.— Какъ, *Каролина*! вы еще не одѣты; а милордъ меня сей часъ увѣрялъ, что вы ждете меня. Много же вы понимаете въ дамскомъ шуалетѣ, милордъ!— Услыша такое грозное обвиненіе въ споль важномъ предметѣ, лордъ *Сеймуръ* спѣшилъ оправдаться, но *Каролина* предупредила его. «Что вы обо мнѣ подумаете, ежели я скажу, что не поѣду съ вами?»— «Что я подумую? Да вы конечно шулите?— Что я скажу г-жѣ *Ормантонъ*?— «Скажите ей, что я капризна; скажите что угодно, я полагаюсь на вашу изобрѣтательность.»— *Каролина*! шутъ должна быть причина; вы никогда не были капризны. Надѣюсь, милордъ, что не вы помѣшали *Каролинѣ* ѣхать?— «Увы! я боюсь, что я кругомъ виноватъ, хопя совершенно невиненъ. Я возвратился сегодня сердитый

и успалый, послѣ самаго упоминешнаго дня, и видя, что *Каролина* готовится ѣхать въ гости, очень огорчился, и признался, показавъ это ей; но увѣрю васъ, что не просилъ её оспаваться; я не могъ даже вообразить, что она мнѣ принесетъ эту жертву.»

—Ахъ! оспановись,—сказала *Каролина*: теперь выслушайте меня, леди *Анна*; я вамъ расскажу, какъ это дѣйствительно произошло. *Сеймура* я не видала цѣлый день опть самаго завтрака; когда же онъ возвратился, я увидѣла его упоминенаго и спраждающаго опть того, что не могъ выпросить прощенія двумъ невинно-осужденнымъ на смерть. Могла ли я его оспавить? Я увѣрена, что не могла бы веселиться у г-жи *Ормантонъ*, и все думала бы о удовольствіяхъ, которыми онъ для меня пожертвовалъ прошлаго года во время моей болѣзни. Скажите же г-жѣ *Ормантонъ* все, что угодно; я увѣрена, что мнѣ будетъ весело здѣсь.—Она съ нѣжностію пожала руку мужа.

—Вы достойны своего щастія, любезные друзья,—сказала леди *Анна*. Глаза ея были наполнены слезами неподдѣльнаго чувства, когда она встала, чтобы съ ними проснуться.—Я знаю, что г-жа *Ормантонъ* будетъ имѣть высокое мнѣніе о юной супругѣ, отказавшейся опть удовольствій большаго свѣта, чтобы ошастливитъ благороднаго, прекраснаго супруга. Прощайте.—

Каролина проводила её до лѣспницы. Леди *Анна* обратилась къ ней: Вы прекрасно поступили, милый другъ; спокойствіе совѣсти и любовь мужа довольно награждаютъ васъ. Но я должна дать вамъ совѣтъ: будьте довольно великодушны; и скройте опть него, что вы сдѣлали пожертвованіе.—*Каролина* поблагодарила её; но совѣтъ былъ бесполезенъ; она чувствовала, что только промѣняла меньшее удовольствіе на большее, и въ простотѣ сердца, не требовала за это удивленія. Когда она возвратилась въ гостиную и была встрѣчена сердечной лаской и улыбкою: то невольно вспомнила выраженіе ея любимаго поэта:

Что имъ было до свѣта? Удовольствія,
роскошь его—ничтожны передъ ихъ сердцемъ.

Съ Англ. *Аркадій Милославскій*.

УЛУЧШЕННОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Одинъ молодчикъ, родившійся и выросшій въ городѣ, посѣпилъ своего дядю, жившаго въ деревнѣ. Хозяинъ повелъ его по своимъ дачамъ и полямъ, и во всю дорогу рассказывалъ ему о такихъ вещахъ, о которыхъ гость не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Наконецъ они вышли на прекрасный лугъ.—«Этотъ лугъ приноситъ бы мнѣ большой доходъ;» замѣпилъ дядя: «да проклятые кропы его портятъ.»—О, прошивъ эшаго еспъ вѣрное средство;—подхватилъ горожанинъ.—«Пожалуй открой мнѣ, какое?»—Надобно только *вылостить его камнемъ*,—опвѣчалъ гость не въ шупку.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КУБОКЪ.

Кубокъ златой,
Кубокъ драгой!
Ахъ, ужъ давно
Родное вино
Не шумѣло въ тебѣ,
Не играло въ тебѣ
Серебристой иглой,
И жемчужной росой
Не блестѣло давно
Твое чистое дно.
Застоялся же пы,
Запылился же пы
И чудесной ужъ шой
Красоты дорогой
Въ златѣ, въ высѣчкѣ нѣшъ,
Какъ за нѣсколько лѣтъ
Дѣды—предки мои
Въ драгоценные дни
Послѣ спычки съ врагомъ
За шумящимъ споломъ,
Выпивая вино,
Осушали всё дно;

Какъ въ кровавыхъ бояхъ,
 Въ шлемахъ свѣшлыхъ, въ броняхъ
 Собирались подъ кровь
 Разноцвѣтныхъ шапровъ,
 И сребриспымыъ виномъ
 Подъ воинственный громъ,
 Веселясь межъ собой,
 Въ пѣсняхъ славили бой.
 Ахъ! какъ славно тогда
 Прошекали года!
 Самый образъ тѣхъ дней
 Былъ гораздо милѣй!
 Кубокъ славной, драгой,
 Кубокъ дивный, злагой,
 Ахъ, въ тебѣ ужь давно
 Не шумѣло вино!

Ив. Галанинъ.

О М О Н И М Ъ.

Губернiя я Тульской городъ,
 Не знаю, что могло подать бы поводъ
 Названiе мое тому искусству дашь,
 Которымъ на сребрѣ умѣюшь начертать,
 Иль вычеканивать картины и узоры:
 Овечекъ съ пасушкомъ,
 Пасушекъ съ пососкомъ,
 Ручьи, лѣса, луга, сады, долины, горы.

Въ No 40-мъ, помѣщенный логогрифъ значить: *Platine, plaine.*

М О Д Е С.

On porte beaucoup de chapeaux de paille cousue; il y en a dont le prix s'élève très haut par la perfection du travail. On ne les orne jamais que d'un ruban; la seule innovation permise serait un bouquet de fleurs des champs. On reprend le chemin des Champs-Élysées, pour aller au concert d'été qui s'y tient. On s'y pare assez. De là on va prendre des glaces à Tortoni, en jetant un regard de regret sur le théâtre Italien, abandonné pour six mois. Le temps, qui n'est point

trop chaud, permet encore d'aller au spectacle. Je me suis laissé entraîner l'autre jour au théâtre de Franconi pour voir la *Traite des Noirs*, dont les journaux faisaient grand fracas. J'ai trouvé que les *noirs* étaient des gens bien *vertueux* et bien *ennuyeux*. Les décorations et le ballet valent la peine d'être vus. La salle, nouvellement décorée, est fort belle et bien éclairée. Elle est en tout semblable à celle d'*Ashley* à Londres. Les chevaux ont eu un rôle *fort court* à apprendre dans la *Traite Noirs*, ils ne font que descendre et monter un escalier une seule fois pendant toute la pièce, au moment où tous les nègres agenouillés adorent le *dieu Yanka*, qui a un chapeau à *trois cornes*, penché légèrement sur l'oreille. Chère et bonne *Nancy*, je voudrais être assez près de la vôtre pour que vous m'entendiez vous dire que je vous aime. En attendant cet heureux jour, adieu, au revoir. — *Sarah.*

М О Д Ы.

Вшивныя соломенные шляпки въ большомъ употребленiи; естъ весьма дорога, отличной работы. Ихъ ошдѣлываютъ только леншамы; одно позволенное опспусленiе букетъ полевыхъ цвѣтовъ. Начинаюшь опять ѣздить въ Елисейскiя поля для лѣсныхъ концертовъ. Туда довольно наряжаются. Опшуда ѣдутъ естъ мороженое къ Торшони, бросивъ взглядъ сожалѣнiя на Ипалiанской театръ, оставленный на шесть мѣсяцовъ. Время не слишкомъ жаркое, позволеть еще ѣздить въ спектакли. Меня увлекли на дняхъ въ театръ *Franconi*, смотрѣшь *торей Негралли*, который журналы весьма выхваляли. Я нашла, что черные были весьма добродѣтельные и скучные люди. Декорацiи и балетъ заслуживали вниманiе. Зала, вновь убранная, весьма красива и хорошо освѣщена. Она во всемъ походитъ на залу *d'Ashley* въ Лондонѣ. Лошадей надо было учить весьма коронкiя роли: онѣ только взойдутъ на лѣспницу и сойдутъ съ неѣ одинъ разъ въ продолженiе всей пьесы, въ шо время, когда всѣ Негры на колѣнахъ поклоняются *богу Яикъ*, на которомъ преугольная шляпа, наклоненная немного на ухо. Милая и добрая *Нанси*, я бы хотѣла бытъ близко къ тебѣ, чпобъ ты услышала меня говорящую тебѣ люблю. Въ ожиданiи эпого щаспливаго дня, прощай, до свиданiя. — *Sara.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 52.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюня 29 дня 1835 года.

Ну вотъ, великая бѣда,
Что выпьешь лишнее мущина!
Ученье—вотъ чума! ученость—вотъ причина...
Что нынче пуще, чѣмъ когда,
Безумныхъ разведось людей и дѣлъ и мнѣній.

Грибоедовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

В О Р О Н Ы.

(Происшествіе изъ прозаической жизни.)

Вы знаете *Якова Ивановича Пузарева*?—Ну, вѣрно знаете; какъ не знать *Якова Ивановича*! Чудесникъ *Яковъ Ивановичъ*, нечего сказать; чудесникъ, какихъ мало. Между прочимъ скажу вамъ, что *Яковъ Ивановичъ* большой мастеръ и охотникъ спрѣлать и что онъ большею частію спрѣляетъ, не прогнѣвайтесь!—воронъ на Рѣзвомъ оспрову. Плодами такой своей охоты *Яковъ Ивановичъ* со удовольствіемъ своимъ одѣляетъ знакомыхъ и незнакомыхъ, доставляя чрезъ то себѣ умственное наслажденіе, заставляющее его хохотать до упаду; да и какъ не хохотать, когда напримѣръ извощикъ, который везъ его отъ Аларчина моста на Липейную, получаетъ въ подарокъ воронку вмѣсто пеперева; когда пріятель *Якова Ивановича*, Си-

доръ Ермолаевичъ Прищипковъ, находилъ въ комодѣ своемъ, рядомъ съ манишками и модными галспухами—воронку; когда толстая кухарка *Долна*, видя кулёкъ съ дичью, въ досадѣ бросаетъ его, усмоляя, что изъ него порчатъ вороньи головки?—Словомъ, сколько пріятнаго, сколько веселаго! Но никогда такъ ловко не подпрунивалъ *Яковъ Ивановичъ* съ своими воронами, какъ подпрунилъ онъ въ нынѣшнемъ году объ Рождествѣ. Ъздилъ *Яковъ Ивановичъ* въ санкахъ къ себѣ на Рѣзвый оспровъ, ѣздилъ онъ съ ружьемъ и съ собакою.—Ружье не дало ни одной вспышки, ни одного промаха, собака быспро испугивала сидѣвшихъ воронъ и поднимала падавшихъ; доброе ружье,—не мудрено, вишь *Курбатовское*, добрая собака,—не мудрено, вишь ея всѣмъ хитроспямъ изучилъ самъ *Яковъ Ивановичъ*. Воронъ наспрѣлено всего десять: щастливое число. Пять воронъ кладутся въ одинъ кулёкъ и крѣпко накрѣпко зашиваются, пять воронъ кладутся въ другой кулёкъ и крѣпко накрѣпко зашиваются.

Примчался *Яковъ Ивановичъ* въ Малую Миллионную, остано­вился у пропуара противъ дверей одного небольшого магазина. Тёмно, очень тёмно, часъ осьмой вечера, и какого же? Декабрьскаго. Стоить на пропуаръ честный человекъ въ фризовой, изодранной шинели, съ красносизымъ носомъ, съ оспапками мѣла исправительной полиціи на спинѣ; э­попъ честный человекъ проситъ милоспныи.— «Сослужи мнѣ службу, говоришь ему *Яковъ Ивановичъ*, дамъ, непременно дамъ, и ужь не милоспнью, а на водку серебряный пяпачокъ.»— Изволь, баринъ, изволь, что прикажешь?— «А вотъ, поднимись на эту лѣспницу, позвони въ колокольчикъ; тебѣ опворятъ; ты опдашь э­попъ кулѣчикъ, и скажешь: опъ *Амалии Ивановны*,—да и былъ таковъ.»—Честный человекъ топчасъ заработалъ обѣщанный пяпачокъ. Скачетъ *Яковъ Ивановичъ* далѣе, на Васильевскій оспровъ, подѣзжаетъ къ большому дому, въ окнахъ котораго яркій свѣтъ и около котораго многожество акипажей. Кучера и фореиспоры въ разныхъ ашпюдахъ ведутъ дружескую бесѣду. «*Ванька Холминскихъ*, что ты не играешь съ нами въ при листика, аль не хочешь чаю?» говорятъ мальчишки молоденькому фореиспору, который сидитъ пригорюнясь на шумбѣ и съ печали подергиваетъ свою подручную за длинныя поводья.— У меня нѣтъ ни гроша;—молвилъ паренѣкъ. «Хочешь ли, у тебя будетъ сей часъ гривеникъ?» сказалъ *Яковъ Ивановичъ*.—Хочу, бойко опвѣпилъ мальчикъ; да откуда, баринъ? Вѣдь я только честно деньги достаю.— «И э­по будетъ честно: вотъ возьми э­попъ кулѣкъ, подойди къ э­пой двери, что у э­паго красиваго подѣзда; постучи, тебѣ опопрушь; ты опдай кулѣчикъ и скажи: опъ *Марьи Ивановны* прислано на новоселье, и топчасъ бѣги сюда.»—Мальчикъ исполнилъ всё по сказанному, какъ по писанному, и получилъ гривеникъ въ вѣчное и потомспвенное владѣніе.—

На другой день довольно рано поуспру *Марья Ивановна* прѣхала на Васильевскій оспровъ къ *Амалии Ивановнѣ*: для объясненія по случаю получения въ подарокъ кулька съ воронами. Предспавьте же себѣ ея удивле-

ніе, когда *Амалия Ивановна* приноситъ ей почъ въ почъ таковой же кулѣкъ съ воронами, говоря: «Спасибо, сестра, за подарокъ на новоселье.»—Онѣ расхохотались. Мѣсто смѣха заступилъ гнѣвъ: э­по чья нибудь шутка, э­по не спроста, какъ и рѣшено въ общемъ совѣпъ съ мужьями, изъ которыхъ одинъ, *Марья Ивановнѣ*, имѣетъ галанперейный магазинъ съ пабачною вывѣскою; а другой, *Амалии Ивановнѣ*, управляетъ конторою того богача на Васильевскомъ оспрову, у дома котораго обѣ Рождеспвѣ было такъ много карепъ. Но кто бы э­по сдѣлалъ?—Перебирали всѣхъ, добрались до *Акиноя Степановича Хлыстушкина*, и весь кварталъ запѣлъ: э­по онъ, опспсимъ ему. Дѣло о воронахъ покрылось завѣсою мрачной шайности и приняло видъ полуофициальный. На *Акиноя Степановича* очень дуются.

На дняхъ у *Якова Ивановича* праздновали друзья и прѣпели креспины пяпнадапаго ребѣнка. Ужинъ кипѣлъ разгульной, пробки хлопали одна за другой; *Яковъ Ивановичъ* самъ подчивалъ гостей. *Ивану Парфентьевичу*, мужу *Марьи Ивановны*, что-то плохо пилось.— *Таро*, говорилъ хозяинъ, поднося горлышко своей бутылки къ рюмкѣ *Ивана Парфентьевича*. Онъ такъ часпо повторялъ э­по слово, что наконецъ нужно было получить объясненіе, состоявшее въ томъ, что э­по перминъ, приняпый егерями, выражающій мысль: не зпвай: ворона летитъ!— «Ахпн!» сказалъ *Петръ Григорьевичъ*, мужъ *Амалии Ивановны*: «да э­по *Таро* можно бы говоришь нашимъ съ тобою женамъ, *Иванъ Парфентьевичъ*: онѣ вѣдь до воронъ-то охопницы.» *Амалия Ивановна* и *Марья Ивановна* очень сконфузились; *Якову Ивановичу* спало жалко ихъ, и онъ сказалъ съ умиленіемъ: «Мапушки-барыни! проспте меня великодушно: витъ обѣ Рождеспвѣ-то я подшупилъ съ воронами.» Всѣ сердца пакъ были полны, что нельзя было гнѣваться.

Иванъ Угрюмцевъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

(Окончаніе.)

«Я спросилъ, какъ зовутъ его невѣсту, и узналъ, что она дочь вдовы, которая нѣкогда также была красавица, и съ которою я въ молодости моей имѣлъ любовную интригу.

«Это было для меня ужь слишкомъ много. Обуреваемый и радостными и горестными чувствованіями, я разспался съ молодымъ провизоромъ, твердо рѣшась составить счастье любовниковъ. Я отправился къ вдовѣ. Миловидная, цвѣтущая дѣвушка отворила мнѣ дверь; я увидѣлъ въ ней подобіе матери. Сія послѣдняя, теперь изсохшая, дряхлая старушка, съ непріятнымъ выраженіемъ глазъ и устъ, приняла меня довольно холодно. Я старался освѣжить ея память, и она дѣйствительно вспомнила обо мнѣ съ отвращительною улыбкою. Она была дважды замужемъ, но въ послѣднемъ супружествѣ весьма несчастлива. Повѣсть о судьбахъ ея занимала насъ нѣсколько часовъ, но не составляла упѣшительной каршины ея супружеской и материнской жизни. Наконецъ я обратилъ разговоръ на ея будущаго зятя. Она отвѣчала мнѣ коротко и брюзгливо; дочь заплакала. Бѣдность, скорбь и безнадежность вездѣ проглядывали. Я спалъ упѣшая, и какъ крестный отецъ молодаго человѣка, общалъ сдѣлать все, что въ моихъ силахъ. Лица прояснились, и я откланялся дамамъ съ увѣщаніемъ, чтобы онѣ не отчаявались въ помощи добрыхъ людей. Теперь я поспѣшилъ обратно въ аптеку, спросилъ молодаго человѣка, надѣется ли онъ въ печеніе десяти лѣтъ уплатить покупную сумму, если получить еѣ заимообразно безъ процентовъ?—Онъ увѣрялъ, что надѣется это сдѣлать еще въ скорѣйшее время, потому что аптека торгуетъ весьма успѣшно. — Сія запросы и условія должны были служить только поощрительными средствами; я вынулъ свою карманную книжку, и подаль ему нужную сумму ассигнаціями, не думая взять съ него письменное обязательство.—Неподвижнымъ взоромъ смотрѣлъ онъ на раскрытую

карманную книжку, которая содержала въ себѣ еще порядочную кучку ассигнацій; потомъ онъ вырвался, такъ сказать, изъ оцѣпенѣнія, обнялъ меня, назвалъ меня своимъ благодѣтелемъ, и схватилъ шляпу, чтобы съ горстною ассигнаціей побѣжать къ невѣстѣ. И я долженъ былъ идти съ нимъ. Тамъ открылась предо мною сцена, обильная громкими восклицаніями и благодареніями, но скудная истиннымъ, неприхворнымъ чувствомъ.

«Единогласно рѣшили немедленно составить купчую, а потомъ отпраздновать свадьбу, на которую и меня пригласили. Съ меня почти насильно взяли обѣщаніе на это время переѣхать къ вдовѣ, которая съ тѣхъ поръ неупомимо старалась припоминать мнѣ давнишнія любовныя похождения и мои тайныя съ нею свиданія, отъ коихъ она, будучи дѣвицею, почти никогда не отказывалась.

«Провизоръ украсилъ мою комнату у вдовы портретомъ своего отца. Изображеніе моего покойнаго друга висѣло на стѣнѣ на супружествѣ моей кровати.

«Между тѣмъ покупка аптеки пянулась да пянулась, а причины на то казались мнѣ весьма неудовлетворительными. Мое пребываніе въ городкѣ уже становилось мнѣ въ тягость, ибо ясно видно было, что семейство, которое я взялъ подъ свое покровительство, не питало ко мнѣ искренняго расположенія.

«Однажды, возвращаясь домой, я заспалъ у порога домовою двери мальчика, который, казалось, кого-то ждалъ, сунулъ мнѣ въ руку записку и потомъ поспѣшно удался. Вошедъ въ свою комнату, я распечаталъ письмо и прочиталъ слѣдующее: «Будьте осторожны. Самая гнусная неблагодарность угрожаетъ вашей жизни. Тотъ, кто сіе пишетъ, не удовольствовался бы эпитомъ предостерегательнымъ письмомъ, а дѣйствовалъ бы явно, если-бъ онъ могъ съ основательными догадками предстать предъ судьей.»

Подписи не было.

Вы можете себѣ представить мой ужасъ. Сердце мое стѣснилось; я впалъ въ какое-то

смертное изнеможеніе. Но наконецъ я оправдился. Эпо клевета, подумалъ я самъ въ себѣ: не можетъ быть, чтобы эпо было правда! Но сомнѣнія мои опять находили новую пищу, когда я приводилъ себѣ на память двусмысленное, скрипное и принужденное поведеніе молодого человѣка. Бореніе сіе едва не повергло меня въ безуміе. Мой взоръ на обвиненныхъ спановился зорче, и собиралъ все болѣе и болѣе подозрѣнія. Я наконецъ усмотрѣлъ въ ихъ поспушкахъ рѣшишельное припворство, и чтобы скорѣе положишь эпому дѣлу конецъ, то объявилъ семейству, что не могу далѣе оспаться, а долженъ отправиться въ обратный путь, причемъ опредѣлилъ день и часъ отъѣзда.—Сія неожиданная вѣсть привела мать и будущаго зятя ея въ примѣнное замѣшательство. Они уговаривали меня, чтобы я еще поспилъ у нихъ, но всѣ старанія ихъ были тщетны; я оспался непоколебимымъ въ своемъ намѣреніи. Немедленно по полученіи предоспергапельной записки, я чрезъ нарочнаго велѣлъ привезти себѣ пайно изъ Бреславля извѣстныхъ средствъ, коими я могъ подвергаться испытанію всякій предлагаемый мнѣ напитокъ; при чемъ опнюдь ничего не ѣлъ въ присутствіи вдовы или обрученныхъ. Сверхъ того я дома не обѣдалъ, не ужиналъ.

«Наканунъ моего отъѣзда я возвратился домой довольно поздно. Все семейство еще сидѣло въ гостиной; чаша съ пуншемъ стояла въ готовности для празднованія прощальнаго вечера. Мнѣ поднесли спаканъ; я отговаривался подъ предлогомъ головной боли, однако-жь наконецъ принялъ спаканъ, говоря, что выпью его въ своей комнатѣ, прежде чѣмъ лягу спать.

«Эта хитрость удалась. Вошедъ въ свою комнату и замкнувъ за собою дверь, я немедленно сдѣлалъ пробу съ пуншемъ, и осадка на днѣ спакана свидѣтельствовала о скоромъ ядѣ, умерщвляющемъ безъ малѣйшихъ слѣдовъ. Меня какъ громомъ поразило. Я невольно обернулся къ портрету друга моей юности, котораго, казалось, смотрѣлъ на меня горестно, мрачнымъ взоромъ. Я снялъ изображеніе со стѣны, поставилъ на сполъ

предъ горящею свѣчею и спаканомъ, и такимъ образомъ долго стоялъ въ глубокой задумчивости. — Вся минувшая жизнь моя казалась мнѣ смутнымъ сновидѣніемъ. Я хотѣлъ еще разъ насладиться созерцаніемъ райскаго міра моей юности, и намѣсто того забрелъ въ адъ.

«Легкій шорохъ за дверью вывелъ меня изъ задумчивости. Мой планъ уже былъ готовъ, ибо я предчувствовалъ намѣреніе несчастнаго ядомѣшателя. Тихонько положилъ я бумажникъ, заключавшій въ себѣ еще значительную сумму, передъ порплетомъ, между свѣчею и спаканомъ, изъ копораго я разлилъ пуншь до половины, поспѣшно раздѣлся, легъ въ постелю, громко заспоналъ и заохалъ, а потомъ спокойно спалъ ожидая, что будетъ. Легкій шорохъ за дверью еще нѣсколько разъ возобновлялся. Наконецъ отворилась дверь съ помощію поддѣльнаго ключа, и — вошелъ гнусный убійца.

«Увидя ярко освѣщенный порплетъ своего опца, онъ, казалось, ужаснулся. По крайней мѣрѣ я видѣлъ, какъ онъ зашатался и опшатнулся къ двери. Но вскорѣ онъ опять оправился и подошелъ къ моей постелѣ; я старался сколько могъ удерживать дыханіе, копорое онъ, казалось, наблюдалъ внимательно. Нѣсколько разъ онъ покушался опшывать меня, но какой-то непреодолимый страхъ, казалось, его удерживалъ. Наконецъ онъ дрожащею спопою подошелъ къ сполу. Послѣ долгой борьбы съ самимъ собою, несчастный пропинулъ руку къ бумажнику. Тутъ я внезапно вскочилъ съ постели, и съ громовымъ восклицаніемъ: «извергъ! пвой гнусный умыселъ разрушенъ!» схватилъ его за плечо. Съ смертною блѣдностью въ лицѣ и съ судорожно-дрожащими устами онъ устремилъ на меня безжизненный взоръ и замертво грянулся на полъ.

«Собравъ всѣ свои силы, я приподнялъ лишеннаго памяти, и положилъ его на кровать. Онъ пришелъ въ себя, окинулъ комнату дикимъ взоромъ и, увидя меня, съ громкимъ крикомъ закрылъ себѣ лицо обѣими руками.

«Глубокое чувство состраданія къ чело-вѣческой слабости меня смягчило; эпо дока-

зывало выраженіе моего голоса, когда я сказалъ ему: «несчастнѣй, что заставило тебя покуситься на такое ужасное преступленіе?»

«При сихъ словахъ онъ въ опчаяніи вскочилъ и кинулся мнѣ въ ноги. Долго онъ безмолвствовалъ; наконецъ, перзанія совѣсти принудили его къ открытію спрашной тайны.

«Во время своего пребыванія въ Бреславль, онъ впалъ въ долги чрезъ игру и распущенство. Какой-то прощелецъ, который выдавалъ себя за большаго химика, и преимущественно занимался составленіемъ пончайшихъ ядовъ, случайно съ нимъ познакомился, уговорилъ его работать съ нимъ за-одно; но когда неопытный молодой человекъ попребывалъ опредѣленной доли барыша, то коварный Импаліанецъ прогналъ его съ громкими смѣхомъ.—Сіе побудило тогда уже молодого человека употребить противъ обманщика его собственныя средства. Мщеніе не удалось, но оба по достаточнымъ причинамъ должны были молчать о случившемся. Молодой аптекарь оставилъ Бреславль. На другой день послѣ моего съ нимъ знакомства, ему объявлено было рѣшеніе Бреславскаго Суда, въ слѣдствіе коего ему должно было или въ назначенный срокъ удовлетворить займодавцевъ, или подвергнуться тюремному заключенію. Немедленно отправилъ онъ въ Бреславль полученную отъ меня сумму, чрезъ что однакожь рушились всѣ виды его на будущее благосостояніе и на брачный союзъ съ дѣвицею, спрашно имъ любимую. Остальные деньги, которыя онъ видѣлъ въ моемъ бумажникѣ, возродили въ немъ преступный умыселъ. Онъ открылся своей будущей тѣщѣ. Сія послѣдняя, узнавъ о моемъ богатствѣ, почувствовала какую-то зависть и желаніе опмститъ мнѣ за то, что я въ молодости на ней не женился. Хотя и она въ то время сама подала поводъ къ разрыву нашей связи, но при всемъ томъ мысль, что я имѣю большое состояніе, не дала ей покою ни днемъ, ни ночью. Однимъ словомъ, они оба составили планъ оправить меня и завладѣть моими деньгами, при чемъ, разумѣется, ласкали себя надеждою, что преступленіе ихъ

не откроется. Дочь ничего объ этомъ не знала.

«Что не могъ я рѣшиться предать преступниковъ въ руки карающаго правосудія, вы, которыя меня знаете, вѣрно не найдете спраннымъ. Я удовольствовался ихъ раскаяніемъ и порожественнымъ обѣщаніемъ исправиться, и немедленно поѣхалъ во-свояси. Въ Бреславль я собралъ дальнѣйшія свѣдѣнія о прежнихъ отношеніяхъ и связяхъ несчастнаго, и—называйте это слабостью или глупостью, или какъ хотите,—купилъ для него тамъ аптеку, уведомилъ его объ этомъ письменно. Въ Бреславль же узналъ я случайно имя неизвѣстнаго предостерегагателя.— Онъ былъ сынъ человека, который пилалъ сильную неприязнь къ моимъ родителямъ, и въ послѣдствіи былъ причиною тому, что я нашелся принужденнымъ искать щастія въ чужбинѣ.»

Когда профессоръ К.... окончилъ свою повѣсть, то друзья-собесѣдники нѣсколько минутъ пребыли въ уныломъ безмолвіи. Наконецъ Филиппъ прервалъ молчаніе: слѣдственно свое путешествіе было ничто иное, какъ неудачный поэпическій опытъ, изъ котораго вышла весьма несчастная прозаическая дѣйствительность.—

«Изъ которой я научился по крайней мѣрѣ тому,» продолжалъ профессоръ: «что въ зиму нашихъ дней надобно искать живительной весны только въ себѣ, а ужъ не внѣ себя.»

Въ эту минуточку порывъ осенняго вѣтра вбросилъ въ бесѣдку густой рой поблекшихъ листьевъ. Друзья засмѣялись, и профессоръ, который отъ сердечнаго изліанія почувствовалъ себя примѣрно облегченнымъ, повелъ гостей въ свой кабинетъ, гдѣ веселая дружеская бесѣда совершенно разсыла его грусть.

Съ Нѣмец. В. Тило.

СОПЕРНИЦЫ.

Когда подумаешь, сколькихъ бѣдъ, несчастій и преступленій могутъ быть виною тщеславіе и кокетство женщины, то неволь-

ный ужас обнимаетъ душу, какъ часто прелесть первыхъ восторговъ любви таитъ въ себѣ начало самыхъ гибельныхъ страстей; какъ часно любовь, ревность и мщеніе родятся отъ одной улыбки, отъ одного слова или взгляда. Рачительнымъ примѣромъ эпаго служилъ по печальное происшествіе, котораго только одинъ конецъ мы здѣсь опишемъ. Но чтобы его трагическая развязка была понятна, надобно знать, что одна легкомысленная молодая женщина, ревнуя къ дружбѣ, которую любовникъ ея оказывалъ другой женщинѣ, называвшейся г-жею *Дервилли*, и желая возвратитъ поперянную властъ надъ сердцемъ, готовымъ измѣнитъ ей, вздумала для достиженія своей цѣли подстрекнуть это сердце досадою и ревностью. Искусно поддѣлавшись подъ почеркъ одного молодаго человека, извѣстнаго въ большомъ свѣтѣ, она написала нѣсколько писемъ, наполненныхъ нѣжностями и любовными изъясненіями, и выспавивъ въ концѣ ихъ имя *Сенъ-Леона*, доставила всѣ эпи письма своему любовнику *Нервалю*.

Но *Нерваль*, при всемъ желаніи отдѣлаться отъ женщины, которой приходи съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе разстроивали ихъ взаимное щастіе, почелъ обидными для себя дерзкія объясненія, писанныя молодымъ повѣсою къ женщинѣ, которую общій голосъ свѣта назначалъ въ супруги ему *Нервалю*, и нашелъ случай такъ оскорбитъ *Сенъ-Леона*, что поэтъ, хотя и опрелекаясь отъ переписки, въ которой его обвиняли, принялъ однако же вызовъ, сдѣланный ему *Нервалемъ*.

Поединокъ ихъ былъ самый упорный. Искусство обоихъ соперниковъ долго препяпствовало рѣшительному перевѣсу того или другаго; но наконецъ *Нерваль*, не смотря на лучшее умѣнье владѣть оружіемъ, увлекался горячностію, однимъ запальчивымъ движеніемъ обнажилъ себя ударамъ своего противника; шпага *Сенъ-Леона* вонзилась въ грудь его у самаго сердца, и *Нерваль*, опасно раненый, упалъ на руки своего секунданта.

«Милоспивый государь,» сказалъ *Сенъ-Леонъ*: «я очень жалю объ эпомъ происшествіи, но повторяю вамъ снова, что письма писаны не мною.»

— Довольно, милоспивый государь, оставьте меня.—

Нерваль перенесли въ домъ г-жи *Вальвилль*, его родственницы, призвали врачей, и они объявили, что еще есть надежда спасти его. Поврежденіе сердца было незначительно, но опасаясь внупреннаго воспаления, они предписали ему быть какъ можно оспорожнѣе. *Нерваль* изъявилъ желаніе оспаться одному; когда всѣ вышли, онъ написалъ нѣсколько строкъ и потчасъ опослалъ ихъ къ г-жѣ *Дервилли*. Онъ умолялъ еѣ пріѣхать къ нему. Г-жа *Вальвилль* была искреннимъ другомъ и повѣренною всѣхъ тайнъ *Адели*, и отъ того это посѣщеніе никому не могло показаться неприличнымъ. Онъ просилъ еѣ оцаспавитъ его передъ смертію однимъ поцѣлуемъ: это былъ ангель, которому онъ хотѣлъ передать свою душу.

Черезъ нѣсколько времени имъ овладѣла горячка и онъ впалъ въ безпамятство. Когда онъ пришелъ въ себя, по у изголовья его стояла женщина, и наклонившись надъ нимъ, горько плакала. Онъ счелъ еѣ за г-жу *Дервилли* и протянулъ руки, чтобы обнять еѣ, но снова опуспилъ ихъ, узнавъ г-жу *Дельмаръ*.

«*Маріа!*»

— Это я, мой милый! — сказала г-жа *Дельмаръ* голосомъ, невнятнымъ отъ рыданій: я склоняю колѣна у пвоего изголовья и молю Бога взять жизнь мою вмѣсто пвоей. Я виною пвоей раны; не *Сенъ-Леонъ*, а я сама писала эпи роковыя письма. Я надѣялась пріобрѣсти по прежнему любовь пвою, возбудивъ въ тебѣ ревность; жалкая гордость женщины не позволила мнѣ броситься къ ногамъ пвоимъ и сказапъ: я мучила тебѣ своимъ кокетствомъ, но я навсегда отъ него отказываюсь; я подавлю эпу страсть правитъся, которая обладаетъ мною, возвращаи мнѣ только любовь пвою. О Боже! своими приходями я поселила въ тебѣ холодность и потомъ подвергла жизнь пвою такой опасности!—

«Такъ ты причиною моей смерти, *Маріа!*»

— Нѣтъ, — продолжала г-жа *Дельмаръ* въ опчаяніи: Богъ пронелся моими молитвами

и оставитъ тебѣ жизнь, чтобы любить меня, и взаимно быть любимымъ. — Гдѣ твоя рана! дай мнѣ прикоснуться къ ней устами. Я не покину тебя, я спану бодрствовать надъ побою день и ночь, не отойду отъ тебя ни на шагъ, буду поддерживать твою голову во время твоего сна, буду оживлять поцѣлуями твои засохшія уста и ласками облегчать твои спаданія. Я жертвую тебѣ своимъ добрымъ именемъ. Что мнѣ до него, если только ты по прежнему будешь любить меня! —

Нерваль, въ которомъ присутствіе г-жи *Дельмаръ* еще болѣе усилило болѣзненное состояніе духа, устремилъ на нее свои блуждающіе взоры и сказалъ въ полу-забытій:

«Я любилъ тебя, *Марія*, когда послѣ крапкой разлуки, ты, какъ рѣзвое дымя, бѣжала мнѣ на встрѣчу, или когда въ притворномъ гнѣвѣ, оборотясь ко мнѣ спиною, ты ждала, чтобы я обнялъ спящій твой, и потомъ бросалась мнѣ на шею. — Я любилъ тебя, когда мы вмѣстѣ ѣздили въ театръ и когда наединѣ со мною въ темной ложѣ ты скрывала на груди моей свои слѣзы и свое волненіе. — Я любилъ тебя, когда легкая коляска мчала насъ вдаль отъ свѣтскаго шума въ твое уединенное помѣстье. — Теперь я больше не люблю тебя.»

Слова эпис какъ громомъ поразили г-жу *Дельмаръ*, которая изъявила ему сей часъ столько любви, и которая надѣялась своею нѣжностію вырвать его изъ когтей смерти. Между тѣмъ *Нерваль*, оставаясь въ прежнемъ лихорадочномъ состояніи, продолжалъ:

«Я не люблю тебя болѣе; ты измучила любовь мою, и любовь моя улетѣла навсегда. Нѣжный и гордый мушкетеръ, который обладаетъ вами, о женщины! хотѣлъ бы скрыть васъ отъ свѣта, какъ сундукъ, который прячетъ свои сокровища; но вамъ лучше нравился быть алмазомъ, блистающимъ для взоровъ каждаго, нежели перломъ, скрытымъ на днѣ океана. Мы ревнуемъ къ вашимъ нѣжнымъ ручкамъ, вашимъ бѣлымъ плечамъ, а вы допускаете уста соперника касаться къ нимъ, и не почитаете этого для насъ обиднымъ. Молылькъ покидаетъ цвѣтокъ, *Марія*, какъ скоро другой его коснется.»

Г-жа *Дельмаръ* залилась слезами.

«Напрасно будешь ты плакать, *Марія*; любовь не растеніе, оживляемое благодѣтельной росой; побереги свои слѣзы, чтобы оросить ими цвѣты на моей могилѣ.»

Рыданія прерывались г-жѣ *Дельмаръ* отвѣчать на слова *Нерваля*.

Дунувшій вѣтеръ принесъ на постель его двѣ фіалковыя вѣтки, сорванныя съ растенія, споявшаго на ближнемъ окнѣ; одно лишь тонкое волокно ихъ связывало. «Посмотри на эти вѣтки,» сказалъ *Нерваль*: «вопъ вѣрное изображеніе сердецъ нашихъ; ничто уже не можетъ соединить ихъ.»

— Г-жа *Дервильи* лишила меня любви твоей, — сказала наконецъ г-жа *Дельмаръ*.

«Какое имя произнесла ты, *Марія*?» возразилъ *Нерваль*, склонясь на край своей постели; это имя ангела. Г-жа *Дервильи*! какъ она прекрасна и скромна, нѣжна и добродѣтельна! О, я люблю её... да... я люблю её такъ любовью, какой никогда еще не зналъ... Любостью, какою любящъ на небѣ.»

Потомъ онъ ласково прибавилъ:

«Скажи мнѣ, *Марія*, думаешь ли ты, что г-жа *Дервильи* меня любитъ? Не подстерегла ли ты нѣжнаго выраженія голубыхъ глазъ ея, когда они устремляются на меня? О! скажи мнѣ, что она любитъ меня, если хочешь меня упѣшить!»

Вдругъ онъ тихонько оттолкнулъ г-жу *Дельмаръ* и продолжалъ въ полголоса свои сердечныя изліянія, которыя раздирали душу бѣдной женщины.

«Тсъ!... слышишь ли?... Кто-то идетъ... Это она! Шумъ шаговъ любимой женщины, можно отличить изъ тысячи.... Въ этомъ шумѣ есть что-то невыразимо пріятное; одни только звуки ея голоса могутъ быть его сладостнѣе.... Послушай... не слышенъ ли шорохъ платья на лѣстницѣ?... *Адель*! ты ли это?...»

Дверь отворилась, и г-жа *Дервильи*, едва дыша, вошла въ комнату. Она долго не отваживалась прийти, но увѣренность въ

скромности г-жи *Вальвилъ*, заставила её рѣшиться. Не встрѣпивъ своей пріятельницы въ гостиницѣ, она съ препепомъ прошла въ комнату больного, полагая, что г-жа *Вальвилъ* сидитъ у постели *Нервалла*. Зналъ, что приходъ ея навсегда привлечетъ къ ней *Генриха*, если онъ избѣгнетъ смерти, она хотѣла только напечатлѣть поцѣлуй на лбу его и поспѣшь попомъ уйти; но *Нервалъ* узналъ её, и не смотря на свое изнеможение, собралъ еще довольно силъ, чтобы схватить её въ своихъ объятіяхъ. Уста ихъ слились въ пламенномъ, продолжительномъ поцѣлуѣ...

Когда же г-жа *Дервилли* приподняла голову и успремилла взоры на своего любовника, его уже не было на свѣтѣ! — Жизнь его улѣтѣла въ эпомъ первомъ и единственномъ лобзаніи.

— Онъ умеръ! — съ ужасомъ прошептала г-жа *Дервилли*.

«Умеръ!» повторилъ чей-то отчаянный голосъ. Г-жа *Дервилли* вздрогнула, узнавъ г-жу *Дельмаръ*, и объ онъ однимъ взоромъ выразили всю силу и упорство взаимной ненависти.

Въ послѣдствіи онъ снова свидѣлись въ свѣтѣ, и были по прежнему внимательны и привѣтливы одна къ другой. Имъ извѣстно, что мщеніе женщины совершается не скоро и не явно, но что оно приходитъ и обнаруживается со временемъ. Объ съ перпнѣмъ ждуть случая.

ТОСТЬ ЧЕСТНАГО ЧЕЛОВѢКА.

На пиру, который славный *Блюхеръ* далъ знаменитому *Веллингтону*, благородный Прусакъ предложилъ слѣдующій постъ: да не лишатъ насъ перья дипломатовъ выгоды, пріобрѣтенныхъ оружіемъ воиновъ.—

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МНИМОЕ НЕПОСТОЯНСТВО.

Меня кой-кто непостоянствомъ
Несправедливо обвинилъ.

Въ дѣлахъ души не знаю чванства:
Я право искренно любилъ.

Въ любви мнѣ чужды всѣ ращѣмы:
Чего же опъ меня хощатъ?

Чтобъ былъ я *Вертеръ* безъ *Шарлотты*,
Безъ *Элоизы*—*Абеларда*?

Во всемъ припворство ненавижу;
Во мнѣ печѣшь не рыба кровь:

Я чувствво весь, гдѣ чувствво вижу;
Когда любимъ — былъ весь любовью;

Когда-жъ въ любви начнушь счисленья,
Я самъ ращипываешь хочю,

Въ нашъ вѣкъ *взаимнаго ученья*,
За шупки шупками плачу.

Нарва.

1834 года.

N. N.

ENIGME.

Présent cher à ton cœur, je charme tes loisirs;

Fils de l'illusion, je nourris tes désirs;

Je te fais mépriser le péril et l'envie :

Souvent en me perdant, tu perds aussi la vie.

Въ No 51-мъ, помѣщенный омонимъ значить: *Червь*.

При семъ номерѣ прилагаются: *Оглавленіе ослнадцатой части, или второй 1835 года, и Заглавный листъ къ третьей части сего же года Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду.*

КОНЕЦЪ ОСМНАДЦАТОЙ ЧАСТИ или ВТОРОЙ 1835 ГОДА.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ОСМНАДЦАТОЙ ЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИБАВЛЕНІЙ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ,

ИЛИ ВТОРОЙ

НА

1855 годъ.

I.

П Е Р Е С М Ъ Ш Н И К Ъ .

Ключки изъ записокъ сумасшедшаго	спрн. 209.
За что проклялъ меня дѣдушка; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	233.
Горчица послѣ ужина	273.
Прозвища	274.
Какъ узнать людей?	275.
Сорпировка женщины	—
Опрывокъ изъ комедіи: <i>Модныя глупости</i> ; пер. <i>Кругликова</i>	305.
Мщеніе Англичанина; пер. <i>Кругликова</i>	329.
Новая Англійская Королева Елисавета	351.
Маршинъ, содержатель звѣрица, мученикъ Парижскихъ журналистовъ	—
Объясненіе причины, по которой спашьи Н. въ одномъ хороши, а въ другомъ дурны до чрезвычайности	377.
Опытъ естественной исторіи червяка	378.
Винопродавецъ и будочникъ	—
Простота	—
Да когдажъ онъ обдумываетъ?	379.
Красоты барона <i>Брамбеуса</i> ; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	393.
Вороны; соч. <i>Ив. Угрюмова</i>	409.

II.

С Л О В Е С Н О С Т Ъ .

Вечеринка; пер. <i>В. Абдеритова</i>	213.
Еще нѣсколько словъ о новѣйшихъ модахъ	214.
Перья марабу	—
Любовь и гордость; пер. <i>В. М.</i>	217.
Разказы о мертвецахъ	225.
Галеева комета	228.
Мысли, выбранныя изъ разныхъ авторовъ	228 и 342.
Байкаль	255.

Нещасный поединокъ; соч. <i>К—на Д—м—га.</i>	спрн. 236.
Разбитая кружка	241 и 249.
Разказъ Уланскаго офицера; соч. <i>В. Владиславлева.</i>	244.
Щастливая находка	247.
Четыре Генриха	253.
Предопредѣленіе; соч. <i>П. Мартоса</i>	257, 266 и 275.
Мои коммеражы; соч. <i>А—в—м—л.</i>	262.
Чесплюбіе—славолюбіе	269.
О числѣ огнеспрѣльнаго оружія, сдѣланнаго со времени изобрѣненія пороха	—
Сползь Вавилонскій	279.
Пагипа	281.
Моды и балы	289.
Онъ такъ добръ!	292.
Медальонъ и письмо; соч. <i>К. Долматовича</i>	297.
Судъ Божій	302.
Пышность Англійскихъ Оспъ-Индскихъ намѣстниковъ	304.
Свиданіе	307.
Юность и предисловіе	311.
Надпись на могилѣ самоубійцы	312.
Невѣста Аліева; пер. <i>Тило</i>	313 и 321.
Наипскій Тошинець; пер. <i>Кругликова</i>	317.
Три замка	324.
Свѣтъ естъ монетный дворъ	327.
Поклоны	—
Привидѣніе	332.
Собака музыканша	334.
Ужасное происшествіе на оспровѣ Зеленаго мыса	337.
Дубъ Тальмы	341.
Письма изъ Дерппа; соч. <i>А—в—м—л.</i>	345.
О прическѣ женщины въ древности	348.
Профессоръ; пер. <i>Б. Б. Б.</i>	355, 369, 379 и 385.
Розовое домино, или двѣ спраницы изъ жизни свѣтской женщины; пер. <i>Арк. Милославскаго</i>	361.

Проба лапъ	стрн. 367.
Индійскія праздниства въ Гурдваръ и Яггернаутъ; пер. М. М.	387.
Мумбо-Джумбо	390.
Солдапское краснорѣчiе	391.
Возвращенiе на родину; пер. В. Тило	401 и 411.
Негрипнянскiй корабль; пер. А. М.	404.
Сцена домашней жизни; пер. Арк. Милославскаго	406.
Улучшенное сельское хозяйство	407.
Соперницы	413.
Тоспъ честнаго челоуѣка	416.

III.

СТИХОТВОРЕНIЯ.

Скоропечность юности	215.
Элегiя; соч. Н. Ставелова	229.
Виспъ	258.
Гимнъ свяшой вѣрѣ; соч. В. Тихоураова	247.
Черныя и голубыя очи; соч. Ѳ. Менцова	255.
Русская пѣсня; соч. Суханова	264.
Лѣнь; соч. М. Скуридина	270.
Предчувствiе; соч. М. Демидова	280.
Къ мечпѣ; соч. И. Галанина	283.
Ручей; соч. Ѳ. Львова	293.
Романсъ; соч. Ал. Бистрома	304.
Военные куплеты; соч. М. Федорова	312.
Чай; соч. Черкасова	318.
Поэпъ; соч. А. Хомякова	327.
Спелная роза; Ѳ. Менцова	335.
Безъ вины виноватъ; соч. Е. Ш—аго	343.
Чудакъ; соч. М. Демидова	351.
Цѣпнъ	—
Три возраста жизни; соч. Ѳ. Менцова	368.
Солдапская пѣсня; соч. П. Хотялицова	375.
Опрывокъ изъ Шиллеровой пѣсни о колоколѣ; соч. Пл. Ободовскаго	382.
На смерть прекрасной малюпки; соч. Гавр. Фонъ-Бейера	391.
Пѣсня; соч. Ѳ. Салгушкина	399.
Кубокъ; соч. Ив. Галанина	407.
Мнимое непостоянство	416.

IV.

БИБЛЮГРАФIЯ.

Правда Русскаго война, соч. Лебедева	215.
О новомъ журналѣ: Московскiй наблюдатель; соч. И. Пра- вила	238.

V.

НОВАЯ КНИГА.

Исторiя музыки	271.
--------------------------	------

VI.

КРИТИКА.

На записки о походахъ 1812 и 1813 годовъ, соч. В. Б—аго	284 и 294.
Библиотека для чтенiя.—Московскiй Наблюдатель	333.
Письмо къ издапелю и отвѣтъ на оно	319.
Поправка одного ошибочнаго мнѣнiя г. Шевырева; соч. Воейкова	392.

VII.

ШАРАДЫ, ОМОНИМЫ, ЛОГОГРИФЫ, ЗАГАДКИ.

Русскiя.—Шарады: 1) Ком-пасъ; 2) На-поле-онъ; 3) Ша-ра-да; 4) Бѣ-луга; 5) О-врагъ; 6) По-лынъ-я; 7) Пар-о-ходъ; 8) Цѣ-на.—Омонимы: 9) Феодосiя; 10) Ко-дѣно; 11) Стре-ля; 12) Лу-къ; 13) Чер-нь.

Французскiя.—Шарады: 1) Uni-vers; 2) Rot-onde; 3) Car-naval; 4) Butor; 5) Mi-nuit; 6) Ami-don.—Логогрифы: 7) Corsaire; 8) Mistère; 9) Imprimerie; 10) Platine.—Загадки: 11) Les-etrennes; 12) Bouquet; 13) Espoir.

VIII.

МОДЫ.

Спапья о новыхъ дамскихъ и мужскихъ Парижскихъ, Лондонскихъ, Вѣнскихъ и Петербургскихъ модахъ были помѣщаемы на Французскомъ и Россiйскомъ языкахъ почти въ каждомъ листкѣ; выдано 9 искусно-выгравированныхъ и раскрашенныхъ карпинокъ, и сверхъ того девъ прибавочныхъ, изображающихъ модныя мебели.